H. as. 4622 σ

<36609816540013

<36609816540013

Bayer. Staatsbibliothek S

НА ВОЙНѢ

въ

АЗІИ и ЕВРОПѢ.

СЪ РИСУНКАМИ.

ХУДОЖНИКА

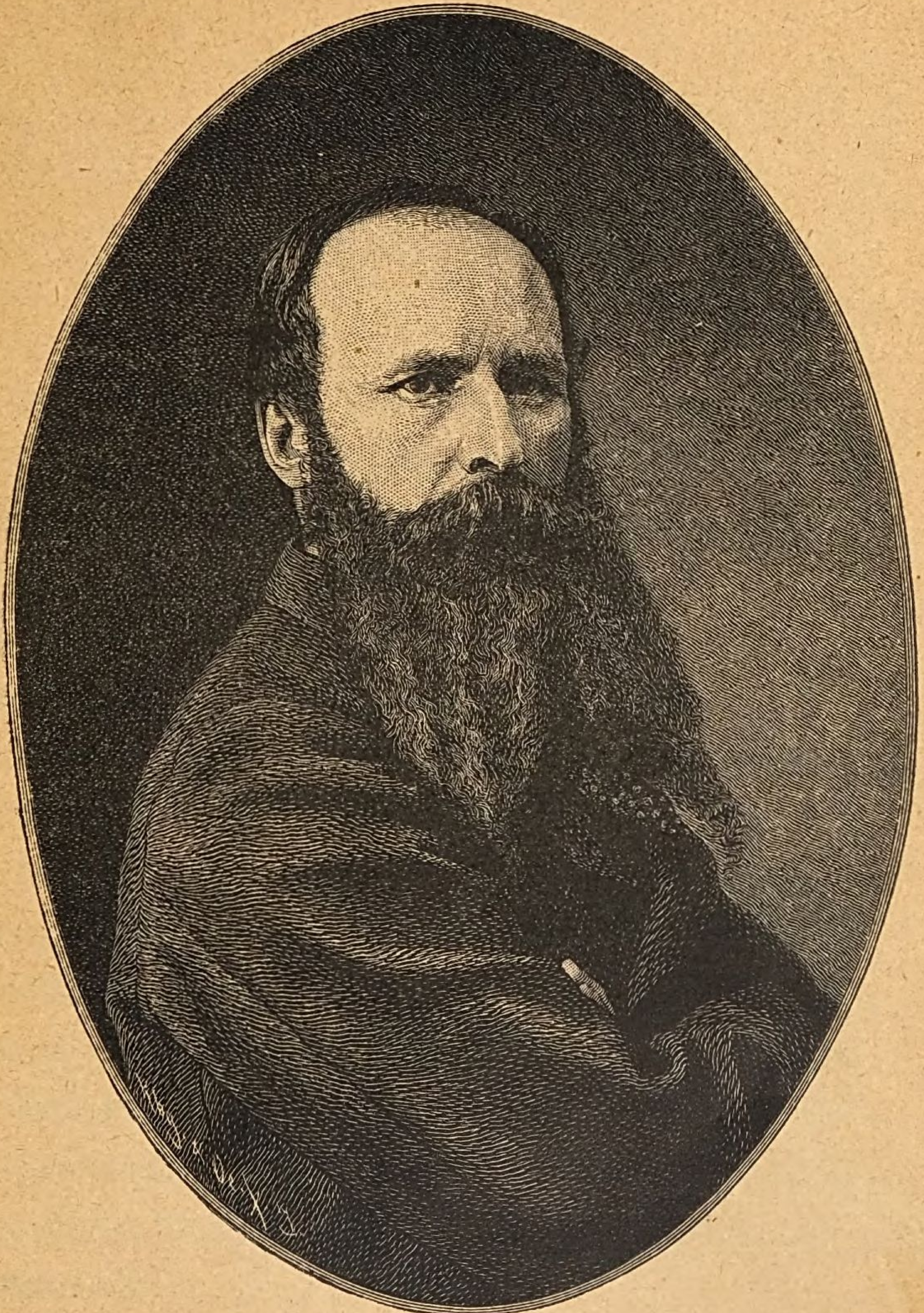
В. В. Верещагина.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°,**
Пименовская улица, собственный домъ.
1898.

Дозволено цензурою. Москва, 14 октября 1898 г.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Rg 192/50251

В. В. Верещагинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Оглядываясь на свое прошлое, спрашиваю себя иногда: ужъ полно, я ли все это пережилъ и перечувствовалъ—такъ много въ немъ всѣхъ родовъ впечатлѣній и треволненій. Весьма возможно, что посторонніе отнесутся съ недовѣріемъ къ этому бурному прошлому, особенно къ дѣятельному участію, которое я принималъ въ различныхъ кампаніяхъ.

Вспоминаю по этому поводу слѣдующее: послѣ утомительнаго дѣла подъ Самаркандомъ, разсказъ о которомъ слѣдуетъ далѣе, лихорадка принудила меня уѣхать изъ отряда и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ Самаркандскаго сидѣнія я очутился въ Парижѣ, въ кругу оставленныхъ тамъ товарищей, художниковъ.

Разумѣется, пошли вопросы о Туркестанѣ,

какъ новой странѣ,—я разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ, разсказалъ, что «даже участвовалъ въ битвѣ!»—Можетъ ли быть?—«Да, случалось водить солдатъ на штурмъ». — ?? — Я откровенно описалъ мои впечатлѣнія, ощущенія и событія: «Георгіевская Дума мнѣ первому присудила крестъ, но, какъ носящій статское платье, я просилъ генерала Кауфмана просить Государя перенести эту милость на другого»— ??! — На слѣдующій день послѣ этой бесѣды покойный профессоръ Гунъ, прекрасный товарищъ, говоритъ мнѣ: Ты помнишь инженера К., который вмѣстѣ съ нами слушалъ вчера твой разсказъ.—Помню.—Когда ты ушелъ, онъ говорилъ, что ты все вралъ...—Какъ вралъ?—Такъ, все, говоритъ, отъ перваго до послѣдняго слова, все вранье: что ты водилъ солдатъ на штурмъ, что тебѣ присудили Георгіевскій крестъ, но ты отказался отъ него— все это, говоритъ, невозможныя вещи и тебѣ это вѣрно померещилось... «Ну что-жъ, пусть его», отвѣтилъ я, немного сконфузившись— какъ, чѣмъ могъ я доказать, что ничего не солгалъ?

Черезъ мѣсяцъ прихожу въ трактирчикъ, въ которомъ собирались обыкновенно наши къ обѣду—встрѣчаютъ восклицаніями: К. виновато жметъ руку, а архитекторъ В. съ русской газетой въ рукахъ, читаетъ, что Государь Императоръ, «за блистательные мужество и храбрость» жалуетъ мнѣ Георгіевскій крестъ—я былъ отомщенъ!

Четверть вѣка спустя, я получилъ отъ Военнаго Губернатора Самаркандской области Графа Ростовцева слѣдующую телеграмму: «Войска, служащіе и населеніе, празднуя двадцатипятилѣтіе занятія Самарканда, вспоминаютъ славныя дѣла старыхъ туркестанцевъ и поднимаютъ бокалы за Ваше здоровье».

Спасибо, отъ души спасибо—за память.

В. В.

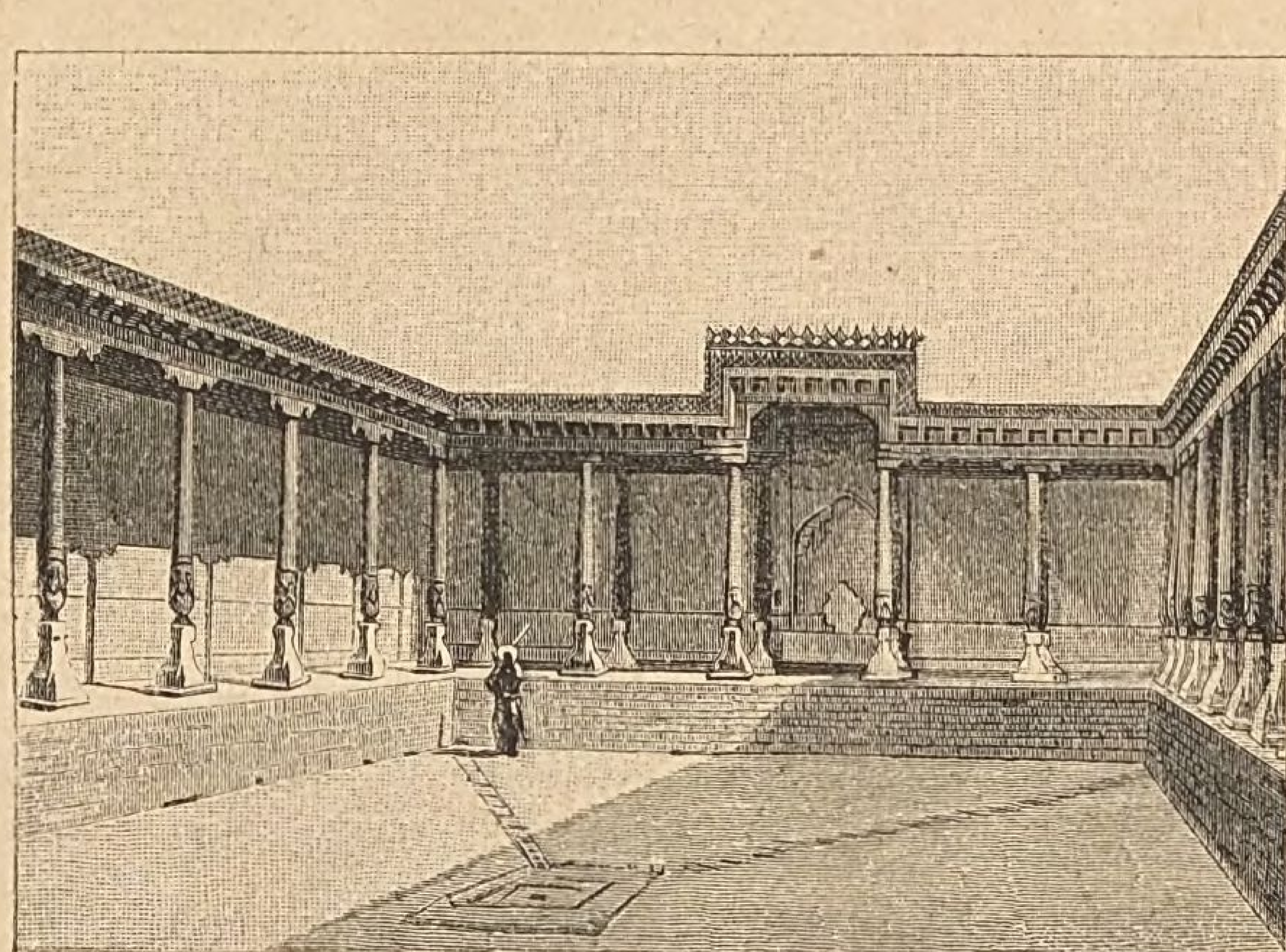
САМАРКАНДЪ.

1868.

Въ 1868 году я ѣздилъ по Туркестану, смотрѣлъ, рисовалъ, но открывшаяся компанія противъ бухарскаго эмира заставила измѣнить маршрутъ и я присоединился къ дѣйствовавшему отряду, въ надеждѣ поближе посмотрѣть на войну. Самаркандъ былъ уже занятъ, когда я догналъ войска, такъ что пока не удалось видѣть сраженія.

Всѣ мы, «завоеватели» Самарканда, слѣдомъ за главнымъ начальникомъ отряда генераломъ *Кауфманомъ*, расположились во дворцѣ эмира; генералъ—въ главномъ помѣщеніи, состоявшемъ изъ немногихъ, но очень высокихъ и просторныхъ комнатъ, а мы, штабъ его,—въ сакляхъ окружающихъ дворовъ, при чемъ пріятелю моему, генералу Головачеву, пришлось занять бывшее помѣщеніе гарема эмира, о которомъ тучный, но храбрый воинъ могъ, впрочемъ, только мечтать, такъ какъ всѣ пташки успѣли, разумѣется, до нашего прихода улетѣть изъ клѣтокъ.

Комнаты генерала Кауфмана и нашъ дворикъ сообщались съ знаменитымъ троннымъ заломъ Тамерлана, дворомъ, обнесеннымъ высокою прохладною галлереей, въ глубинѣ которой стоялъ и самый тронъ Кокъ-ташъ—большой кусокъ бѣлаго мрамора, съ прекраснымъ рельефнымъ орнаментомъ. Сюда, на этотъ дворъ, стекались государи и послы всей Азіи и части

Дворецъ Тамерлана въ Самаркандѣ.

Европы для поклона, завѣреній въ покорности и принесенія даровъ; на этомъ камнѣ-тронѣ возсѣдая, принималъ своихъ многочисленныхъ вассаловъ Тимуръ-Лянгъ (въ буквальномъ переводѣ—Хромое желѣзо). Я часто хаживалъ по этой галлереѣ съ генераломъ Кауфманомъ, толкуя о мѣстахъ, нами теперь занимаемыхъ, о путешественникахъ, ихъ посѣтившихъ, о книгахъ объ нихъ написанныхъ и т. п. Мы диви-

лись невѣрностямъ, встрѣчающимся у извѣстнаго Вамбери, утверждающаго, напримѣръ, что тронъ Кокъ-ташъ зеленый, что за трономъ надпись на желѣзной доскѣ, тогда какъ тронъ бѣлый или, вѣрнѣе, сѣроватый, надпись на камнѣ, а не на желѣзѣ, и т. д. Генералъ Кауфманъ, въ виду такихъ вопіющихъ несообразностей, выражалъ предположеніе, что Вамбери просто не былъ въ Самаркандѣ.

Я ежедневно ѣздилъ въ городъ и за городъ, осматривалъ мечети, базаръ, училища, особенно старыя мечети, между которыми уцѣлѣло еще не мало чудныхъ образцовъ; матерьяла для изученія и рисованья было столько, что буквально трудно было рѣшиться за что ранѣе приняться: природа, постройки, типы, костюмы, обычаи, все было ново, оригинально, интересно.

Были слухи, что бухарскій эмиръ собирается отвоевать городъ и съ арміею въ 30—40 тысячъ двигается на насъ. Кауфманъ собирался выступить противъ него, а покамѣстъ посылалъ отряды по сторонамъ, чтобы успокоить и обезопасить населеніе окрестностей новозавоеваннаго города,—города, прославленнаго древними и новыми поэтами востока, «пышнаго, несравненнаго, божественнаго» Самарканда, каковыя метафоры, разумѣется, надобно понимать относительно, потому что Самаркандъ, подобно всѣмъ азіатскимъ городамъ, порядочно грязенъ и вонючъ.

Генералъ *Головачевъ* ходилъ занимать крѣпость

Каты-Курганъ; я сдѣлалъ съ нимъ этотъ маленькій походъ, въ надеждѣ увидѣть хотя теперь битву вблизи, но кромѣ пыли ничего не видѣлъ—крѣпость сдалась безъ боя, къ великому огорченію офицеровъ отряда. Начальникъ кавалеріи *Штрандманъ* такъ разсердился на мирный оборотъ дѣла, что просилъ генерала передать ему пословъ, пришедшихъ съ извѣстіемъ о сдачѣ крѣпости и изъявленіи покорности,— для внушенія имъ храбрости. Дѣло, котораго такъ пламенно желалъ отрядъ, ускользнуло изъ рукъ, а съ нимъ и награды, отличія, повышенія—грустно!

Мы не мало смѣялись надъ способомъ, которымъ помянутый начальникъ кавалеріи раздобылъ мяса для своихъ казаковъ. Такъ какъ жители угнали весь скотъ со всѣхъ мѣстъ нашего пути и ничего нельзя было достать, то полковникъ рѣшился на энергическое средство: призвалъ вахмистра.

— «Отчего наши быки такъ далеко пасутся?»

Тотъ ошалѣлъ.

— Какіе быки, ваше высокоблагородіе?

— «Наши быки, я тебѣ говорю, развѣ не видишь?» и онъ указалъ на быковъ, пасшихся на разстилавшейся передъ нами богатѣйшей Зарявшанской долинѣ.

— Никакъ нѣтъ...

— «Не разговаривать! сейчасъ пригнать ихъ сюда».

Нѣсколько быковъ были пригнаны къ отряду и съѣдены такъ быстро и чисто, что когда жители явились къ генералу жаловаться, нельзя было отыскать

ни костей, ни шкуръ. Генералъ понялъ фокусъ казаковъ и заплатилъ.

Пистолькорсъ, бравый кавказскій офицеръ, посланъ былъ съ отрядомъ поколотить массы узбекскаго войска Шахрисябза и Китаба, придвигавшихся съ юго-восточной стороны. Побить-то онъ ихъ побилъ и по праву всѣхъ побѣдителей даже ночевалъ на полѣ битвы, но когда двинулся назадъ, непріятель снова насѣлъ на него и, какъ говорится, на его плечахъ подошелъ къ Самарканду. Генералъ Кауфманъ и мы за нимъ выѣхали навстрѣчу возвращавшемуся отряду, но уже въ предмѣстьи города насъ встрѣтили выстрѣлами, а въ окружающихъ садахъ завязалась такая живая перестрѣлка, что пришлось часть бывшихъ съ нами казаковъ тутъ же послать въ атаку, чтобы отвратить опасность отъ самого командующаго войсками; мы съ нѣкоторымъ конфузомъ воротились. Многіе изъ офицеровъ отряда выражали неудовольствіе на эту побѣду, смахивавшую на отступленіе, и я слышалъ, что полковникъ *Назаровъ*, храбрый офицеръ и большой кутила, громко называвшій послѣднее движдніе къ Самарканду бѣгствомъ, вдобавокъ ослушавшійся Пистолькорса, былъ посаженъ Кауфманомъ подъ арестъ съ воспрещеніемъ участвовать въ будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Туземцы ободрились этою какъ бы удачею, въ сущности сводившеюся къ тому, что непріятель, не будучи разбитъ на голову, а только поколоченъ, не-

медленно же снова собрался и заявилъ о себѣ, какъ это всегда на востокѣ бываетъ. Какъ бы то ни было, стали настоятельно ходить слухи о томъ, что городъ окруженъ непріятелемъ. Мы, молодежь, впрочемъ, были совершенно безъ заботъ; мнѣ и въ голову не приходила мысль какъ о болѣе или менѣе отдаленной опасности для всего отряда, такъ и о немедленной опасности для себя лично. Каждый день я ѣздилъ съ однимъ казакомъ по базару и по всѣмъ городскимъ переулкамъ и закоулкамъ, и только долго спустя понялъ, какой опасности ежедневно и ежечасно подвергался. Еще до выхода командующаго войсками, при проѣздѣ городомъ, невольно бросались въ глаза по улицамъ кружки народа, преимущественно не стараго, жадно слушавшаго проповѣдывавшихъ среди нихъ муллъ; въ день возвращенія отряда Пистолькорса проповѣди эти были особенно оживлены, явно было, что народъ призывался на священную войну съ невѣрными. Когда мнѣ вздумалось разъ, для сокращенія пути къ цитадели, свернуть съ большой базарной дороги и проѣхать узенькими кривыми улицами, на одномъ изъ поворотовъ открылся большой дворъ мечети, полный народа, между которымъ ораторствовалъ человѣкъ въ красной одеждѣ—очевидно, посланецъ бухарскаго эмира. Я встрѣтилъ также моего пріятеля, старшаго муллу мечети *Шигдари*, идущаго по базару и жестами и голосомъ возбуждавшаго народъ.

— «Здравствуй, мулла!»—сказалъ я ему; онъ очень

сконфузился, но вѣжливо отвѣтилъ и волею-неволею передъ всѣми долженъ былъ пожать протянутую ему руку кяфира.

Какъ только генералъ Кауфманъ выступилъ изъ города, стали говорить, что жители замышляютъ возстаніе. Но я уже давно съ такимъ полнымъ довѣріемъ вращался между туземцами, во всякое время дня и ночи, что самая мысль о томъ, что это можетъ измѣниться, не умѣщалась въ моемъ понятіи. Въ это время я ѣздилъ за городъ, по дорогѣ къ Шахъ-Зиндѣ, такъ называемому лѣтнему дворцу Тамерлана, гдѣ писалъ этюдъ одной изъ мечетей съ остатками чудесныхъ изразцовъ, когда-то ее покрывавшихъ. Однако, въ концѣ концовъ мнѣ такъ надоѣло встрѣчать только песокъ и пыль, вмѣсто сраженій, что я рѣшилъ уѣхать изъ Самарканда, съ первою оказіею, и направиться въ путешествіе по Кокану, почему и распрощался съ генераломъ Кауфманомъ. Однако, на слѣдующій же день по уходѣ его объявлено было, что оказія не скоро представится, потому что, изъ опасенія окружившихъ городъ шахрисябцевъ, пришлось бы посылать цѣлый отрядъ прикрытія, а у насъ всего на всего въ крѣпости, для защиты стѣнъ, тянувшихся на 3 версты, было 500 человѣкъ гарнизона.

Еще черезъ день, рано утромъ, забѣжалъ въ каморку, которую я занималъ во дворѣ самаркандскаго дворца, уральскій казакъ маіоръ *Сѣровъ*, оставленный завѣдывать туземнымъ населеніемъ. Онъ упра-

шивалъ не ходить болѣе въ городъ, кишащій будто бы вооруженнымъ народомъ, уже открыто враждебнымъ намъ. «Шахрисябцы подходятъ къ городу, надобно ждать бунта и, вѣроятно, нападенія на цитадель».

— «Бога ради, не выходите за крѣпостную стѣну,—уговаривалъ онъ меня;—васъ навѣрное убьютъ, вы пропадете безслѣдно, нельзя будетъ и доискаться, кто именно убилъ».

Признаюсь, я все-таки и на этотъ разъ не повѣрилъ существованію опасности и поѣхалъ бы опять въ городъ, если бы не этюдъ съ одного персіанина изъ нашего афганскаго отряда, за которой только что наканунѣ принялся и который надобно было кончить.

Предсказанія относительно подхода непріятеля со стороны ханствъ сбылись не далѣе какъ на слѣдующій же день: выйдя рано утромъ изъ моей сакли, я увидѣлъ все наше крѣпостное начальство съ биноклями и подзорными трубами въ рукахъ, на крышѣ эмирова дворца.

— «Что такое?»

— А вотъ посмотрите сюда!

И въ бинокль и безъ бинокля ясно было видно, что вся возвышенность Чопанъ-Ата, господствующая надъ городомъ, покрыта войсками, очевидно, довольно правильно вооруженными, такъ какъ блестѣли ружья, составленныя въ козлы. По фронту ѣздили конные начальники, разсылались гонцы. Нѣкоторые, изъ бывшихъ въ нашей группѣ офицеровъ, выража-

ли увѣренность, что будутъ скоро штурмовать крѣпость, другіе не вѣрили въ возможность этого—я былъ въ числѣ послѣднихъ. Между говорившими

Афганецъ.

были комендантъ крѣпости, маіоръ *Штемпель*, помянутый *Сѣровъ*, а также оставленный, какъ сказано, въ Самаркандѣ въ наказаніе за злой языкъ, пол-

ковникъ *Назаровъ*, котораго я въ то время вовсе еще не зналъ.

Въ этотъ день я почти кончилъ моего афганца, оставалось дописать ноги, но этому не суждено было случиться. Къ вечеру я пошелъ, помню, по приглашенію сапера Б., посмотрѣть, какъ они обрываютъ валъ крѣпостной стѣны, обращенной къ городу. Передъ уходомъ генералъ Кауфманъ поручилъ этому офицеру исправить всѣ тѣ мѣста, гдѣ старая ветхая стѣна, обвалившись, сдѣлала возможнымъ доступъ въ крѣпость, но надобно думать, что и инженеры не очень-то вѣрили въ возможность серьезной атаки, такъ какъ работали вяло и только въ виду непріятеля, собравшагося на Чопанъ-Ата, принялись поживѣе за работу. Спасибо имъ и за то, что хоть самый главный проломъ къ сторонѣ города исправили до начала дѣла: кабы онъ остался—чрезъ полчаса вся цитадель могла бы быть занята.

Только что на другой день я сѣлъ пить чай, поданный мнѣ моимъ казакомъ, собираясь идти дописывать своего афганца, какъ раздался страшный безконечный вой: уръ! уръ! вмѣстѣ съ перестрѣлкой, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Я понялъ серьезность дѣла — штурмуютъ крѣпость! — схватилъ мой револьверъ и бѣгомъ, бѣгомъ по направленію выстрѣловъ, къ бухарскимъ воротамъ! Вижу—Сѣровъ, блѣдный, стоитъ у воротъ занимаемаго имъ дома и нервно крутитъ усъ—обыкновенный жестъ этого браваго и бывалаго казака въ затруднительныхъ случаяхъ.

— «Вотъ такъ штука, вотъ такъ штука!»—твердитъ онъ.

— Что, развѣ плохо?

— «Покамѣстъ еще ничего, что дальше будетъ; у насъ, знаете, всего на всего 500 человѣкъ гарнизона, а у нихъ, по моимъ свѣдѣніямъ, свыше 20,000».

Я побѣжалъ дальше. Вотъ и бухарскія ворота. На площадкѣ надъ ними солдатики, перебѣгая въ дыму, живо перестрѣливаются съ непріятелемъ; я вбѣжалъ туда и, видя малочисленность нашихъ защитниковъ, взялъ ружье отъ перваго убитаго около меня солдата, наполнилъ карманы патронами отъ убитыхъ же и 8 дней оборонялъ крѣпость вмѣстѣ со всѣми военными товарищами, и это, кстати сказать, не по какому-либо геройству, а просто по тому, что гарнизонъ нашъ былъ ужъ очень малочисленъ, такъ что даже всѣ выздоравливающіе изъ госпиталя, малосильные, были выведены на службу для увеличенія числа штыковъ—тутъ здоровому человѣку оставаться празднымъ было немыслимо, грѣшно.

При первомъ же натискѣ ворота наскоро заперли, такъ что непріятель отхлынулъ отъ стѣнъ и, засѣвши въ прилегающихъ къ ней почти вплоть сакляхъ, открылъ по насъ убійственный огонь: ружья у нихъ, очевидно, были дурныя, пули большія, но стрѣльба очень мѣткая, на которую къ тому же отвѣчать успѣшно было трудно, такъ какъ производилась она въ маленькія амбразуры, пробитыя въ сакляхъ. У насъ такихъ амбразуръ не было—приходилось стрѣ-

лять изъ-за полуобвалившихся гребней стѣны, гдѣ люди были болѣе или менѣе на виду и потеря въ нихъ поэтому была порядочная. Вотъ одинъ солдатикъ, ловко выбиравшій моменты для стрѣльбы, уложилъ уже на моихъ глазахъ неосторожно показавшагося у сакли узбека, да кромѣ того ухитрился еще влѣпить пулю въ одну изъ амбразуръ, такъ ловко, что, очевидно, повредилъ ружье, а, можетъ быть, и носъ стрѣлявшаго, потому что огонь оттуда на время вовсе прекратился. Очень потѣшаетъ солдатика такая удача, онъ работаетъ съ усмѣшкою, шутитъ и вдругъ падаетъ, какъ подкошенный: пуля ударила его прямо въ лобъ; его недострѣлянные патроны достались мнѣ въ наслѣдство. Другого пуля ударила въ ребра, онъ выпустилъ изъ рукъ ружье, схватился за грудь и побѣжалъ по площадкѣ надъ воротами въ круговую, крича:

— «Ой, братцы, убили, ой убили! Ой, смерть моя пришла!»

— «Что ты кричишь-то, сердечный, ты лягъ», — говоритъ ему ближній товарищъ, но бѣднякъ ничего уже не слышалъ, онъ описалъ еще кругъ, пошатнулся, упалъ навзничь и умеръ—его патроны пошли тоже въ мой запасъ.

Скоро пришелъ маіоръ Альбедиль и принялъ команду отъ своего младшаго офицера, осмотрѣлъ занятую непріятелемъ позицію, сдѣлалъ кое-какія распоряженія, но прокомандовалъ недолго: помнится, я говорилъ съ нимъ о чемъ-то, когда онъ вдругъ при-

сѣлъ и выговорилъ «я раненъ». Принявши его на мое плечо, я кликнулъ солдатика и стащилъ его сначала внизъ, а потомъ и далѣе до перевязки, которая была во дворцѣ эмира, за цѣлую версту отъ воротъ. Альбедиль браво отдалъ послѣднія приказанія, убѣждалъ своихъ смутившихся солдатъ держаться крѣпко, не робѣть и затѣмъ такъ ослабъ, такъ безпомощно повисъ, что у меня не хватило духа сдать его солдатамъ—пришлось дотащить до квартиры. Дорогою раненый страшно усталъ, но носилокъ подъ руками не оказалось, пришлось итти.

— «Чувствую, говорилъ онъ, что рана смертельна, не жить мнѣ болѣе!»

Я уговаривалъ, конечно, ободрялъ: рана въ мягкую часть ноги, пройдетъ, заживетъ, еще танцовать будете! И, дѣйствительно, прошла, зажила и Альбедиль даже танцовалъ; но все-таки проказница-пуля бухарская надѣлала больше вреда, чѣмъ я полагалъ: не перебила, но задѣла кость и на многіе мѣсяцы, если не на годы, задала страданій и заботъ.

Сдавши Альбедиля доктору, я побѣжалъ назадъ къ воротамъ, гдѣ перестрѣлка и ревъ снова разгорались. Не доходя немного, влѣво, у поворота стѣны, вижу группу солдатъ: сжавшись въ кучку, они нерѣшительно кричатъ ура! и безпорядочно стрѣляютъ по направленію гребня стѣнъ, гдѣ показываются поминутно головы атакующихъ.

— «Всѣмъ намъ тутъ помирать, — угрюмо толкуютъ солдаты.» —О, Господи, наказалъ за грѣхи!

Какъ живые выйдемъ? Спасибо Кауфману, крѣпости не устроилъ, ушелъ, насъ бросилъ»...

Я ободрялъ, какъ могъ: «не стыдно ли такъ унывать, мы отстоимся, неужели дадимся живые?» Очень пугали солдатъ какія-то огненныя массы, въ родѣ греческаго огня, которыя перебрасывали къ намъ черезъ стѣны—они падали иногда прямо на головы солдатъ и многихъ обжигали.

Нѣсколько далѣе подошелъ къ стѣнѣ небольшой отрядецъ солдатъ съ офицеромъ—это былъ помянутый полковникъ *Назаровъ*, который, въ виду бѣды, стряхнувшейся надъ крѣпостью, благоразумно забылъ о своемъ арестѣ, собралъ въ госпиталѣ всѣхъ слабыхъ своего баталіона, бывшихъ въ состояніи держать ружье, и явился на самый опасный пунктъ. Къ нему бѣгутъ солдаты совсѣмъ растерянные.

— Ваше высокоблагородіе, врываются, врываются!

— «Не бойся, братцы, я съ вами»,—отвѣтилъ онъ съ такою увѣренностью и спокойствіемъ, что сразу успокоилъ солдатъ, очень было упавшихъ духомъ отъ этихъ безпрерывныхъ штурмовъ, сопровождавшихся такимъ ревомъ.

Съ этой минуты мы были неразлучны съ Назаровымъ, за все время восьми-дневнаго сидѣнья, хорошо памятнаго въ лѣтописяхъ средне-азіатскихъ военныхъ дѣйствій.

Снова крики уръ! уръ! все ближе, ближе и надъ нами на стѣнахъ показались нѣсколько головъ изъ числа штурмующихъ, готовившихся, очевидно, сойти

въ крѣпость. Солдаты, не ожидая команды, дали залпъ, головы попрятались и все замолкло, толпа, очевидно, отхлынула отъ стѣнъ, встрѣтивши пули тамъ, гдѣ она надѣялась войти безнаказанно, врасплохъ. Дѣло въ томъ, что къ этому мѣсту, снаружи стѣны, вела тропинка, которую, вмѣстѣ со многими другими, не успѣли обрыть, а съ обрушеннаго гребня, по внутренней сторонѣ, тоже спускалась дорожка; жители знали всѣ эти не оффиціальные входы въ крѣпость и водили по нимъ штурмующихъ.

Пришлось, оставивши здѣсь часть команды, итти въ другую сторону, откуда прибѣжали къ Назарову одинъ за другимъ нѣсколько запыхавшихся блѣдныхъ солдатъ.

— «Тамъ, тамъ врываются, ваше высокоблагородіе!»—кричали они еще издали.

Мы бросились направо отъ воротъ, гдѣ какъ разъ накрыли, въ небольшомъ проломѣ стѣны, нѣсколько дюжихъ загорѣлыхъ узбековъ, работавшихъ надъ разборомъ плохонькаго загражденія изъ небольшихъ деревинъ—эти не дождались не только штыковъ, но даже и пуль и побѣжали при одномъ нашемъ приближеніи.

Проклятая эта крѣпость, еще Тамерлановой постройки, въ три версты въ окружности, вездѣ обваливалась, вездѣ можно было пройти въ нее, и такъ какъ внутри прилегало къ стѣнамъ безчисленное множество сакль, то вошедшую партію непріятеля, даже и малочисленную, стоило бы большого труда перебить.

И жутко, и смѣшно отчасти вспомнить: только что повернулись отсюда, и Николай Николаевичъ Назаровъ сталъ уже поговаривать о томъ, что не худо бы поѣсть борщу, какъ бѣгутъ опять, разыскивая его, съ нашего стараго мѣста:

— «Ваше высокоблагородіе, пожалуйте, наступаютъ».

Мы опять бѣгомъ. Сильный шумъ, но ничего еще нѣтъ, шумъ все увеличивается, слышны уже крики отдѣльныхъ голосовъ, очевидно, они направляются къ пролому, невдалекѣ отъ насъ; мы перешли туда, притаились у стѣны, ждемъ.

— «Пойдемъ на стѣну, встрѣтимъ ихъ тамъ»,— шепчу я Назарову, наскучивъ ожиданіемъ.

— Тссъ!—отвѣчаетъ онъ мнѣ, пусть войдутъ.

Этотъ моментъ послужилъ мнѣ для одной изъ моихъ картинъ. Вотъ крики надъ самыми нашими головами, смѣльчаки показываются на гребнѣ — съ нашей стороны грянуло ура! и открылась, такая пальба, что снова для штыковъ работы не осталось, все отхлынуло отъ пуль.

Эти безпрерывныя нападенія дѣйствовали удручающимъ образомъ на солдатъ, тутъ и тамъ повторявшихъ, что «видно всѣмъ тутъ лечь». Нужна была энергія и шутки Назарова, чтобы заставлять, время отъ времени, смѣяться людей. Вообще мнѣ бросилась въ глаза серьезность настроенія духа солдатъ во время дѣла. Атакующіе часто безпокоили насъ и въ перерывахъ между штурмами: подкрадутся къ гребню

стѣны въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, быстро свѣсять ружья и прежде чѣмъ, захваченные врасплохъ, солдатики наши успѣютъ выстрѣлить, опять спрячутся, такъ что ихъ выстрѣлы нѣтъ-нѣтъ да и портили у насъ людей, а наши почти всегда опаздывали и взрывали только землю стѣны. Меня это очень злило, я подолгу стаивалъ съ ружьемъ на готовѣ, ожидая загорѣлой башки, и разъ не удержался, чтобы не прибавить крѣпкое словцо — сейчасъ же солдаты остановили меня.

— «Нехорошо теперь браниться, не такое время».

Сначала солдаты называли меня «ваше степенство», но когда Назаровъ сталъ называть: Василій Васильевичъ, то всѣ подхватили это и скоро весь гарнизонъ до послѣдняго больного въ госпиталѣ зналъ «Василья Васильевича».

Въ это время начальникъ крѣпостной артиллеріи, бравый капитанъ *Михневичъ*, всюду поспѣвавшій, роздалъ намъ ручныя гранаты для бросанья черезъ стѣны, въ непріятельскія толпы. Между тѣмъ шумъ что-то затихъ, такъ что мы не знали куда бросать ихъ да къ тому же подозрѣвали не затѣваютъ ли они какой особой каверзы — надобно было посмотрѣть черезъ стѣну, гдѣ непріятель и что̀ онъ дѣлаетъ. Офицеры посылали нѣсколькихъ солдатъ, но тѣ отнѣкивались, одинъ толкалъ впередъ другого — смерть почти вѣрная.

— «Постойте, я учился гимнастикѣ», и прежде, чѣмъ Назаровъ успѣлъ закричать: «что вы, Василій

Васильевичъ, перестаньте, не дѣлайте этого»—я уже былъ высоко.

— «Сойдите, сойдите», шепталъ Назаровъ, но я не сошелъ, стыдно было, хотя, признаюсь, и жутко. Стою тамъ согнувшись подъ самымъ гребнемъ да и думаю: «какъ же это я, однако, перегнуся туда, вѣдь убьютъ!» думалъ, думалъ—всѣ эти думы въ такія минуты быстро пробѣгаютъ въ головѣ, въ одну, двѣ секунды—да и выпрямился во весь ростъ! Передо-мной открылась у стѣнъ и между саклями страшная масса народа, а въ сторонѣ кучка въ большихъ чалмахъ, должно быть на совѣщанiи. Все это подняло головы и въ первую минуту точно замерло отъ удивленія, что и спасло меня; когда они опомнились и заревѣли: мана! мана! т. е. вотъ, вотъ!— я уже успѣлъ спрятаться—десятки пуль влѣпились въ стѣну надъ этимъ мѣстомъ, ажъ пыль пошла.

— «Сходите, Бога ради, скорѣе», вопилъ снизу милѣйшій Назаровъ, и, конечно, повторять этого не нужно было; я указалъ мѣсто, гдѣ были массы народа, и наши гранатки скоро подняли большой переполохъ и гвалтъ, т. е. достигли цѣли.

Такъ какъ Назаровъ былъ самъ себѣ начальникъ и могъ переходить съ мѣста на мѣсто по усмотрѣнію, то мы перемѣстились на уголъ крѣпости, откуда на далекое пространство видны были обѣ линіи стѣнъ. Кстати сказать, стѣны Самаркандской цитадели были очень высоки и массивны, такъ что если бы годы, столѣтія не поразрушили ихъ, то за такою охраной

можно бы отстаиваться; бѣда была та, что при существовавшихъ вездѣ проломахъ приходилось защи-

Шахрисябецъ.

щать это рѣшето въ одно и то же время сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а защитниковъ было мало, около 500 человѣкъ безъ больныхъ и слабыхъ, ко-

торыхъ по возможности всѣхъ подняли на ноги. Многіе были такъ слабы, что даже *ура* не могли кричать, а ружье насилу держали въ рукахъ; бывало убьютъ или ранятъ сосѣда, крикнешь сердито: «чего ты стоишь, смотришь-то, приди: помоги поднять.

— Я-не-могу-у, отвѣчаетъ, я-изъ-слабы-ыхъ.

— «Зачѣмъ же ты пришелъ, коли двигаться не можешь!»

— Не могимъ знать, приказали, всѣхъ къ стѣнамъ согнали.

На новомъ нашемъ обсерваціонномъ пунктѣ мы расположились отлично. Казакъ мой, разыскавшій меня и не захотѣвшій отстать «отъ барина», былъ посланъ за бывшими у меня сигарами, а Назаровъ велѣлъ принести хлѣба и водки. Закусили и закурили по сигарѣ—что за роскошь! Сигары произвели такой живительный эфектъ, что я купилъ еще ящикъ и роздалъ по всѣмъ ближнимъ постамъ—вездѣ задымили. Тутъ принесли всѣмъ намъ щей и мы подкрѣпились; это послѣ утренняго стакана чая, да еще недопитаго, было мнѣ на руку. Назаровъ со всею своею командой расположился въ тѣни сакль, а я съ охотниками держался больше къ стѣнѣ, гдѣ тѣшился стрѣльбою — нѣтъ, нѣтъ да и видишь какъ упадетъ подстрѣленный непріятель. Одного, помню, уложилъ сосѣдъ мой, но не на смерть — упавшій сталъ шевелиться; солдатикъ хотѣлъ прикончить его, но товарищи не дали.

— «Не тронь, не замай, Серега!»

— Да вѣдь онъ уйдетъ.

— «А пускай уйдетъ, онъ ужъ не воинъ!»

И точно тотъ ушелъ, но съ хитростью и, вѣроятно, въ полной увѣренности, что перехитрилъ-таки насъ: упавши на перекресткѣ улицъ, близъ стѣны, онъ сталъ медленно переваливаться съ боку на бокъ, чтобы не возбудить нашего вниманія сильнымъ движеніемъ, и такъ, переваливаясь понемножку, докатился до закрытія, гдѣ приняли его нѣсколько рукъ, вполнѣ, вѣроятно, увѣренныхъ, что *уруса* надули, и никому, разумѣется, въ голову не пришло, что урусъ Серега и многіе другіе урусы могли бы добить, но не захотѣли, по правилу «лежачаго не бьютъ».

Исключая, впрочемъ, такіе отдѣльные случаи маленькой сантиментальности, наши спуску не давали; но и они угощали насъ! Выстрѣлы всѣ шли изъ сакль, откуда ружья чрезъ маленькія отверстія были постоянно нацѣлены по извѣстнымъ пунктамъ цитадели, гдѣ показывались наши. Очень часто пули ихъ мѣтко ударялись въ самыя амбразуры, только что понадѣланныя въ этомъ мѣстѣ саперами. Разъ, помню, ударило въ песокъ амбразуры именно въ тотъ моментъ, какъ я готовился спустить курокъ — всю голову такъ и засыпало пескомъ и камешками. Я не утерпѣлъ, схватился руками за лицо.

— «Снимайте его»,—закричалъ снизу Назаровъ, думавшій, что я раненъ. Другой разъ, нацѣливаясь,

я переговаривался съ однимъ изъ сосѣдей — слышу ударъ во что-то мягкое, оглядываюсь — мой сосѣдъ роняетъ ружье, пускаетъ пузыри и потомъ кубаремъ лѣтитъ со стѣны...

Назаровъ съ двумя молодыми офицерами, имена которыхъ я забылъ, расположился совсѣмъ по домашнему. Послѣ одной чарки онъ велѣлъ обнести солдатамъ по другой, по обыкновенію смѣялся, забавлялся съ ними, при чемъ шутки его были часто очень скоромнаго свойства, если судить по тѣмъ непечатнымъ выраженіямъ, которыя иногда долетали до нашихъ амбразуръ, и громкому хохоту солдатъ. Можно было подумать, что опасность миновала.

Впрочемъ, эта крѣпостная идиллія продолжалась не долго. Скоро по направленію бухарскихъ воротъ раздались и знакомые штурмовые крики и перестрѣлка, а затѣмъ прибѣжалъ и солдатъ съ просьбою о помощи, «очень ужъ насѣдаютъ». Назаровъ оставивши на этой угловой квартирѣ наблюдательный постъ, самъ бѣглымъ шагомъ направился къ воротамъ; начальствовавшій тамъ офицеръ добровольно передалъ ему команду, точно также какъ и саперный штабсъ-капитанъ *Черкасовъ*, со своими саперами.

Штурмъ опять отбили. Стало вечерѣть. Поставили мѣдный чайникъ; мы расположились пить чай, не тутъ-то было—опять нападеніе. Мнѣ невольно вспомнился утренній чай, стоявшій еще, вѣроятно, недопитымъ въ моей комнатѣ, вспомнился и афганецъ, которому не пришлось дописать ноги и по всей вѣ-

роятности и не придется *). Этотъ разъ враги наши отошли что-то очень скоро, но вслѣдъ за ихъ уходомъ показался за воротами дымокъ. «Ахъ, подлецы, они зажгли ихъ!» Такъ и есть. Скоро сильное пламя обрисовалось на потемнѣвшемъ уже воздухѣ. Какъ только ворота рухнули, новое сильнѣйшее нападеніе, на этотъ разъ долгое, настойчивое. Стрѣляли чуть не въ упоръ. Шумъ и гвалтъ были отчаянные; въ этомъ гамѣ я кричу солдатамъ, безъ толку стрѣляющимъ на воздухъ:

— «Да не стрѣляйте въ небо, въ кого вы тамъ мѣтите!»

— Пужаемъ, Василій Васильевичъ, — отвѣчаетъ одинъ пресерьезно.

Помню, я застрѣлилъ тутъ двоихъ изъ нападавшихъ методично, если можно такъ выразиться, по профессорски. «Не торопись стрѣлять, говорилъ я, вотъ положи сюда стволъ и жди»; я положилъ ружье на выступъ стѣны: какъ разъ въ это время туземецъ, ружье на перевѣсъ, перебѣгалъ дорогу, передъ самыми воротами—я выстрѣлилъ и тотъ упалъ убитый на поваль. Выстрѣлъ былъ на такомъ близкомъ разстояніи, что ватный халатъ на моей злополучной жертвѣ загорѣлся, и она, т. е. жертва, медленно горѣвши въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, совсѣмъ обуглилась, при чемъ рука, поднесенная въ послѣднюю

*) Этотъ афганецъ находится у *И. Н. Терещенко*—безъ ногъ В. В.

минуту ко рту, такъ и осталась, застыла; эта черная масса валялась тутъ цѣлую недѣлю до самаго возвращенія нашего отряда, который весь прошелъ черезъ нее, т. е. мою злополучную жертву. Другой упалъ при тѣхъ же условіяхъ и тоже наповалъ.

— «Ай да Василій Васильевичъ, говорили солдаты, вотъ такъ старается за насъ».

Нѣтъ худа безъ добра: какъ только ворота прогорѣли, Черкасовъ устроилъ отличный, совершенно правильный брустверъ, изъ мѣшковъ, къ которому поставили орудіе, заряженное картечью. Тутъ разговоръ пошелъ у насъ иной.

Было уже темно, упавшія бревна и доски воротъ еще ярко пылали. Назаровъ размѣстилъ солдатъ такъ, чтобы ихъ не было видно, лишь штыки блестѣли въ темнотѣ. На виду въ серединѣ было только орудіе съ прислугою и офицеромъ, бѣлыя рубашки и китель которыхъ ярко блестѣли, освѣщенные пламенемъ. Вотъ приближается шумъ ближе, ближе, обращается въ какой то хриплый ревъ многихъ тысячъ голосовъ съ возгласами: Аллахъ! Аллахъ! Вотъ показались передовыя фигуры, онѣ зовутъ другихъ; никто изъ нихъ не стрѣляетъ, въ рукахъ шашки и батики; какъ бараны съ опущенными головами, бросаются они на ворота и орудіе... Первая! раздается звонкій голосъ поручика Служенко. Ужасный громъ орудія, слышно какъ хлеснула картечь, затѣмъ молчаніе—ничего не видно, дымъ все застлалъ—и чрезъ минуту или двѣ далеко вдали начинаютъ раздавать-

ся голоса: отхлынули, начинаютъ, вѣроятно, сводить счеты, браниться, попрекать другъ друга, а мы рады! Долго продолжались эти нападенія, каждый разъ съ новымъ азартомъ; очевидно было, что они, во что бы то ни стало, хотѣли овладѣть крѣпостью, но недисциплинированная масса каждый разъ не выдерживала картечи на близкомъ разстояніи и отступала. Впрочемъ, и было отъ чего отступать: хотя намъ иногда и видно было, какъ они сразу подхватывали и подбирали своихъ убитыхъ, но однихъ павшихъ около самыхъ стѣнъ, которыхъ подобрать было невозможно — оказалось на другой день такое множество и на сильномъ солнцѣ они подняли такое зловоніе, что надобно удивляться, какъ у насъ не завелось какой-нибудь заразной болѣзни.

Какъ поутихло, мы сдѣлали вылазку, главною цѣлью которой была находившаяся невдалекѣ мечеть; изъ нея, какъ изъ твердыни, направлялись всѣ нападенія на насъ. Удостовѣрившись, что непріятель отошелъ, мы тихо вышли ночью прямо къ этой мечети; живо собрали сухого дерева, разложили костры и запалили. То же самое сдѣлали и съ нѣсколькими близъ самыхъ воротъ стоявшими саклями, наиболѣе насъ душившими. Въ одной изъ нихъ нашли рыжую туркменскую лошадь; рѣшили подарить ее мнѣ, но я отклонилъ эту честь, отдалъ лошадь артели, а у артели купилъ за 40 рублей. Здѣсь мы тоже живо запалили все, что могло горѣть. Говорили шепотомъ, въ темнотѣ только и

слышно было: «Николай Николаевичъ! Василій Васильевичъ! вотъ сюда пѣтушка живо, живо!» Замѣчательно, что Назаровъ былъ на вылазкѣ въ туфляхъ и не столько, думаю, изъ забывчивости, сколько изъ полнаго равнодушія къ опасности—стоитъ ли безпокоиться надѣвать сапоги, разъ что вечеромъ снялъ уже ихъ.

Когда огненные языки взвились, мы на утекъ, да и пора была: пожаръ замѣтили и стали приближаться голоса. Видно пробовали тушить, но не могли одолѣть огня, который разгорался все пуще и пуще.

Опять стали нападать на насъ, но съ еще меньшимъ успѣхомъ, такъ какъ теперь вся мѣстность была освѣщена.

Поработала за эту ночь наша пушка и ея милый командиръ Служенко. Подъ звонкія выкрикиванія его: «первая! первая!» я такъ и заснулъ. Раздобывши досокъ, мы расположились въ повалку на пескѣ на улицѣ, подъ самыми стѣнами, съ готовымъ ружьемъ при бедрѣ; несмотря на жестокость импровизированнаго ложа и великое множество солдатскихъ блохъ, я заснулъ, какъ праведникъ.

Далеко за полночь сильный непривычный шумъ разбудилъ меня — это рухнула подожженная нами мечеть. Мы взошли на стѣну полюбоваться на дѣло нашихъ рукъ: ночь была прелестная, воздухъ тихій, небо звѣздное — не вѣрилось, что въ такую чудную ночь шла борьба на жизнь и смерть. Такъ какъ часовые всѣ были на своихъ мѣстахъ и зорко

смотрѣли кругомъ, то мы, потолковавши, снова заснули.

Съ ранняго утра начались приступы то у насъ, то далѣе, гдѣ мы были вчера, а то и еще далѣе, у главнаго выхода въ городъ. Тутъ въ воротахъ тоже стояло орудіе, но въ несравненно выгоднѣйшемъ противъ нашего положеніи, такъ какъ нельзя было войти въ крѣпость иначе, какъ по мосту, переброшенному черезъ ровъ, значитъ, сюрприза не могло быть. Эти ворота назывались Джузакскими, начальствовалъ тутъ капитанъ Щеметило, чистокровный хохолъ и прекрасный человѣкъ. Въ оба эти мѣста Назаровъ послалъ разъ подкрѣпленіе, когда имъ пришлось туго. Хорошо было также видно, какъ на наше вчерашнее мѣстопребываніе велась атака: масса атакующихъ бѣгомъ съ крикомъ уръ! поднялась до гребня и, потерявъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, стремительно же утекла назадъ, въ перегонку.

Стало и у насъ, и вездѣ затихать. Николай Николаевичъ сманилъ меня пойти поѣсть кисленькаго, какъ онъ называлъ борщъ и щи, къ знакомымъ купцамъ, давно уже давшимъ знать, что во всякое время кушанье будетъ готово, и велѣлъ немедленно дать знать ему, если будетъ хоть малѣйшая опасность. Купцы, наши русскіе, пріѣхавшіе въ Самаркандъ для начала торговыхъ сношеній, не рады, конечно, были, что попали въ такую передрягу. Одинъ изъ нихъ, Трубчаниновъ, довѣренный извѣстнаго Нѣмчанинова, по торговлѣ чаемъ, былъ храбрѣе про-

чихъ, онъ приходилъ даже со своимъ охотничьимъ ружьемъ, въ красной рубашкѣ, къ намъ на стѣны. Другіе страшно перетрусили, и какъ только начиналась пальба, зажигали свѣчи предъ иконами и начинали на колѣняхъ молиться Богу. Такъ какъ пули стали залетать въ двери, то они должны были перенести мѣсто моленья въ другой уголъ, а когда нѣкоторыя большія фальконетныя пули, калибра маленькихъ ядеръ, пробили крышу, то пришлось и еще разъ перенести чтеніе молитвъ, въ третье мѣсто.

Они накормили и напоили насъ, послали водки для солдатъ, также какъ и нѣсколько ящиковъ сигаръ, съ которыми я послѣ обошелъ вдоль стѣнъ и одѣлилъ всѣхъ желавшихъ. Они признались намъ, что пальба и крики ихъ страшно пугаютъ и заставляютъ постоянно ждать, что вотъ-вотъ пожалуютъ гости и, конечно, всѣхъ перерѣжутъ.

Больные и раненые наши помѣщались на тронномъ дворѣ, но навѣсныя пули изъ города попортили многихъ раненыхъ и чуть не убили доктора, такъ что часть ихъ перевели въ сакли, какъ разъ около купцовъ, чѣмъ окончательно лишили тѣхъ покоя: стоны ихъ и день и ночь надрывали душу, какъ говорилъ мнѣ Трубчаниновъ.

На самомъ тронѣ Тамерлана я нашелъ цѣлую семью евреевъ и сказалъ Назарову, не перемѣстить ли ихъ съ такого освященнаго исторіею предмета? — «Зачѣмъ,—отвѣчалъ тотъ, еще и....... велю!» Евреевъ оказалось у насъ множество, разумѣется, съ

чадами и домочадцами; почувствовавъ свободу съ приходомъ русскихъ, они по своему заважничали, стали носить кушаки вмѣсто веревокъ, стали ѣздить на лошадяхъ, что имъ строжайше было запрещено прежде и, конечно, были бы всѣ перебиты, еслибы остались въ городѣ. Какъ мнѣ разсказывали, при сильной пальбѣ у насъ, они поднимали страшный вой, молились, били себя по щекамъ, трепали за пейсы! Кромѣ нихъ спасались въ крѣпости персы, индійцы, татары. Все это, при нашемъ входѣ, бросилось спрашивать: что и какъ, благодарили, цѣловали полы платьевъ, плакали отъ умиленія.

Назарову дали знать, что снова собираются отряды, чуть ли не для нападенія, и мы поспѣшно воротились къ стѣнамъ, но атаки были слабыя, мы успокоились. Такъ какъ солдаты не раздѣвались, валялись всю ночь по большей части въ пескѣ и насѣкомые заѣдали ихъ, то Назаровъ, отдѣливши часть, приказалъ имъ идти къ пруду ближайшей мечети мыться, при чемъ прибавилъ: «Мойтесь, смотрите, такъ, чтобы каждаго изъ васъ........................» тутъ слѣдовала такая фраза, которую ни на какомъ языкѣ нельзя передать. Солдаты загрохотали: «Рады стараться, ваше высокоблагородіе».

Отрядъ нашъ теперь значительно увеличился, такъ какъ къ этимъ воротамъ, какъ самому опасному пункту, комендантъ послалъ все, что наскребъ: кромѣ выздоравливающихъ, тутъ были и казаки и другіе разночинцы, которые ура-то, пожалуй, кричали, но дер-

жались больше вдали, подъ крышами саклей. Кромѣ двухъ-трехъ батальонныхъ офицеровъ, у Назарова были два саперные офицера: помянутый Черкасовъ и Воронецъ, послѣдній совсѣмъ зеленый, пухленькій юноша, недавно окончившій инженерное училище. Такъ какъ народъ былъ больше молодой, то все время проходило въ смѣхѣ и шуткахъ, прерывавшихся иногда лишь извѣстіемъ, что такого-то убили или ранили. Между прочимъ, ранили смертельно нашего милѣйшаго артиллериста Служенко. Меня не было въ это время, но Воронецъ разсказывалъ, что этотъ бравый офицеръ ѣхалъ вдоль стѣны въ бѣломъ кителѣ, на вороной лошади, представляя такимъ образомъ слишкомъ хорошую мѣту, что ему и замѣчали. «Я вижу, что онъ что-то склонился надъ сѣдломъ, разсказывалъ Воронецъ, и спрашиваю: Служенко, что съ вами? ничего не отвѣчаетъ. Сняли съ лошади—пуля въ животѣ».

Я воспользовался маленькимъ затишьемъ, чтобы попробовать объѣхать мое новое пріобрѣтеніе—рыжаго туркмена, захваченнаго на вылазкѣ. Но не успѣлъ отъѣхать и 100 саженъ, какъ разразился цѣлый адъ—сильнѣйшій изъ всѣхъ бывшихъ приступовъ къ крѣпости.

Передавши лошадь на руки первому казаку, я бросился къ битвѣ. Узбеки, должно быть, давно уже прокрались къ стѣнамъ черезъ сакли, которыя къ ней въ этомъ мѣстѣ, т.-е. у самыхъ воротъ, примыкали, разобрали стѣну такъ тихо, что рѣшительно

никакого шума мы не слыхали и чрезъ постройки, выходившія на эту сторону, ринулись на наше орудіе. При этомъ, кромѣ пуль, посыпался черезъ кровли сакль цѣлый градъ, очевидно, заранѣе приготовленныхъ камней. Первое привѣтствіе, полученное мною, былъ страшный ударъ камня въ лѣвую ногу — я взвылъ отъ боли! думалъ нога переломлена—нѣтъ, ничего. Всѣ кричатъ ура, но впередъ не идетъ никто. Вижу, въ самой серединѣ Назаровъ, раскраснѣвшійся отъ злости, бьетъ солдатъ на отмахъ шашкою по затылкамъ, понуждая идти впередъ, но тѣ только пятятся. «Черкасовъ! —раздается его голосъ,—лупите вы этихъ подлецовъ!» Мысли, буквально, съ быстротою молніи мелькаютъ въ такія минуты: моя первая мысль была—не идутъ, надо пойти впереди; вторая—вотъ хорошій случай показать, какъ надобно идти впередъ; третья—да, вѣдь убьютъ навѣрно; четвертая—авось не убьютъ! Двухъ секундъ не за-

Узбекъ изъ Самарканда.

няли всѣ эти мысли; впереди была груда какихъ-то бревенъ, —въ моемъ очень не представительномъ костюмѣ, сѣромъ пальто на распашку, сѣрой же пуховой шляпѣ на головѣ, съ ружьемъ въ рукѣ, я вскочилъ на эти бревна, оборотился къ солдатамъ и, крикнувши: «братцы, за мной», бросился въ саклю на непріятельскую толпу, которая сдала и отступила. Я хорошо помню всѣ мои дѣйствія и побужденія и сознательно разбираю ихъ: первое движеніе, прибѣжавши благополучно въ саклю, было встать въ простѣнокъ между окнами, въ которыя убѣжавшій непріятель крѣпко стрѣлялъ, и такимъ образомъ сохраниться отъ пуль; то же сдѣлалъ вбѣжавшій за мною Назаровъ, благополучно миновавшій фатальное пространство, но многіе изъ слѣдовавшихъ за нами солдатъ попались; не мало убито наповалъ, много ранено, а нѣкоторыхъ, увлекшихся преслѣдованіемъ, непріятель захватилъ въ плѣнъ и, отрѣзавъ имъ головы, унесъ. Одинъ солдатикъ чуть не сшибъ меня съ ногъ: раненый въ голову, онъ такъ чубурахнулся объ меня, что совсѣмъ закровянилъ пальто мое. Онъ хрипѣлъ еще, я вынесъ его, но онъ скоро умеръ, бросивъ на меня жалкій взглядъ, въ которомъ мнѣ видѣлся укоръ: какъ будто онъ говорилъ: зачѣмъ ты завелъ меня туда! Эти взгляды умирающихъ остаются памятными на всю жизнь!

Какъ теперь помню: когда генералъ Кауфманъ посѣтилъ раненыхъ послѣ дѣла подъ Чопанъ-Ата, 1-го мая, т.-е. послѣ первой битвы подъ Самаркан-

домъ, имѣвшей результатомъ занятіе города, онъ подошелъ къ одному молодому офицеру, раненому въ голову, который, по приговору врачей, долженъ былъ умереть. Я стоялъ около и слышалъ, что на ласковый и сочувственный опросъ генерала раненый отвѣчалъ тихо, толково и вѣжливо. Но когда Кауфманъ сталъ говорить ему, что *главное* сдѣлано, непріятель разбитъ и городъ занятъ, больной ничго не отвѣтилъ, лишь взглянулъ, но какъ взглянулъ— сердито, зло!—*главное* для него, очевидно, была его рана.

Непріятель отошелъ, но не ушелъ и такъ безпокоилъ насъ своею стрѣльбою, что я уговорилъ Назарова перейти въ наступленіе: мы перепрыгнули черезъ брустверъ и съ здоровымъ ура! атаковали враговъ съ фланга. Я бѣжалъ впереди и на счастье мое оглянулся—никого за мною не было; всѣ солдаты, какъ бараны, сбились въ кучу, кричатъ ура! стрѣляютъ, но не двигаются. Тщетно опять Назаровъ лупилъ ихъ, называлъ подлецами, трусами, тщетно на этотъ разъ и я взывалъ: «за мной, братцы, за мной»,—за мной никто не шелъ; совершенно охрипши и истощивъ весь запасъ терпѣнія, я обратился къ Назарову:—«Велите ударить отбой Николай Николаевичъ, не пойдутъ!» Барабанщикъ ударилъ отбой и мы воротились. Отчего не пошли солдаты? Насъ было совсѣмъ не мало, человѣкъ полтораста, а непріятеля совсѣмъ не очень много, можетъ быть, нѣсколько сотенъ и разсыпаннаго, видимо отступав-

шаго; тѣмъ не менѣе я живо помню, какъ передніе пятились на заднихъ, какой ужасъ написанъ былъ на всѣхъ лицахъ; я объясняю это, хотя и не увѣренно и во всякомъ случаѣ не вполнѣ, тѣмъ, что солдаты боялись, выйдя за крѣпость, быть отрѣзанными, потеряться въ безконечномъ числѣ улицъ, переулковъ. Такъ или иначе, непріятель былъ совершенно отогнанъ и даже наша послѣдняя вылазка была не безполезна, такъ какъ послѣ нея перестали такъ крѣпко стрѣлять въ насъ.

Кстати замѣчу здѣсь, что, по мнѣнію моему, такъ называемое предчувствіе—не что иное, какъ маленькая трусость, весьма понятная и извинительная въ серьезной опасности, которая заставляетъ насъ ожидать всего худшаго. Случится такъ, какъ боялся, что случится—говоришь: я предчувствовалъ это; не случится — все сейчасъ же и забывается. Одинъ юный офицерикъ, при началѣ этого дѣла, съ видимымъ страхомъ смотрѣлъ на свалку, укрываясь отъ пуль и камней подъ крышей ближней сакли, и когда я поровнялся, шепнулъ мнѣ:

— «Я чувствую, что буду сегодня убитъ».

— Что за вздоръ—успѣлъ я отвѣтить ему.

— «Вы не вѣрите! вотъ увидите»...

Я не имѣлъ времени разсуждать болѣе, но помню, что меня поразила увѣренность, съ которою онъ произнесъ послѣднія слова. «Бѣдняга»—мелькнуло въ умѣ, какое сильное предчувствіе, въ самомъ дѣлѣ не ухлопали бы его! И что же? — не только малаго

не убили, но и не ранили. Когда я напомнилъ ему послѣ, онъ отвѣтилъ съ неудовольствіемъ: «ну, пустяки!»

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли сравнительно много народа. Я наложилъ потомъ стогомъ двѣ арбы тѣлъ. Нѣкоторые были мертвы уже, другіе еще пускали духъ или пузырьки—послѣдніе преимущественно изъ тѣхъ, что выпили лишнюю рюмку водки передъ дѣломъ. Всѣ мы замѣтили, что орудіе наше что-то не стрѣляло. Назаровъ сталъ допрашивать: оказалось, что фейерверкеръ, такъ браво служившій все время свою службу, преждевременно отпраздновалъ побѣду, тоже, вѣроятно, лишнею рюмкою и съ пьяныхъ глазъ не такъ всунулъ гранату, которая засѣла трубкою и ни тпру, ни ну! Счастливо мы отдѣлались. Всѣ до того устали, что никто не хотѣлъ приняться за уборку убитыхъ и раненыхъ—однихъ убитыхъ оказалось 40 человѣкъ.

Ужасны были тѣла тѣхъ нѣсколькихъ солдатъ, которые зарвались и головы которыхъ, какъ я сказалъ, были глубоко вырѣзаны изъ плечъ, чтобы ничего, вѣроятно, не потерять изъ доставшагося трофея. Солдаты кучкою стояли кругомъ этихъ дѣлъ и рѣшали, кто бы это могъ быть—«Сидороу или Федороу» и, только по нѣкоторымъ интимнымъ знакамъ на тѣлѣ земляки признали одного изъ нихъ. Извѣстно, что за каждую доставленную голову убитаго непріятеля выдается награда преимущественно одеждою и это не въ одной Средней Азіи, но и въ Европѣ—у турокъ,

у албанцевъ, черногорцевъ и друг. Этотъ случай далъ мнѣ также тему для небольшой картины, представляющей собиранiе въ мѣшокъ головъ убитыхъ непрiятелей.

У меня за этотъ штурмъ одна пуля сбила шапку съ головы, другая перебила стволъ ружья, какъ разъ на высотѣ груди—значитъ отдѣлался дешево. Я надѣлъ на голову и носилъ слѣдующiе дни бѣлый чехолъ съ офицерской фуражки, и теперь еще гдѣ-то сохраняющiйся у меня. Назаровъ вышелъ цѣлешенекъ. Этотъ человѣкъ былъ храбръ какою-то особенною, солдатъ выразился бы—залихватскою храбростью.

Атаковавшiе зашли такъ далеко, что воткнули и даже привязали къ саклямъ у стѣны близъ воротъ большое красное съ буквами, вѣроятно, именемъ Аллаха, знамя; снять его было трудно потому, что, занявши дома противоположной улицы, они продолжали бить по нашимъ. Я рѣшился отвязать этотъ позорный, для крѣпости нашей, флагъ и, какъ Николай Николаевичъ ни отговаривалъ, благополучно исполнилъ работу, хотя пульки въ продолженiе ея такъ и ударялись подлѣ. Съ торжествомъ вынесъ я мой трофей на его высочайшемъ шестѣ и вручилъ отцу-командиру, т.-е. Назарову. Что же онъ сдѣлалъ? Передалъ командующему войсками? Поставилъ въ походную церковь?—Нѣтъ!—къ ужасу моему, онъ отдалъ это знамя солдатамъ на портянки. Послѣ, глядя на значки и знамена, стоявшiе кругомъ палатки Кауфмана, я сравнивалъ ихъ со взятымъ

мною и находилъ, что послѣднее было и выше, и красивѣе. Больше же всего было обидно то, что

Еврей.

когда я розыскалъ моего коня, онъ оказался привязаннымъ веревочкою, а это значило, что въ то время,

какъ я нѣкоторымъ образомъ проливалъ кровь за отечество, кто-то, вѣроятно изъ *пригнанныхъ* намъ на помощь казачковъ, утащилъ уздечку. Признаюсь,— не ожидалъ!

— «Василій Васильевичъ,—позвалъ меня Назаровъ, когда все успокоилось—пойдемъ поѣсть кисленькаго». Когда мы вошли въ помѣщеніе дворца, все бросилось благодарить: не говоря про евреевъ, татаръ, персіянъ, даже наши раненые повылѣзли привѣтствовать Назарова. Воображаю, каково имъ было слышать отсюда эту отчаянную пальбу и безпрерывные крики и понимать, что каждую минуту плотина можетъ сдать и потокъ затопитъ ихъ. Конечно, имъ вдали было страшнѣе, чѣмъ намъ вблизи.

Пріятели-купцы просто упали намъ на шею; они признались, что такой пальбы и шума еще не было прежде и они все время творили молитву.

— «Вы ранены»—говорятъ мнѣ, глядя на кровяныя пятна моего пальто; пришлось объяснить, какъ сосѣдъ, солдатъ, наградилъ меня этими пятнами, приказавши долго жить.

Осмотрѣвши свою аварію на ногѣ, я нашелъ, что изъ маленькой ранки на кости вытекло не мало крови. Милѣйшій Трубчаниновъ даже въ ужасъ пришелъ и совѣтовалъ обратиться къ доктору, но такъ какъ ни платье, ни бѣлье не были разорваны, то ясно было, что это простой ушибъ, и я стыдился показать себя раненымъ камнемъ. Мы зашли къ Служенко. Кажется, онъ призналъ насъ, но говорить не

могъ. По словамъ его окружавшихъ, онъ страшно мучился. Черезъ день, слышимъ—умеръ.

Возвратясь къ воротамъ, мы застали нѣсколько офицеровъ, пришедшихъ поразузнать о подробностяхъ дѣла; они наслышались о томъ, какъ я воевалъ, не щадя живота, и горячо поздравляли меня.

— «Вамъ первый крестъ, Василій Васильевичъ»,— сказалъ Б., думая, конечно, сдѣлать мнѣ пріятное, но я энергично протестовалъ противъ этого, потому что, признаюсь, къ нѣкоторому чувству тщеславія, возбужденному такими словами, примѣшивалось и порядочное чувство гадливости: едва ли не лучшія часы моей жизни были эти два дня, проведенные въ самой высокой дружбѣ, въ самомъ искреннемъ братствѣ, устремленныхъ къ одной общей цѣли, всѣми хорошо сознаваемой,—всѣмъ одинаково близкой— оборонѣ крѣпости. Я хорошо помню и искренно говорю, что ни разу мысль о какой бы то ни было наградѣ не приходила мнѣ въ голову, и вдругъ стали считать заслуги, кто что совершилъ, кто что можетъ получить, получитъ ли? и проч. Батюшки, пощадите... Съ горя я взялъ ружье и ушелъ въ нашу башню при воротахъ—стрѣлять враговвъ, нѣтъ-нѣтъ да и подвертывавшихся подъ выстрѣлы.

Подъ вечеръ пришли еще 2 офицера отъ другихъ воротъ узнать, какъ дѣла идутъ. Такъ какъ было совсѣмъ спокойно, то я пригласилъ ихъ прогуляться по нашему «бульвару», т.-е. по выжженой улицѣ,

между трупами. Взявши подъ ручки, я вывелъ ихъ за брустверъ; Назаровъ, Черкасовъ и другіе офицеры послѣдовали за нами. Правду сказать, глубокая тишина была нѣсколько тосклива; гдѣ-то недалеко выла собака, трещалъ огонь кое-гдѣ догоравшихъ домовъ; шипѣнье пули, ударившейся въ песокъ въ аршинѣ отъ меня, дало знать, что за нами слѣдятъ, а приближающіеся голоса и совсѣмъ убѣдили убраться по добру по здорову во свояси—мы даже не были вооружены.

Когда совсѣмъ стемнѣло, Назаровъ повелъ насъ опять на вылазку: мы выжгли всѣ дома вдоль стѣнъ, еще на бо̀льшее разстояніе, вплоть до самаго угла, мѣста нашей прежней стоянки, и опять, какъ только зарево пожара обратило на наши подвиги вниманіе осаждавшихъ, благоразумно ретировались, не потерявъ ни одного человѣка.

Назаровъ былъ опять въ туфляхъ и едва не обжогъ себѣ ноги, что, впрочемъ, не исправило его—покой дороже всего!

На слѣдующій, третій день осады приступы были легче, хотя перестрѣлка не умолкала, то разгораясь, то затихая. Полковникъ нашъ предпринялъ вылазку подальше въ городъ, чтобы выжечь всю вторую улицу вдоль стѣнъ—элементарная предосторожность, которую долженъ былъ бы исполнить еще много ранѣе самъ командующій войсками, очевидно по добротѣ душевной не рѣшившійся наносить жителямъ изъяна—результатъ былъ тотъ, что перебили

у насъ много народа, да вдобавокъ чуть не отобрали крѣпость, паденіе которой было бы безспорно сигналомъ для общаго возстанія средней Азіи. Будь очищенъ кругомъ крѣпости правильный зонъ, нападеніе на нее если бы не было вполнѣ невозможно, то во всякомъ случаѣ въ пять разъ труднѣе.

Отрядъ нашъ, назначенный для вылазки, оставивши часть солдатъ съ офицеромъ у Бухарскихъ воротъ, направился къ Джузакскимъ, гдѣ послѣ выстрѣла изъ орудія и дружнаго «ура» Назаровъ какъ кошка бросился за стѣну. Я скоро обогналъ его, побѣжалъ впереди и на поворотѣ въ первую же улицу лавокъ пріостановился, подзывая товарищей: передо мной вразсыпную бѣжало множество народа; нѣкоторые, оборачиваясь, стрѣляли; большинство безъ ружей съ батиками *) и саблями, спасалось. Здѣсь случился со мной такой казусъ: съ криками ура! мы бѣжимъ по улицѣ; я валяю впереди и, увлекшись преслѣдованіемъ двухъ сартовъ, забѣгаю въ улицу направо; они—еще направо, я—за ними. Передній успѣлъ шмыгнуть въ ворота, а задняго я нагналъ: онъ прислонился къ углу и ждалъ меня съ батикомъ; я размахнулся штыкомъ, но платье было толстое ватное, да къ тому же дѣтина съ отчаяніемъ уцѣпился за штыкъ, отвелъ ударъ и въ свою очередь замахнулся на меня батикомъ. Мы схватились въ рукопашную. Я не нашелъ ничего лучшаго, какъ

*) Батикъ—палка съ желѣзнымъ шаромъ и зубцами на концѣ.

колотить его по головѣ, а въ кулакѣ-то у меня была коробочка со спичками для зажиганія домовъ—спички-то воспламенились и обожгли мнѣ руку. Видя такой неумѣлый пріемъ борьбы, противникъ мой, крѣпкій, съ просѣдью мужчина, ободрился, опустилъ свое оружіе и сталъ отнимать у меня мое. На бѣду другой сартъ, спасшійся было въ ворота, тоже показалъ снова свой носъ. Я понялъ, что меня сейчасъ убьютъ—кругомъ не было ни души—и что есть силы закричалъ: «братцы, выручай», закричалъ почти безнадежно, но солдаты услышали: одинъ прибѣжалъ, ружье на руку, размахнулся,—но тотъ съ отчаяніемъ уцѣпился и за этотъ штыкъ; тогда солдатъ снова размахнулся — на этотъ разъ штыкъ глубоко вошелъ—и мой противникъ склонился. Я отъ души поблагодарилъ солдата за спасеніе и обѣщалъ ему 10 рублей. Эта штука, однако, не исправила меня и сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ я нарвался второй разъ. То же безконечное «ура» и погоня за утекающимъ непріятелемъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ вскочили въ лавку, я за ними, опять крѣпко опередивши товарищей. Какъ они набросятся на меня, нѣсколько-то человѣкъ, одинъ чѣмъ-то дубаситъ, другіе выдергиваютъ ружье. Признаюсь, у меня была одна мысль: батюшки мои, отнимутъ ружье, срамъ! Опять подбѣжали солдаты, выручили, переколовши всѣхъ—но голову мою таки наколотили.

По временамъ мы останавливались и зажигали преимущественно базарныя циновки; скоро цѣлая

улица запылала, такъ что высокій дымъ поднялся по всему нашему пути.

Хотя тутъ были все сплошь лавки, солдаты вели себя очень прилично, ничего и не подумали грабить; убивать, разумѣется, убивали всѣхъ, кто ни попадалъ подъ руку, но никакихъ безполезныхъ жестокостей себѣ не позволяли. Разъ только я видѣлъ, какъ одному изъ валявшихся труповъ солдатъ воткнулъ штыкъ въ глазъ, да еще повернулъ его, такъ что въ черепѣ скрипнуло... я только хотѣлъ сказать: «что ты дѣлаешь!» какъ слышу *трахъ!*—звукъ здоровой оплеухи и голосъ Назарова: «Ахъ ты, подлецъ, убитому-то!» Мы прошли такимъ образомъ до самыхъ Бухарскихъ воротъ, потерявши очень мало народа, двухъ или трехъ, и то только ранеными.

Когда мы возвратились, насъ встрѣтилъ комендантъ съ нѣсколькими офицерами; онъ, кажется, сильно перетревожился, извѣстясь, что Назаровъ рискнулъ слабыми силами и перешелъ въ наступленіе, но узнавши о нашей малой потерѣ, успокоился. Мы встали вофронтъ, я на правомъ флангѣ; *Штемпель* въ самыхъ милыхъ выраженіяхъ благодарилъ всѣхъ и за отбитіе штурмовъ, и за вылазку; я получилъ на свойпай нѣсколько очень лестныхъ словъ, до слезъ меня тронувшихъ.

Оказывается, что бравому Штемпелю прибѣжали сказать: «Назаровъ перепоилъ людей и убѣжалъ съ ними въ городъ»—было отъ чего сконфузиться и поспѣшить на мѣсто дѣйствія! Впрочемъ, по боку это, лучше думать, что это не правда.

На счетъ схватокъ моихъ было не мало шутокъ и смѣха: о первой разсказывалъ только мой «спаситель»,—другіе, подбѣжавшіе послѣ, не застали этого поединка. — «Слышу, говоритъ, ревутъ, спасите! — я туда, вижу Василій Васильевичъ, бѣлехонекъ, какъ смерть, борется со старымъ сартомъ, тотъ его ужъ одолѣваетъ...» Вторая «оказія» была на большой улицѣ въ виду у всѣхъ; ее видѣли и офицеры и подтрунивали потомъ надо мною: что, Василій Васильевичъ, каково васъ въ лавку-то зазвали? или: Василій Васильевичъ, разскажите, какъ у васъ, говорятъ, ружье чуть не отняли!.. Признаюсь, меня внутренно, невидимо, конечно, для постороннихъ, душилъ, какъ кошмаръ, вопросъ: почему я не пустилъ въ дѣло револьверъ? въ карманѣ былъ небольшой «*Смитъ и Весcенъ*», не важнаго, правда, калибра, но достаточный, чтобы убить человѣка, на такомъ близкомъ разстояніи, и я его не пустилъ въ ходъ—почему? а просто потому, что забылъ о немъ. Часто потомъ и днемъ, и ложась спать и просыпаясь, когда, обыкновенно, перебираешь свои поступки, я мысленно возобновлялъ въ умѣ всѣ перипетіи этихъ схватокъ, мысленно хватался за револьверъ, стрѣлялъ раза два, даже три, или дѣлалъ то, что сдѣлалъ солдатъ, т.-е. вырывалъ у врага штыкъ изъ рукъ и снова всаживалъ, уже въ самыя внутренности... Утѣшаясь нѣсколько мыслью, что солдату это легче было сдѣлать, такъ какъ мнѣ пришлось держать замахнувшуюся руку съ батикомъ, я все-таки не могъ себѣ простить моей не-

догадливости и только сравнительно недавно успокоился на увѣренности, что самое пустое дѣло иногда не сразу дается...

Было очень жарко. Не имѣя въ эту минуту подъ руками книжки моихъ замѣтокъ, не могу сказать, какія это были именно числа мѣсяца, но знаю, что былъ конецъ мая; солнце палило страшно и трупы, облегавшіе наши ворота, начали издавать невыносимое зловоніе, которое приходилось терпѣть, такъ какъ безпрерывно нападали на насъ и, не рискуя большою потерею людей, нельзя было выйти за стѣны. Теперь, когда стало поспокойнѣе, *Назаровъ* рѣшилъ сдѣлать еще вылазку для уборки тѣлъ; цѣпь оберегала насъ, пока мы занимались этимъ пріятнымъ дѣломъ, главную долю котораго пришлось вынести на себѣ, несмотря на то, что я брезгливъ на счетъ труппаго запаха. Повѣрятъ ли—никто не хотѣлъ приступиться, такъ какъ всѣхъ солдатъ тошнило; еще Черкасовъ, кажется, распоряжался, но милѣйшій Воронецъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, отошелъ красный отъ слезъ... Нечего дѣлать, я всаживалъ штыкъ въ извѣстное мѣсто и проталкивалъ тѣла до большаго арыка, т.-е. канавы. Около самой стѣны валялась сѣрая лошадь, павшая еще въ первый день, въ одно изъ бѣшеныхъ нападеній на насъ; я видѣлъ ее тогда сильною, прекрасною, очевидно, подъ какимъ-то начальникомъ, налетѣвшимъ во главѣ толпы подъ полный зарядъ картечи и рухнувшимъ вмѣстѣ съ нею — его тутъ же подхватили и утащили свои, а

лошадь лежала теперь вздутая до невѣроятныхъ размѣровъ. Какъ только мы тронули ее съ мѣста, она, уже обратившись въ настоящій кисель, треснула по всѣмъ швамъ и разлѣзлась; тутъ была сцена, трудно поддающаяся описанію: всѣ мы лоскомъ легли, т.-е. не въ буквальномъ смыслѣ, а въ томъ, что всѣ въ судорогахъ, скорчившись, а нѣкоторые ползкомъ, отошли прочь—никакой, повидимому, возможности работать! Однако, кое-кто доброю волею, нѣкоторые послѣ строгаго приказанія, взялись за эту тушу, утащили ее, подобрали остатки и проч., и проч.

Между солдатами, надобно замѣтить, мало было такихъ, которые охотно шли впередъ на вѣрную опасность, только нѣкоторые были замѣчательно храбрые ребята: напримѣръ, *Ивановъ*—крѣпкій, толстоголовый блондинъ, лѣзшій рѣшительно всюду, какъ будто не разбирая есть опасность или нѣтъ; что у него было на душѣ—не знаю, но снаружи онъ казался совсѣмъ пассивнымъ. Онъ уцѣлѣлъ за эти дни самаркандскаго сидѣнія, но, помнится, мнѣ говорили потомъ, что онъ былъ убитъ въ одной изъ экспедицій. Благодаря неуклюжести этого храбраго дѣтины, мы всѣ, находившіеся для стрѣльбы въ башнѣ, въ числѣ 15—20 человѣкъ, чуть разъ не погибли: осаждающіе что-то работали подъ самыми стѣнами — подозрѣвалось, не дѣлаютъ ли подкопа подъ стѣну, къ чему поползновенія у нихъ были; поэтому, чтобы не рисковать людьми для вылазки, надобно было бросить нѣсколько ручныхъ гранатъ. Взялся бросить Ивановъ; онъ

влѣзъ на укрѣпленныя вверху башни балки, перешептываясь и любовно перебраниваясь съ товарищами: «Чего стоишь-то, давай!» — «Бери, да ты ступай выше!» — «Куда выше-то, ступай самъ, што ли!» — А и то пойду, что ты думаешь!..» Наконецъ, взялъ въ руки гранату, размахнулся, подбросилъ — и она упала посреди насъ... Всѣ ошалѣли — и я въ первую минуту, признаюсь, въ томъ числѣ; потомъ, сообразивши опасность, я какъ заяцъ выпрыгнулъ оттуда съ крикомъ: «спасайся, братцы!» Всѣ, въ томъ числѣ и Ивановъ, успѣли выбѣжать; раздался взрывъ, тѣмъ болѣе страшный, что онъ былъ въ тѣсномъ пространствѣ, поднявшій и разбросавшій массу кирпичей и камней. Ужъ досталось же потомъ Иванову отъ товарищей. Надо было слышать, какъ они пилили его: «Ну что было бы, Иванову, кабы ты насъ всѣхъ убилъ, а? — Нѣтъ, ты скажи, что бы было, вѣдь ты и Василья Васильевича положилъ бы!» Ивановъ не зналъ, куда дѣваться отъ конфуза. Ужъ я заступился разъ. — «Да оставьте вы его, что бы ни было — дѣло прошлое, что вы его корите!» Но при первомъ же случаѣ шутники опять начали: «такъ, какъ же, Иванову! какъ ты насъ взорвать-то хотѣлъ...»

Мы узнали, что съ перваго же дня осады комендантъ отправилъ гонца изъ туземцевъ къ генералу Кауфману съ обязательствомъ воротиться и принести отвѣтъ. Такъ какъ этому джигиту обѣщали за исполненіе коммиссіи 100 рублей и еще какую-то награду, то полагали, что коли онъ не явился, зна-

чить, убить, что и подтвердилось потомъ. Каждый день маіоръ Сѣровъ пріискивалъ надежныхъ людей, которые, за вознагражденіе, все болѣе и болѣе увеличиваемое, брались увѣдомить командующаго войсками о нашей незавидной участи. Комендантъ писалъ маленькія записочки по-нѣмецки, въ которыхъ увѣдомлялъ, что приступы не прекращаются, мы начинаемъ ощущать недостатокъ въ водѣ, въ соли, убитыхъ и раненыхъ много—по числу гарнизона, чуть не половина. Словомъ, положеніе дѣлается критическимъ... Отвѣта не было! Мнѣ разсказывали потомъ,—не знаю, вѣрно ли это,—что послѣ сильнаго приступа второго дня комендантъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было драться до послѣдней крайности, и если одолѣютъ, т.-е. войдутъ въ крѣпость, то собраться всѣмъ въ ограду эмирова дворца, еще защищаться, сколько будетъ возможно, и затѣмъ взорваться—вотъ спасибо!.. Назаровъ, какъ тоже разсказывали, былъ не согласенъ съ этимъ рѣшеніемъ и брался, коли придется уступить крѣпость, за невозможностью защищать ее, пробиться съ остатками гарнизона до главнаго отряда. Хотя мнѣніе его не было принято, онъ говорилъ будто послѣ, что такъ бы и поступилъ, т.-е. на свой страхъ сталъ бы пробиваться. Что касается Штемпеля, то съ этого тщедушнаго, морщинистаго, любезнаго, но молчаливаго русскаго нѣмца, едва, впрочемъ, владѣвшаго нѣмецкимъ языкомъ, стало бы исполнить рѣшеніе и отправить насъ всѣхъ сначала на воздухъ, а потомъ туда, откуда никто еще не возвращался.

Мы, молодежь, тогда ничего этого не знали и были далеки отъ мысли, что такія кровожадныя рѣшенія приняты нашими командирами. На третій же день, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Сѣровымъ отъ лазутчиковъ, сдѣлалось извѣстно, что генералъ Кауфманъ идетъ къ намъ на выручку, о чемъ комендантъ и объявилъ гарнизону, для ободренія его, но въ этой вѣсти была только доля правды. Какъ узналось послѣ, дѣло обстояло такъ: изъ нашихъ джигитовъ, посланныхъ съ помянутыми извѣстіями къ Кауфману, ни одинъ до него не добрался—всѣхъ ихъ перехватали и всѣмъ перерѣзали горло, несмотря на то, что они пробирались пѣшкомъ, или, вѣрнѣе, ползкомъ. Генералъ же, побивши бухарцевъ подъ Зера-Булакомъ, дѣйствительно, остановился и далѣе не пошелъ, что и было тотчасъ, по обыкновенію, быстрѣе вѣтра, сообщено туземцами своимъ единомышленникамъ въ Самаркандѣ и значительно посбавило у нихъ куража.

Разбивши эмира, Кауфманъ собралъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса идти впередъ, или воротиться. Пріятель мой, генералъ Гейнсъ, совѣтовалъ итти немедленно на Бухару, разрушить ее и тамъ предписать миръ эмиру; генералъ Головачевъ подалъ противоположное мнѣніе; онъ указалъ на неполученіе вѣстей изъ Самарканда, на настойчивые слухи о томъ, что городъ этотъ въ возстаніи, крѣпость по однимъ—штурмуется, а по другимъ — уже взята возставшими жителями, вмѣстѣ съ подошедшими ша-

хрисябцами. Генералъ Кауфманъ, самъ очень обезпокоенный неполученіемъ вѣстей отъ насъ, присоединился къ послѣднему мнѣнію, что и спасло насъ; пойди отрядъ въ Бухару, намъ бы не удержать крѣпости. Лично я, напримѣръ — смѣло могу сказать, если не самый ретивый и неутомимый изъ защитниковъ, то одинъ изъ таковыхъ—начиналъ чувствовать усталость; послѣ сильнаго приступа второго дня, самъ про себя, т.-е. совершенно искренно, я занялся вопросомъ: а что, если такъ будетъ еще нѣсколько дней, — «хватитъ силъ или нѣтъ?» — и рѣшилъ, что «врядъ ли...»

Правду говорятъ, что Господь умудряетъ младенцевъ: одинъ Г. былъ очень умный, талантливый человѣкъ, другой Г. былъ бравый, но не очень умный и безъ особенныхъ талантовъ—первый, однако, ошибся, а второй угадалъ; спасибо ему за это, а главное — миръ его праху, такъ какъ онъ умеръ потомъ въ черномъ тѣлѣ: замѣшанный противъ воли въ кляузномъ дѣлѣ матерьяльныхъ интересовъ, онъ долженъ былъ подать въ отставку.

Несмотря на оповѣщеніе, что главный отрядъ идетъ къ намъ на выручку, дни проходили, а о помощи не было ни слуху, ни духу. По прежнему у насъ, съ утра до вечера, была перестрѣлка и иногда то тамъ, то сямъ нападенія, далеко, однако, не такія отчаянныя, какъ прежде. Мы видѣли, что число атакующихъ было меньше, но только послѣ узнали, что войска Шахрисябза, опасаясь мщенія Ярымъ-пади-

шаха, т.-е. полу-царя, какъ они называли генералъ-губернатора, стали отходить и вскорѣ совсѣмъ улетучились.

Наши купцы такъ ободрились за это время, что цѣлою гурьбою, подъ покровительствомъ жившаго вмѣстѣ съ ними военнаго интендантскаго чиновника, отправились къ стѣнамъ — посмотрѣть и себя показать, но увы! отецъ командиръ, интендантскій чиновникъ, былъ немедленно же убитъ на повалъ, и вся компанія воротилась домой съ тѣмъ, чтобы болѣе уже не любопытствовать.

Дѣлать большія вылазки мы болѣе не стали, такъ какъ убыль въ людяхъ была и безъ того слишкомъ велика и комендантъ не хотѣлъ рисковать, но выжигать прилегающіе къ стѣнамъ дома ходили. Назаровъ выжегъ все по направленію отъ Бухарскихъ воротъ къ той дорогѣ, по которой долженъ былъ войти отрядъ, не безъ задней мысли, какъ самъ онъ признавался—показать командующему войсками, что слѣдовало бы ему сдѣлать передъ уходомъ, для обезпеченія крѣпости.

Надобно сказать, что генералъ *Кауфманъ*, не говоря о многихъ другихъ чудныхъ его качествахъ, былъ еще человѣкъ высокой доброты: онъ не далъ пальцемъ тронуть жителей, когда занялъ Самаркандъ, и, конечно, не могъ рѣшиться уничтожить треть города вокругъ крѣпости и раззорить столько народа, ничѣмъ еще оффиціально не провинившагося; этимъ только и можно объяснить то, что онъ ушелъ впе-

редъ, не приведя крѣпость въ тылу въ состоянiе возможности обороняться.

Хлѣба у насъ было довольно, вода плоха, соли, какъ сказано, недостаточно, мясо тоже было, но сѣна для лошадей и скота не хватало, пришлось предпринять фуражировку по всѣмъ правиламъ военнаго времени. Мы прошли тайнымъ проходомъ подъ стѣной, который обыкновенно былъ заваленъ, залегли въ цѣпь и перестрѣливались съ окрестными садами, пока солдаты-косари выстригли порядочную площадку клевера; тогда мы, тихо ретируясь, вошли опять въ крѣпость, почти безъ потерь.

Въ ожиданiи скораго освобожденiя, нашъ начальникъ артиллерiи рѣшился отомстить той мечети, съ минарета которой били по нашимъ раненымъ. Купецъ Трубчаниновъ, зная мою слабость къ мечетямъ, извѣстилъ меня:

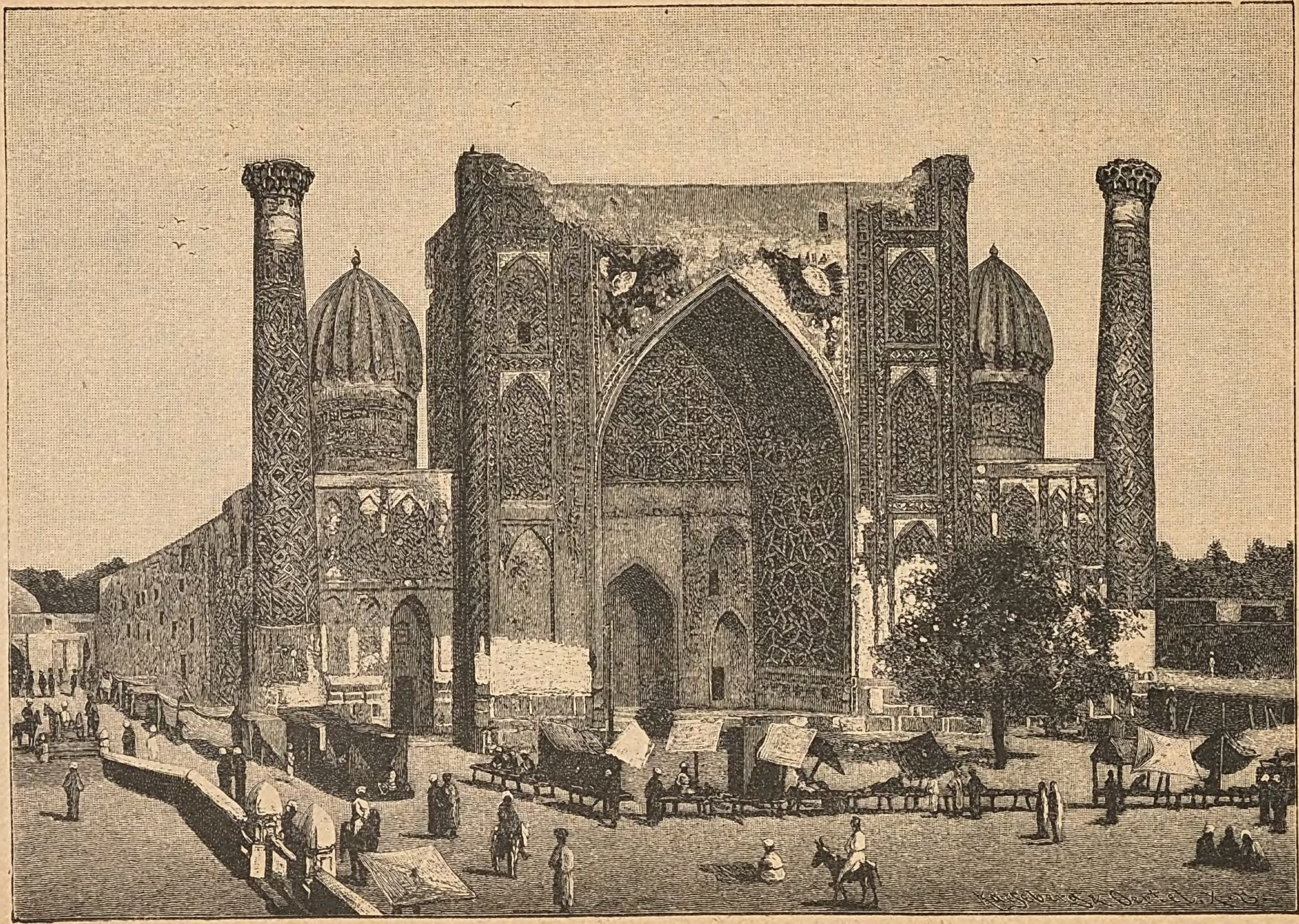
— Василiй Васильевичъ, вѣдь штукатурку-то отбиваютъ!

Штукатуркою онъ называлъ фаянсы, которыми мечеть была выложена и которыми, какъ онъ зналъ, я восхищался.

— Гдѣ, какъ?

Я бросился къ М. и едва, едва уговорилъ его пощадить минаретъ, въ который уже было пущено нѣсколько ядеръ.

На пятый или шестой день осады, не помню хорошенько, появился подъ воротами человѣкъ, махавшiй бумагою. Назаровъ не велѣлъ стрѣлять и подо-

Мечеть на Регистанѣ.

звалъ его. Здоровенный бородатый дѣтина, очевидно, не изъ трусовъ—потому что подошелъ подъ самый огонь нашихъ ружей — показалъ имѣвшееся у него писаніе, не по нашему, и полковникъ поручилъ мнѣ провести его къ коменданту. Я взялъ бумагу, вскинулъ ружье на плечо и повелъ этого посланца, державшагося, надобно сказать, съ большимъ достоинствомъ; передъ входомъ въ эмировъ дворъ, гдѣ былъ нашъ паркъ, раненые и проч., я завязалъ ему глаза носовымъ платкомъ, сказавши по-туземному:

— Не бойся.

— Я ничего не боюсь,—отвѣчалъ онъ.

Взявши за плечи, я протащилъ его до комнаты коменданта, гдѣ снялъ съ глазъ повязку. У Штемпеля въ это время былъ *Сѣровъ*, хорошо владѣвшій туземнымъ языкомъ. Онъ принялъ бумагу, просмотрѣлъ и началъ бранить моего парня самыми отборными, непечатными словами: оказалось, что онъ принесъ предложеніе о сдачѣ. «Спасенья вамъ нѣтъ, писали заправители возстанія, сдайте крѣпость, мы пропустимъ васъ свободно».

— Больше ничего не надобно?—спросилъ я начальство.

— Ничего, можете идти.

Я воротился и сообщилъ нашимъ какъ о предложеніи намъ сдаться, такъ и о немилостивомъ пріемѣ, сдѣланномъ комендантомъ этому предложенію.

Солдатики столько разъ уже слышали о томъ, что идутъ, идутъ намъ на выручку, что когда никто не

являлся, стали опять поговаривать: «видно, намъ здѣсь зимовать, забыли о насъ». Наконецъ, на седьмой день рано утромъ, въѣхалъ въ ворота, со стороны отряда, молодой джигитъ, благополучно проѣхавшій туда и привезшій назадъ отвѣтъ генерала. Мы смотрѣли на него, какъ на спасителя, и невзрачная, грязная физіономія его, повязанная еще грязнѣйшею тряпицей, положительно казалась намъ вдохновенною! Впрочемъ, онъ, повидимому, сознавалъ важность исполненнаго порученія и, кромѣ понятнаго довольства своимъ подвигомъ, предвкушалъ, вѣроятно, и удовольствіе полученія награды въ 300 руб., вмѣстѣ съ Георгіевскимъ солдатскимъ крестомъ. «Держитесь, писалъ генералъ Кауфманъ коменданту, завтра я буду у васъ». Какое же грянуло по всей крѣпости ура! когда сдѣлалось извѣстно содержаніе этого письма! Конечно, возставшіе поняли, что дѣло ихъ проиграно и, кромѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ головъ, не безпокоили болѣе насъ серьезно. Оказалось, что это былъ первый изъ посланцевъ, добравшійся до отряда, шедшаго уже обратно, остальные шесть человѣкъ были перехвачены и убиты.

Перестрѣлка по-прежнему продолжалась, даже вышла тревога, небольшое нападеніе вечеромъ, но эпопея, очевидно, приходила къ концу.

Эту ночь главный отрядъ ночевалъ недалеко отъ города, хорошо слышалъ нашу перестрѣлку и генералъ Кауфманъ особенно безпокоился нашими пушечными выстрѣлами. Г. разсказывалъ мнѣ послѣ, что

командовавшій войсками не спалъ всю ночь, все боялся, какъ бы не взяли крѣпость. Мы же и стрѣляли изъ пушекъ только для того, чтобы показать что еще держимся.

На другой день, какъ ни упрашивалъ меня Назаровъ и офицеры встрѣтить вмѣстѣ отрядъ, я ушелъ въ свою саклю и въ первый разъ послѣ 8 дней легъ на чистую простыню. Хотѣлось заснуть, но не могъ, нервы были слишкомъ напряжены. Я лежалъ въ полудремотѣ, когда ворвался ко мнѣ Николай Николаевичъ Назаровъ.

— Василій Васильевичъ! у меня свѣжій батальонъ, пойдемъ городъ жечь?!

— Нѣтъ, не пойду,—отвѣчалъ я.

— Пойдемъ!

— Не пойду.

— Такъ не пойдете?

— Нѣтъ.

— Ну, я пойду одинъ, пусть скажутъ, что Назаровъ сжегъ Самаркандъ!!!

Скоро огромный столбъ дыма далъ знать, что Назаровъ время не потерялъ — весь громадный базаръ запылалъ.

Добрѣйшій Кауфманъ, понимавшій, что надобно будетъ дать примѣръ строгости, очевидно, нарочно провелъ предыдущую ночь не доходя нѣсколько верстъ, чтобы дать возможность уйти бóльшему числу народа, особенно женщинамъ и дѣтямъ, за то теперь онъ отдалъ приказъ примѣрно наказать городъ, не щадить

никого и ничего. Одинъ военный интендантскій чиновникъ, бывшій въ числѣ добровольныхъ карателей, разсказывалъ, что «вбѣгаетъ онъ съ нѣсколькими солдатами въ саклю, гдѣ видитъ старую, престарую старуху, встрѣчающую ихъ словами: аманъ, аманъ! (будь здоровъ). Видимъ, говоритъ, что подъ рогожами, на которыхъ она сидитъ, что-то шевелится — глядь! а тамъ парень лѣтъ 16; вытащили его и пришибли, конечно, вмѣстѣ съ бабушкою».

Солдатамъ дозволили освидѣтельствовать лавки, и чего, чего они оттуда не натаскали! Нельзя было безъ смѣху смотрѣть, какъ они одѣвались потомъ во всевозможныя туземныя одѣянья, одно другого пестрѣе и наряднѣе. За нѣсколько рублей можно было купить у нихъ цѣлыя сокровища для этнографа.

А что погибло въ пожарѣ старыхъ, чудесной работы, деревянныхъ и мраморныхъ дверей, колонокъ и проч., то и вспомнить досадно!

Назаровъ потѣшился и съ лихвою заплатилъ городу за всѣ безпокойства, ему причиненныя въ продолженіе памятныхъ 8 дней осады; особенно вымѣстилъ онъ злобу на мечети Ширдари, съ минарета которой такъ мѣтко стрѣляли изъ фальконетовъ по нашимъ больнымъ, раненымъ и по артиллерійскому парку. «Всѣхъ перебилъ въ проклятой мечети», хвасталъ онъ потомъ. Такъ какъ у меня былъ въ этой мечети знакомый мулла, человѣкъ вѣжливыхъ манеръ и, казалось мнѣ, рѣдкой начитанности, котораго я, признаюсь, втайнѣ подозрѣвалъ въ помянутой злой

стрѣльбѣ по насъ, но участь котораго меня все-таки безпокоила, то я разспросилъ подробно одного изъ офицеровъ, участвовавшихъ въ истребительномъ подвигѣ Назарова, много-ли и какого народа нашли они въ мечети. «Нѣтъ, не много,—отвѣчалъ онъ, всѣ разбѣжались, подлецы!» Я вздохнулъ свободно. «Только одинъ старикашка мулла попался; повѣрите-ли, какъ кошка удралъ по лѣстницѣ на самый верхъ минарета».

— Ну?!

— Ну, конечно, сбросили его штыками оттуда.

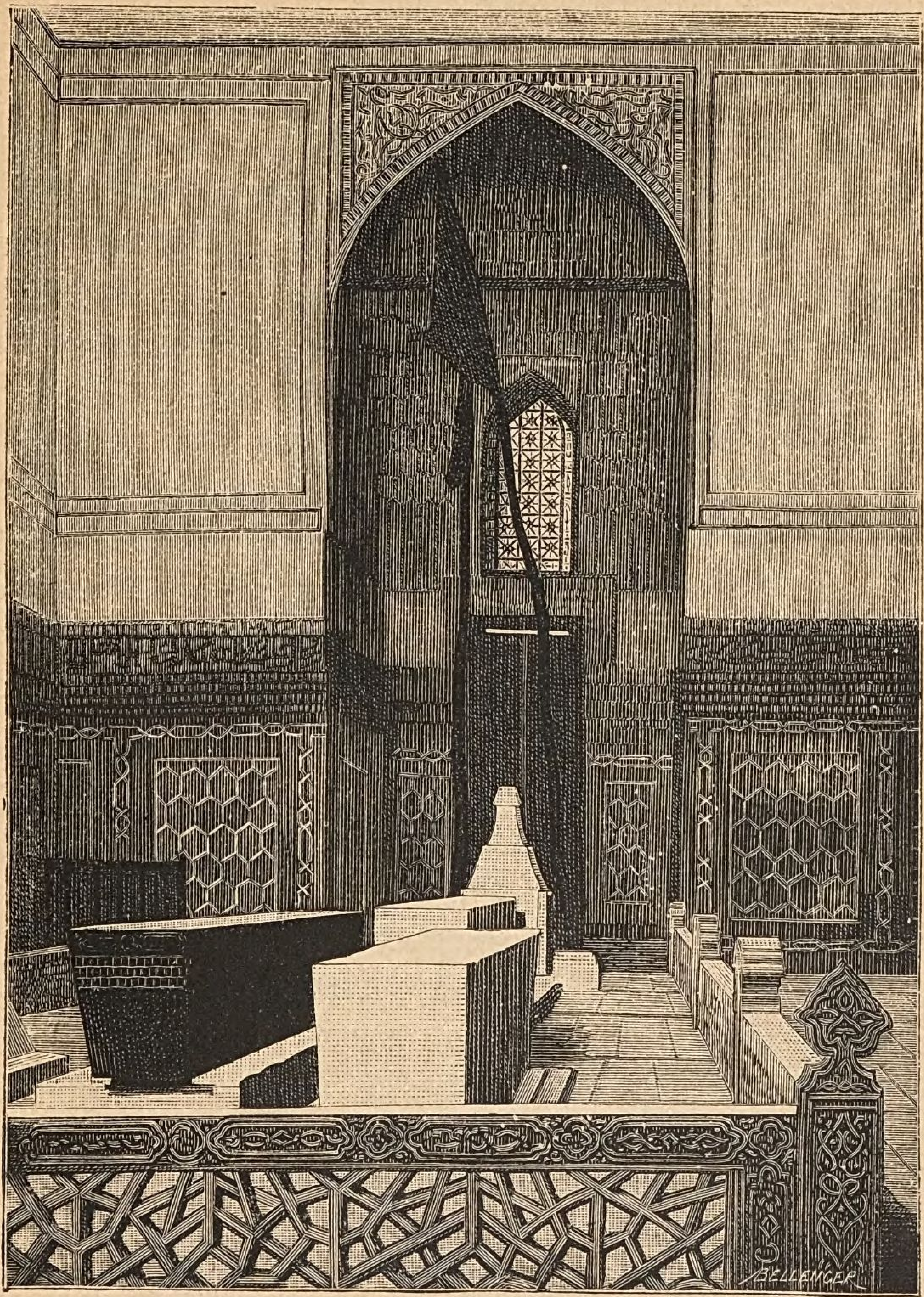
— Уфъ!!

* * *

Какъ теперь вижу генерала Кауфмана на нашемъ дворѣ, творящаго, послѣ всего происшедшаго, судъ и расправу надъ разнымъ людомъ или захваченнымъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, или уличеннымъ въ другихъ неблаговидныхъ дѣлахъ. Добрѣйшій Константинъ Петровичъ, окруженный офицерами, сидѣлъ на походномъ стулѣ и, куря папиросу, совершенно безстрастно произносилъ: «разстрѣлять, разстрѣлять, разстрѣлять, разстрѣлять!»

Случайно остановясь посмотрѣть эту процедуру, я увидѣлъ, въ числѣ подведенныхъ и моего знакомаго парламентера, подошедшаго къ нашимъ воротамъ съ предложеніемъ о сдачѣ.

— Неужели и его разстрѣляютъ,—спросилъ я генерала Г., тутъ же стоявшаго — я знаю этого человѣка за храбраго и порядочнаго.

BELLENGER

— Скажите Константину Петровичу, — отвѣчалъ онъ—для васъ его отпустятъ.

Нелегкая меня дернула, прежде чѣмъ обратиться къ генералъ-губернатору, сказать коменданту:

— Маіоръ, за что это хотятъ наказывать этого парламентера, вѣдь онъ, помните, держалъ себя порядочно?

— Напротивъ, онъ былъ дерзокъ, позвольте ужъ мнѣ лучше знать и проч., и проч.

Я видѣлъ, что вмѣшательство мое непріятно Ш. и отступился: однимъ больше, однимъ меньше!..

Надъ парламентеромъ, между тѣмъ, былъ уже произнесенъ роковой приговоръ и должно быть онъ понялъ, потому что его просто въ потъ бросило. Выходя со двора, бѣдняга спросилъ только «попить»; ему дали воды, онъ выпилъ, обтерся полою и покорно зашагалъ по пути въ ту область, гдѣ нѣтъ «ни печали, ни воздыханія».... и гдѣ не нужно будетъ никому предлагать сдаться.

Государь приказалъ наградить защитниковъ Самарканда, также какъ во время оно былъ отблагодаренъ отрядъ Воронцова на Кавказѣ—тремя наградами: чиномъ, крестомъ и деньгами; тотчасъ собравшаяся дума кавалеровъ Георгіевскаго ордена присудила этотъ крестъ единогласно и, если не ошибаюсь, первому—Василію Васильевичу, чему этотъ послѣдній, по правдѣ сказать, удивился: воевалъ я не щадя живота но не сдѣлалъ, казалось мнѣ, ничего такого, что подходило бы подъ весьма строгій статутъ ордена. Должно быть «подогнали» дѣло къ спасенію орудія.

Китайская граница. Набѣгъ.

1869.

Путешествуя по Китайской границѣ, я свернулъ къ укрѣпленію Борохудзиру, бывшему крайнимъ пунктомъ нашихъ владѣній къ сторонѣ Кульджи, отъ пикета Алтынъ-Имельской станціи, что по дорогѣ изъ Вѣрнаго въ Ташкентъ. Переваливъ черезъ невысокій хребетъ, тянущійся вдоль почтоваго пути, я сразу почувствовалъ перемѣну — стало теплѣе и тише, не такъ вѣтрено. Мы остановились отдохнуть и перемѣнить лошадей въ кочевкѣ управителя Алтынъ-Имельской волости, въ палаткѣ у хорошенькой киргизки, его родственницы.

Хозяйка разсказала о своемъ горѣ: недавно умеръ мужъ ея.

Я отвѣтилъ, что дѣло для нея поправимое, найдетъ другого, но она замахала руками: «Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно»; «ики балача баръ», т.-е. двое ребятишекъ у меня!

— Ну такъ что же, еще двое будутъ, не скучать же тебѣ всю жизнь одной.

Она отчаянно махнула рукою на мою нескромную рѣчь и поприлежнѣе наклонилась надъ своею работой—приготовленіемъ войлока для киргизскихъ сапогъ, который дѣлается такъ: на камышевую переборку отъ юрты, разостланную по землѣ, она накладывала размягченную шерсть, рядъ къ ряду, въ требуемую длину и ширину, смачивая и закатывая. Послѣ довольно продолжительнаго катанья получился тонкій войлокъ, который она свернула еще вдвое, подложила на мѣста схода краевъ еще шерсти, еще помочила и снова стала скатывать—вышелъ войлочный цилиндръ въ толщину ноги. По этому, уже хорошо скатанному, войлоку выложила отъ руки же узоры, цвѣтною шерстью и потомъ еще стала катать.

Пока я наблюдалъ за этимъ нехитрымъ производствомъ, пришелъ управитель волости со свитою и, между разными разностями, разсказалъ, что его киргизы, мстя не разъ грабившимъ ихъ таранчамъ, въ свою очередь отбарантовали недавно много скота и захватили не мало всякаго добра, даже серебра; но губернаторъ, генералъ Колпаковскій, извѣстясь объ этомъ ихъ подвигѣ, разсердился и приказалъ все возвратить,—обстоятельство, о которомъ собесѣдники мои глубоко скорбѣли и причину котораго никакъ не могли сообразить. Въ кои-то вѣки довелось побаловаться, пограбить, и вдругъ награбленное съ опасностью жизни возвращать! Тѣмъ болѣе это было обидно, что барантовали они у народа, возмутившагося противъ китайскаго владычества, не имѣвшаго теперь

надъ собою сильной руки и поэтому безцеремонно обращавшагося съ собственностью сосѣдей, нашихъ киргизъ.

Къ вечеру добрались мы до перваго изъ трехъ пикетовъ, расположенныхъ по пути къ отряду. И вечеръ, и ночь были чудные, точно въ маѣ, слегка прохладные и свѣтлые, хотя стоялъ уже октябрь.

* * *

Слѣдующій день былъ пасмурный, по временамъ мочилъ дождикъ, а на горахъ въ это время падалъ снѣгъ, какъ бѣлою скатертью покрывавшій весь хребетъ. Послѣ пятидесяти-верстнаго переѣзда добрался я до пикета № 2. Поохотился за дрофами и зайцами, которыхъ тутъ было великое множество, и усталый расположился ночевать на открытомъ воздухѣ.

Не тутъ-то было, однако; не могъ заснуть отъ страшнаго лая и вытья собакъ.

— Да уйми ты, братецъ, какъ-нибудь своихъ собакъ!—говорю пикетному казаку.

— Никакъ невозможно, — отвѣчаетъ онъ, — ихъ теперь ничѣмъ не унять, потому звѣря близко чуютъ.

— Какого звѣря?

— Тигру.

— Развѣ есть здѣсь тигры?

— И! просто такое множество; по рѣчкѣ вотъ, съ горъ, почитай что каждую ночь приходятъ.

— А близко подходятъ къ вамъ?

— Да къ самой избѣ; вотъ гдѣ вы лежите, тутъ завсегда ужъ вынюхиваютъ.

— Такъ, пожалуй, я напрасно такъ далеко расположился, не откусили бы они мнѣ носа?

— Храни Богъ! какъ можно; ежели какъ подойдутъ—собаки безпремѣнно дадутъ намъ знать, зальются...

Въ увѣренности, что собаки зальются и тѣмъ своевременно дадутъ знать, я славно заснулъ и благополучно проспалъ всю ночь.

Утромъ на другой день я поѣхалъ далѣе, сначала довольно ровною мѣстностью, вдоль невысокихъ холмовъ, мимо нѣсколькихъ мазарокъ, т.-е. киргизскихъ гробницъ, затѣмъ ущельемъ, очень глубокимъ и узкимъ. Бока ущелья состояли изъ песчаника, самыхъ разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ, краснаго, фіолетоваго, желтаго и др.—право, если представишь такіе цвѣта на картинѣ, не повѣрять, скажутъ: приврал̀ъ художникъ!

Я не утерпѣлъ, чтобы не пострѣлять горныхъ куропатокъ, со всѣхъ сторонъ перекликавшихся и стаями перебѣгавшихъ дорогу. Мимо нѣсколькихъ одинокихъ юртъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ по ущелью, начавшему расширяться, добрались мы и до пикета № 3. Отсюда, поднявшись еще на крутую гору, начали уже совсѣмъ спускаться, прямо къ мѣсту расположенія пограничнаго Борохудзирскаго отряда. На встрѣтившихся тутъ кочевкахъ я видѣлъ киргизъ, собиравшихся на охоту съ беркутами. Этихъ дикихъ

птицъ укращаютъ и приручаютъ тѣмъ, что закрываютъ колпачкомъ глаза и даютъ спать въ продолженіе 2—3 недѣль, постоянно встряхивая. На той же рукѣ, на которой его носятъ и кормятъ, сырымъ мясомъ, что позволяетъ, послѣ полета птицы, зазвать её снова на руку обрывкомъ красной матеріи.

Почва становилась болѣе и болѣе глинистою, по краямъ дороги росъ мелкій камышъ, изъ котораго поднимались иногда цѣлыя стаи дикихъ утокъ. Забѣлились, наконецъ, вдали казармы отряда; слышно было, какъ играли знакомую зорю. Миновавъ поселеніе калмыковъ, выбѣжавшихъ въ наши предѣлы изъ Китая отъ возмущенія мусульманъ (дунганъ и таранчей), я въѣхалъ въ четыреугольникъ зданій, образующихъ казармы.

Начальника отряда не было дома; въ его отсутствіе меня очень любезно принялъ ротный командиръ, поручикъ *Эманъ*, и предложилъ свое нехитрое, но уютное помѣщеніе, отъ котораго, конечно, я не отказался, потому что былъ совершенно на легкѣ—ни палатки, ни юрты съ собою не было.

Узнавъ, что я ѣду смотрѣть и рисовать, Эманъ вызвался проводить меня завтра же до перваго китайскаго городка Тургеня, всего въ 3-хъ верстахъ отъ рѣчки Борохудзиръ. Вообще, впрочемъ, онъ сообщилъ мало утѣшительнаго для моихъ будущихъ занятій: всѣ пограничные китайскіе городки, по словамъ его, были совершенно разрушены, не столько мятежниками таранчами, сколько нашими солдатами, строившими изъ тамошнихъ балокъ и кирпичей свои казармы,

Охотникъ съ беркутомъ.

хозяйственнымъ способомъ. Экономія казнѣ отъ этого могла бы быть значительная, если бы только здѣшнее начальство распорядилось не такъ, какъ въ Т** отрядѣ, гдѣ строили казармы изъ лѣса и кирпичей, выломанныхъ въ городѣ Чугучакѣ, но каждое бревно и каждую тысячу кирпичей ставили казнѣ по справочной цѣнѣ. Впрочемъ, «это ужъ самимъ Богомъ такъ устроено и вольтерьянцы напрасно противъ этого возстаютъ».

Далѣе рѣки Хоргосъ, по словамъ *Эмана*, нечего было и думать ѣхать, ибо я наткнулся бы тамъ, по всей вѣроятности, на пикетъ таранчей. На мой вопросъ: а что будетъ, если я попрубую довѣриться гостепріимству таранчинскихъ властей? Эманъ отвѣтилъ: «худого можетъ быть ничего не сдѣлаютъ, но изъ одной подозрительности задержатъ васъ и пожалуй потребуютъ выкупа».

Подумавши, я согласился не рисковать, не ѣздить за Хоргосъ, хотя и очень хотѣлось мнѣ попасть въ городъ Чампандзи, за этою рѣкой, покинутый жителями, но совершенно сохранившійся, какъ разсказывали. Въ Кульджу пробраться и думать было нечего, да врядъ ли и стоило, такъ какъ таранчи и дунгане жили въ мусульманской Кульджѣ, а китайская, наиболѣе интересная, въ которой до возмущенія имѣлъ мѣстопребываніе дзянъ-дзюнъ (генералъ-губернаторъ), стояла пустая, болѣе чѣмъ на половину разрушенная и подмытая рѣкою Или.

* * *

Рѣчка Борохудзиръ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшая далеко впереди нашей границы съ Китаемъ, теперь протекала подъ самыми стѣнами четырехъугольника казармъ, съ орудіями по угламъ, представлявшаго укрѣпленіе совершенно неодолимое для воиновъ степей.

Постройки, благодаря сухому даровому матеріалу, очень не дурны, хотя низки и тѣсноваты. При казармахъ садикъ, покамѣсть еще тощій; лавочка со всякимъ нужнымъ товаромъ, а главное, хорошія бани — все мало ли, много ли, способное услаждать досугъ неприхотливыхъ воиновъ, заброшенныхъ въ эти дальные углы нашей необъятной родины. Офицеры, разумѣется, скучаютъ тутъ, урываясь возможно чаще въ городъ Вѣрный, гдѣ есть и женское общество, и кое-какія общественныя развлеченія и удовольствія.

Доходишки офицерскіе—разумѣю безгрѣшные—теперь сильно пообрѣзаны, особенно въ пѣхотѣ, хотя, наприм., съ продовольствія ротныхъ лошадей или съ освѣщенія все-таки перепадаетъ кое-что ротному командиру, перепадаетъ совершенно ужъ «безъ грѣха»; «потому что, говорилъ Эманъ, если я зажгу въ казармахъ все полагающееся количество свѣчей, то подумаютъ, что я или захотѣлъ сдѣлать иллюминацію, или сошелъ съ ума!»

Въ этомъ же родѣ говорилъ и милый, весьма образованный артиллерійскій офицеръ Р.: «Невозможно скармливать лошадямъ все, что отпускается по положенію — онѣ падутъ на ноги». Вотъ и остается въ

рукахъ экономія, усиленная еще тѣмъ, что въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ четверть ячменя покупается, напр., по рублю, а справочная цѣна уплачиваемая казною, $3^1/_2$ рубля—разница не малая.

Впрочемъ (говорю о томъ, что было 30 лѣтъ тому назадъ), командиръ взвода, т.-е. 2-хъ орудій, волею-неволею обязанъ былъ составлять экономію, чтобы доставлять ежегодно по $2^1/_2$ тысячи своему батарейному командиру, который на пріемъ и карточную игру *долженъ* былъ имѣть 10,000 рублей, сверхъ положеннаго: не внести слѣдуемой доли значило потерять командованіе частью — c'était à préndre ou a laisser. Повторяю, «такъ бывало въ старину».

Заговоривъ объ этихъ старыхъ порядкахъ, я припоминаю, что разсказывали въ Ташкентѣ о командирѣ батареи М., который, изъ всѣхъ русскихъ пѣсенъ, по его собственному будто бы признанію, особенно любилъ «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста, трава росла—зеленая, шелковая, муравая»; эту пѣсню онъ не могъ хладнокровно слушать:

— «Господи!—говорилъ онъ будто бы каждый разъ чуть не со слезами на глазахъ,—кабы на этой рѣчкѣ, да на такой травкѣ, да батарейку... да хорошія справочныя цѣны!... умирать бы не надо!»

* * *

Здѣшнія мѣста, обезлюдѣвшія послѣ кроваваго возмущенія въ Китаѣ, недавно перешли въ наши владѣнія; они были заняты смѣтливыми офицерами, глав-

нымъ образомъ, разумѣется, потому, что плохо лежали, оффиціально же подъ предлогомъ, что тутъ протекаетъ рѣчка съ чистою, здоровою водицей. Не удивительно будетъ, если государственная граница передвигается еще на 100 верстъ впередъ, когда дальше отыщется водица съ лѣскомъ! Нашъ передовой пикетъ былъ уже на той сторонѣ рѣченки, благо тамъ нашлось для него пригодное мѣсто—развѣсистое дерево, на которомъ устроили площадку, для дозорнаго казака, птицею обзиравшаго окрѣстность; нѣсколько другихъ такихъ же птицъ располагались внизу въ тѣни дерева. Когда мы съ Эманомъ направились къ Тургеню, дежурный съ этого гнѣзда подъѣхалъ къ офицеру съ рапортомъ о благополучіи пикета и окрестности—я подозрѣвалъ, что это было сдѣлано для меня, пріѣзжаго.

Городокъ Тургень оказался небольшимъ селеніемъ, обнесеннымъ стѣною. Все въ немъ было разрушено, такъ что надежды мои видѣть здѣсь болѣе, чѣмъ въ Чугучакѣ, совершенно улетучились. Эманъ утѣшалъ тѣмъ, что въ самомъ дальнемъ изъ доступныхъ для обозрѣнія городовъ, Акъ-Кентѣ, я найду много неразрушеннаго и любопытнаго.

На другой же день я отправился туда, въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и телѣги, нагруженной вещами и провизіею, между которою два живые барана безпрерывнымъ, отчаяннымъ блеяніемъ перебудоражили, вѣроятно, волковъ, шакаловъ и тигровъ всей окрестности.

Слѣдующее за Тургенемъ поселеніе Джаркендъ тоже порядочно разбито; въ кумирняхъ боги повреждены, фрески на стѣнахъ перепачканы и обезображены. Однако, несмотря на то, что оросительныя канавы заброшены, сохранилось не мало чудесныхъ тополей и кара-агачей. Фазановъ было такое множество, что они буквально поминутно взлетали изъ-подъ ногъ.

Въ третьемъ городкѣ, Тишкентѣ, я тоже не останавливался, и довольно густымъ, прохладнымъ послѣ знойной степи, лѣскомъ*) добрался до Акъ-Кента (акъ—бѣлый, кентъ—поселеніе).

* * *

Городокъ, дѣйствительно, оказался много цѣлѣе другихъ; напр., домъ управителя, игильдая (полковника), отлично сохранился, съ галлереею внутри двора, съ фигурнымъ раскрашеннымъ навѣсомъ, сплошь разрисованными стѣнами, съ драконами на крышахъ и проч. Прелестная бесѣдка въ цвѣтникѣ сохранилась въ томъ видѣ, какъ, вѣроятно, была покинута кейфовавшими тутъ за трубкою опіума китайцами.

Въ одномъ мѣстѣ я наткнулся на сооруженіе чисто туземныхъ характера и архитектуры—яму, служившую тюрьмою, въ родѣ знаменитыхъ подземныхъ клоповниковъ Бухары и Самарканда, только меньшихъ размѣровъ. Тюрьма эта шла въ землю не глу-

*) Такъ и случилось: этотъ лѣсокъ былъ причиною того, что граница наша вскорѣ передвинулась впередъ еще на 100 верстъ.

боко, на сажень съ небольшимъ, и около сажени же была въ діаметрѣ; стѣны суживались кверху бутылкою, до отверстія не болѣе аршина въ поперечникѣ, такъ что человѣкъ едва могъ пролѣзать. Надобно думать, что сидѣвшіе на этой «гауптвахтѣ», какъ называли ее мои казаки, были не недовольны возмущеніемъ, позволившимъ имъ улизнуть, въ общей суматохѣ, изъ такого злачнаго и прохладнаго мѣста.

Главная кумирня города тоже хорошо сохранилась; въ ней я устроилъ себѣ резиденцію на все время работъ въ этомъ мѣстечкѣ. Постоянно, день и ночь, горѣли у меня на дворикѣ два огромные костра, для варки пищи и очищенія воздуха, благо сухого дерева не занимать было стать. Воды только не было близко, за нею приходилось посылать за пять верстъ, все же остальное имѣлось у насъ.

Наша живая провизія, бараны, чуть не накликали намъ бѣды отъ тигровъ, подходившихъ по утрамъ къ самымъ стѣнамъ кумирни. Мяуканье-рычанье ихъ составляло нашъ ежедневный утренній концертъ, къ которому мы, пожалуй, прислушались бы и привыкли, можетъ быть открыли бы въ немъ, кромѣ оригинальности и силы, также и извѣстную прелесть, если бы не постоянная боязнь, что одна изъ этихъ звѣринокъ, наиболѣе голодная, не утерпитъ и прыгнетъ къ намъ черезъ ограду — прыгаютъ, вѣдь, тигры удивительно высоко! Бывшая съ нами собачка до того трусила при этихъ рычаньяхъ, что забивалась куда-нибудь глубоко, съ головою.

За то волкамъ, собиравшимся иногда передъ нашею калиткой стаями, песъ нашъ преисправно и прехрабро вторилъ, когда тѣ неистово выли, тоже, должно быть, изъ желанія завязать знакомство съ милыми барашками. Иногда, когда хоръ волковъ выводилъ какую-нибудь тоскливую, вѣроятно, только очень голодному понятную, ноту, я выскакивалъ, потерявши терпѣніе, за ворота съ револьверомъ и стрѣлялъ направо и налѣво: точно брызги разлеталась эта трусливая команда въ разныя стороны.

Впрочемъ, относительно тигра мы были почти увѣрены, что онъ схватилъ бы развѣ барана, а можетъ быть, и собачку, но насъ бы не тронулъ. Очень рѣдко, только въ случаѣ крайняго голода, они нападаютъ на людей; вообще же, хотя ихъ много здѣсь, они ведутъ себя смирно, вѣроятно, потому, что и люди ихъ не трогаютъ. Здѣсь мало стрѣляютъ тигровъ—нѣтъ ни деревьевъ, ни слоновъ, какъ въ Индіи, напримѣръ, а стрѣлять въ тигра съ одного съ нимъ уровня до крайности опасно: почти нѣтъ вѣроятія убить его однимъ выстрѣломъ, не убитая же, только раненая, даже и тяжело, животинка эта навѣрное наскочитъ и разорветъ стрѣлявшаго.

Можно съ увѣренностію сказать, что тигръ и сильнѣе, и ловчѣе льва, а живучесть его изумительна.

Только когда тигръ начинаетъ ужъ очень много портить скота, киргизы собираются на него большими партіями, подкарауливаютъ спящаго, разомъ набрасываются и убиваютъ; но и тутъ не всегда еще одо-

лѣютъ звѣря, а онъ навѣрное перепортитъ много народа.

Солдаты здѣсь, при перевозкѣ дерева и кирпича изъ китайскихъ поселенiй, часто встрѣчались съ тиграми, которые постоянно уходили или даже убѣгали, только иногда оглядываясь и облизываясь на воловъ; нападать же на людей они не рѣшались, конечно, безъ вызова.

Вообще, по моему опыту, провѣренному во многихъ странахъ, и лично, и разсказами бывалыхъ людей, россказни о свирѣпости дикихъ животныхъ преувеличены. Человѣкъ своею вертикальною фигурой внушаетъ непреодолимый страхъ всѣмъ остальнымъ тварямъ и надобно, чтобы крупный звѣрь былъ очень голоденъ, а мелкiе, какъ волки, были въ большомъ числѣ, чтобы отважились напасть на прохожаго, не дѣлающаго имъ зла и не несущаго оружiя. Это послѣднее если и пугаетъ мелкихъ звѣрей, то всегда раздражаетъ большихъ, умѣющихъ прекрасно различать намѣренiя человѣка.

Конечно, исключенiя бываютъ во всемъ: въ Индiи случается, что тигръ или тигрица въ особенности когда они стары и не могутъ уже преслѣдовать и нападать на быстроногихъ и сильныхъ животныхъ, попробовавши человѣческаго мяса, находятъ его такъ вкуснымъ, а процедуру добыванiя этого рода пищи такою легкой, то начинаютъ питаться только людьми, почему и называются въ окрестности людоѣдами, (Man-eater).

Однако, возвращаюсь къ Акъ-Кенту. Работы свои, замѣтки и этюды масляными красками я чередовалъ съ охотою, въ особенности на фазановъ, которыхъ въ камышахъ было видимо-невидимо. Часто попадались и дикія свиньи, но я не стрѣлялъ ихъ изъ боязни, какъ бы раненый кабанъ не вздумалъ попробовать крѣпость своихъ клыковъ на моихъ ногахъ—они на это мастера. Мѣстами бывали, должно быть, и тигры: послѣ выстрѣла по фазану, иногда такъ шибко ломался и склонялся камышъ въ одномъ направленіи, такъ что-то рычало, сердилось, что, очевидно, какіе-то большіе звѣри утекали, изъявляя свое неудовольствіе. Въ этихъ случаяхъ я тоже, обыкновенно ретировался въ болѣе открытыя мѣста.

* * *

Схватившая меня сильная лихорадка не дала очень заработаться въ этихъ мѣстахъ. Наскоро окончивъ начатые этюды, я возвратился къ Борохудзиру, откуда уже располагалъ уѣхать въ Ташкентъ, какъ вдругъ разсчеты мои перевернулись и мнѣ снова пришлось направиться черезъ Акъ-Кентъ, какъ разъ по желанному пути къ Кульджѣ, черезъ Хоргосъ.

* * *

Три дня спустя по пріѣздѣ моемъ въ отрядъ пришла «летучка» изъ Лепсинской станицы, расположенной къ сѣверу отъ Борохудзира, съ увѣдомленіемъ командира казачьяго полка о томъ, что, догоняя кир-

гизъ, угнавшихъ у него табунъ лошадей, онъ перешелъ чрезъ границу, отбилъ почти всѣхъ украденныхъ коней, да еще въ возмездіе захватилъ 20.000 головъ разнаго скота; киргизъ же Кизяевскаго рода, произведшихъ этотъ дерзкій грабежъ, побилъ и прогналъ по направленію къ озеру Лобъ-Нору. Онъ предлагалъ начальнику нашего отряда встрѣтить бѣгущія кочевья съ юга и еще разъ поколотить, чтобы на долгое время отбить охоту барантовать въ русскихъ предѣлахъ.

Маленькій отрядецъ нашъ, скучавшій бездѣйствіемъ, встрепенулся и схватился сейчасъ же за это извѣстіе, какъ за предлогъ почесать руки, давно уже зудившіяся. И думать было нечего, конечно, идти къ Лобъ-Нору, а тѣмъ болѣе ловить тамъ какихъ-то киргизъ, хотя для вида объ этомъ и толковали, даже разсматривали карту,—за то офицеры смекнули, что теперь или никогда случай перейти границу и пощипать сосѣдей, на совѣсти которыхъ было давно уже нѣсколько дерзкихъ грабежей и даже убійствъ.

Отданъ былъ приказъ выступить въ ту же ночь.

Хотя лихорадка не совсѣмъ еще оставила меня, я, конечно, присоединился къ экспедиціи, въ чаяніи повысмотрѣть и порисовать въ китайскихъ предѣлахъ.

Силу снарядили великую: 60 человѣкъ пѣхоты, неполную сотню казаковъ и одно орудіе. Пѣхота выступила еще ночью. Несмотря на приказъ раньше залечь спать, чтобы хорошенько подкрѣпиться

сномъ, передъ набѣгомъ, — который долженъ былъ быть быстръ и слѣдовательно утомителенъ, — никто въ казармахъ, какъ передъ большимъ праздникомъ, не ложился спать: одни съ шутками и прибаутками собирались, другіе съ шутками же и смѣшками горевали, что имъ приходилось отстать отъ товарищей, остаться караулить казенную «хурду-мурду».

Начальникъ отряда, бравый маіоръ П., съ артиллеріею и казаками выступилъ раннимъ утромъ; къ этимъ коннымъ пристроился и я. Мы догнали нашу пѣхоту уже около второго городка, обогнали ее и сдѣлали вмѣстѣ привалъ за Акъ-Кентомъ, въ *Сассахъ*, т.-е. въ камышахъ, откуда возили мнѣ воду за время занятій тутъ.

Мы шли безъ шума, очень скоро и въ сумеркахъ подошли къ полуразрушенной постройкѣ на рѣкѣ Хоргосъ, гдѣ пѣхота, сдѣлавшая съ утра около 80 верстъ, остановилась отдохнуть, а мы двинулись черезъ рѣку далѣе.

Уже темнѣло. Въ этой оградѣ оставленъ былъ обозъ, подъ прикрытіемъ 30 человѣкъ солдатъ, такъ что за нами пошло пѣшей рати тоже только 30 человѣкъ.

Около рѣки была растительность, но далѣе за камышами она исчезла и къ городу Чан-пан-цзы мы вышли на совершенно гладкую мѣстность.

И стѣны, и дома этого города показались мнѣ въ темнотѣ громадными; такъ какъ, подходя, я просто

спалъ въ сѣдлѣ отъ усталости *), то естественно, что сонные глаза поражались темными массами воротъ, кумиренъ, театровъ и проч. На правой рукѣ у насъ была высокая стѣна крѣпости; у ея воротъ мы, т.-е. казаки и артиллеристы, расположились отдохнуть, дождаться зари, когда предположено было устремиться на расположенное въ 12 верстахъ отсюда селеніе Мазаръ, со стоявшимъ тамъ, по слухамъ, отрядомъ въ 400 человѣкъ таранчей. Надобно было подойти къ нимъ не поздно, чтобы застать ихъ врасплохъ и не дать отогнать далеко стада, составлявшія главный предметъ нашихъ вожделѣній. Кстати сказать, казаки у насъ были сибирскіе, не теперешніе лихіе сыны этого войска, а только еще начинавшіе правильно формироваться, непривычные, неодѣтые, необученые. Когда я увидѣлъ ихъ собравшихся въ походъ, я просто ахнулъ: одинъ былъ въ полушубкѣ, другой въ длинной шубѣ, у третьяго шубенка мѣхомъ кверху, у четвертаго сверху до низу заплата на заплатѣ. Шапки и высокія, и куцыя, и широкія, мохнатыя... Ружья были кремневыя, самые новые стволы 1840-хъ годовъ, нѣкоторые же носили клейма прошлаго столѣтія,—словомъ, эти были ни дать ни взять казаки Трубецкого 1612 г. подъ Москвою—хоть сейчасъ рисуй ихъ за такихъ.

Я побродилъ немного по крѣпости и ближнимъ улицамъ; насколько можно было различить въ тем-

*) Мы сдѣлали въ 18 часовъ около 120 верстъ.

нотѣ, многія зданія хорошо сохранились; видны были живопись, барельефы, драконы, завитки и разныя затѣи.

Окрестные жители шибко ломали постройки, увозя дерево и кирпичъ, грудами сложенные во многихъ мѣстахъ.

Лишь только показался свѣтъ, мы сѣли на коней и выступили; впереди казаки, потомъ артиллерія, сначала шагомъ, потомъ рысью и, наконецъ, во весь опоръ!

Китайскій офицеръ.

На правой сторонѣ отъ насъ, къ сторонѣ знаменитой Кульджинской долины, видно было много поселеній, но не попадалось въ этотъ ранній часъ ни души изъ жителей.

Впереди показались дымки двухъ деревень, сначала Большого, потомъ Малаго Мазара (мазаръ—гробница).

Въ головѣ отряда у насъ ѣхали два китайца, чиновникъ со слугою, служившіе проводниками. Сынъ Неба, по мѣрѣ приближенія къ тѣмъ мѣстамъ, откуда онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ едва унесъ свою голову, начиналъ видимо трусить, вѣроятно

смущаясь нашею малочисленностью. «Смотрите, настойчиво твердилъ онъ, если встрѣтятся таранчи, не троньте ихъ, а то они извѣстятъ своихъ въ Кульджѣ и вамъ отрѣжутъ путь отступленія!» —Ладно, тамъ видно будетъ, кто кого отрѣжетъ, отвѣчали ему.

Версты за 2 до деревни мы понеслись маршъ-маршемъ, едва не завязли всѣмъ отрядомъ въ какомъ-то затопленномъ полѣ и вихремъ внеслись въ поселеніе!..

Батюшки мои, что за суета тамъ поднялась! Нѣсколько человѣкъ перебѣгали черезъ дорогу, спасаясь въ свои дома; казакамъ показалось невозможнымъ допустить это: «Стой, стой, раздались ихъ голоса, держи ихъ, не допущай, не допущай!»

Деревенька оказалась крохотная, всего въ нѣсколько дворовъ, въ одномъ изъ которыхъ собрался весь наличный людъ: блѣдные, буквально дрожавшіе отъ страха и видимо ожидавшіе себѣ конца. Военнаго отряда тутъ не было.

Я слѣзъ съ лошади и пошелъ къ одной саклѣ. «Смотрите, ваше высокоблагородіе, не сдѣлали бы они вамъ худа!» предупредилъ меня казакъ; но бѣднякамъ было, очевидно, не до нападенія на насъ; они сгибались, низко кланялись и, не смѣя поворотиться спиною, отступали пятясь назадъ. Только молодыя женщины смотрѣли съ меньшимъ страхомъ, какъ-то особенно пытливо — видно было что любопытство пересиливало боязнь.

Всѣхъ мужчинъ позвали къ начальнику отряда;

они не шли; пришлось тащить—они упирались. Жены и дѣти пошли за ними слѣдомъ съ воемъ и причитаніемъ; судя о нашихъ порядкахъ и обычаяхъ по своимъ, они конечно ожидали смерти для мужчинъ и плѣна-неволи для женщинъ. Признаюсь, я бы охотно удержалъ у себя въ неволѣ одну молодую особу, должно быть дочь почетнаго человѣка, смотрителя гробницы: не много татарскій, т.-е. скуластый овалъ лица и прорѣзъ глазъ, но прелестныя и личико и фигура, а гнѣва никакого, только удивленіе.

Китаянка.

Изъ разспросовъ маіора оказалось, что въ этой деревнѣ живетъ всего нѣсколько семействъ при гробницѣ святого, а въ слѣдующей, рядомъ, дѣйствительно стоитъ отрядъ въ 100 конныхъ таранчей, наблюдающихъ за границею, какъ мы имѣли случай убѣдиться, наблюдающихъ очень плохо, такъ какъ нашъ налетъ былъ чистымъ сюрпризомъ для нихъ.

Въ эту вторую деревню, окруженную высокою стѣной, послали 10 человѣкъ казаковъ, но жители не впустили ихъ, успѣвши затворить ворота, передъ которыми маіоръ и приказалъ казакамъ стоять, сторожить, чтобы кто-нибудь изъ конныхъ не улизнулъ

и не далъ знать въ Кульджу. Такъ какъ всѣхъ лошадей въ окрестности мы захватили, то конныхъ гонцовъ, для созыва воинства, жители не могли разослать. Тѣмъ временемъ нѣсколько партій казаковъ были посланы въ разныя стороны сбирать скотъ, по мѣрѣ подхода загонявшійся въ очень обширную ограду гробницы, гдѣ расположилось и наше орудіе.

* * *

Я пошелъ осматривать гробницу, представляющую большую святыню не только для мѣстныхъ, но и для всѣхъ средне-азіатскихъ мусульманъ. Она построена Тамерланомъ или «Хромымъ Тимуромъ», надъ могилою Тоглукъ-Тимура, знаменитаго Джагатайскаго султана, при которомъ Тамерланъ началъ свое бурное и громкое поприще.

Зданіе прекрасной постройки, но куполъ уже провалился и тучи птицъ поднялись оттуда при моемъ входѣ.

Самая гробница, громадныхъ размѣровъ, когда то богато украшенная, теперь въ очень жалкомъ видѣ, была лишь грязно вымазана простою глиной. За то фронтонъ зданія до сихъ поръ покрытъ глазурованными кирпичами чудной работы—что за цвѣта и краски, что за работа!

Очень хотѣлось мнѣ вынуть нѣсколько образцовъ цвѣтныхъ кирпичей и, конечно, жители охотно сдѣлали бы это, но я не рѣшился такъ распорядиться и ограничился нѣсколькими обломками, а теперь жа-

лѣю. Сколько я знаю, ни въ одномъ изъ нашихъ музеевъ нѣтъ образцовъ цвѣтной глазури отъ этого памятника Тамерланской эпохи.

* * *

Стали сгонять скотъ и цѣлыя облака пыли вмѣстѣ съ нимъ; однако крупнаго скота, лошадей, коровъ, верблюдовъ—оказалось мало.

Вотъ прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что сбѣжавшiйся изъ сосѣднихъ ауловъ народъ не даетъ скотину, затѣваетъ драку. Начальникъ отряда послалъ 10 человѣкъ подмоги, съ приказаніемъ не стрѣлять, чтобы не пугать окрестность, а дѣйствовать больше по мордасамъ и въ крайнихъ случаяхъ шашками. Кусочикъ, который казаки тутъ отнимали, оказался тысячи въ 4 головъ. Я не понималъ кто и какъ погонитъ къ границѣ всю эту массу овецъ, уже и здѣсь въ оградѣ заявлявшихъ о своемъ намѣреніи не покоряться участи: влѣзетъ козелъ на стѣнку, обозрѣетъ окрестность, прыгъ черезъ, да и давай утекать во всѣ лопатки, а за нимъ, конечно, спасаются десятки и сотни четвероногихъ—ловятъ ихъ, гонятъ назадъ! А что за блеяніе, что за шумъ—трудно и передать.

Казаки поминутно таскали сначала яблоки и груши, потомъ войлоки и разную домашнюю рухлядь. Я пошелъ посмотрѣть, откуда это они раздобываютъ, и къ ужасу моему нашелъ, что все въ домахъ было переломано, разбросано, разбито. Кое-гдѣ бродили наши люди, ища «еще чего-нибудь!» При этомъ все, что

нельзя было захватить съ собою, должно быть въ наказаніе, ломалось, уничтожалось: попалась связка мѣдныхъ денегъ—разбросана по сторонамъ: книги—по листамъ и по вѣтру, или въ печку. Вездѣ клочья, обломки, обрывки. Дверь въ мечеть выломана; древки съ пуками лошадиныхъ волосъ повалены, символы мусульманской святыни переломаны; жертвенные рога, украшающіе обыкновенно всѣ средне-азіатскія могилы, разбросаны—что за срамъ! чисто духъ разрушенія обуялъ нашихъ воиновъ.

Я оставилъ этотъ печальный осмотръ, потому что уже трубили сборъ и отрядъ выстраивался для обратнаго выступленія. Вплоть до Борохудзира, т.-е. на протяженіи 130 верстъ, приходилось теперь гнать набарантованныя нами стада, которыя, конечно, туземцы станутъ отбивать.

Какъ только казаки, сторожившіе ворота второй деревни, отошли, чтобы присоединиться къ намъ, оттуда стали одинъ за другимъ выѣзжать вооруженные всадники, продѣлывавшіе сначала разныя воинственныя эволюціи и затѣмъ правильно выстраивавшіеся; выѣхалъ бѣлый значекъ и отрядецъ открыто принялъ угрожающее положеніе.

Также со всѣхъ сторонъ сталъ собираться народъ, вооруженный копьями и шашками, въ правильныя сотенныя части; ружей у нихъ было мало. Лишь только мы тронулись назадъ, всѣ эти отряды двинулись за нами, съ очевиднымъ намѣреніемъ развлечь скуку нашего отступленія атаками.

Непріятель началъ правильно облагать насъ однимъ сплошнымъ кольцомъ; уже явилось множество значковъ разныхъ цвѣтовъ и одно огромное, ярко-красное знамя—по величинѣ и по той огромной толпѣ, которая его окружала, вѣроятно, сопровождавшее начальника. Съ дикими криками и гиканьемъ они стали обскакивать насъ.

Раздалась команда: «Орудіе съ передковъ!» и затѣмъ «Первая!» Не столько самый снарядъ, ядро, сколько громъ выстрѣла мгновенно обратилъ въ бѣгство всю вражью силу, хотя не надолго—они оправились, загарцовали, загикали снова, еще пуще прежняго.

* * *

Я ѣхалъ съ моимъ казакомъ поодаль отъ отряда и, признаюсь, забавлялся, подпуская непріятельскихъ джигитовъ на самое близкое разстояніе; когда они не видя оружія, подъѣзжали въ упоръ и уже заносили копье — я направлялъ мой карманный револьверъ прямо въ физіономію смѣльчака, щелкалъ курокъ и... пригнувшись къ сѣдлу, отлетали они также быстро, какъ налетали. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ захватить меня врасплохъ, они подлетали уже менѣе стремительно и держались на болѣе почтительномъ разстояніи.

Это воеванье было уморительно: «кель мунда!» (ступай сюда), кричали они, маша рукою и прибавляя крѣпкое словцо.—«Ехъ, санда мунда кель!» (нѣтъ,

ты ступай сюда), отвѣчалъ я, каюсь, тоже добавляя соленое выраженіе.

Вонъ она первобытная борьба «одинъ на одинъ», которая въ былыя времена всегда предшествовала серьезнымъ дѣламъ — не доставало только боговъ съ обѣихъ сторонъ, ободрявшихъ, помогавшихъ и направлявшихъ руки воюющихъ; конечно, такъ воевали греки съ троянцами, такъ перебранивались, также отнимали, отгоняли стада,—только прекрасная Елена въ нашемъ случаѣ отсутствовала или, вѣрнѣе, замѣнилась баранами.

Туземцы, видимо, держались извѣстной повадки: всячески дразнили движеніями и словами, вызывая на выстрѣлъ, отъ котораго ловко увернувшись, уже смѣло бросались впередъ, съ шашкою наголо или пикою на перевѣсъ — шестиствольный револьверъ, однако, сбивалъ съ толку эту ловкую тактику.

Казакъ мой, вопреки совѣту, не утерпѣлъ разъ, чтобы не выстрѣлить въ очень надоѣдавшаго ему молодца, да, не успѣвши зарядить ружье, и перетрухнулъ, ударился прочь, когда тотъ съ крикомъ налетѣлъ на него; я отвелъ нападавшаго револьверомъ и выговорилъ казаку: «какъ не стыдно тебѣ бѣжать отъ такого вояки?»—Да ружье разряжено, ваше высокоблагородіе, а шашкой отъ пики гдѣ же оборониться!—«Зачѣмъ тебѣ заряжать, ты сдѣлай видъ, что опустилъ пулю, хлопни по ложѣ и прицѣлься—смотри какъ побѣжитъ прочь!» Вышло какъ по писаному: лишь только мы поѣхали пошибче, чтобы до-

гнать отрядъ, какъ нѣсколько джигитовъ бросились слѣдомъ; козакъ остановился, хлопнулъ по своему незаряженному ружью и прицѣлился въ передового— только мы ихъ и видѣли.

* * *

Однако, положеніе наше начало принимать серьезный характеръ: со всѣхъ сторонъ насъ обскакивали, облегали и кругъ стѣснялся, все болѣе и болѣе нажимая на насъ. Уже впереди дорога нашего отступленія была перерѣзана. Съ гикомъ, визгомъ, гамомъ кружили со всѣхъ сторонъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла тысячи коннаго народа — видно, успѣли таки разослать всюду гонцовъ оповѣстить окрестность о нашей малочисленности и созвать охотниковъ душить насъ и отбивать скотъ.

Отдѣльные джигиты и цѣлыя группы ихъ подскакивали вотъ-вотъ совсѣмъ близко и едва не отхватывали часть барановъ. Кабы не солдаты, присоединившіеся тутъ и расположившіеся на большихъ интервалахъ, по сторонамъ нашего шествія, казакамъ никакъ бы не уберечь добра.

Казаки, не только первый разъ бывшіе въ огнѣ, но и вообще плохо дисциплинированные, видимо чувствовали себя не ладно. Когда послали одинъ взводъ завязать перестрѣлку, то, выѣхавши на небольшое разстояніе, они исполнили приказаніе вяло, неохотно и, пострѣлявши въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, воротились назадъ.

Да и то сказать, воевать съ ружьями, какія были у нихъ — трудно. Не помню, одно или два ружья только были пистонныя, остальныя всѣ кремневыя и бравый конникъ никогда не былъ увѣренъ, что его пищаль выпалитъ, скорѣе онъ долженъ былъ разсчитывать на противное: вспыхнетъ порохъ, поднимется бѣлый дымокъ, въ видѣ маленькаго фейерверка и только. За то, если ружье выпалитъ, то удивленная и довольная физіономія казака поворачивается къ товарищамъ: «накось! ишь ты! взяло!»

Выговоривши взводу за слишкомъ вялое дѣйствіе, начальникъ отряда выслалъ другой, но съ этимъ дѣло обошлось совсѣмъ не благополучно. Ему велѣно было выѣхать подалѣе, а онъ забрался слишкомъ далеко: не слыша сигнала, призывавшаго его назадъ, онъ забирался все далѣе и, наконецъ, увидѣвши невозможность двигаться далѣе на сплошную массу непріятеля, не останавливаясь, поворотилъ назадъ, да не шагомъ, а крупною рысью, такъ что когда врагъ съ гикомъ ударилъ въ спину, до маршъ-марша было уже не далеко и казаки понеслись: «спасайся, кто можетъ!»

Не бывавшіе въ военныхъ дѣлахъ, понятія не имѣютъ о томъ, какъ легко паника охватываетъ отступающихъ съ поля битвы, въ кавалеріи еще сильнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ, потому что, отъ выстрѣловъ и криковъ съ тыла, лошади закусываютъ удила и несутся бѣшено, неудержимо! Просто глазамъ не вѣрилось! казаки стлались, спасаясь во весь опоръ отъ

летѣвшихъ за ними и лупившихъ ихъ въ догонку степняковъ. Нѣкоторые изъ нашихъ, сбитые съ лошадей пиками, утекали по пѣшему способу, въ припрыжку, какъ зайцы; нѣкоторые были уже проткнуты и прорублены. Я поскакалъ на перерѣзъ: «стой, стой! такіе сякіе!» и влетѣвши въ середину взвода, очутился въ самой серединѣ погрома: одинъ раненый, проткнутый въ пазуху, ревѣлъ благимъ матомъ, продолжая утекать; другой, на бѣгу же вцѣпившись въ направленную на него пику, просто тащилъ за собою всадника... Таранчи и киргизы съ визгомъ наотмахъ били бѣжавшихъ!

Первое, что я немедленно же получилъ въ награду за вмѣшательство, былъ ударъ пикою по головѣ, благодаря гладкой бобровой шапочкѣ моей счастливо скользнувшій; если бы не это случайное обстоятельство, ударъ, конечно, не только бы оглушилъ меня, но и вышибъ изъ сѣдла *).

Я въ упоръ выстрѣлилъ, но противникъ, ловко увернувшись, набросился съ пикою на перевесъ, за нимъ оказались другой, третій...

Крѣпко обозлившись на ударъ по головѣ, я намѣревался выпустить на нихъ заряды революьвера... когда кто-то схватилъ меня сзади за руки—оборачиваюсь, добрѣйшій Ф., нашъ казачій сотникъ — «Бога ради стойте, васъ безпремѣнно прирѣжутъ».

Тутъ сигнальный рожокъ призвалъ насъ къ отряду

*) Этотъ ударъ долго давалъ себя потомъ чувствовать.

и месть волею-неволею пришлось отложить—какъ ни обидно было, съѣвши лизуна, не дать сдачи.

Казаки, остановясь, наконецъ, открыли пальбу; одни стонали отъ боли, другіе оживленно переговаривались, препирались, оправдывались одинъ передъ другимъ въ случившейся бѣдѣ,—видимо безпокойство стало овладѣвать людьми, сознавшими свою малочисленность и неловкость положенія, среди густыхъ массъ непріятеля, который дѣлался все болѣе и болѣе дерзкимъ; началъ даже напирать на орудіе—того и смотри отхватитъ!

Нашей лучшей защиты, пѣхоты, было очень мало, потому что изъ 30 человѣкъ, десять, я посовѣтовалъ послать для занятія воротъ и стѣнъ крѣпостцы Чампандзи. Это было необходимо, потому что займи непріятель укрѣпленіе, черезъ которое шла дорога, намъ было бы совсѣмъ плохо; теперь же солдатики, перебѣгая по гребнямъ стѣнъ и отпаливаясь во всѣ стороны, значительно охлаждали пылъ враговъ, нѣтъ, нѣтъ, да и сбивая съ сѣдла наиболѣе зарывавшихся.

На счастье наше у противникомъ нашихъ было мало огнестрѣльнаго оружія, такъ что преградить намъ выходъ изъ города и путь къ границѣ они могли только массою, грудью, а на это у нихъ не хватало рѣшимости.

Эманъ, присоединившись къ отряду съ 20-ю солдатами, тоже привелъ порядочное стадо, тысячи въ 2 головъ, и толкотня, тѣснота у насъ увеличились, разумѣется, еще болѣе.

Дорога, особенно подъ аркою узкихъ городскихъ воротъ, до того была запружена, что всѣ перемѣшались: тутъ и блеяло, и ржало, и мычало, кричало, шумѣло, распоряжалось—ничего не разберешь. Вдобавокъ, надъ нами стояло такое большое, такое густое облако пыли, что невидно было ничего; будь только непріятель попредпріимчивѣе, ударь тутъ на насъ съ хорошимъ гикомъ, хоть 10 человѣкъ, все бы растерялось и перестрѣляло другъ друга и отрядъ нашъ навѣрное былъ бы уничтоженъ.

Было отчего придти въ отчаяніе, одинъ изъ старшихъ офицеровъ даже вскрикнулъ съ горя: «если выходъ занятъ — мы пропали!» Я тихонько напомнилъ ему о томъ, что казаки кругомъ насъ и слышатъ это...

Казаки большіе охотники распоряжаться, безъ толку сновали изъ стороны въ сторону и срывали сердце на нашихъ волонтерахъ, китайскихъ эмигрантахъ, испуганными взорами окидывавшихъ нашу и непріятельскую силы и, повидимому, очень сомнѣвавшихся въ благополучномъ исходѣ предпріятія, въ каковомъ случаѣ ихъ головы, конечно, прежде другихъ отдѣлились бы отъ туловищъ. Одинъ «гаврилычъ», подъ шумокъ, даже наклалъ въ загривокъ какому-то маіору Небесной имперіи, да такъ быстро, что не было времени вступиться; и должно быть наложилъ солидно, потому что союзникъ забылъ зѣвать по сторонамъ и отдался всецѣло присмотру за баранами, что и требовалось.

Теперь еще менѣе, чѣмъ утромъ, довелось осматривать постройки города, не до того было, такъ какъ, спасаясь отъ всей этой убійственной сумятицы, мы съ Эманомъ протискались поскорѣе впередъ; тамъ, подъ закрытіемъ полуразрушенныхъ построекъ, толпы непріятеля ожидали выхода отряда. Не долго думая, мы схватились за наше оружіе, товарищъ за шашку, я за револьверъ, и съ крикомъ ура! подхваченнымъ бывшими съ нами 6-ю казаками, бросились въ атаку! Какъ же перетрухнуло все воинство, намъ угрожавшее, какъ оно разсыпалось въ разныя стороны!

Тутъ насмѣшилъ меня одинъ казакъ, пресерьезно совѣтовавшій не преслѣдовать далѣе, такъ какъ «изъ за крайнихъ сакль стрѣляютъ».

— Ну такъ что же, что стрѣляютъ?

— Да вѣдь пулями стрѣляютъ, ваше высокоблагородіе!

Безконечное стадо наше, а съ нимъ и мы уже выступили изъ города, на ровную поляну, когда пришло приказаніе отъ начальника отряда остановиться: «будемъ де ночевать въ крѣпости». Невозможно! рѣшили мы съ Эманомъ, мыслимо ли защищаться въ этихъ руинахъ, возможно ли поворачивать теперь назадъ нашихъ четвероногихъ, а главное — неужели дожидаться, чтобы къ завтрашнему утру собралось вокругъ насъ все Кульджинское населеніе, которое тогда дѣйствительно задушитъ отрядъ,—тогда не только барановъ не угнать, и самимъ не уйти.

Мы рѣшили, ослушавшись, возможно поспѣшать къ рѣкѣ Харгосъ, гдѣ кромѣ воды есть еще и большой защищенный оградою дворъ, тотъ самый, въ которомъ остался нашъ обозъ, подъ прикрытіемъ 30 солдатъ.

— Пойдемъ, чортъ побери,—рѣшилъ Эманъ,—пойдемъ далѣе, хоть бы мнѣ за это попасть подъ судъ!

Онъ увѣдомилъ начальника отряда, что поворотить стадо нѣтъ теперь никакой возможности и мы, не теряя веселаго расположенія духа, продолжали наше движеніе.

Ф. слышалъ потомъ, какъ одинъ изъ бывшихъ съ нами тутъ казаковъ разсказывалъ товарищамъ: «Этотъ штатскій полковникъ просто бѣдовый! вертятъ папироски съ ротнымъ да, въ пересмѣшку другъ передъ дружкой, и идутъ прямо на киргизъ».

Думаю, что все бы обошлось благополучно, если бы мы не были черезчуръ великодушны: солдатамъ своимъ онъ велѣли остаться и ожидать приказанія начальника отряда, т.-е. лишили нашъ авангардъ единственной поддержки, способной внушить спасительный страхъ непріятелю, и вся многотысячная масса скота, растянувшаяся уже на 2-хъ верстахъ, не имѣла иной защиты, кромѣ нѣсколькихъ до полусмерти перепуганныхъ китайцевъ съ ихъ традиціонными луками и стрѣлами, насъ двоихъ, да немногихъ казаковъ—этихъ послѣднихъ изъ 6-ти осталось только 3, такъ какъ другіе, видя опасность, подъ разными предлогами, улетучились.

А вѣдь на насъ сейчасъ ударятъ, — говорю я товарищу.

— Можетъ ли быть,—хладнокровно отвѣчаетъ финляндецъ. Онъ потерялъ на привалѣ свои очки и теперь тщетно поворачивалъ близорукіе глаза, выпуклые зрачки которыхъ ничего не видѣли далѣе нѣсколькихъ саженъ.

— Вотъ, посмотрите, сейчасъ ударятъ!

Таранча.

— Да гдѣ вы ихъ видите?

— Какъ гдѣ? это-то что же кругомъ? — говорю, указывая на массы, насъ облегавшія.

— Будто все это непріятель? Представьте себѣ, вѣдь я думалъ, что это кусты?

— Неужели, однако, вы до такой степени плохо видите?

— Да; помните мѣсто, гдѣ мы закусывали въ Сассахъ, тамъ я оставилъ мои очки и глаза вмѣстѣ съ ними.

Ну, думаю, хорошо имѣть такого зрячаго товарища.

— А это что такое, это высокіе предметы — это деревья?

— Нѣтъ, это знамена, смотрите, сколько ихъ тутъ?...

— А!! какъ странно! этого я не предполагалъ?

Только что успѣлъ я послать одного изъ казаковъ къ начальнику отряда съ извѣстіемъ объ опасности и для насъ, и для барановъ нашихъ, какъ все кругомъ дрогнуло, застонало и, потрясая шашками и копьями, понеслось на насъ! Признаюсь, минута была жуткая. Эманъ опять съ шашкою, я съ револьверомъ, но уже не гарцуя, а прижавшись одинъ къ другому, кричимъ: ура! и... ожидаемъ нападенія.

Безъ сомнѣнія, изъ насъ были бы сдѣланы отбивныя котлеты, какъ то случилось съ однимъ изъ бывшихъ около насъ двухъ казаковъ (другой успѣлъ удрать), но мы спаслись тѣмъ, что, во-первыхъ, непріятель больше зарился на нашъ скотъ, чѣмъ на насъ самихъ; во-вторыхъ, Эманъ, а за нимъ и я, свалились съ лошадей: со слѣпа мой товарищъ заѣхалъ въ ровъ и, полетѣвши черезъ голову, такъ крѣпко ударился лбомъ о землю, что остался распростертымъ. Моя лошадь споткнулась на него: я тоже слетѣлъ, но успѣлъ удержать узду и, вставши надъ лежавшимъ, не подававшимъ признака жизни, пріятелемъ, лѣвою рукою держалъ поводъ лошади, а правою — отстрѣливался отъ мигомъ налетѣвшихъ и со всѣхъ сторонъ окружившихъ насъ степняковъ: такъ и наровили, подлецы, рубнуть шашкою или уколоть пикою, но или выстрѣлъ, или взводъ курка удерживали ихъ, не подпускали слишкомъ близко. Едва успѣваю отогнать одного, другаго, отъ себя, какъ заносятъ пику надъ спиною Эмана, третій тычетъ сбо-

ку, четвертый, пятый, сзади—какъ только я не посѣдѣлъ тутъ! Признаюсь, я думалъ, что товарищъ мой ловко притворился мертвымъ, но онъ мнѣ разсказывалъ послѣ, что страшно ударился при паденіи и только, какъ сквозь сонъ, слышалъ, что ходили и скакали по немъ. Счастье наше было то, что эти господа, видимо, считали револьверъ мой, неистощимымъ; я выпустилъ только четыре заряда, понимая, что пропаду, если буду еще стрѣлять, и больше стращалъ: уже пики приближались со всѣхъ сторонъ и исковерканныя злостью физіономіи скалились и ругались на самомъ близкомъ разстояніи...

Затрудняюсь сказать, сколько времени продолжалось мое неловкое положеніе—мнѣ-то казалось долго, но въ сущности, вѣроятно, не болѣе двухъ минутъ,—какъ вдругъ все отхлынуло и понеслось прочь такъ же быстро, какъ и принеслось: это подбѣжали къ намъ на выручку солдаты; — лошадь Эмана промчалась мимо нихъ, унтеръ крикнулъ: «выручай, братцы, ротнаго убили!» и они всѣ бросились, сломя голову, впередъ.

Затѣмъ прискакало орудіе, лихо снялось съ передковъ и, послѣ перваго выстрѣла, не осталось никого около насъ, а послѣ второго и около барановъ, отогнанныхъ было, но снова теперь нами захваченныхъ. Надобно сказать, что все это случилось очень быстро, быстрѣе, чѣмъ я разсказываю, и сопровождалось сильнѣйшимъ шумомъ: съ бранью налетали киргизы, съ бранью я отстрѣливался, съ бранью стрѣляли сол-

даты, съ бранью же, наконецъ, взмахнулъ шашкою и Эманъ, когда, очнувшись и вскочивъ на ноги, успѣлъ еще рубнуть одного изъ всадниковъ, конечно, ускакавшаго умирать.

Очевидно, шумъ и крики входили въ систему устрашенія у нашего непріятеля, да отчасти и у насъ самихъ. Впрочемъ, и въ наиболѣе дисциплинированныхъ войскахъ, во время дѣйствія, потребность пугать непріятеля и подбодрять себя шумомъ сказывается еще въ наше время.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я, какъ Эманъ бросился мнѣ на шею благодарить и какъ славно мы

Bayerische
Staatsbibliothek
München

съ нимъ расцѣловались. Въ немногихъ словахъ онъ разсказалъ, какъ, будто въ кошмарѣ, слышалъ, что его топчутъ, но подняться не могъ. Онъ понялъ, что подвергался опасности получить нѣсколько дырочекъ на свой новый полушубокъ и что я отвелъ эту опасность.

Не теряя времени, мы бросились отбирать наши трофеи, т.-е. барановъ, къ счастью, не успѣвшихъ далеко уйти. Таранчи и киргизы, несмотря на умѣнье обращаться съ ними, такъ заторопились, что запугали животныхъ, и тѣ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, повернули мертвымъ кругомъ, т.-е. такъ, какъ обыкновенно гоняютъ барановъ по степи, когда не хотятъ, чтобы они разбродились и шибко переходили съ мѣста на мѣсто. Въ такую-то мертвую и заходилъ отхваченный у насъ косякъ и, несмотря на всѣ усилія огромной толпы, его погонявшей, онъ передвинулся всего на нѣсколько саженъ. Два снаряда, пущенные черезъ головы непріятелей, окончательно отняли у нихъ охоту препираться за добычу и они ускакали безъ оглядки.

* * *

Надобно сказать здѣсь, что именно эта атака послужила мнѣ образцомъ при исполненіи потомъ картинъ: «Нападаютъ врасплохъ» и «Окружили — преслѣдуютъ». Офицеръ, съ саблею наголо, ожидающій нападенія, въ первой изъ этихъ картинъ, передаетъ въ нѣкоторой степени мое положеніе, когда, понявши

серьезность минуты, я рѣшился коли можно отстрѣляться, а коли нельзя, такъ хоть не даться легко въ руки налетѣвшей на насъ «орды». Конечно, многое въ этихъ картинахъ и измѣнено, кое-что, напримѣръ, взято изъ свѣжаго въ то время разсказа о нечаянномъ нападенiи извѣстнаго Садыка на небольшой русскiй отрядъ, посланный на розыскъ его,— нападенiя, случившагося передъ самымъ прiѣздомъ моимъ въ Туркестанъ, на мѣстахъ, по которымъ я проѣзжалъ. Такъ какъ и этотъ фактъ я взялъ не въ цѣломъ составѣ, а заимствовалъ изъ него только нужное, наиболѣе характерное, то не мало пришлось потомъ слышать нареканiй за то, что картины мои небывальщина, ложь, клевета на храброе туркестанское воинство и т. п. Даже разумный, добрый и хорошо ко мнѣ расположенный генералъ К. П. Кауфманъ публично укорялъ меня въ томъ, «что я слишкомъ далъ волю своему воображенiю, слишкомъ насочинялъ».

* * *

Не безъинтересно, что въ самую опасную минуту человѣка не покидаетъ забота о сравнительныхъ мелочахъ: когда непрiятельская конница гикнула, полетѣла на насъ и мы поняли, что будемъ сейчасъ изрублены, я, вмѣсто того, чтобы обмѣняться съ Эмаомъ мыслями о защитѣ, только сказалъ ему:

— А, вѣдь, барановъ-то отобьютъ у насъ!

— Отобьютъ,—отвѣтилъ онъ,—скверно!

— Ничего, послѣ опять отнимемъ!

И все это, и мои вопросы, и его отвѣты, перебрасывалось между криками ура! и потрясаніемъ нашимъ оружіемъ, шашкою и револьверомъ.

Казака, съ нами бывшаго, совсѣмъ порубили, буквально искололи и изсѣкли. Онъ еще дышалъ, когда его подняли и положили вмѣстѣ съ другими раненными на лафетъ орудія, но бѣдный воинъ вскорѣ умеръ; передъ смертью онъ поднесъ ко рту изувѣченную правую руку съ перерубленными пальцами, да такъ и застылъ. Жутко было смотрѣть на его вытянутую фигуру, державшую кольцомъ руку передъ самымъ носомъ, точно въ насмѣшку надъ кѣмъ-то.

* * *

Непріятель опять началъ собираться вокругъ насъ густыми толпами и по нимъ очень успѣшно дѣйствовало наше орудіе. Я просто любовался, какъ добрѣйшій и мирнѣйшій Р. вылеталъ на позицію, маршъ-маршемъ выскакивалъ далеко впередъ къ непріятельскимъ группамъ: «Орудіе съ передковъ! Первая!»... и прежде чѣмъ храбрые, но не дисциплинированные противники наши успѣвали разсыпаться, выстрѣлъ частенько вышибалъ нѣсколько всадниковъ сразу. Сейчасъ же подхватывалъ онъ пушку, во весь опоръ подлеталъ къ другому угрожаемому пункту и тамъ «первая» снова давала знать о себѣ.

Все время крикъ и шумъ были страшные—всякій

командовалъ. Покажется казаку, что тамъ, гдѣ онъ находится, опасно—сейчасъ же онъ кричитъ благимъ матомъ: «Орудію сюда давайте! Орудію! Скорѣя!» Орудіе наше было героемъ дня. При выходѣ изъ Борохудзира, Р. мечталъ лишь о томъ, чтобы сдѣлать парочку выстрѣловъ, для реляціи; но дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя его надежды, потому что пришлось стрѣлять не переставая и онъ выполнилъ выпавшую на его долю службу такъ, что, признаюсь, во множествѣ дѣлъ, которыхъ участникомъ мнѣ доводилось быть, ни разу я не видѣлъ болѣе блистательнаго дѣйствія орудія — всѣ наши люди, солдаты, казаки и китайцы, забывали и объ опасности, и о баранахъ, засматриваясь на «жарившую» пушку.

Одного калмыцкаго полковника я не могъ видѣть безъ улыбки: колчанъ, набитый стрѣлами, за спиною; въ рукахъ—готовый къ смертоносному дѣйствію лукъ; онъ только вздумаетъ натянуть стрѣлу, какъ бѣсъ любопытства одолѣетъ его и, весь перевернувшись на сѣдлѣ, онъ слѣдитъ испуганнымъ и любопытнымъ взоромъ за движеніями и дѣйствіями орудія; на бѣду еще полковникъ этотъ былъ близорукъ, и на кончикѣ носа его были воздвигнуты величайшіе изъ когда либо виданныхъ мною очковъ—просто, умора! Казалось, онъ мечталъ: «вотъ, кабы намъ, китайцамъ, побольше такихъ орудій, мы бы съумѣли съ ними распорядиться—мигомъ оставили бы ихъ въ непріятельскихъ рукахъ!»

Впрочемъ, и у насъ дѣло едва не доходило до этого: въ короткихъ промежуткахъ, между выстрѣлами, такъ налегали на орудіе, что начальникъ отряда сталъ, вѣроятно, опасаться за исходъ нашей экспедиціи.

Мы ѣхали въ авангардѣ съ Эманомъ, который уже опять возсѣдалъ на своемъ чудесномъ иноходцѣ, чуть было не попавшемъ въ руки враговъ, когда маіоръ, сильно смущенный, подъѣхалъ къ намъ.

— Кажется, придется бросить барановъ!

— Что вы, маіоръ, ни сотни нельзя уступить—срамъ!—говорю ему.

— Да вѣдь орудія отнимутъ, напираютъ такъ, что стрѣлять не даютъ!

Эманъ ускакалъ туда присмотрѣть. Я сначала съѣздилъ въ арріергардъ, сколько могъ успокоилъ казачковъ, потомъ остался распоряжаться впереди.

И пришлось же понукать и браниться! Солдатамъ достаточно было только сказать и съ ними забота была лишь о томъ, чтобы они не стрѣляли попусту, въ пространство, и не рисковали бы такимъ образомъ остаться безъ патроновъ, но казаковъ приходилось постоянно то подгонять, то разгонять и бранить: собираются въ кучки и передаютъ другъ другу разные страхи, вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло, т.-е. возможно поспѣшнѣе гнать впередъ стада, растянувшіяся теперь на добрыхъ четырехъ верстахъ разстоянія.

*
* *

Уже смеркалось, когда мы подошли къ первымъ рукавамъ рѣки Харгосъ. Наконецъ-то!

Выстрѣловъ изъ орудій не было слышно въ тылу, но солдатики, шедшіе въ цѣпи, по сторонамъ, пострѣливали еще.

Оставшіеся въ обозѣ, за оградою, солдаты разсказывали, что таранчи подъѣзжали къ нимъ, увѣряли, что отрядъ нашъ разсѣянъ, уничтоженъ и предлагали уходить: «мы де васъ не тронемъ», но въ отвѣтъ имъ выставили ружья и посовѣтовали убираться къ чорту подъ хвостъ.

Съ величайшимъ трудомъ и—нечего и говорить съ какимъ шумомъ — наши трофеи были переправлены черезъ рѣку и загнаны въ ограду, изъ которой маіоръ соорудилъ укрѣпленіе, совершенно недоступное для преслѣдовавшихъ насъ полчищъ. По стѣнамъ, внутри и снаружи, были разсыпаны стрѣлки, казаки поставлены въ боевой порядокъ, орудіе въ воротахъ.

Предосторожности эти оказались очень не лишними, потому что вслѣдъ за наступившей было передышкой, вдругъ — когда уже совсѣмъ стемнѣло — раздался со всѣхъ сторонъ адскій визгъ и гикъ толпы подступавшихъ... Выстрѣлы, хотя и неправильные, наугадъ, быстро отняли охоту у непріятеля повторять опытъ, и мы провели ночь сравнительно спокойно.

* * *

Послѣ вчерашней закуски на привалѣ въ Сассахъ, я ничего не имѣлъ во рту, если не считать пары грушъ, найденныхъ и съѣденныхъ въ Мазарѣ,—грушъ, очень вкусныхъ, но далеко не достаточныхъ для заморенія червяка, начинавшаго теперь, на сравнительномъ покоѣ, давать знать о себѣ. Я просилъ достать мнѣ хоть что-нибудь поѣсть такъ настоятельно и угрожалъ въ противномъ случаѣ умереть съ голода такъ рѣшительно, что отыскался кусочекъ говядины и старая лепешка, показавшіеся мнѣ, конечно, очень вкусными.

На другой день мы готовились къ такимъ же хлопотамъ, но, сверхъ ожиданія, довелось выступить раннимъ утромъ совсѣмъ спокойно. Только часа два спустя показался въ тылу непріятель, державшійся, однако, вдали, по холмамъ, внѣ нашихъ выстрѣловъ.

Должно быть, потерявши наканунѣ не мало народа, они рѣшили не пробовать болѣе счастья и проститься съ отбитымъ скотомъ издалека.

Отдохнувши опять на томъ же мѣстѣ въ Сассахъ, гдѣ, мимоходомъ сказать, къ великой радости Эмана, нашлись его очки, мы безъ дальнѣйшихъ приключеній добрались до Борохудзира.

* * *

Такъ кончился нашъ набѣгъ. Прекрасная Елена была раздѣлена,—разумѣю барановъ, въ данномъ слу-

чаѣ игравшихъ роль красавицы гречанки. Всѣ нижніе чины получили по два барана, урядники по пяти, офицеры по 50, начальникъ отряда — не помню сколько, кажется 200. Остальные—тысячъ 5—6, вмѣстѣ съ небольшою дозою рогатаго скота, были, по приказанію военнаго губернатора, проданы и вырученныя за нихъ деньги пріобщены къ какимъ-то казеннымъ суммамъ.

А пораненные казаки? — Что имъ дѣлается, поболѣли, да и выздоровѣли.

А изрубленный казакъ?—Гмъ! ну, изрубленный-то, конечно, умеръ, за то похоронили его съ честью, всею командою, съ музыкою и залпомъ; на послѣдней демонстраціи разряжены были всѣ ружья, оставшіяся заряженными съ похода. Такъ и тащили бѣднягу съ рукою, поднесенною ко рту—даже крышку гроба пришлось изъ-за этого дѣлать выше обыкновеннаго.

Не обошлось безъ шутки: похоронный рожокъ такъ старательно выводилъ все одинъ и тотъ же однообразный, даже не мотивъ, а какой-то окликъ, что я спросилъ Р., что это онъ наигрываетъ?

— Развѣ вы не знаете,—отвѣчалъ онъ;—это спрашиваютъ мертваго: «Ты куда? Ты куда-а? Ты куда-а-а-а!?»

* * *

Былъ и эпилогъ нашего похода «за похищеніемъ руна».

Начальникъ отряда получилъ свѣдѣнія о томъ, что

таранчи собираютъ огромныя силы — 40,000 человѣкъ будто бы собираются раздавить борохудзирскій отрядъ. Для подъема фуража этому войску согнано будто бы 1,000 верблюдовъ и т. д. въ томъ же родѣ.

Правда эта была или нѣтъ, въ отрядѣ, на всякій случай, приготовились встрѣтить гостей. Прежде всего послали разъѣздъ для высматриванія непріятеля, затѣмъ приказано было казакомъ держать лошадей осѣдланными; запаслись сухарями на случай осады, и орудія стали дѣлать репетицію новой маленькой комедіи, намъ обѣщанной. Въ то же время маіоръ П. послалъ донесеніе о случившемся и просилъ о подкрѣпленіи отряда.

Всѣ эти приготовленія и ожиданія разрѣшились очень скоро и весьма неожиданнымъ образомъ: послѣ двухъ дней, проведенныхъ въ безпрерывной тревогѣ, получено, наконецъ, извѣстіе о томъ, что идетъ сила—во̀ какая!

Прискакалъ казачій разъѣздъ!—лошади въ мылѣ— «скакали не останавливаясь 20 верстъ. Непріятель гнался за ними, но они успѣли спастись!... не могутъ сказать, сколько непріятеля!... они видѣли только передовыхъ... а тамъ дальше за камышами — видимо-невидимо!..»

Ударили тревогу; въ нѣсколько минутъ все встало на ноги; орудія по угламъ, стрѣлки у оконъ ѝ амбразуръ!

— Вотъ, посмотрите, какъ мы начнемъ ихъ сейчасъ валять,—говорилъ мнѣ начальникъ отряда, рас-

хаживавшій по двору и поминутно отдававшій приказанія.

Въ ожиданіи этого «валянья», которое что-то замедлилось, мы пошли съ Эманомъ допивать чай въ его комнату, куда вскорѣ, хохоча и бранясь, вошелъ и маіоръ П.: «Ахъ, подлецы, ахъ, мошенники, ахъ, трусы негодные; представьте себѣ, что они сдѣлали!» И разсказываетъ: «Третьяго дня былъ высланъ разъѣздъ изъ 8 человѣкъ нашихъ киргизъ, съ приказаніемъ прослѣдовать до рѣки и разузнать, не собираются ли таранчи на отместку намъ. Такъ какъ разъѣздъ долго не возвращался, то я послалъ еще 10 человѣкъ казаковъ тоже окрестности осмотрѣть, да и киргизъ кстати разыскать. Двадцать верстъ наши воины прошли благополучно, но тутъ вдругъ увидѣли, что изъ-за камышей выѣзжаютъ вооруженные люди, одинъ, другой, третій!.. Не долго думая, гаврилычи назадъ! Киргизскій разъѣздъ — такъ какъ это онъ возвращался, не встрѣтя ни одной вражеской души—поскакалъ слѣдомъ за ними: «стой! стой! послушайте! мы ваши, вы наши!..» Не тутъ-то было, казаки еще пуще удирать—скакали, скакали до самаго отряда, который и перебуторажили извѣстіемъ о приближеніи непріятельской рати...

* * *

Всѣ участники этого набѣга были награждены орденами, но моя награда была лучшая. Узнавъ изъ донесенія военнаго губернатора Семирѣченской обла-

сти генерала Колпаковскаго объ участіи, которое довелось мнѣ принять въ этомъ дѣлѣ, ген. Кауфманъ сдѣлалъ мнѣ ручкою и сказалъ: «спасибо, спасибо за спасеніе Эмана!»

* * *

Два слова о драматической смерти Эмана: образцовый строевой офицеръ, исполнительный и разумный, онъ нѣсколько лѣтъ потомъ прекрасно шелъ по службѣ, будучи на самомъ лучшемъ счету у своего начальства. Связь съ дрянной женщиной, которую онъ притащилъ изъ г. Вѣрнаго въ отрядъ, втолкнула его въ проступокъ: онъ растратилъ 5,000 казенныхъ денегъ и свалилъ бѣду на разбойниковъ, яко бы ограбившихъ его на эту сумму въ дорогѣ. Когда, послѣ слѣдствія, арестовали и осудили совершенно невинныхъ людей, честная натура Эмана взбунтовалась: онъ написалъ письмо съ разъясненіемъ дѣла, просилъ отпустить невинно осужденныхъ, если возможно, простить ему... и застрѣлился.

ДУНАЙ.

1877.

Пріѣхавши въ Кишиневъ и переодѣвшись въ плохенькой гостиницѣ, я пошелъ въ главную квартиру арміи. Добрый генералъ Галлъ представилъ меня гг. Непокойчицкому, Левицкому и др., а также, къ большому моему удивленію, молодому генералу Скобелеву.—«Я зналъ въ Туркестанѣ Скобелева», говорю ему...—«Это я и есть!»—«Вы! можетъ ли быть, какъ вы постарѣли; мы вѣдь старые знакомые». Скобелевъ порядочно измѣнился, возмужалъ, принялъ генеральскую осанку и отчасти генеральскую рѣчь, которую, впрочемъ, скоро перемѣнилъ, въ разговорѣ со мною, на искренній дружескій тонъ.

Онъ только что пріѣхалъ. Надъ его двумя георгіевскими крестами, полученными въ Туркестанѣ, подсмѣивались и говорили, что «онъ еще долженъ заслужить ихъ». Я хорошо помню, что эта послѣдняя фраза понравилась въ главной квартирѣ и повторялась, также какъ и высказанная однимъ молодцомъ

увѣренность, что «этому мальчишкѣ нельзя довѣрить и роты солдатъ».

Узнавши, что я пойду впередъ вмѣстѣ съ отцемъ его, М. Д. просилъ ему передатъ о скоромъ своемъ пріѣздѣ,—онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба къ отцу своему, Дмитрію Ивановичу Скобелеву, командовавшему передовою казачьею дивизіей: назначеніе не особенно почетное для генералъ-маіора съ Георгіемъ на шеѣ, командовавшаго передъ этимъ областью!

* * *

Отрядъ Скобелева отца состоялъ изъ полка донцовъ и полка кубанцевъ въ одной бригадѣ, полка владикавказцевъ и осетинъ съ ингушами въ другой. Первою бригадой командовалъ полковникъ Тутолминъ, неглупый, добрый человѣкъ, большой говорунъ; второю полковникъ Вульфертъ, георгіевскій кавалеръ за Ташкентъ, куда онъ первый вступилъ при штурмѣ. Насколько Т. любилъ говорить рѣчи, настолько В. любилъ молчать.

Полковыми командирами были: у донцовъ Денисъ Орловъ, живой и симпатичный, хорошій товарищъ; у кубанцевъ Кухаренко, сынъ извѣстнаго на Кавказѣ генерала, самъ имѣвшій видъ браваго кавказца, оказавшійся впослѣдствіи болѣзненнымъ, нервнымъ. Владикавказцами командовалъ полковникъ Левисъ, полу-русскій, полу-шведъ, толстый, красный, добродушный и бравый,—словомъ, претипичный воинъ.

Его интересно было наблюдать на лагерной стоянкѣ, когда, гуляя съ заложенными назадъ руками около своей палатки, онъ очень часто заходилъ въ нее, опрокидывалъ въ ротъ рюмку, снова гулялъ, снова прикладывался и т. д. Полковой командиръ ингушей и осетинъ—русскій фигурою и фамиліею, кажется, Панкратьевъ.

Я помѣщался въ хатѣ со старикомъ Скобелевымъ. У него была таратайка и пара лошадей, на которой мы выѣзжали утромъ, по выступленіи войскъ. Догнавши отрядъ, Скобелевъ надѣвалъ огромную форменную папаху, садился на лошадь, объѣзжалъ полки, здоровался съ офицерами и казаками и затѣмъ опять садился въ таратайку, причемъ папаха отправлялась подъ сидѣнье, а на смѣну ея вытаскивалась красная конвойная фуражка. Д. И. командовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ конвоемъ Его Величества и носилъ конвойную форму. Когда мы подъѣзжали къ деревнямъ, онъ не забывалъ откидывать борты пальто и открывалъ свою нарядную черкеску, обшитую широкими серебряными галунами. Румыны вездѣ дивовались на статнаго, характернаго генерала. Я помню, что, во время осмотра казаковъ главнокомандующимъ въ Галацѣ, Скобелевъ-отецъ поразилъ меня своею фигурою: красивый, съ большими голубыми глазами, окладистою рыжею бородой, онъ сидѣлъ на маленькомъ казацкомъ конѣ, къ которому казался приросшимъ. Онъ говорилъ мнѣ, что въ немъ много литовской крови.

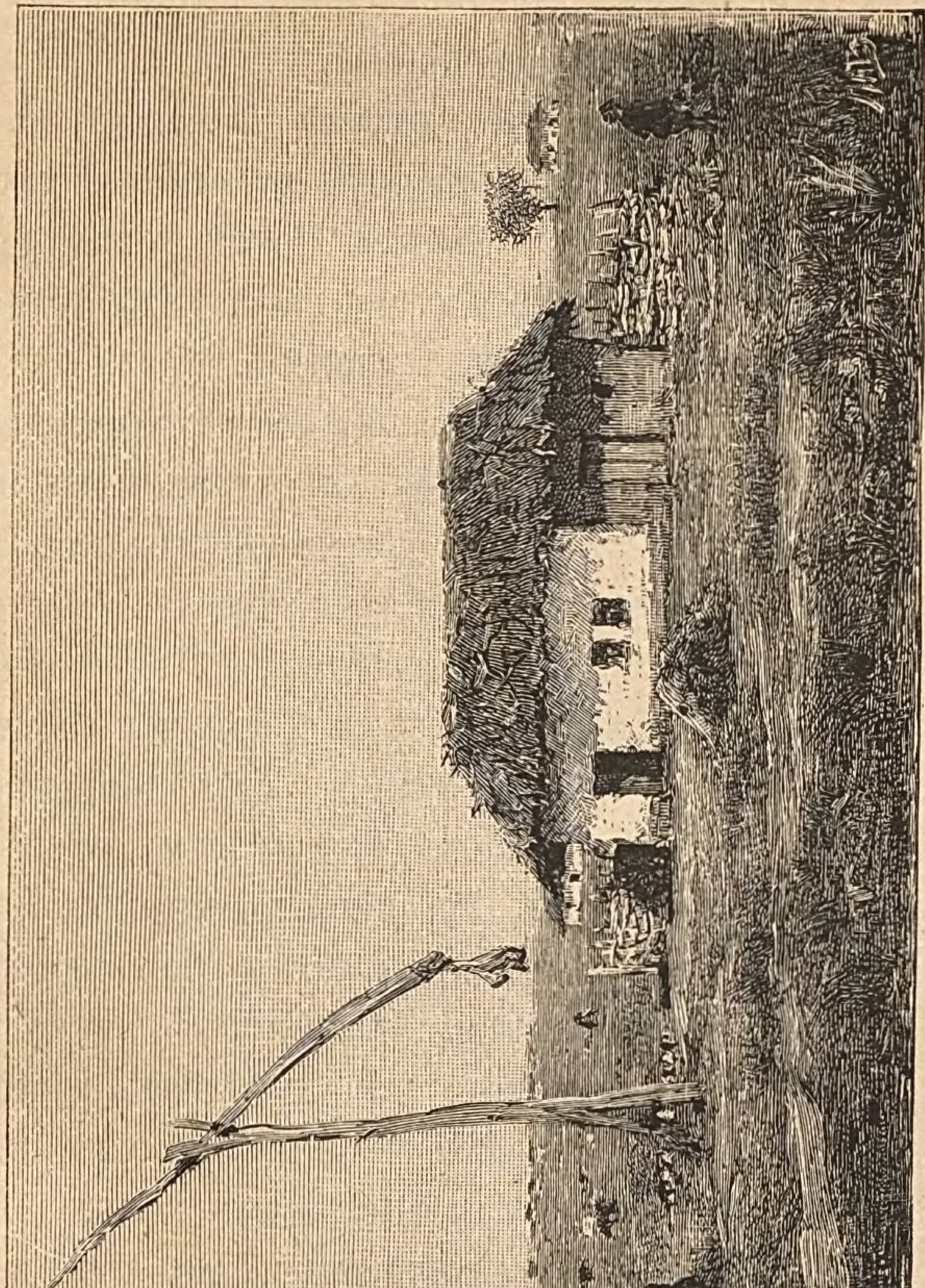
* * *

Дорогою мы обыкновенно или разсказывали что-либо другъ другу, или Д. И. разсуждалъ съ кучеромъ Мишкою о худо подкованной пристяжной, о ненадежной вожжѣ или шинѣ у колеса и т. п., чаще же всего спорилъ съ нимъ, бранился, угрожалъ отправить его домой, а съ переходомъ черезъ границу даже и выпороть, такъ какъ «законы теперь уже другіе», но угрозы эти такъ и оставались угрозами, что кучеръ Мишка очень хорошо зналъ. Послѣ, когда въ отрядъ прибылъ Михаилъ Скобелевъ, часто трудно было различить, о комъ говоритъ, кого Д. И. зоветъ: Мишу сына, или Мишку кучера.

Мы ѣхали часто довольно далеко впереди войскъ; на полпути, выбравши хорошее мѣсто для роздыха войскъ, останавливались, добывали прѣснаго или кислаго молока, если по близости было какое жилье или поселеніе, и затѣмъ, съ подходомъ офицеровъ, завтракали чѣмъ-нибудь холоднымъ.

Я забылъ упомянуть еще о трехъ постоянныхъ членахъ нашего общества: капитанѣ генеральнаго штаба Сахаровѣ, съ широкимъ сильно татарскаго типа лицемъ, исправлявшемъ при отрядѣ должность начальника штаба, умномъ и остроумномъ человѣкѣ; штабъ-ротмистрѣ Дерфельденѣ, адъютантѣ главнокомандующаго, состоявшемъ при отрядѣ отъ его лица, славной русской натурѣ, несмотря на нѣмецкую фамилію; наконецъ, штабъ-ротмистрѣ гатчинскихъ

кирасиръ Лукашевѣ, исправлявшемъ должность адъютанта штаба, если не ошибаюсь.

Румынская хата.

При отрядѣ была и артиллерія Донского войска, но командиръ батареи держался болѣе отдѣльно, между своими офицерами. Командиры полковъ второй

бригады также, какъ и самъ Вульфертъ, рѣдко бывали съ нами, потому что они шли сзади на одинъ переходъ, и являлись къ Скобелеву только тогда, когда догоняли насъ на дневкахъ.

Нечего и говорить, что завтраки наши на лугу, подъ деревьями или подъ навѣсомъ румынской хаты, были очень оживленны и веселы. Послѣ отдыха сигналъ выступленія, и затѣмъ снова наша таратайка, а за нею и отрядъ двигались впередъ.

Мы останавливались иногда по дорогѣ поразспросить и поболтать со встрѣчнымъ крестьяниномъ или крестьянкою, причемъ сами не мало смѣялись нашимъ условіямъ дать себя понять. «Вы не умѣете», говорилъ мнѣ иногда Д. И., «дайте я объясню»—и вправду, иногда добивался отвѣча. Разъ мы свернули съ дороги къ румыну, пасшему стадо барановъ, сначала обезумѣвшему отъ страха при видѣ генерала, но потомъ увѣрившемуся въ нашихъ мирныхъ намѣреніяхъ. Скобелевъ хотѣлъ купить барашка *на племя*, какъ онъ выражался: отставивши руки недалеко одна отъ другой, онъ началъ блеять тоненькимъ голоскомъ: бя! бяя! Крестьянинъ понялъ, продалъ барашка и долго улыбался намъ вслѣдъ. Мы возили этого барашка въ тарантасѣ, но онъ велъ себя такъ дурно и такъ запакостилъ насъ, что былъ сданъ въ обозъ.

* * *

Съ приходомъ отряда въ назначенное по маршруту мѣсто, въ хатѣ, занимаемой Скобелевымъ, го-

товился обѣдъ. Условіе было такое, что самъ Д. И. поставляетъ провизію и повара, Тутолминъ вино, Сахаровъ, если не ошибаюсь, чай и сахаръ, а мнѣ предложено было заботиться о сладкомъ, т.-е. изюмѣ, миндалѣ, орѣхахъ и т. п. Скобелевъ всегда самъ приготовлялъ салатъ, причемъ отъ безпрерывнаго пробованія вся борода его покрывалась салатными листьями.

Для супа онъ посылалъ часто повара тихонько утащить молодыхъ виноградныхъ листочковъ изъ ближняго виноградника.

Случалось, однако, что обѣдъ почему-либо заставлялъ себя ждать, тогда мы старались убить время всякимъ вздоромъ и шутками. Сочинялись стихи: «къ повару», «къ обѣду», а затѣмъ и вообще приноровленные къ обстоятельствамъ: къ походу, къ погодѣ и т. п. Вотъ, наприм., стихи, сочиненные на артельномъ началѣ; въ нихъ грѣхи четверыхъ: самого генерала Скобелева, полковника Тутолмина, капитана Сахарова и штабъ-ротмистра Дерфельдена:

Скобелевъ—Не стая вороновъ слетается,
Тутолминъ—Чуя солнышка восходъ,
Сахаровъ—Генералъ въ походъ сбирается
Дерфельденъ—И кричитъ: Давыдъ Орловъ!

А вотъ мои вирши не оконченныя, потому что Д. И. попросилъ прибавить что-нибудь о порядкѣ и стройности въ отрядѣ, чѣмъ убилъ мое вдохновеніе, разумѣется, къ лучшему:

Шутки въ воздухѣ несутся,
Пѣсни громко раздаются,
Все кругомъ живетъ,
Все кругомъ живетъ.

Старый Скобелевъ, съ полками,
Со Донскими казаками,
Въ Турцію идетъ,
Въ Турцію идетъ.

Тутъ же тянутся Кубанцы,
Осетины оборванцы;
Бравый все народъ,
Бравый все народъ.

Артиллерія тащится,
Можетъ въ дѣлѣ пригодиться,
Какъ знать напередъ,
Какъ знать напередъ.

А въ тылу у всѣхъ Драбанты,
Писаря и медиканты,
Словомъ, всякій сбродъ,
Словомъ, всякій сбродъ.

Предположеніе продолжать, какъ сказано, не состоялось. Послѣ обѣда, передъ чаемъ, опять разговоры и шутки, а часто и пѣсни, которымъ не брезговалъ подпѣвать басомъ и самъ генералъ. Пѣсни очень любилъ Тутолминъ; онъ такъ старательно вытягивалъ нотки, что иногда закрывалъ глаза отъ удовольствія, особенно когда пѣлась одна его любимая, солдатская, съ припѣвомъ:

Будемъ жить, не тужить
И Царя благодарить!

и еще:

Будемъ жить, не тужить
И я буду васъ любить!

Спать ложились рано, такъ какъ вставать приходилось очень рано.

* * *

На одной стоянкѣ только что мы легли было спать, какъ раздались выстрѣлы и за ними общая тревога. Наскоро одѣваясь, спрашиваю у Скобелева, что бы это могло быть?—«Турки», отвѣчаетъ онъ.—Въ нѣсколько минутъ отрядъ былъ на ногахъ. Какъ на зло, казакъ затерялъ уздечку моей лошади, и я поспѣлъ выѣхать позже всѣхъ. Темнота была, хоть глазъ выколи! Проѣхавши черезъ какія-то канавы и буераки и едва не свалясь съ лошади, я добрался до построившагося уже отряда. Раздаются негромкіе голоса: «гдѣ артиллерія, артиллерія сюда! Кубанцы вправо!» Слышу, зоветъ генералъ: «Василій Васильевичъ! гдѣ В. В.?» Я присоединился къ штабу.

Послали разъѣздъ, и что-же оказалось: какому-то еврею маркитанту, остановившемуся здѣсь ночевать и въ темнотѣ порядочно струсившему, вздумалось придать себѣ бодрости нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера. Казаки, особенно Орловъ, просили позволенія хорошенько отодрать плетками этого героя, не давшаго всему отряду выспаться, но я заступился и предложилъ дать ему только по нагайкѣ за каждый выстрѣлъ; это было принято, и еврей получилъ только 3 нагайки, но, кажется, здоровыя!

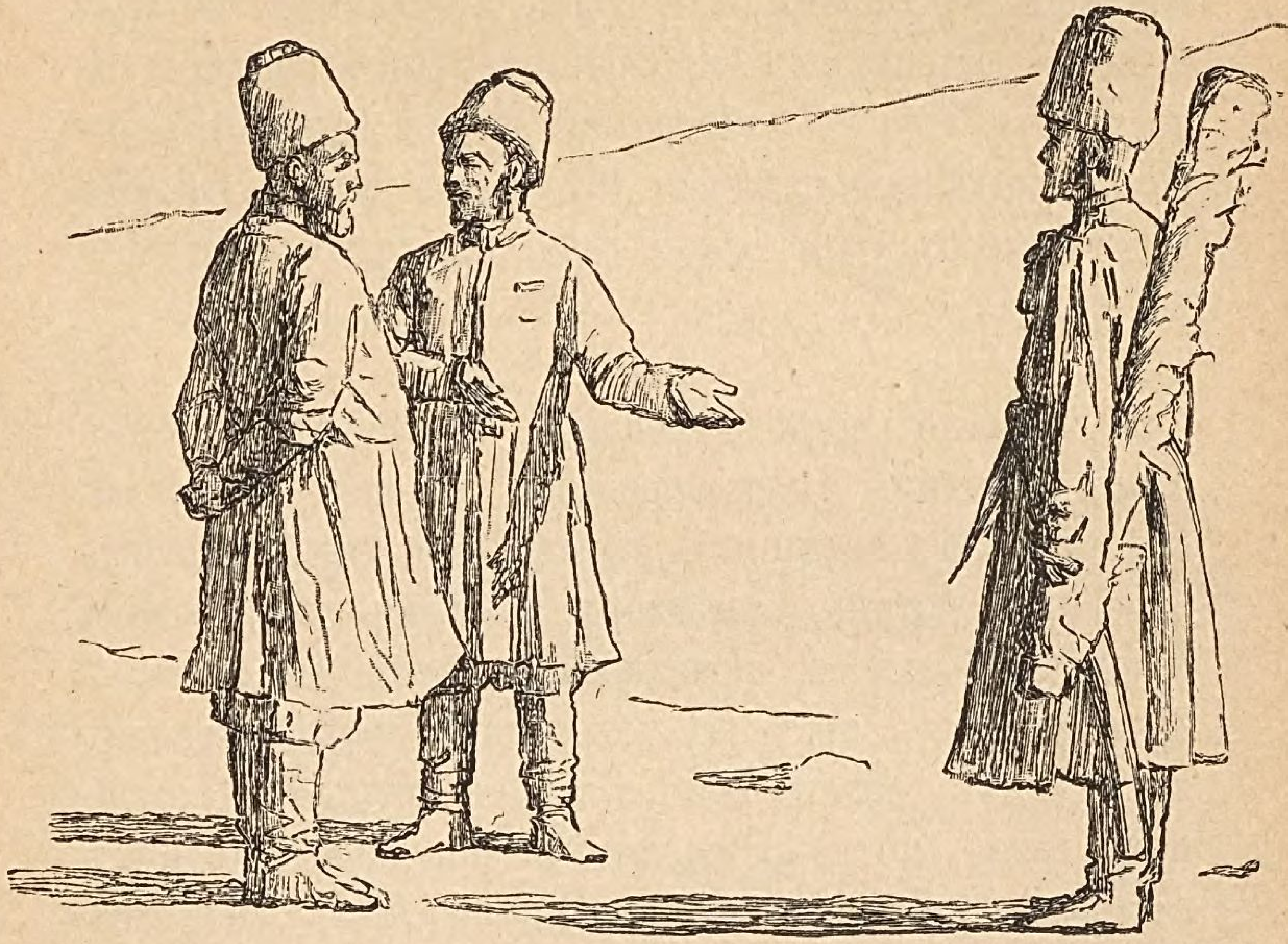
* * *

По большимъ деревнямъ казаки располагались въ домахъ, а въ сторонѣ отъ селеній—въ палаткахъ. Вообще войско держало себя прилично, хотя и не обходилось безъ жалобъ: тамъ казакъ стянулъ гуся, тамъ зарѣзали и съѣли барана такъ ловко, что ни шкуры, ни костей нельзя было доискаться; бывали даже жалобы, хотя и рѣдко, на то, что казакъ «бабу тронулъ».

Шли мы съ большими предосторожностями, какъ-бы въ непріятельской странѣ, съ разъѣздами по сторонамъ, которые Скобелевъ называлъ «глазами». Хотя нѣкоторые изъ офицеровъ и подтрунивали надъ этими предосторожностями, но такъ какъ нельзя было поручиться, что какая-нибудь шальная партія черкесовъ, переправясь темною ночью черезъ Дунай, не набѣдокуритъ, не напугаетъ всю окрестность, то, можетъ быть, предосторожности эти были не лишнія. Хоть мы еще были далеко отъ Дуная, но жители кругомъ, въ виду постоянныхъ слуховъ о переправѣ непріятеля то тамъ, то сямъ черезъ Дунай, были въ сильнѣйшей тревогѣ.

И офицеры, и казаки въ отрядѣ вели жизнь скромную; ни большихъ кутежей, ни сильной игры не было. Помнится мнѣ только одна пирушка у Кухаренко, командира Кубанскаго полка, что-то такое праздновавшаго, кажется, день своего рожденія. Орловъ явился съ полудюжиною добраго донского, по-

слѣднею, какъ онъ увѣрялъ; потомъ, однако, явилась еще полудюжина, уже окончательно послѣдняя, и едва ли не отыскалась еще третья, уже совсѣмъ, совсѣмъ послѣдняя.

Бабу тронулъ.

Главнымъ интересомъ празднества была давно возвѣщенная жеребятина, которою К. собирался насъ угостить. Мнѣ случалось въ Туркестанѣ ѣсть лошадь, но жеребенка не ѣдалъ.

Подали. «Го-о-оспода!—протянулъ К., порядочно заикавшійся,—п о-ожалуйте ж-ж-жеребенка!» На блюдѣ какія-то громадныя котлеты, ребра съ нѣ-

сколько синеватымъ мясомъ. Всѣ попробовали; мнѣ мясо понравилось, но большинству нѣтъ: кто ѣлъ мало, а кто и совсѣмъ отставилъ тарелку.

Подали второе блюдо. «Го-о-оспода, кто н-не желаетъ ж-жеребятины, в-вотъ п-о-ожалуйте б-а-аранинки!» Принялись за баранину, послышались голоса С. и другихъ: «Вотъ это другое дѣло, это мясо»... Когда всѣ наѣлись, К. опять затянулъ: «Не в-в-в-зыщите, гггоспода, о-о-оба блюда ббыли жжжеребятина!..

* * *

У меня не было ни лошади, ни повозки, и всѣмъ этимъ надобно было завестись. Рѣшено было, что достанетъ все сотникъ В., командиръ одной изъ кубанскихъ сотенъ, умѣющій добывать все, всегда и вездѣ. Генералъ познакомилъ меня съ нимъ.— «Это можно», отвѣчалъ тотъ; и на другой же день я получилъ рыжаго коня, хотя съ бѣльмомъ на одномъ глазу, но добраго, хорошо видѣвшаго и однимъ глазомъ, а главное, недорогого, за 70 рублей, что по тогдашнимъ цѣнамъ на лошадей было не дорого.

Позже, въ Букарестѣ, В. добылъ мнѣ и повозку съ лошадью, за 400 франковъ, отъ русскаго поселенца, скопца. Для повозки Скобелевъ далъ мнѣ пѣшаго донского козака, Ивана, а для моихъ поѣздокъ молодого осетина Каитова.

* * *

Вскорѣ подъѣхалъ къ намъ молодой Скобелевъ. Передъ нимъ прибыли его лошади. Одна, подарен-

ная ему отцомъ, кровная англійская выводная кобыла, уже довольно старая, была разбита на ноги: другая, бѣлый жеребецъ персидской породы, была при нѣкоторыхъ хорошихъ статьяхъ чуть-ли не уродомъ въ общемъ. Третій конь—хивинскій, золотистый туркменъ, далеко не изъ лучшихъ туркменскихъ лошадей.

О молодомъ генералѣ въ отрядѣ уже слышали и меня, какъ его знакомаго, часто спрашивали, что онъ за человѣкъ. Я всѣмъ отвѣчалъ, что онъ храбрый, хорошій офицеръ.

Отношенія отца и сына Скобелевыхъ были дружественныя, но мнѣ казалось, что Д. И—чу не совсѣмъ пріятенъ былъ Георгій 3-й степени М. Д—ча, въ то время, какъ у самого у него былъ только 4-й. При этомъ отецъ, отчасти какъ бывшій кавказецъ, относился иронически къ военнымъ заслугамъ Михаила Дмитріевича въ Туркестанѣ, войны котораго онъ называлъ *бараньими*. Помню, что разъ, за столомъ, мнѣ пришлось крѣпко заступиться за молодого генерала, такъ что старый даже надулся. Вообще же М. Д. своими военными разсказами, также какъ планами и предположеніями для предстоявшей кампаніи, нѣсколько нарушилъ ровный, патріархальный строй нашей походной жизни.

Помнится, молодой Скобелевъ строилъ такое множество плановъ перехода черезъ Дунай и всѣхъ войскъ, и отдѣльныхъ частей, предпріятій для нападенія врасплохъ на турецкіе пикеты, батареи и

проч., плановъ и предпріятій, которые онъ постоянно по секрету сообщалъ то тому, то другому изъ старшихъ офицеровъ отряда, что многихъ привелъ въ совершенное недоумѣніе.—«Онъ какой-то шальной,—говорилъ мнѣ С.,—чуть не каждый часъ новый планъ; возьметъ подъ руку—«знаете, что я вамъ скажу»—и начнетъ, и начнетъ, да такую чушь»!

Какъ искренно любившій Скобелева, я посовѣтовалъ ему быть воздержнымъ и осторожнымъ. Онъ очень интересовался знать, какое произвелъ впечатлѣніе въ отрядѣ, на что я и сказалъ ему, что его молодость, фигура, георгіевскіе кресты и проч. безспорно произвели извѣстное обаяніе, но онъ долженъ остерегаться разрушить его надоѣданіемъ всѣмъ со своими проектами, какъ бы они не казались лично ему практичными и удобоисполнимыми. Михаилъ Дмитріевичъ горячо поблагодарилъ за это: «это совѣтъ истиннаго друга», сказалъ онъ мнѣ.

* * *

Подойдя къ Букарешту, мы не вошли въ самый городъ, согласно конвенціи; къ отряду выѣхалъ полковникъ Бобриковъ, бывшій нашъ военный агентъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими румынскими офицерами, и обвели насъ кругомъ предмѣстьями, въ одномъ изъ которыхъ, къ сторонѣ Дуная, мы размѣстились. Въ отрядѣ очень недовольны были этимъ и находили условіе не проходить городомъ унизительнымъ, съ чѣмъ, пожалуй, можно было и не согласиться.

Лишь только части расположились, какъ старику Скобелеву дали знать, что главнокомандующій проѣздомъ въ Букарештѣ и остановился въ домѣ консула Стюарта. Почтенный Д. И. такъ обрадовался этому, что, какъ сидѣлъ на кровати, такъ и вскинулъ ноги кверху, совсѣмъ вертикально. Онъ поѣхалъ верхомъ со своимъ значкомъ изъ голубого шелка съ большимъ бѣлымъ крестомъ, который шелъ по Румыніи впереди отряда, и имѣлъ съ главнокомандующимъ объясненіе по поводу одного обстоятельства, бывшаго потомъ причиною потери имъ командованія отрядомъ.

Я ѣздилъ по городу съ молодымъ Скобелевымъ и, признаюсь, немного совѣстился его товарищества: встрѣчнымъ барынямъ, особенно хорошенькимъ, онъ показывалъ языкъ!

Скобелевъ скучалъ бездѣйствіемъ; видно было, что ему не хотѣли довѣрить отдѣльнаго командованія, и онъ сильно горевалъ о томъ, что не остался въ Туркестанѣ, гдѣ теперь, по слухамъ, готовилась демонстрація противъ Англіи; мысль о походѣ въ Индію не давала ему покоя.—«Дураки мы съ вами вышли, что сюда пріѣхали», говорилъ онъ оставившему вмѣстѣ съ нимъ службу въ Туркестанѣ капитану Маслову, тоже крѣпко порывавшемуся назадъ. Я совѣтовалъ М. Д. не торопиться сѣтованіями.—«Будемъ ждать, В.В.,—говорилъ онъ,—*я умѣю ждать и свое возьму*». Маслову я совѣтовалъ связать свою судьбу съ судьбою С., который, какъ можно было быть увѣреннымъ, дѣйствительно сумѣетъ занять свое мѣсто.

Жаль только, что это случилось поздно, что его молодость такъ долго служила ему помѣхою и такому рысаку не было хода—исходъ компаніи былъ бы другой.

Скобелевъ-отецъ угостилъ насъ всѣхъ обѣдомъ въ гостиницѣ Гюкъ, гдѣ и я остановился на время нашего роздыха въ Букарештѣ. Гостиница порядочная, не дорогая, какъ говорится, дѣлавшая дѣла за это время; впрочемъ, не было, вѣроятно, человѣка въ Букарештѣ, который такъ или иначе не пользовался бы отъ русскихъ; трактирщики же и содержатели гостиницъ просто, должно быть, наживали состоянія въ это бойкое время.

Въ Букарештѣ я познакомился съ полковникомъ Паренцовымъ, настоящимъ начальникомъ штаба нашего отряда, должность котораго исполнялъ С. Теперь онъ состоялъ при другомъ дѣлѣ и не намѣревался, повидимому, присоединиться къ намъ.

* * *

Будучи обязанъ поставлять для нашей столовой артели сладости, я обѣгалъ всѣ лавки въ городѣ, но, кромѣ дряннаго изюма и твердаго чернослива, ничего не могъ найти — все было раскуплено. Какъ ни стыдно это было, а пришлось угощать добрыхъ товарищей по походу этою гадостью.

Кажется, послѣ 2-хъ дней роздыха, мы выступили далѣе въ старомъ порядкѣ. Одинъ день шли впереди донцы, другой—кубанцы, большею часть съ пѣснями

и казацкой музыкой, хотя не всегда гармоничною, но громкою и залихватскою. Такъ и представляется мнѣ, при воспоминаніи объ этой музыкѣ, офицеръ, заправлявшій ею въ Кубанскомъ полку (забылъ его имя): статный, красивый, огромнаго роста, онъ собственноручно дирижировалъ ударами въ турецкій барабанъ, и какими ударами!—нельзя было слышать ихъ иначе, какъ на почтительномъ разстояніи.

Войска, какъ и прежде, останавливались, гдѣ было мѣсто, по хатамъ, а гдѣ нѣтъ—въ палаткахъ, только бы была по близости вода. Мы всегда добывали себѣ домишко, когда крестьянскій, когда помѣщичій. Иногда заходили съ Д. И. погулять въ расположенныя по сосѣдству усадьбы, гдѣ, въ отсутствіе хозяевъ, охотно все показывали, угощали насъ дульчесами т. е. вареньемъ съ неизмѣннымъ стаканомъ воды. Разъ остановились въ большомъ помѣщичьемъ домѣ, очень просторномъ и удобномъ; но отряду въ эту ночь было не сладко; сколько ни разыскивали, не нашли подходящаго сухого мѣста, и казаки принуждены были поставить палатки на топкомъ грунтѣ; на бѣду еще погода была сырая, моросилъ все время дождикъ; помнится, здѣсь обвиняли начальника отряда въ томъ, что онъ слишкомъ пригоняетъ мѣсто лагеря войскъ къ мѣсту собственной остановки.

Отсюда Д. И. Скобелевъ былъ временно вызванъ по начальству. За время отсутствія отца, Скобелевъ сынъ командовалъ отрядомъ. Какъ же и радъ онъ былъ объѣхать казаковъ и сказать имъ: «здорово,

братцы!» Онъ уже жаловался мнѣ, когда я сдерживалъ его новыя поползновенія проситься назадъ въ Туркестанъ: «думаете вы, В. В., мнѣ легко не имѣть права поздороваться съ людьми послѣ того, какъ я водилъ полки въ битву и командовалъ областью?...»

Казаки увидѣли разницу между сыномъ и отцомъ; слышно было, какъ говорили: «вотъ бы намъ какого командира надо». Старикъ Скобелевъ это узналъ потомъ и разсердился.—«Онъ не можетъ быть на этомъ мѣстѣ, потому что я на немъ», говорилъ онъ мнѣ. Не знаю почему, стараго Скобелева называли всѣ пашею; С. даже называлъ его Рыгунъ-пашею за то, что онъ часто и громко рыгалъ.

Казаки пѣвали часто пародію на извѣстную солдатскую пѣсню: «Было дѣло подъ Полтавой», начинавшуюся стихомъ: «Было дѣло подъ Джунисомъ», сложенную на тотъ же голосъ нашими добровольцами въ Сербіи. Между прочимъ, стихъ:

Нашъ великій Императоръ,
Память вѣчная ему и т. д...

былъ парадированъ такъ:

Нашъ великій М........е,
Чтобы чертъ его побралъ,
Цѣлый день сидѣлъ въ резервѣ,
Телеграмы отправлялъ!

Старый Скобелевъ часто слыхалъ эту пѣсню и никогда не обращалъ вниманія на нее; молодой, въ первый же день своего короткаго командованія, сказалъ казакамъ: «братцы, прошу васъ не пѣть эту

пѣсню: въ ней осмѣиваются наши братья, храбро дравшіеся за славянское дѣло»!—это было справедливо; къ тому же и помянутый съ насмѣшкой М. прекрасный, истинно русскій человѣкъ, стоилъ скорѣе похвалы, чѣмъ порицанія за свою дѣятельность въ Сербіи.

М. Д. успѣлъ освѣдомиться о пищѣ людей и нѣкоторыхъ другихъ порядкахъ въ отрядѣ, что тотчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ нижнимъ чинамъ и дало молодому генералу популярность. Помню, онъ былъ до того нервенъ, что поминутно билъ шпорами лошадь и дергалъ ее; я сказалъ ему, что бы онъ не дѣлалъ этого хоть передъ все замѣчающими казаками!

Скоро мы пришли къ Фратешти, близъ станціи желѣзной дороги этого же имени, откуда открылся Дунай, далекою серебристою, сверкающею на солнцѣ, полосой. Такъ какъ отрядъ долженъ былъ расположиться вдоль рѣки,—о переходѣ его еще не было и рѣчи,—то я надумалъ съѣздить ненадолго въ Парижъ, если разрѣшатъ. Въ пути испортились нѣкоторыя изъ моихъ художественныхъ принадлежностей,—однажды при паденіи вещей помялись краски и полотна,—приходилось или поскорѣе выписать, или съѣздить самому; я предпочелъ послѣднѣе и, сказавшись Скобелеву, въ тотъ же день уѣхалъ на станцію, откуда черезъ Букарештъ въ Плоэшти, гдѣ въ это время была главная квартира. Главнокомандующій любезно отпустилъ меня, посовѣтовавши только осторожность въ разговорахъ.

* * *

Ровно черезъ 20 дней я вернулся. Главная квартира въ это время была очень людна и шумна, такъ какъ Государь Императоръ уже прибылъ въ армію. Вечеромъ вь тотъ же день я переѣхалъ въ Журжево, гдѣ стоялъ Скобелевъ со своею дивизіей, и на слѣдующее утро былъ разбуженъ пушечною пальбой; прибѣжалъ казакъ отъ начальника дивизіи звать меня: турки-де бомбандируютъ Журжево—пожалуйте.

Пріѣзжаю на берегъ Дуная; день прекрасный, ясный: Рущукъ какъ на ладони со своими фортами, бѣлыми минаретами и дальнымъ лагеремъ. Д. И. Скобелевъ со штабомъ сидитъ подъ плетнемъ дома, выходящимъ на рѣку. Турки бомбандируютъ, какъ оказывается, не городъ, а купеческія суда, собранныя передъ городомъ между берегомъ и маленькимъ островкомъ, на которыхъ, по ихъ предположеніямъ, должны были пепереправиться наши войска; это были прекурьезныя барки, конструкціи прошлаго столѣтія, и надобно было имѣть очень дурное мнѣніе о переправочныхъ средствахъ рускихъ войскъ, чтобы предположить себѣ ихъ плывущими въ турецкихъ берегахъ на этихъ галерахъ.

Пока непріятель еще не пристрѣлялся, нѣсколько гранатъ упало въ крайніе городскіе дома, и какой же тамъ поднялся переполохъ! всѣ бросилось съ самыми необходимыми вещами въ рукахъ и на другой

конецъ города. Я пошелъ на суда и помѣстился на среднемъ изъ нихъ наблюдать, съ одной стороны, кутерьму въ домахъ, съ другой—паденіе снарядовъ въ воду. Вонъ ударила граната, за нею другая въ длинное казенное зданіе, что-то въ родѣ складочнаго магазина, служившее теперь жильемъ полусотнѣ кубанскихъ казаковъ; по первой гранатѣ, ударившей въ стѣну, они стали собирать вещи, но по второй, пробившей крышу, повысыпали, какъ тараканы, и, нагнувши головы, придерживая одной рукою кинжалъ, другою папаху, бѣгомъ, бѣгомъ, вдоль стѣнъ, въ улицу.

Нѣкоторыя гранаты ударяли въ песокъ берега и поднимали цѣлые земляные не то букеты, не то кочны цвѣтной капусты, въ серединѣ которыхъ летѣли вверхъ воронкою твердые комья и камни, а по сторонамъ земля; верхъ букета составляли густые клубы бѣлаго порохового дыма.

Гранаты падали совсѣмъ около меня; когда турки пристрѣлялись, лишь немногіе снаряды попадали на берегъ, большинство ложилось или на суда, или въ воду, между ними и передъ ними. Два раза ударило въ барку, на которой я стоялъ, однимъ снарядомъ сбило носъ, другимъ, черезъ бортъ, все разворотило между палубами, причемъ взрывъ произвелъ такой шумъ и грохотъ, что я затрудняюсь передать его иначе, какъ словомъ *адскій*, хотя въ аду еще не былъ и, какъ тамъ шумятъ, не знаю. Грохотъ этотъ, помню, выгналъ на верхнюю палубу двухъ

щенять, исправно принявшихся играть и только при разрывахъ останавливавшихся, навастривавшихъ уши, и—снова давай возиться.

Интереснѣе всего было наблюдать паденіе снарядовъ въ воду, что подымало настоящіе фонтаны, превысокіе.

Когда показывался дымокъ, дѣлалось, немного жутко, думалось: «вотъ ударитъ въ то мѣсто, гдѣ ты стоишь, расшибетъ, снесетъ тебя въ воду. и не будутъ знать, куда дѣвался человѣкъ».

Турки выпустили пятьдесятъ гранатъ, потомъ замолчали; результатъ этой бомбардировки былъ самый ничтожный.

— Гдѣ это вы были,—спрашиваютъ меня,—какъ же вы не видѣли такого интереснаго дарового представленія?—Я его видѣлъ лучше, чѣмъ вы, потому что былъ все время на судахъ.—Не можетъ быть!—отвѣчали всѣ въ голосъ.—Пойдемте туда, посмотримъ аваріи,—сказалъ Скобелевъ; мы обошли суда, осмотрѣли поломки, но собачекъ не нашли уже: спрятались ли, испугавшись, или ихъ сбило въ воду?

Порядочно таки досталось мнѣ за мои наблюденія; нѣкоторые просто не вѣрили, что я былъ въ центрѣ мишени, другіе называли это безполезнымъ браверствомъ, а никому въ голову не пришло, что эти-то наблюденія и составляли цѣль моей поѣздки на мѣсто военныхъ дѣйствій; будь со мною ящикъ съ красками, я набросилъ бы нѣсколько взрывовъ.

* * *

Отрядъ держалъ пикеты по Дунаю на большомъ пространствѣ. На лѣвомъ флангѣ, въ Малорошѣ, донскіе казаки Орлова; въ центрѣ до деревни Малы Дижосъ—кубанцы, далѣе до дер. Петрошанъ—осетины.

Сначала я съѣздилъ къ донцамъ, въ Малорошъ; они выстроили себѣ образцовую вышку для наблюденій, очень разсердившую турокъ, которые начали обстрѣливать казаковъ, что, въ свою очередь, Орлову не понравилось — гранаты попадали въ коновязь и такъ пугали и разгоняли лошадей, что ихъ не скоро разъискивали. Пробовали отвѣчать изъ нашихъ донскихъ пущенокъ, но онѣ не доносили, и, чтобы не срамиться, перестали стрѣлять. За бытность мою въ лагерѣ казаки, подъ руководствомъ саперъ, рубили фашины для закрытія.—Я повидалъ Грекова и другихъ знакомыхъ офицеровъ. Грековъ по обыкновенію цвѣлъ и краснѣлъ... отъ краснаго вина.

* *
*

Близъ самаго Журжева возводились батареи. Мы ходили вмѣстѣ съ обоими Скобелевыми смотрѣть ихъ постройку, и старикъ замѣтилъ саперному офицеру, что надстилку надъ землянками онъ дѣлаетъ слишкомъ легкою. Молоденькій офицерикъ щеголевато приложилъ руку къ козырьку и отвѣтилъ: «Для турокъ довольно, ваше превосходительство». Скоро оказалось, что эта оцѣнка была далеко не вѣрна.

Немного далѣе отъ города, у первой деревни Сло-

бодзеи, возводилась еще батарея, кажется, осадныхъ орудій, долженствовавшихъ хватать на 9 верстъ; тутъ работалъ дѣльный полковникъ Плюцинскій.

* * *

Городишко Журжево продолжалъ жить обычною жизнью, мѣстами еще болѣе обыкновеннаго дѣятельною; правда, очень многіе повыѣхали въ ожиданіи бомбардировки, и особенне прибрежные дома были пусты, но далѣе, въ глубь города, на площадяхъ и по улицамъ, толпилось всегда много народа, торговля шла бойко; гостинницы и трактиры были просто переполнены офицерствомъ, кутившимъ на всѣ лады— и въ одиночку, и толпами, съ прекраснымъ поломъ и безъ онаго. Разгулъ доходилъ до безобразія, до забвенія приличій. Помню, зайдя разъ вечеромъ съ С. и другими офицерами въ трактиръ поужинать, мы застали тамъ пьяную компанію, снявшую съ себя сабли, фуражки, а нѣкоторые даже и сюртуки, и одѣвшую въ нихъ гулявшихъ съ ними дѣвченокъ— это въ общей-то залѣ!

Наша молодежь, помянутый С., Л. и другіе, часто ходили въ какой-то садъ слушать арфистокъ и до того наразсказывали Скобелеву о пріятностяхъ времяпрепровожденія тамъ, что старикъ, не желавшій компрометировать важность начальника дивизіи прямымъ посѣщеніемъ этого рая, рѣшился заглянуть туда обинякомъ: видѣли, какъ онъ подлѣзалъ и высматривалъ черезъ заборъ, и смѣялись же потомъ надъ

нимъ! но онъ отнѣкивался, увѣрялъ, что это былъ не онъ а кто-нибудь другой.

* * *

Еще въ Букарештѣ я познакомился у М. Д. Скобелева съ извѣстнымъ корреспондентомъ «Daily News», Макъ-Гаханомъ, а позже въ Журжевѣ видѣлся съ Форбсомъ, пріѣзжавшимъ въ штабъ отряда, не помню, съ какимъ-то сообщеніемъ. Я одинъ говорилъ по-англійски и, переводя, старался, помню, смягчить убійственно холодный пріемъ и отвѣты, встрѣченные имъ у насъ. Самъ я, чтобы не навлечь на себя нареканія въ потворствѣ «коварнымъ англичанамъ», избѣгалъ при встрѣчахъ на улицѣ вступать съ ними въ разговоры, что́, признаться, было очень совѣстно; видно было, что Форбсъ чувствовалъ общую къ нему подозрительность и старался заискивать, быть любезнымъ.

* * *

Самъ начальникъ дивизіи помѣщался въ небольшомъ домикѣ на набережной, куда мы собирались ежедневно къ обѣду. Здѣсь присоединился къ намъ кн. Цертелевъ, бывшій секретарь посольства въ Константинополѣ, теперь поступившій урядникомъ въ Кубанскій полкъ и состоявшій при Д. И. Михаилъ Скобелевъ, хотя уже былъ теперь начальникомъ штаба отряда, рѣдко жилъ съ нами, а больше пребывалъ въ Букарештѣ, куда его привлекали преимущественно женщины всевозможныхъ національностей, со всей Ев-

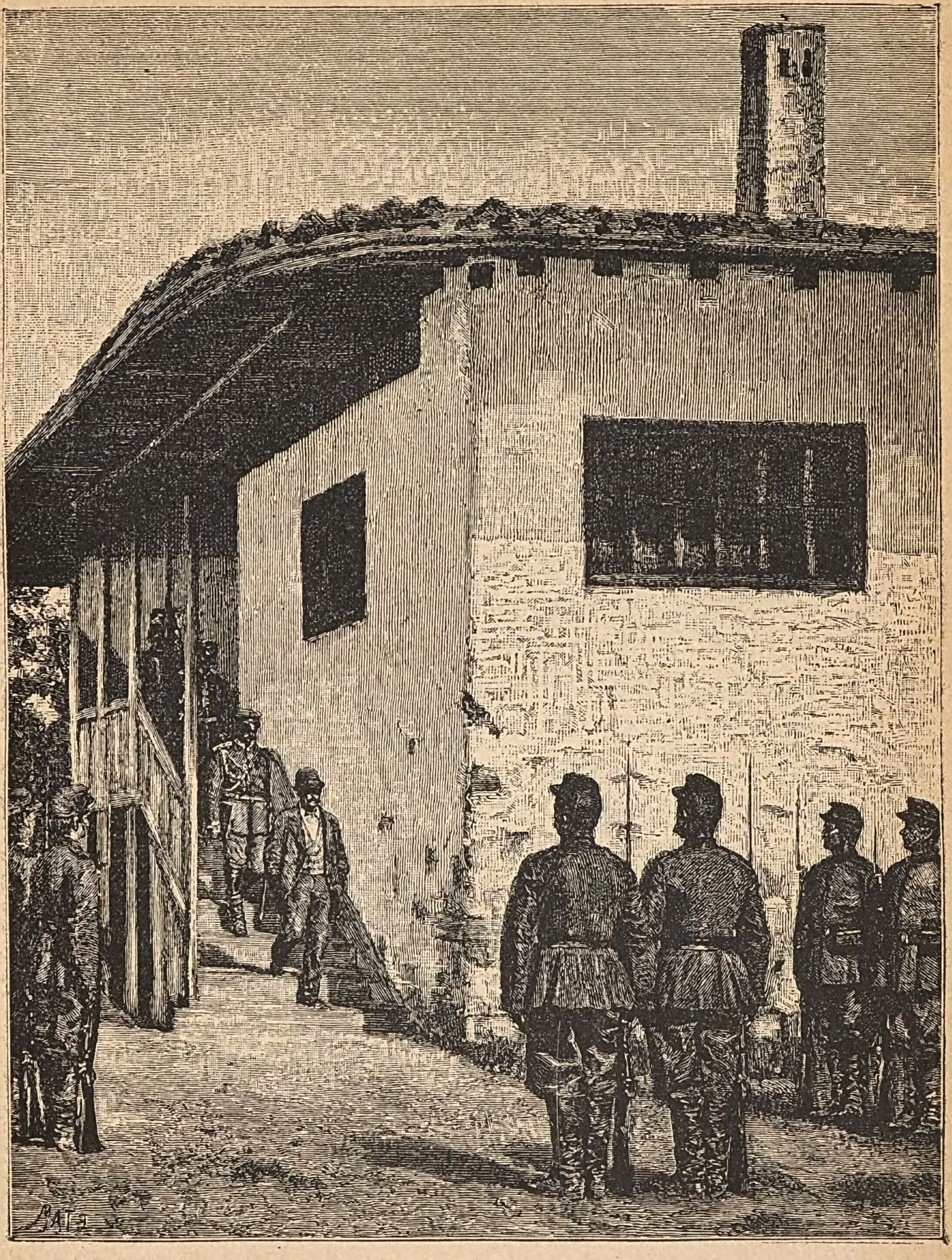
ропы собравшіяся на жатву. И что за пиры, что за разгулъ стоялъ теперь въ этомъ городѣ! Отъ прапорщика, въ первый разъ имѣвшаго при себѣ 300 рублей, до интенданта, бросавшаго десятками тысячъ—все развернуло, все распахнуло славянскую натуру, кутило, ѣло, пило,—пило по преимуществу!

У М. Д. въ это время сплошь и рядомъ не было ни гроша, такъ что онъ перехватывалъ, гдѣ что было можно и въ особенности, разумѣется, пробовалъ теребить отца, тугаго и неподатливаго на деньгу. Одинъ разъ, когда молодой послалъ къ старому попросить денегъ, тотъ далъ ему 4 золотыхъ, что́ вывело М. Д. изъ себя. «Вѣдь я лакеямъ на водку больше даю», сказалъ онъ съ сердцемъ; по правдѣ сказать, въ такое бойкое время ему не хватило бы никакихъ денегъ.

* * *

Я часто гулялъ со старымъ Скобелевымъ по аллеямъ бульвара. Разъ онъ мнѣ говоритъ: «пойдемте смотрѣть, какъ поведутъ шпіона». Мы сѣли на лавочку противъ дома, въ который вошли полковникъ Паренцовъ и адъютантъ главнокомандующаго; передъ крыльцомъ поставили спереди и сбоковъ по 2 солдата. Мы сидѣли, ждали долго, и я было хотѣлъ войти посмотрѣть процедуру обыска и допроса, но Скобелевъ удержалъ.

Вотъ, однако, они вышли на крыльцо: впереди шпіонъ, руки въ карманы пиджака: мнѣ, дескать, наплевать, я не виноватъ; однако, когда онъ увидѣлъ

Шпіонъ.

солдатъ, то, очевидно, понялъ, что дѣло серьезно, на нѣсколько секундъ пріостановился, глубоко вдохнулъ воздухъ и... началъ спускаться съ лѣстницы.

Это былъ баронъ К., австрійскій подданный; дѣйствительно ли онъ былъ шпіонъ—не знаю, но, вѣроятно, нашли у него что-либо компрометирующее; такъ какъ малаго отправили въ Сибирь, только черезъ 2 мѣсяца воротили—напрасно!

* * *

Еще въ главной квартирѣ, передъ поѣздкою въ Парижъ, я встрѣтился съ лейтенантомъ гвардейскаго экипажа, Скрыдловымъ. Онъ отправлялся тогда на рекогносцировку Дуная и звалъ меня въ Малы-Дижосъ, мѣсто расположенія Дунайскаго отряда гвардейскаго экипажа. Сообщилъ онъ мнѣ также, что готовится атаковать на своей миноноскѣ одинъ изъ турецкихъ мониторовъ, и звалъ идти подъ турку вмѣстѣ; я принялъ приглашеніе на томъ условіи, что онъ далъ честное слово показать мнѣ картину взрыва. Случай былъ единственный, упускать его не слѣдовало.

Вскорѣ по возвращеніи въ Журжево, я поѣхалъ въ гости къ морякамъ, жившимъ въ части деревни, наиболѣе удаленной отъ берега, такъ какъ динамитъ и пироксилинъ, которыми они начиняли свои пироги, должны были содержаться въ возможной безопасности отъ турецкихъ выстрѣловъ.

Скрыдловъ былъ вмѣстѣ со мною въ Морскомъ корпусѣ, на 2 года младше по классу; мы вмѣстѣ

плавали за одну компанію на фрегатѣ Свѣтлана. Когда я былъ фельдфебелемъ въ гардемаринской ротѣ, онъ состоялъ у меня подъ командою; и распекалъ же я, помню, его, бѣднягу, въ особенности за постоянные разговоры и перешептыванья во фронтѣ, отъ чего ему, видимо, трудно было удержаться по живости характера.

Я помѣстился съ нимъ и его товарищемъ, Подъяпольскимъ, въ домикѣ ихъ, на краю большой, грязной площади. Обѣдали мы иногда въ общей офицерской столовой, а чаще варили что-нибудь у себя; прислуживалъ матросъ - денщикъ, добрый дѣтина, смѣшившій насъ своими неуклюжими повадками. Спали мы на крыльцѣ домика, подъ пологами, такъ какъ комары въ это время года (конецъ мая) были презлые.

Съ перваго же дня я посвященъ былъ словомъ и дѣломъ въ великій секретъ обоихъ товарищей. Дѣло въ томъ, что, когда гвардейскій экипажъ уходилъ изъ Петербурга, владѣлецъ извѣстнаго англійскаго магазина, бывшій ихъ поставщикъ, предложилъ отряду въ напутствіе ящикъ хересу, который Скрыдловъ взялся доставить на Дунай. Доставить-то онъ доставилъ, но кромѣ П. никому покамѣсть объ этомъ ящикѣ не заикнулся, и пріятели потягивали себѣ хересокъ, оказавшійся не дурнымъ, да угощали своихъ гостей, до поры до времени, конечно, пока *всѣ* не узнали о продѣлкѣ и не отняли ящикъ, значительно, впрочемъ, облегченный, такъ какъ и Скрыдловъ, и Подъяпольскій были не дураки выпить...

На той же площади деревни жилъ начальникъ всего миннаго отряда, капитанъ 1-го ранга Новиковъ, очень бравый офицеръ, украшенный еще въ Севастопельскую кампанію маленькимъ Георгіемъ. Первый разъ я видѣлъ его на обѣдѣ у одного важнаго въ арміи лица, которое спросило его, за что онъ получилъ крестъ?— «Пороховой погребъ взорвалъ», отвѣчалъ Н. такимъ густымъ басомъ, что всѣ просто изумились. Тотъ же басъ, хотя и не столь высокой пробы, раздавался и въ занимаемомъ имъ домишкѣ. Мы ходили къ нему пить чай и съ интересомъ прислушивались и присматривались къ его словамъ и распоряженіямъ, стараясь по нимъ угадать, скоро ли начнется давно ожидаемая закладка минъ въ Дунай, для защиты переправы, которая должна была начаться немедленно за тѣмъ.

Новиковъ былъ неутомимъ; храбрый и толковый, онъ имѣлъ только два замѣтныхъ недостатка: во-первыхъ, всѣхъ, безъ разбора, оглушалъ своимъ пушкообразнымъ голосомъ, во-вторыхъ, мины называлъ бомбами; и то и другое, впрочемъ, охотно всѣми прощалось ему за его доброту и простоту обращенія.

* * *

Нѣсколько разъ ѣздили мы со Скрыдловымъ по исполненію разныхъ возложенныхъ на него порученій. По Дунаю ѣздили, разумѣется, ночью ставить вѣхи для обозначенія пути, по которому должны были слѣдовать миноноски при закладкѣ минъ. Дунай

былъ сильно разлитъ еще, и по затопленному низкому берегу миноноски не вездѣ могли проходить, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ сидѣли довольно глубоко. Надобно было прослѣдить и указать вѣхами фарватеръ рѣченки, впадавшей въ Дунай; по ней-то предполагалось слѣдовать съ минами.

Матросъ.

Такъ какъ приказано было никакъ не безпокоить турокъ, не возбуждать ихъ вниманія никакими работами и, по возможности, усыплять ихъ бдительность, то мы выѣхали, когда уже почти стемнѣло, и къ утру вѣхи были поставлены, но съ разчисткою фарватера рѣченки, загороженнаго при устьѣ солидными сваями, долго провозились и такъ и не кончили въ этотъ разъ. Пробивши покамѣстъ небольшой проходъ для шлюпки, мы проѣхали въ самый Дунай отчасти для того, чтобы побравировать, а отчасти для провѣрки, есть турки на островѣ при стоявшемъ тамъ

караулѣ, или нѣтъ. Тихо, едва опуская весла въ воду, пробирались мы мимо густыхъ ивовыхъ деревьевъ; всякій внезапный шумъ, всплескъ рыбы, крикъ ночной птицы заставлялъ насъ вздрагивать; мы пристали къ острову, погуляли и увѣрились, что турокъ на немъ нѣтъ, хотя они, видно, были тамъ недавно, косили траву. Мы проѣхались Дунаемъ; турецкій берегъ былъ совсѣмъ близко. Теченіе такъ сильно, что трудно было подаваться впередъ, и скоро, чтобы не мучить людей и не привлечь вниманія непріятеля, С. поворотилъ назадъ; къ утру мы были дома, и мичманъ Ниловъ, помощникъ Скрыдлова, бывшій съ нами этотъ разъ, поѣхалъ еще на слѣдующую ночь и, окончательно разваливши запруду, прочистилъ путь,—прочистилъ не прочистивъ, потому что это мѣсто задержало потомъ весь минный отрядъ.

Другой разъ мы ѣздили по берегу съ секретнымъ порученіемъ, даннымъ Скрыдлову ко всѣмъ частямъ войскъ, содержащихъ посты на Дунаѣ. Мимо нашихъ кубанцевъ, владикавказцевъ, осетинъ проѣхали до Зимницы, гдѣ держали посты гусары, не помню какіе именно.

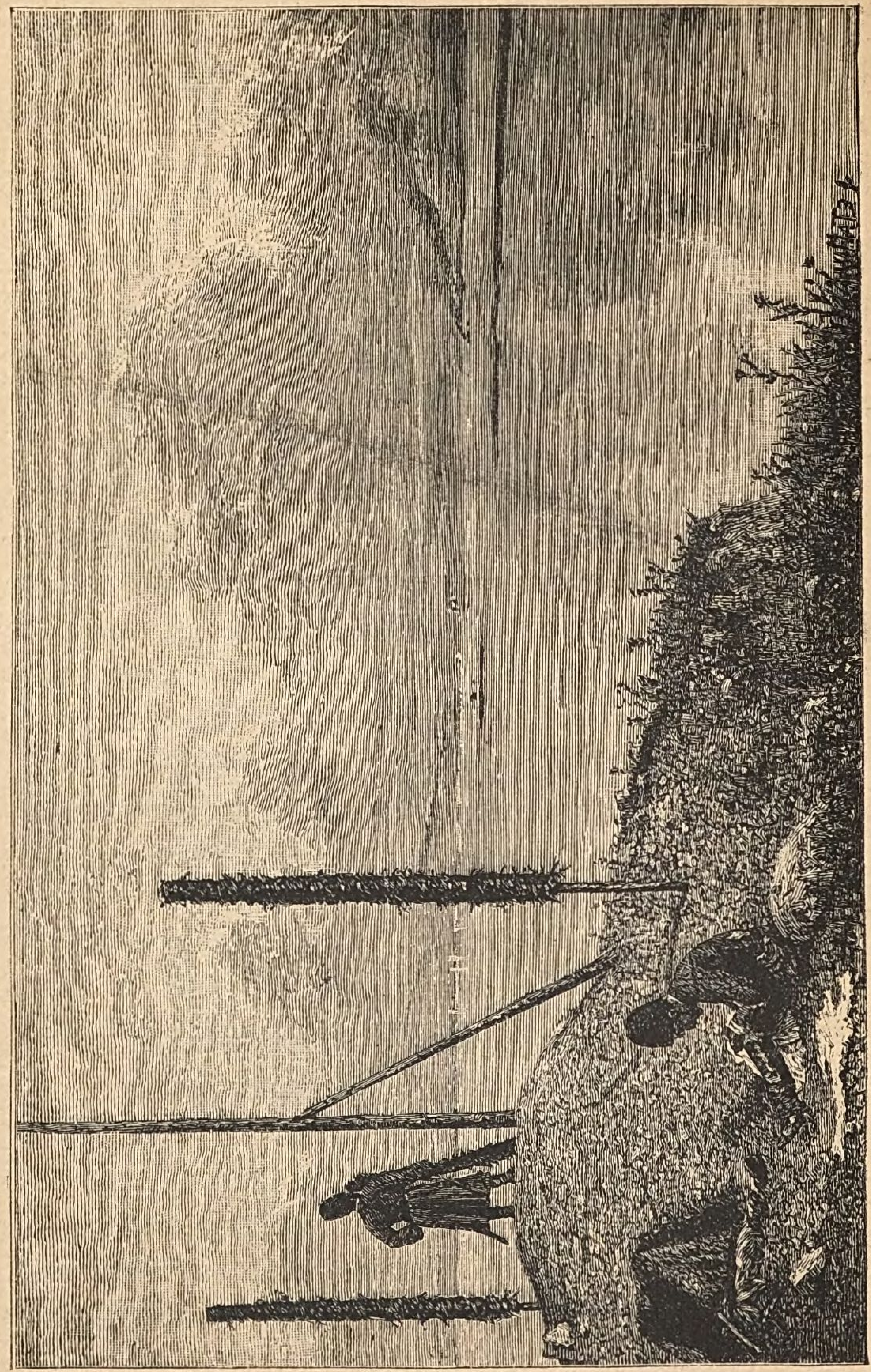
Въ Парапанѣ я познакомился съ генераломъ Драгомировымъ, проѣзжавшимъ по дѣлу приготовленія къ переправѣ; освѣдомившись о томъ, не корреспондентъ ли я, и получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ началъ говорить о ходѣ дѣла такъ свободно, разумно и логично, что удивилъ насъ, т.-е. меня, Скрыдлова и Вульферта, у котораго мы оста-

новились. Драгомировъ пользовался и пользуется большою популярностью и теперь считается однимъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ нашей арміи.

Офицеры, въ обществѣ которыхъ мы останавливались и обѣдали, были чрезвычайно любезны съ нами, хорошо кормили и исправно снабжали перемѣнными лошадьми; впрочемъ, Скрыдловъ можетъ-быть, не прочь былъ бы, чтобы къ послѣдней исправности прибавилось немного и выбора: какъ нарочно, ему доставались такіе россинанты, что на послѣднемъ переѣздѣ отъ гусаръ къ казакамъ онъ всю дорогу долженъ былъ бить своего долговязаго, гнѣдого коня, а еще непріятнѣе было то, что, несмотря на стараніе ѣхать по-англійски, т.-е. подпрыгивать на стременахъ, онъ стеръ себѣ до крови тѣло.—«Ты вотъ какъ ѣзди», училъ онъ меня, подпрыгивая на стременахъ, и цѣлую недѣлю потомъ профессоръ мой едва ходилъ. Извѣстно, что женщины и моряки самые смѣлые и неукротимые ѣздоки.

* * *

Я написалъ этюдъ Дуная и одного изъ казацкихъ пикетовъ на немъ, но вообще работалъ красками немного; ѣздилъ въ Журжево, ходилъ къ казакамъ и иногда бродилъ смотрѣть работы минеровъ или ѣздилъ съ Скрыдловымъ пробовать машину и ходъ его миноноски «Шутка». Чтобъ опять-таки не обращать на себя вниманіе турокъ, надобно было ѣздить или

Казачій пикетъ на Дунаѣ.

съ заходомъ солнца, или въ дурную погоду и не дымить, не давать искръ, для чего брался только лучшій уголь,—турки не знали и не должны были знать о существованіи у насъ цѣлой паровой флотиліи.

Одинъ разъ довольно поздно мы вышли въ очень бурную погоду. Вѣтеръ такъ усилился, что при возвращеніи, противъ теченія, «Шутка» не могла выгребать. Мутный Дунай страшно разбушевался, причемъ, благодаря сильному дождю, въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно, и это навело Скрыдлова на мысль привести въ исполненіе давно задуманное дѣло атаки одного изъ турецкихъ мониторовъ, стоявшихъ передъ Рущукомъ. Мы знали, что одинъ стоитъ передъ фортами, а другой—правѣе, за островкомъ, и такъ какъ по стуку въ продолженіе нѣсколькихъ дней можно было догадаться, что около послѣдняго строили *кринолинъ* или какую-нибудь подобную защиту, то должно было разсчитывать на возможность подойти только къ первому. Въ такую погоду, конечно, была возможность подойти почти незамѣченнымъ, почти вплоть.—«Пойдемъ, хочешь?» спрашивалъ С.—Пойдемъ, я готовъ... Вышло, однако, то, что мы не пошли.—«Дѣло не въ томъ,—говорилъ въ концѣ концовъ Скрыдловъ,—чтобы уничтожить у турокъ одинъ лишній мониторъ, а чтобы заложить мины и дать возможность навести мостъ для переправы арміи; въ виду такой важной цѣли неблагоразумно, пожалуй, преступно рисковать одною

изъ лучшихъ миноносокъ, которыхъ у насъ мало.— «Какъ ты думаешь?»—И то дѣло, отвѣчалъ я.

Мы рѣшили пристать къ берегу, но такъ какъ непогода все застилала передъ глазами, то ошиблись,—приткнулись не туда, очень далеко отъ нашей деревни, и только къ ночи добрались до дому. Интересно, что на томъ мысу, къ которому мы пристали, стоялъ пикетъ изъ 3-хъ казаковъ, такъ глубоко спавшихъ, завернувшись въ бурки, что мы насилу растолкали ихъ, и будь тутъ вмѣсто насъ партія черкесовъ, они, какъ бараны, были бы перерѣзаны. Я сказалъ объ этомъ сотенному начальнику, взявши, однако, съ него предварительно слово не взыскивать, на первый разъ.

* * *

Этотъ сотенный командиръ, стоявшій въ Мало-Дижосѣ, былъ К. П. В., тотъ самый всезнающій и вездѣсущій офицеръ, которому Скобелевъ поручилъ купить мнѣ лошадь и повозку. Я довольно близко познакомился съ этою своеобразною личностью и частенько бывалъ у него.

Когда я приходилъ, онъ прежде всего спрашивалъ:—«не хочу ли я борщу?»—«А ну, такъ чаю?» и, уже не дожидаясь отвѣта на второй вопросъ, приказывалъ *заварить*. Какой у него былъ чай, съ какихъ плантацій—не извѣстно; достаточно того, что онъ сильно окрашивалъ воду и что К. П. считалъ его *хорошимъ*. Ложечки, однако, не водилось,

и хотя хозяинъ всегда приказывалъ Щаблыкину (денщику) «подать ложечку, помѣшать», но тотъ, зная уже, какъ понимать это, отправлялся къ плетню, вынималъ кинжалъ и вырѣзалъ аккуратный прутикъ. К. П. самъ пилъ всегда въ прикуску, экономно, и оставшійся кусочекъ попадалъ назадъ въ сахарницу, со всѣми отпечатками пальцевъ на немъ.

Разговоръ мой,—да, вѣроятно, и всякаго другого посѣтителя,—съ К. П. начинался обыкновенно его вопросомъ: «Что, не слыхать, скоро ли переправа?»—затѣмъ переходилъ къ слухамъ о мирѣ, не извѣстно откуда, до начала еще военныхъ дѣйствій, къ нему доходившихъ, причемъ К. П. каждый разъ также не забывалъ, болѣе или менѣе конфиденціально, разузнавать о томъ, какъ лучше, вѣрнѣе и выгоднѣе пересылать домой деньги и можно ли посылать золото, не особенно гласно?

Домъ свой Кузьма Петровичъ, очевидно, очень любилъ, и чѣмъ дальше затягивался походъ, тѣмъ чаще и настойчивѣе доходили до него все тѣмъ же невѣдомымъ путемъ слухи о близкомъ мирѣ. Онъ много разсказывалъ о своемъ хуторѣ близъ Ставрополя о старшемъ сынѣ Кузьмичѣ: его раннемъ умѣ и развитіи. Разсказывалъ объ охотѣ на зайцевъ и лисицъ по первому снѣгу, для чего раздобылъ гончую «Милку», которую, впрочемъ, предлагалъ мнѣ въ подарокъ каждый разъ, что я бывалъ у него, отчасти вѣроятно потому, что она ему оказывалась не нужна, отчасти въ виду того, что не предвидѣ-

лось скоро конца кампаніи, а нужно было кормить пса, возиться съ нимъ.

Разсказывалъ также В. о дѣлахъ противъ горцевъ, въ которыхъ онъ участвовалъ на Кубани, причемъ не рисовался, никакихъ геройскихъ подвиговъ не выдумывалъ, а прямо сознавался, что въ такомъ-то дѣлѣ, онъ, спасая свою жизнь, утекалъ, что совсѣмъ не считается постыднымъ у казаковъ, въ силу правила, что коли ты сильнѣе непріятеля, тогда души, круши его, но если онъ тебя сильнѣе, тогда спасайся, и чѣмъ быстрѣе, тѣмъ лучше,—казацкія понятія о храбрости не тѣ, что солдатскія.

К. П. В. оказался и музыкантомъ: одинъ разъ, позванные къ нему со Скрыдловымъ и еще двумя морскими офицерами, мы застали его, въ мѣховомъ бешметѣ, заправляющимъ хоромъ пѣсенниковъ, со скрипкою въ рукахъ. Хотя и видно было, что рука, управлявшая смычкомъ, брала больше смѣлостью, чѣмъ умѣньемъ, но вѣдь—«на нѣтъ и суда нѣтъ», говоритъ пословица; «даровому коню въ зубы не смотрятъ», говоритъ другая.

Рѣчь К. П. была всегда ровная, покойная, также какъ и его взглядъ, куда-то, какъ будто разсѣянно, направленный. И обращеніе съ казаками тоже больше ровное, безъ брани, которая приберегалась лишь для самыхъ экстренныхъ случаевъ, хотя казаки и держатся правила, что «брань на вороту не виситъ».

К. П. просто боготворилъ свою лошадь, неболь-

шого вороного кабардинца, ѣздилъ всегда на другомъ конѣ, а этого только кормилъ и холилъ до того, что онъ былъ совсѣмъ круглый, какъ наливное яблочко; онъ говорилъ, что *такихъ* лошадей не сыщешь теперь и въ Кабардѣ, и увѣрялъ, что не отдастъ ее ни за какія деньги, что не помѣшало ему впослѣдствіи продать мнѣ ее за 300 слишкомъ рублей, хотя больше 100—150 она не стоила. Словомъ, К. П. былъ типъ выслужившагося изъ урядниковъ казацкаго офицера, не особенно храбраго, но и не труса,—и та и другая крайность между казаками рѣдкость,—безъ всякаго образованія, но очень смышленнаго, себѣ на умѣ, сьумѣющаго найтись во всякомъ положеніи, раздобыться провіантомъ и фуражомъ тамъ, гдѣ его, повидимому, вовсе нѣтъ, лихо порубить отступающаго врага и не безъ чести отступить передъ наступающимъ...

* * *

Скрыдловъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что видѣлъ у Новикова бумагу изъ главной квартиры, въ которой высказывалось неудовольствіе главнокомандующаго на медленность приготовленій, которою задерживается наведеніе пантоновъ (уже совсѣмъ готовыхъ) и переправа всей арміи. Значитъ, на этихъ дняхъ должны пойти, хотя нѣтъ еще угля, нѣтъ того и другого... Сообщилъ также, что онъ и Х. назначены атаковать непріятельскіе мониторы, въ случаѣ если бы тѣ вздумали мѣшать работать,—значитъ, взрывъ монитора можно будетъ видѣть.

Далѣе однако, онъ сообщилъ, что Новиковъ не хочетъ брать съ собою никого изъ постороннихъ, къ составу отряда не принадлежащихъ, что, слѣдовательно мнѣ нужно будетъ переговорить съ отцомъ командиромъ теперь же, что я и сдѣлалъ.

Модестъ Петровичъ сначала казался непреклоннымъ и все совѣтовалъ мнѣ смотрѣть съ берега,—это за три-то версты,—однако сдался-таки наконецъ, и мы занялись приготовленіями къ походу подъ турку: сварили нѣсколько курицъ, взяли бутылку хересу (*всѣ* уже провѣдали про него и отняли ящикъ), взяли хлѣба и проч. чуть не на недѣлю; я взялъ бумаги и мой маленькій ящикъ съ красками, которымъ, однако, суждено было не выглядывать на свѣтъ Божій.

* * *

Наканунѣ нашей экспедиціи я получилъ телеграмму черезъ стараго Скобелева: «Художнику Верещагину немедленно слѣдовать со стрѣлковою бригадой. Скалонъ».

Сначала я ничего не понялъ, но потомъ, съѣздивши въ Журжево, разобралъ, въ чемъ дѣло: давно уже просилъ я Дмитрія Антоновича Скалона, управлявшаго канцеляріей главнокомандующаго, дать мнѣ возможность видѣть переправу и для этого во время прицѣпить меня къ самой передовой части; теперь стрѣлковая бригада выступила къ Зимницѣ,—значитъ, гдѣнибуть тамъ готовилась переправа... Такъ какъ дви-

женіе бригады по ночамъ (днемъ войска не двигались, чтобы не будоражить турокъ) потребовало бы не менѣе двухъ сутокъ, то я разсчиталъ, что успѣю побывать съ моряками при закладкѣ минъ, а потомъ догнать генерала Цвѣцинскаго съ его бригадой.

Я зашелъ въ домишко, въ которомъ были сложены мои вещи, чтобы захватить наиболѣе нужныя, и, перебирая ихъ, почувствовалъ маленькую неловкость: было немного жутко при мысли, что турки не останутся хладнокровны къ тому, какъ Скрыдловъ будетъ взрывать ихъ, а я смотрѣть на этотъ взрывъ, и что, по всей вѣроятности, мины наши насъ же самихъ первыми и пуднимутъ на воздухъ,—за то же я увижу взрывы монитора!

Простившись съ моею квартиркою, осмотрѣвши лошадей, между которыми былъ новый, бѣленькій иноходецъ, купленный недавно за 25 золотыхъ, я пошелъ повидать нѣкоторыхъ офицеровъ и затѣмъ, въ ту же ночь, воротился въ Мало-Дижосъ, чтобы немедленно перебраться на миноноску.

Младшій братъ мой, поступившій изъ отставки на службу во Владикавказскій полкъ, пріѣхалъ въ этотъ день ко мнѣ, прямо съ дороги; я направилъ его по начальству, а самъ съ моею дорожною сумкой пошелъ къ морякамъ.

* * *

Послѣ обѣда во дворѣ дома, гдѣ помѣщался общій столъ, Т., старшій офицеръ морского отряда,

завѣдывавшій имъ, раздавалъ людямъ водку и дѣлалъ это такъ торжественно и методично, что задержалъ наше выступленіе. Уже было почти темно, когда всѣ собрались у берега маленькаго залива, въ которомъ пріютились миноноски, начавшія разводить пары.

Неожиданно пріѣхалъ молодой Скобелевъ и, отведя въ сторону Новикова, съ жаромъ что-то сталъ говорить ему: онъ высказывалъ ему желаніе быть полезнымъ отряду и предлагалъ взять его на одну изъ миноносокъ, но Н. на-отрѣзъ отказалъ въ этомъ.

Священникъ Минскаго полка, молодой, весьма развитой человѣкъ, сталъ служить напутственный молебенъ. Помню, что, стоя на колѣняхъ, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на интересную картину, бывшую предо мною: направо—послѣдніе лучи закатившагося солнца и на свѣтло-красномъ фонѣ неба и воды чернымъ силуэтомъ выдѣляющіяся миноноски, дымящія, разводящія пары; на берегу—матросы полукругомъ, а въ серединѣ офицеры, всѣ на колѣняхъ, всѣ усердно молящіеся; тихо кругомъ, слышенъ только голосъ священника, читающаго молитвы.

Я не успѣлъ сдѣлать тогда этюды миноносокъ, что и помѣшало написать картину этой сцены, врѣзавшейся въ моей памяти, сцены просто поразительной.

Когда кончился молебенъ, отходящіе расцѣловались съ остающимися, въ числѣ которыхъ былъ и

Подъяпольскій, нашъ пріятель и сожитель. Я обнялся съ М. Д. Скобелевымъ.—«Вы идете, этакій счастливецъ, какъ я вамъ завидую!»—шепнулъ онъ мнѣ; ему видимо хотѣлось поскорѣе показать себя дунайской арміи.

* * *

Скрыдловъ не торопился разводить пары и я попенялъ ему за это, такъ какъ намъ приходилось выступать на веслахъ. — «Будь увѣренъ, — отвѣчалъ онъ, — что мы всѣхъ обгонимъ и войдемъ въ Дунай первыми; они не знаютъ фарватера и всѣ будутъ на мели». Такъ и случилось. Было такъ темно, что вѣхъ нельзя было различить, и хотя на передней шлюбкѣ шелъ лоцманъ, но когда пары у насъ поспѣли и мы стали подвигаться пошибче, то вправо и влѣво стали различать какія-то неподвижныя черныя массы; мы ихъ окликали, они насъ окликали; все это оказывались миноноски, сидящія на пескѣ; «Шутка» стаскивала многихъ, но, должно-быть, онѣ снова притыкались, потому что движеніе впередъ шло медленно.

Предположено было еще до разсвѣта войти въ русло Дуная и съ зарею начать класть мины; вышло же, что уже разсвѣло, а еще никто даже не выбрался на фарватеръ. Было утро, когда прошли мѣстомъ, гдѣ мы выворачивали сваи, съ которыми тутъ опять много возились. Случилось, какъ говорилъ С., что мы вошли въ фарватеръ Дуная почти первыми,

впереди шелъ только X., т.-е. вторая миноноска, назначенная въ атакѣ, самая легкая и ходкая изъ всѣхъ,—вторая по быстротѣ была наша «Шутка».

Мы долго стояли на одномъ мѣстѣ, чтобы дать время подтянуться остальнымъ, и потомъ пошли вдоль островка, густыя деревья котораго скрывали еще насъ отъ турокъ. Очевидно, что сдѣлать, какъ предпологалась, т.-е. тайкомъ подойти и положить мины къ турецкому берегу, было немыслимо; вдобавокъ, кромѣ нашей и еще одной, двухъ, всѣ остальныя миноноски страшно дымили и пыхтѣли, такъ что одно это должно было выдать отрядъ.

Только-что стали мы выходить изъ-за перваго островка, какъ изъ караулки противоположнаго берега показался дымокъ, раздался выстрѣлъ, за нимъ другой... и пошло, и пошло, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Берегъ былъ недалеко и мы ясно видѣли суетившихся, перебѣгавшихъ солдатъ; скоро стало подходить много новыхъ стрѣлковъ, особенно черкесовъ, и насъ начали осыпать пулями, то и дѣло булькавшими кругомъ лодки.

Насъ обогналъ и пошелъ впереди Новиковъ; онъ стоялъ на кормѣ, облокотясь на желѣзную покрышку миноноски, не обращая никакого вниманія на выстрѣлы, для которыхъ его тучная фигура, облеченная въ шинель, представляла хорошую мишень.

Сдѣлалось вскорѣ очень жарко отъ массы падавшаго свинца: весь берегъ буквально покрылся стрѣл-

ками и выстрѣлы представляли непрерывную барабанную дробь.

Грузно, тихо двигались миноноски; уже первыя остановились у берега и начали работу, когда послѣднія только еще входили въ русло рѣки. Солнце давно вышло, было свѣтлое, лѣтнее утро, легкій вѣтерокъ рябилъ воду. Мины приходилось класть подъ выстрѣлами. Отрядъ, начавши погружать ихъ, сдѣлалъ большую ошибку тѣмъ, что сейчасъ же прямо не пошелъ къ турецкому, т.-е. правому, берегу, а началъ съ этого, лѣваго; вышло то, что первыя мины уложили порядочно; даже около середины мичманъ Ниловъ бросилъ свою мину, но, второпяхъ, не ладно, такъ какъ она всплыла наверхъ; далѣе же никто изъ офицеровъ не рѣшился идти, такъ что половина фарватера осталась незащищенною. Послѣ, ночью, Подъяпольскій ѣздидъ поправлять эти грѣхи; но, все-таки, если турки не пробовали пройти тутъ,—что они могли бы сдѣлать,—то это надобно отнести къ тому, что они были напуганы предыдущими взрывами ихъ судовъ, русскими минами *).

* * *

Наши двѣ миноноски притаились, между тѣмъ, за лѣскомъ маленькаго острова, расположеннаго нѣсколько ниже мѣста работъ. Мы слышали какой-то шумъ въ кустахъ островка, но не обратили на него

*) Турки преспокойно проходили потомъ этимъ мѣстомъ, какъ я узналъ.

вниманія, какъ вдругъ изъ-за него показались двѣ лодки и быстро направилась къ намъ; уже мы приготовились встрѣтить ихъ маленькими ручными минами, изготовленными С. нарочно на случай рукопашный схватки, какъ оказалось, что это наши казаки, еще ранѣе насъ засѣвшіе на островкѣ для прикрытія работъ. Сдѣлано это было Скобелевымъ и, по правдѣ сказать, ни къ чему не послужило.

Тѣмъ временемъ, со стороны Рущука, пришелъ пароходъ и сталъ стрѣлять по нашей флотиліи, хотя безъ вреда для нея.—«Николай Ларіоновичъ,—говорю Скрыдлову,—что же ты его не атакуешь?»—«А зачѣмъ его трогатъ, коли онъ близко не подходитъ, вѣдь его выстрѣлы не вредятъ..»—Пароходъ скоро ушелъ, вѣроятно, за подмогою. Видимъ, летитъ къ намъ миноноска Новикова.—«Н. Л., почему вы не атаковали мониторъ?»—«Это не мониторъ, М. П., а пароходъ; я думалъ, вы приказали атаковать въ томъ случаѣ, если онъ подойдетъ близко...»—«Я приказалъ вамъ атаковать его во всякомъ случаѣ; извольте атаковать!» — «Слушаю-съ!» — Новиковъ повернулъ снова къ работамъ.—«Ну, братъ, Н. Л., — говорю С., — смотри теперь въ оба: если будетъ какая неудача въ закладкѣ минъ, ты будешь козломъ очищенія, изъ-за тебя, скажутъ, не удалось»—«Теперь атакую, теперь приказаніе ясно!»

Скрыдловъ велѣлъ все приготовить; самъ онъ помѣстился спереди, у штурвала, для наблюденія за рулевымъ и носовою миною, меня же просилъ взять

въ распоряженіе кормовую плавучую мину; уже раньше онъ выучилъ меня, какъ дѣйствовать ею, когда ее бросать, когда командовать: «Рви!»

Чтобы команда была веселѣй, онъ приказалъ всѣмъ вымыться.—«Ты не мылся,—хочешь помыться?»—спрашиваетъ онъ меня.—Я уже вымылся.—«Да у тебя мыла нѣтъ, помилуй!»—Нечего дѣлать, помылся еще мыломъ.

Всѣ мы облачились въ пробковые пояса, на случай, если бы «Шутка» взлетѣла на воздухъ и намъ пришлось бы тонуть, что должно было быть первымъ, самымъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ взрыва мины. Мы закусили немного курицею и выпили по глотку завѣтнаго хереса, послѣ чего пріятель мой прилегъ вздремнуть и—странное дѣло — его крѣпкіе нервы дѣйствительно дали ему вздремнуть.

* * *

Я не спалъ, стоялъ на кормѣ, облокотясь о желѣзный навѣсъ, закрывавшій машину, и слѣдилъ за рѣкою по направленію къ Рущуку.—«Идетъ», выговорилъ тихо одинъ изъ матросовъ; и точно, между турецкимъ берегомъ и высокими деревьями острова, закрывавшаго фарватеръ Дуная, показался дымокъ, быстро къ намъ подвигавшійся.

— Николай Ларіоновичъ! — кричу, — вставай, идетъ...

Скрыдловъ вскочилъ...

— Отваливай, живо!... Впередъ полный ходъ!—

Мы полетѣли, благодаря попутному теченію, очень быстро. Турецкаго судна не было видно.

— Н. Л.!—кричу опять, — задержись немного, чтобы намъ встрѣтить его ближе сюда, а то мы уткнемся въ турецкій берегъ!—«Нѣтъ ужъ, братъ,— ты слышалъ, что толкуетъ Новиковъ?... Теперь пойду хоть въ самый Рущукъ!»—Ну, валяй...

Вотъ вышелъ пароходъ, вблизи вѣроятно по сравненію съ «Шуткою», показавшійся мнѣ громадиною; С. тотчасъ же повернулъ руль, и мы понеслись на него со скоростью желѣзнодорожнаго локомотива.

Что за суматоха поднялась не только на суднѣ, но и на берегу! Видимо, всѣ поняли, что эта маленькая скорлупа несетъ смерть пароходу; по берегу стрѣлки и черкесы стали кубаремъ спускаться до самой воды, чтобы стрѣлять въ насъ поближе, и буквально осыпали миноноску свинцомъ; весь берегъ былъ въ сплошномъ дыму отъ выстрѣловъ. На палубѣ парохода люди бѣгали, какъ угорѣлые: мы видѣли, какъ офицеры бросились къ штурвалу, стали поворачивать къ берегу, на утекъ, и въ то же время награждали насъ такими ударами изъ орудій, что бѣдная «Шутка» подпрыгивала на ходу.

«Ну, братъ, попался,—думалъ я себѣ,—живымъ не выйдешь». Я снялъ сапоги и закричалъ Скрыдлову, чтобъ онъ сдѣлалъ то же самое; онъ послушался и приказалъ то же сдѣлать матросамъ.

Я оглянулся въ это время: другой миноноски не было за нами. Говорили, что у ней что-то случи-

лось въ машинѣ... Дѣло было не ладно! «Шутка» была одна-одинешенька, отрядъ остался далеко назади насъ. Огонь дѣлался невыносимымъ, отъ пуль все дрожало, а отъ снарядовъ просто встряхивало; уже было нѣсколько серьезныхъ пробоинъ и одна въ кормѣ, около того мѣста, гдѣ я стоялъ, почти на линіи воды: желѣзная защита наша надъ машиною была также пробита. Матросы попрятались на дно шлюбки, прикрылись всякою дрянью, какая случилась подъ руками, такъ что ни одного не было видно; только у одного изъ минеровъ часть лица была на виду и онъ держалъ передъ нимъ для защиты буекъ, причемъ лежалъ недвижимо, какъ деревяшка. Мы совсѣмъ подходили къ пароходу. Трескъ и шумъ отъ ударявшихъ въ «Шутку» пуль и снарядовъ все усиливались.

Вижу, что Скрыдлова, сидѣвшаго у штурвала, передернуло,—его ударила пуля, потомъ другая. Вижу также, что нашъ офицеръ-механикъ, совсѣмъ блѣдный, снялъ фуражку и началъ молиться,—онъ былъ католикъ,—однако, потомъ онъ оправился и, передъ ударомъ, вынувши часы, сказалъ С.: — «Н. Л., 8 часовъ 5 минутъ!»—Это было недурно.

Любопытство брало у меня верхъ и я наблюдалъ за турками на пароходѣ, когда мы подошли вплоть: они просто оцѣпенѣли, кто въ какой былъ позѣ: съ поднятыми и растопыренными руками, съ головами, наклоненными внизъ, къ намъ,—какъ въ заключительной сценѣ Ревизора.

Въ послѣднюю минуту рулевой нашъ струсилъ,

положилъ право руля и насъ стало относить теченіемъ отъ парохода. Скрыдловъ вцѣпился въ него:— «Лѣво руля, с. с., такой сякой, убью!»—и самъ налегъ на штурвалъ; «Шутка» повернулась противъ теченія, медленно подошла къ борту парохода и тихо ткнула его шестомъ... Тишина въ это время была полная и у насъ, и у непріятеля; все замерло въ ожиданіи взрыва; минута была жуткая...

Н. И. Скрыдловъ.

— Взорвало?— спрашиваетъ меня, калачикомъ свернувшись надъ приводомъ, минеръ.—«Нѣтъ», отвѣчаю ему въ полголоса.

— Рви, по желанію!—снова раздается команда Скрыдлова— и опять нѣтъ взрыва!

Между тѣмъ насъ повернуло теченіемъ и запутало сломившимся передовымъ шестомъ въ пароходномъ канатѣ, причемъ корму отнесло. Турки опомнились,—и съ парохода, и съ берега принялись стрѣлять пуще прежняго. Скрыдловъ приказалъ обрубить носовой шестъ,и мы пошли, наконецъ, прочь; тогда пароходъ повенулся бортомъ, да такъ началъ

валять, что «Шутка», избитая и пробитая, стала наполняться водою; на бѣду еще пары упали и мы двигались только благодаря теченію,—это ужъ немного прозѣвалъ механикъ.

Въ ожиданіи того, что вотъ-вотъ мы сейчасъ пойдемъ ко дну, я стоялъ, поставивши одну ногу на бортъ; слышу сильный трескъ подо-мною и ударъ по бедру, да какой ударъ!—точно обухомъ. Я перевернулся и упалъ, однако, тотчасъ же всталъ на ноги.

* * *

Мы шли по теченію, очень близко отъ турецкаго берега, откуда стрѣляли теперь совсѣмъ съ близкаго разстоянія. Какъ только они не перебили насъ всѣхъ! Бѣгутъ за нами слѣдомъ и стрѣляютъ, да еще ругаются, что намъ хорошо слышно. Я пробовалъ отвѣчать нѣсколькими выстрѣлами, но оставилъ, увидѣвши, что это безполезно.

Мы прошли уже довольно далеко по рѣкѣ, мимо цѣлаго ряда купеческихъ судовъ, стоявшихъ между берегомъ и островкомъ въ правой рукѣ. Слѣва тянулся все еще тотъ же островъ съ большими, развѣсистыми ивами; русло рѣки тутъ очень узкое. Пароходъ въ догонку за нами не шелъ; но другая бѣда: на встрѣчу отъ крѣпости бѣжитъ на всѣхъ парахъ мониторъ, очевидно, вызванный пароходомъ.

— Николай Ларіоновичъ!—кричу Скрыдлову, но за выстрѣлами совсѣмъ не слышно было голоса. — Н. Л., видишь мониторъ?—«Вижу».—Что ты намѣренъ

дѣлать? — «Атакую твоей миной, приготовь ее, да бросай ближе».

Атаковать намъ, почти затонувшимъ, несомымъ теченіемъ, было трудновато; однако, другого-то ничего не оставалось дѣлать. Мониторъ подходилъ и уже сдѣлалъ по насъ два выстрѣла: я обрѣзалъ веревку, которою мина была привязана, и распорядился было бросить ее, какъ вдругъ, на наше счастье, на концѣ лѣваго острова открылся рукавъ рѣки, куда мы, собравши послѣднія силенки машины, и свернули.

Здѣсь, и только здѣсь, вздохнулось свободно; большія суда не могли гнаться за нами теперь и мониторъ успѣлъ только послать еще выстрѣлъ въ догонку.

Такъ какъ «Шутка» все болѣе и болѣе опускалась, то С. приказалъ подвести подъ киль парусину, чтобы нѣсколько задержать течь, и, такимъ образомъ, мы могли надѣяться благополучно добраться до дому.

* * *

Защищенные островкомъ, мы подвели здѣсь итоги: «Шутка» была совсѣмъ разбита и, очевидно, не годилась для дальнѣйшей работы; оказались большія пробоины не только выше, но и ниже ватерлиніи; свинца, накиданнаго выстрѣлами, собрали и выбросили нѣсколько пригоршенъ. У Скрыдлова двѣ раны въ ногахъ и контужена, обожжена рука. Я раненъ въ бедро, въ мягкую часть. Поднявшись послѣ удара, я

все время попрежнему стоялъ, но, чувствуя какую-то неловкость въ правой ногѣ, сталъ ощупывать больное мѣсто: вижу, штаны разорваны въ двухъ мѣстахъ, палецъ свободно входитъ въ мясо. «Э-э, да никакъ я раненъ? Такъ и есть,—вся рука въ крови. Такъ вотъ что значитъ рана. Какъ это просто! Прежде я думалъ, что это гораздо сложнѣе». Пуля или картечь ударила въ дно шлюпки, потомъ рикошетомъ прошла черезъ бедро, на-вылетъ, перебила мышцу и на волосъ прошла отъ кости; тронь тутъ кость, вѣрная бы смерть.

Изъ матросовъ никто не раненъ.

Подведенные итоги выяснили прекурьезную вещь: взрыва не послѣдовало оттого, что проводники были перебиты страшнымъ огнемъ.— «Ваше благородіе,— доложилъ Скрыдлову минёръ,—вѣдь проводники перебиты».—Не можетъ быть!—«Точно такъ; вотъ, извольте посмотрѣть...»—Какъ С. обрадовался! Снялась съ него отвѣтственность за незнаніе, неумѣнье, пожалуй, нерадѣніе, въ которыхъ не приминули бы его упрекнуть пріятели. Когда мы удалялись отъ парохода, Скрыдловъ только о томъ и жалѣлъ, что сломанный шестъ и недостатокъ паровъ не позволяютъ ему повторить атаку носовою миной; правда, мы шли тогда прямо на мониторъ и предстояла еще атака кормовою, но это удовольствіе, очевидно, было ему менѣе занимательно. Пріятель мой вцѣпился себѣ въ волосы и вскричалъ съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, что жалко его сдѣлалось: «Столько работы, трудовъ,

приготовленій,—все прахомъ, все пропало даромъ!»— Перестань, кричу ему, что за отчаяніе такое! Это—неудача, а не неумѣнье... За то, узнавши, что при данныхъ условіяхъ взрыва и не могло быть, мой Н. Л. повеселѣлъ,—гора у него свалилась съ плечъ. И то сказать: въ девятомъ часу солнечнаго лѣтняго дня атаковать, буквально подъ градомъ снарядовъ, накладно.

Остался, однако, одинъ вопросъ, котораго мы не могли рѣшить: почему вторая миноноска не пошла за нами въ атаку? Надобно думать, что этотъ случай атаки непріятельскаго судна *одною* миноноской былъ первый и послѣдній: онъ противъ всѣхъ правилъ. Новиковъ говорилъ мнѣ потомъ, что командиръ этой миноноски былъ нервенъ....

Впрочемъ, результатъ оказался удовлетворительный: пароходъ поворотилъ назадъ, также какъ и мониторъ: значитъ, цѣль атаки была достигнута.

* * *

Кстати, позволю себѣ здѣсь сказать нѣсколько словъ по поводу волонтеровъ, о которыхъ одинъ спеціалистъ въ Кронштадтѣ выразился, что они мѣшаютъ въ дѣлѣ. Я полагаю, напротивъ, что если волонтеръ знаетъ дисциплину и то дѣло, на которое идетъ, то, разумѣется, сумѣетъ быть не только храбрымъ, но и хладнокровнымъ, что весьма важно. Когда, наприм., нужно было приготовить кормовую мину, минёръ до того оробѣлъ, что только безсвязно поворачивался, чего-то отыскивая дрожавшими руками,

и я вынулъ свой ножичекъ, чтобъ обрѣзать веревку; другой минёръ, передъ атакою, тоже видимо дѣйствовалъ не совсѣмъ сознательно, потому что безъ всякой нужды тронулъ приводъ, сообщавшій токъ минѣ, еще на огромномъ разстояніи отъ непріятеля; наконецъ, помянутый рулевой со страху положилъ не туда руля, да вдобавокъ взмолился передъ Скрыдловомъ: «не лучше ли, дескать, спуститься!» — Всѣ эти примѣры, мнѣ кажется, доказываютъ, что матросъ или солдатъ, *вынужденный* итти впередъ, не дѣлаетъ это съ тѣмъ сознаніемъ и разумѣніемъ, какъ волонтеръ, *желающій* итти впередъ.

* * *

Покинувъ наше убѣжище, С. пошелъ снова къ мѣсту расположенія прочихъ миноносокъ, чтобъ отдать отчетъ Новикову. Всѣ офицеры стояли на берегу и, видимо, не знали, что̀ у насъ творилось (мы были закрыты отъ нихъ во все время атаки островомъ).

«Взорвали?» — кричатъ на встрѣчу. — «Нѣтъ, — отвѣчаетъ Скрыдловъ: — огонь былъ слишкомъ силенъ, перебило проводки. Я и В. В. ранены!» Общее молчаніе, въ которомъ слышалось неодобреніе, только бравый Новиковъ сдѣлалъ С. ручкою, поблагодарилъ за неравный бой, среди бѣлаго дня.

Отрядъ отдыхалъ, завтракалъ и собирался итти дальше. Насъ потащили на румынскій берегъ, изъ веселъ сдѣлали носилки и положили на нихъ Скрыд-

лова, а я пошелъ пѣшкомъ; сгоряча я не чувствовалъ ни боли, ни усталости, но, пройдя съ версту, почти повисъ на плечахъ поддерживавшихъ меня матросовъ.

На берегу встрѣтились Скобелевъ и Струковъ, издали наблюдавшіе за установкою минъ; первый, съ которымъ мы расцѣловались, только и повторялъ: «Какіе молодцы, какіе молодцы!»—Бравому изъ бравыхъ видимо было завидно, что не онъ раненъ. Насъ втащили въ деревню Парапанъ и помѣстили въ большомъ помѣщичьемъ домѣ,—въ томъ самомъ, гдѣ жилъ Вульфертъ и гдѣ я познакомился съ Драгомировымъ. Мнѣ разсказывали послѣ, что видѣли съ берега, какъ нашъ дымокъ понесся на-встрѣчу турецкому, и такъ какъ знали, что атаковать пошла «Шутка», то поняли, что я многогрѣшный лечу вмѣстѣ съ этимъ дымкомъ.

Скоро прискакала изъ Журжева конная батарея и уже было снялась съ передковъ противъ мѣста, гдѣ отдыхали моряки, но Струковъ во-время предупредилъ флотилію, изъ-за высокаго берега не видѣвшую опасности, и она успѣла удрать: по грудь, а мѣстами и по шею въ водѣ Струковъ прошелъ цѣлую версту и взбудоражилъ отрядъ, собиравшійся было завтракать: моряки живо собрались, большую часть своего добра успѣли захватить, но кое-что бросили-таки и утекли вверхъ по рѣкѣ для закладки другого ряда минъ. Батарея била по лодкамъ и вещамъ, неосторожно брошеннымъ миноносками, и также взду-

мала бомбардировать домъ, въ которомъ мы помѣщались.

По этому случаю я совершенно нечаянно насмѣшилъ всѣхъ бывшихъ около насъ офицеровъ: чтобы не быть разстрѣлянными, намъ предложили перейти въ одинъ изъ крестьянскихъ домовъ подалѣе въ деревнѣ; Скрыдловъ согласился, но я уперся, объяснивши, какъ мнѣ и теперь кажется, не безъ резона, что «въ крестьянскомъ домишкѣ будутъ навѣрное блохи, а тутъ ихъ нѣтъ».

Переходъ черезъ Балканы.—Скобелевъ.

1877—1878 гг.

— Да пустите же, Василій Васильевичъ!

— Нѣтъ, не пущу!

— Пустите, я вамъ говорю!—мнѣ крайне нужно.

— Не пущу!

— Да пустите, чортъ побери! Вѣдь меня ожидаетъ главнокомандующій, отрядъ дожидаетъ!

— Не пущу!

Это Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ рвался къ дверямъ своего кабинета, въ нашемъ домѣ, въ Плевнѣ. Онъ заказалъ себѣ для перехода черезъ Балканы какой-то необыкновенной длины и теплоты сюртукъ, на черномъ бараньемъ мѣху; заказалъ его еврею портному Владимірскаго полка, и тотъ опоздалъ, не доставилъ сюртука къ сроку. Скобелевъ страшно сердился, кричалъ, звалъ своего денщика Курковскаго, грозилъ, что перепоретъ ихъ всѣхъ, рвался въ дверь, а я стоялъ у двери и не пускалъ, потому что онъ непремѣнно кого-нибудь побилъ бы и, вообще, на-

творилъ бы того, о чемъ самъ бы потомъ пожалѣлъ.

— Будьте увѣрены,—утѣшалъ я его,—что они изо всѣхъ силъ теперь выбиваются докончить и принести вамъ сюртукъ, работаютъ руками, глазами и зубами, и вы понапрасну только будете шумѣть, а пожалуй и драться.

— Гдѣ эта бестія запропастился!—кричалъ Скобелевъ черезъ затворенную дверь.—Пустите же, наконецъ, Василій Васильевичъ, мнѣ только этого подлеца найти, я его... — И онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, какъ тигръ въ клѣткѣ.

— Не пущу!.. Не шумите и не горячитесь понапрасну.—Я таки удержалъ дверь притворенною, не смотря на то,что воинъ нѣсколько разъ покушался прорываться.

Всему, однако, есть конецъ—кончилось и мученье М. Д.: явился денщикъ съ сюртукомъ, сшитымъ и сидѣвшимъ просто ужасно. Скобелевъ страшно бранился, одѣваясь; опять грозился всѣхъ перепороть, сюртукъ бросить въ печку и проч. Но главное все-таки было достигнуто,—онъ никому не далъ лизуна за горячее время ожиданія.

— Ну, что, Василій Васильевичъ, какъ сюртукъ: скверно, а? Да скажите же!... Что за подлецы, что за мерзавцы, с. д....

При всемъ моемъ желаніи успокоить и утѣшить его, надобно было сознаться, что сюртукъ сидѣлъ дурно, но дѣлать было нечего; его превосходительство напялилъ его и поѣхалъ къ великому князю.

Я остался ожидать моихъ лошадей изъ города Орханіе, изъ отряда генерала Гурко, куда отправилъ за нимъ казака. Я написалъ съ нимъ прощальное посланіе членамъ «Англійскаго клуба», который сосоставляли всѣ мы, бывшіе въ штабѣ Гурко: Георгій Скалонъ, Коссиковскій, Сухановъ, Оболенскій, Цертелевъ, Петлинъ, Шаховской, Казнаковъ, — просилъ возвратить съ лошадьми оставшіяся вещи, которыя и получилъ при прелестнѣйшемъ письмѣ отъ милыхъ товарищей по походу, укорявшихъ дружески за измѣну имъ, за переходъ изъ отряда Гурко въ отрядъ Скобелева. Злодѣи оставили только у себя мои консервы, шоколадъ, кофе, сладкіе сухари и проч. съѣдобность, добытую незадолго передъ тѣмъ съ немалымъ трудомъ отъ маркитанта, и, вмѣсто извиненія, велѣли сказать, что, вѣроятно, мнѣ это теперь не нужно, такъ какъ у «Скобелева все есть». А Скобелевъ, какъ на зло, объявилъ, что «во время похода пусть всякій промышляетъ какъ знаетъ, — онъ будетъ заботиться только о своемъ желудкѣ».

Перешелъ же я изъ отряда Гурко въ отрядъ Скобелева потому, что по пріѣздѣ въ сдавшуюся Плевну, на просьбу мою начальству сказать по секрету, съ кѣмъ мнѣ будетъ интереснѣе итти теперь, получилъ въ отвѣтъ: «со Скобелевымъ».

Этюды, сдѣланные въ гвардейскомъ отрядѣ Гурко, я передалъ доктору Стуковенко, взявшемуся доставить ихъ на мою квартиру въ Систово, и преисправно потерявшему всѣ до одного, — а этюдовъ было

отъ 30 до 40 штукъ, хоть небольшихъ, но писанныхъ на самыхъ мѣстахъ битвъ, буквально подъ непріятельскихъ огнемъ. Впрочемъ, то, что онъ затерялъ ихъ, было еще понятно, но что онъ увѣрялъ, будто передалъ коменданту, это ужъ было очень не красиво и только ввело меня и другихъ въ безполезные розыски.

Множество чудесныхъ картинъ изъ времени движенія гвардейскаго отряда по Балканамъ и въ самыхъ Балканахъ было загублено этою потерей: въ головѣ моей онѣ остались, но передать ихъ на полотнѣ безъ этюдовъ оказалось невозможно; были наброски битвы подъ Правцомъ, подъ Шандорникомъ и друг.

При выѣздѣ моемъ оказался сюрпризъ: хозяинъ дома, въ которомъ я жилъ со Скобелевымъ, представилъ счетъ разнымъ разностямъ, у него забраннымъ... За такія вещи, какъ дрова, собиравшіяся изъ разбитыхъ турецкихъ домовъ, разумѣется, дорого не пришлось платить, но оказалось, что не отдано, наприм., за двое саней... Нечего дѣлать, пришлось поплатиться не малымъ количествомъ золотыхъ.

* * *

Я разсчитывалъ догнать выступившій отрядъ въ тотъ же день, но въ Боготѣ, въ главной квартирѣ, замѣшкался. Великій князь былъ по обыкновенію очень любезенъ. Когда пріятель мой Дмитрій Скалонъ доложилъ и я вошелъ въ юрту, его высочество

былъ въ сильномъ волненіи, такъ какъ съ минуты на минуту ожидалъ извѣстія отъ Гурко, начавшаго наканунѣ свой знаменитый переходъ черезъ Балканы по глубокому снѣгу.

— Ахъ, кабы ему удалось, кабы удалось благополучно спуститься,—говорилъ главнокомандующій, видимо весьма озабоченный...

Я говорилъ, что, по мнѣнію моему, и сомнѣваться нельзя въ успѣхѣ, и такъ какъ прибылъ недавно оттуда, то разсказалъ и начертилъ ему наши и турецкія позиціи около Шандорника, противъ Арабъ-Конака.

— Такъ до свиданія, тамъ!—сказалъ мнѣ главнокомандующій на прощаніе, протягивая руку по направленію къ Балканамъ.

* * *

Лошадь моя, которую я теперь первый разъ обновилъ, оказалась никуда негодною; я купилъ ее у ***, для рекомендаціи передавшаго мнѣ, что это—бывшій конь Скобелева, очень уставшій подъ генераломъ и теперь поправившійся. Оказалось, что либо конь былъ вовсе загнанъ, либо Скобелевъ и бросилъ его за негодность: ни шагу, ни рыси, ни галопа. Чистое наказаніе ѣзда на такомъ высокомъ меланхолическомъ одрѣ.

Къ вечеру не успѣлъ добраться до Ловчи, пришлось заночевать въ турецкой деревнѣ. Только было я началъ стучаться въ первый попавшійся домъ, бѣжитъ солдатъ:

— Ваше высокоблагородіе, не извольте стучать, мы отведемъ квартиру, для этого здѣсь приставлены.

Оказывается, что къ турецкимъ деревнямъ распорядились приставить охранную стражу для обереганія ихъ отъ проходящихъ войскъ, и въ результатѣ было то, что турецкія деревушки до сихъ поръ были полны всякимъ добромъ, тогда какъ болгарскія пострадали, оглодались до костей.

* * *

. .
. .
. .

* * *

Подъѣзжая на другой день къ городу Ловчѣ, я могъ разобрать въ общихъ чертахъ планъ бывшей здѣсь битвы, штурма высотъ Скобелевымъ. По разсказу послѣдняго и многихъ другихъ, я зналъ, что битва была очень кровопролитная и что въ редутахъ мертвые лежали буквально одинъ на другомъ, грудами. Правда, что перевѣсъ русскихъ силъ передъ турецкими былъ значителенъ, 20.000 противъ 8.000, но за то же и высоты приходилось занимать страшно крутыя, да еще съ земляными укрѣпленіями, въ постройкѣ которыхъ турки заявили себя такими мастерами.

Одинъ изъ разсказывавшихъ мнѣ объ этомъ сраженіи прехладнокровно говорилъ и о грудахъ тѣлъ, и о позахъ заколотыхъ, и о зловоніи, которое стояло

кругомъ, но не вытерпѣлъ, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, когда вспомнилъ, что на 3 или 4-й день изъ-подъ кучи мертвыхъ еще вытаскивали живыхъ. Я искренно думаю, что кабы не довѣрили совершенно штурма укрѣпленій Скобелеву, то они не были бы взяты.

* * *

Пріѣхавши въ городъ Сельви, я пошелъ прямо къ Михаилу Дмитріевичу, который былъ въ это время въ совѣтѣ съ начальникомъ штаба, полковникомъ Куропаткинымъ, и начальниками частей. Я передалъ ему поклонъ главнокомандующаго и не могъ не замѣтить, что пріятель мой былъ что-то очень нервенъ.

— Представьте,—сказалъ онъ мнѣ,—Радецкій не хочетъ двигаться съ мѣста; говоритъ, что онъ не намѣренъ пробивать лбомъ стѣну; пророчитъ, что насъ занесетъ снѣгомъ и проч. Ну, да мы и одни пойдемъ, и если нужно умремъ...

Не мало безпокоило его и то, что прошедшій на дняхъ городомъ отрядъ С. М., назначенный также къ переходу черезъ Балканы, по другую сторону Шипки, реквизировалъ часть вьючныхъ животныхъ, сѣделъ и всего, что предусмотрительный Скобелевъ заготовилъ давно уже для своего отряда (Скобелевъ и Куропаткинъ заготовили все для перехода черезъ Балканы еще въ октябрѣ, когда они бѣдствовали подъ Плевною). Нечего было дѣлать, пришлось сно-

ва все заготовлять, не теряя ни часа времени. Куропаткинъ бросился въ Тырново, гдѣ, съ помощью губернатора, нашего общаго туркестанскаго пріятеля Щербинскаго, въ три дня опять все досталъ и раздобылъ.

Въ Габровѣ, куда мы затѣмъ перешли, стояло столпотвореніе вавилонское. Что сталось съ этимъ миленькимъ, чистенькимъ городкомъ: все было наполнено больными, преимущественно обмороженными на Шипкѣ. По улицамъ и дворамъ валялись дохлыя лошади, бродили женщины и дѣти, вдовы и сироты забалканскихъ балгаръ, перерѣзанныхъ турками... За то торговля шла бойко: чаю, сахару, вина и проч. навезено было множество; сѣно же и ячмень продавались на вѣсъ серебра.

По улицамъ движеніе, суета, давка невообразимыя. Удивительно, что въ такой массѣ всякаго сброда не нашлось шпіоновъ, чтобы дать знать туркамъ о готовившемся обходѣ,—тѣ и не думали о грозившей имъ опасности съ фланговъ, такъ что оказались захваченными совершенно врасплохъ.

Скобелевъ хлопоталъ о лошади, такъ какъ его, ужъ и не знаю которая счетомъ, была замучена; хвалилъ очень моего иноходца.

— Возьмите, говорю.

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ нужно бѣлую—нѣтъ ли бѣлой?

— Есть, но васъ не сдержитъ,—мала.

Гдѣ-то—кажется, у драгунъ—онъ досталъ, нако-

нецъ, хорошаго, высокаго, бѣлаго коня. Когда я поѣхалъ на Шипку, чтобы повидать тамъ старыхъ знакомыхъ, Петрушевскаго, Дмитровскаго и др., то встрѣтилъ по дорогѣ оттуда Скобелева, несущагося маршъ-маршемъ по глубокому снѣгу и грязи. Ну, думаю, не надолго хватитъ новой лошади! Онъ еще разъ видѣлъ Радецкаго на Шипкѣ, принялъ отъ него приказанія и выслушалъ опять твердо высказанное намѣреніе не двигаться съ занятыхъ позицій. То же самое слышалъ я и отъ браваго генерала Д., стараго же туркестанца, начальника штаба Радецкаго, когда навѣстилъ его вечеромъ въ тотъ день: онъ былъ сильно возбужденъ, зимній походъ черезъ горы осуждалъ и пророчилъ намъ смерть въ снѣгу—ни болѣе, ни менѣе.

Планъ перехода Балканъ въ обходъ турецкой арміи, расположенной подъ Шипкою, принадлежалъ Радецкому и его начальнику штаба Дмитровскому, но они предлагали сдѣлать это осенью, такъ что, когда главнокомандующій, по взятіи Плевны, далъ приказъ исполнить этотъ планъ, Радецкій пришелъ въ ужасъ, объявилъ, что это движеніе было задумано въ разсчетѣ на осень, а не на зиму, и теперь за глубокимъ снѣгомъ неисполнимо.

Скобелевъ, однако, былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ дѣла, и 26-го декабря 1877 года выступилъ къ деревнѣ Топлишъ, что въ предгорьяхъ, куда уже реньше двинулись войска его отряда.

* * *

Казакъ мой, кубанецъ Курбатовъ, несмотря на строгій наказъ поспѣвать за мною, такъ-таки и не поспѣлъ; онъ увѣрялъ, что за ночь «безпремѣнно справится» въ Габровѣ, но, конечно, за ночь просто кутнулъ съ пріятелями, такъ что за мою довѣрчивость я былъ наказанъ и не видѣлъ его и моихъ вещей въ продолженіе нѣсколькихъ дней, во все время перехода черезъ горы, гдѣ какъ разъ не хватило мнѣ для этюдовъ полотенъ и красокъ и пришлось написать этюды снѣжной траншеи и др. на дощечкѣ сигарнаго ящика.

Я пріѣхалъ въ Топлишъ ночью и рѣшительно не зная, куда приткнуться въ этой деревенькѣ, биткомъ набитой войсками, сунулся къ Скобелеву, но оказалось, что онъ уже улегся и храпѣлъ тѣмъ богатырскимъ сномъ, который всегда такъ подкрѣплялъ его передъ серьезнымъ дѣломъ; зная его за очень нервнаго человѣка, я, признаюсь, никогда не могъ понять этой способности засыпать именно тогда, когда нужно. Ужъ и не знаю, какъ я попалъ въ хату главнаго доктора отряда, очень милаго человѣка, котораго встрѣчалъ на перевязочномъ пунктѣ, но не зналъ лично; онъ напоилъ меня чаемъ, а въ сосѣдней избѣ въ повалку съ неизвѣстными мнѣ господами я переспалъ. Изъ насѣкомыхъ тутъ была одна кавалерія, что еще хорошо—кабы пришлось спать между солдатами, то не миновать бы и сѣренькой пѣхоты.

На другой день, раннимъ утромъ, войска уже длинною, кривою линіей тянулись къ подъему, по подъ-

ему и по самому хребту. Скобелевъ былъ впереди, и догонять его было трудно по узкому проходу въ снѣгу — того и смотри, наткнешься на солдатскій штыкъ. Саперы прошли здѣсь наканунѣ, разгребли снѣгъ, но его все-таки осталось столько, что лошадь оступалась и проваливалась, а главное, неудобно было то, что изъ-за разгребеннаго снѣга образовались по обѣимъ сторонамъ дороги цѣлыя стѣны въ ростъ человѣка, коли не выше; уступая мѣсто всаднику, солдаты не могли податься въ сторону, они припадали къ товарищу, конечно, не безъ смѣха и шутокъ:

— Штыкъ подними, прими! Смотри, сейчасъ глазъ вонъ верховому выколешь!

Приходилось постоянно продѣлывать гимнастическія упражненія на сѣдлѣ, чтобы кого-нибудь не ушибить, да и самому не наткнуться на штыкъ или не удариться колѣномъ о вьюкъ съ зарядами. Со штыками-то я раздѣлался благополучно, но колѣна свои отколотилъ «въ лучшемъ видѣ».

Труднѣе всего, конечно, было проходить сотнѣ уральскихъ казаковъ, шедшей впереди саперъ съ проводниками; они протаптывали путь по совершенно занесеннымъ снѣгомъ горамъ, ведя лошадей подъ уздцы и часто совершенно проваливаясь, увязая въ снѣгу. Командовалъ уральцами тоже туркестанецъ сотникъ Кирилинъ. За казаками рота саперъ подъ командою Ласковскаго, адъютанта главнокомандующаго, уже правильно расчищала намѣченный путь.

Въ одномъ мѣстѣ прежалкую картину представляли кучкою пріютившіеся на бугрѣ, около дороги, музыканты: въ своихъ холодныхъ шинелишкахъ они сидѣли, тѣсно сжавшись отъ холода; музыкальные инструменты ихъ въ чехлахъ, нѣкоторые огромныхъ размѣровъ, лежали около нихъ; бѣдные артисты,—имъ было далеко не до музыки тутъ.

* * *

Еще было довольно рано, когда мы остановились для привала на высокой равнинѣ, противъ скалы «Марковы столбы». Подъ деревьями, справа, разрыли въ снѣгу мѣсто для палатки Скобелева и Куропаткина; невдалекѣ расположились мы. Полукругомъ по всей опушкѣ лѣса, окружавшаго равнину, раскинулись войска.

Я написалъ этюдъ этого мѣста и успѣлъ таки согрѣться у Скобелева стаканомъ чаю; затѣмъ, однако, пришлось прибѣгнуть къ небольшому запасу консервовъ, кофе и шоколада, бывшаго только у меня и, конечно, сейчасъ же уничтоженнаго нашею проголодавшеюся молодежью. Лошадей мы пробовали кормить конскими консервами, но онѣ что-то отворачивали морды,—не очень охотно жевали этотъ кормъ. Какъ я сказалъ, подъ деревьями, кругомъ снѣжной площади, расположились войска и вездѣ запалили костры, благо весь лѣсъ былъ къ услугамъ отряда. Хотя по зареву этихъ огней турки и могли открыть насъ, но Скобелевъ разумно рѣшилъ, что лучше имѣть

непріятелемъ людей, чѣмъ морозъ, который былъ порядочный. Великое было счастье для отряда, что не только вьюги, но и просто вѣтра не было, въ противномъ случаѣ зловѣщія предсказанія Д. хоть частію оправдались бы, пожалуй. Къ тому же надобно сказать, что заботливостью Скобелева и его начальника штаба Куропаткина все было предусмотрѣно: у всѣхъ солдатъ были набрюшники и на ногахъ просаленныя портянки; у каждаго былъ запасъ вареной говядины, сухарей и чаю. Кромѣ того, во избѣжаніе замораживанія и отмораживанія, приказано было солдатамъ наблюдать другъ за другомъ въ эту ночь.

Я укрылся всѣмъ, что у меня было: полушубкомъ, буркою и одѣяломъ; легъ около самаго огня и все-таки чувствовалъ, что медленно замерзаю; какъ ни корчился, ни свертывался кренделемъ, ничего не помогало—пришлось оставить надежду на сонъ и, закуря сигару, ждать у костра разсвѣта, болтая съ товарищами. Часть отряда поднялась и прошла впередъ еще ночью, а подъ утро двинулись и мы.

Было уже замѣчено, что интендантство не успѣло заготовить солдатамъ полушубковъ, подоспѣвшихъ лишь къ тому времени, когда армія перешла Балканы и настала жара. Когда заботливый Панютинъ выпросилъ позволеніе роздать своему полку тулупы, оставшіеся отъ замерзшей дивизіи Гершельмана—оказалось, что, несмотря на долгое лежаніе въ складѣ, полушубки были полны насѣкомыми и солдаты

предпочли идти черезъ горы въ холодныхъ шинеляхъ.

Я писалъ этюдъ траншеи, вырытой въ снѣгу, къ сторонѣ турецкихъ позицій (послѣ была исполнена картина этой траншеи), когда Скобелевъ проѣхалъ впередъ и тутъ, даже и по этой дорогѣ, галопомъ; солдаты бодро и весело отвѣчали на его привѣтъ.

Надобно было видѣть, какъ удивились турки, когда мы вышли изъ лѣсовъ на открытый склонъ горы, къ нимъ обращенный. Они попробовали сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, но безъ вреда намъ—гдѣ попасть въ растянутую линію! Пули же ихъ вовсе не долетали до насъ.

Всѣ позиціи турецкія, а за ними и наши, были отсюда какъ на ладони, и въ бинокли мы хорошо видѣли всѣ подробности ихъ житья-бытья въ землянкахъ.

Вонъ гора св. Николая, гдѣ наши солдатики съ нетерпѣніемъ слѣдили теперь за нами, ждали результата нашего обхода, который долженъ былъ, наконецъ, освободить ихъ отъ долгаго мучительнаго сидѣнья въ засыпанныхъ снѣгомъ, совершенно обовшивѣвшихъ землянкахъ Шипки.

Вонъ турецкія батареи на такъ называемой Лысой горѣ: турки большими группами разсуждаютъ о томъ, чтò готовитъ имъ впереди «кизметъ», т.-е. судьба. Помѣшать нашему движенію они теперь уже не въ силахъ, надобно было подумать объ этомъ

раньше; нападеніе на насъ съ фланга, съ мѣста теперешняго ихъ расположенія, по глубокому снѣгу было очень трудно — близокъ локоть, да не укусишь. Оставалось помѣшать намъ спускаться, но мы уже и спускаться начали—совсѣмъ опоздали наши враги!

У самаго начала спуска 2 высокія горы, 2 пика, расположены по обѣ стороны дороги. Какъ старый военный, я сейчасъ же замѣтилъ К., что эти 2 возвышенности необходимо немедленно же и крѣпко занять.

— Что, что вы говорите, Василій Васильевичъ?— спросилъ ѣхавшій впереди насъ Скобелевъ, всегда чутко прислушивавшійся къ тому, что говорили около него.

Я повторилъ, что эти высоты, какъ командующія спускомъ, необходимо на всякій случай занять...

— Да, Алексѣй Николаевичъ,—обратился онъ къ К.,—это совершенно вѣрно, прикажите сейчасъ же занять ихъ и окопаться.

— Слушаю-съ! — отвѣтилъ К. неохотно — бѣда, какъ не любятъ военные, даже и развитые, совѣтовъ статскихъ, хотя, собственно говоря, я имѣлъ право считать себя болѣе военнымъ, чѣмъ большинство офицеровъ отряда.

Скобелевъ, впрочемъ, былъ выше этого и всегда былъ не прочь принять совѣтъ, если находилъ его разумнымъ, откуда бы онъ ни шелъ.

Полковникъ Куропаткинъ, начальникъ штаба

Скобелева, былъ безспорно одинъ изъ самыхъ лучшихъ офицеровъ нашей арміи; невысокаго роста, не особенно представительной красоты, но храбрый, разумный и хладнокровный, онъ былъ многими чертами характера противоположенъ Скобелеву, который давно уже былъ съ нимъ друженъ, уважалъ и цѣнилъ его, хотя часто съ нимъ спорилъ; и надобно сказать, что въ спорахъ этихъ разсудительный начальникъ штаба оказывался по большей части болѣе правымъ, чѣмъ блистательный, увлекавшійся генералъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы кругозоръ Куропаткина былъ шире, чѣмъ Скобелева,—часто бывало наоборотъ: напр., въ вопросѣ возможности зимняго перехода черезъ Балканы, вопросѣ громадной важности для исхода всей кампаніи, К. держался мнѣнія Радецкаго и Дмитровскаго, т.-е. былъ абсолютно противъ этого перехода... Скобелевъ же, напротивъ, былъ душою и тѣломъ за походъ и совершенно увѣренъ въ счастливомъ исходѣ его. — «Перейдемъ! а не перейдемъ, такъ умремъ со славою»,—повторялъ онъ мнѣ свою любимую фразу.

— Онъ только и знаетъ, что умремъ, да умремъ,—говорилъ со мной объ этомъ К. еще въ Плевнѣ;—умереть-то куда какъ не трудно, надобно знать, стоитъ ли умирать...

К. не былъ такъ щегольски и въ то же время такъ дерзко храбръ, какъ Скобелевъ, но и онъ тоже былъ замѣчательной храбрости; и лошадей-то подъ нимъ убивало, и зарядные-то ящики у него передъ

носомъ взрывало, и самого-то его много разъ ранило, а онъ все живъ да живъ и теперь также неисправимъ по части измышленія всякой пагубы на непріятелей Россіи, какъ и прежде — коли не больше.

* * *

Скоро пришло изъ передового отряда саперъ донесеніе о томъ, что турки наступаютъ. Я видѣлъ, что краска бросилась въ лицо Скобелеву при этомъ извѣстіи; онъ тотчасъ же обратился къ солдатамъ:

— Поздравляю васъ, братцы, съ началомъ дѣла, турки наступаютъ!

Солдаты дружно отвѣтили обычное: «Рады стараться, ваше превосходительство!»

Посланъ былъ ординарецъ Дукмасовъ съ двумя ротами на помощь саперамъ. Скобелевъ, знавшій статутъ Георгіевскаго креста наизусть, заранѣе сказалъ ему, что онъ получитъ Георгія за это дѣло: «выбить ихъ! молодцомъ у меня смотрите!»

Спускъ былъ едва ли не труднѣе подъема; мѣстами лошадь уходила въ снѣгъ по шею и я былъ искренно благодаренъ моему рыжему иноходцу за отчаянныя усилія, съ которыми онъ выносилъ изъ сугробовъ, ни разу не ткнувши меня носомъ въ нихъ. Мѣстами, однако, ѣхать верхомъ не было никакой возможности, надобно было скользить внизъ. Солдаты устроили праздничныя игры и скатывались кто благополучно, кто кувыркомъ со смѣхомъ и шутками. Самому-то, впрочемъ, съѣхать было не трудно—куда

ни шло, но заставить съѣхать на томъ же инструментѣ лошадь было не такъ удобно. Ужъ не помню, какъ свелъ я своего коня съ одного крутого мѣста, настоящаго обрыва—кажется, мы вмѣстѣ скатились!

Разработка этого мѣста, конечно, потребовала бы очень много времени, почему, вѣроятно, наши саперы и отступились отъ него, но, съ другой стороны, и оставлять такія мѣста для спуска по нимъ кавалеріи и особенно артиллеріи—очень и очень рискованно, считая, что невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ.

* * *

Мы были уже на южномъ склонѣ Балканъ. Скобелевъ остановился на одной изъ крайнихъ возвышенностей и долго, подробно осматривалъ въ бинокль долину Тунджи и турецкія позиціи, разстилавшіяся передъ нами.

Налѣво гора св. Николая съ Шипкою. Расположеніе нашихъ полковъ рѣзко обозначалось черными грязными линіями по бѣлой массѣ снѣга. Въ бинокли мы видѣли всѣ подробности: вонъ на самой скалѣ св. Николая батарея Мещерскаго, названная такъ по имени убитаго на ней офицера этого имени. Отъ привычки изъясняться на французскомъ діалектѣ, бравый князь плохо говорилъ по - русски и поэтому былъ сначала предметомъ насмѣшекъ и офицеровъ, и солдатъ, но потомъ своимъ безстрашнымъ поведеніемъ заслужилъ общее уваженіе и умеръ молодцомъ, не сморгнувъ, на своемъ посту.

Помню, за мой первый пріѣздъ на Шипку я рисовалъ эту батарею, но огонь былъ такъ силенъ, что, каюсь, я поминутно кивалъ и отклонялся головою отъ свистѣвшихъ пуль, гранатъ, а временемъ и бомбъ, летавшихъ съ турецкихъ батарей изъ-за горы. Пули на этомъ пунктѣ летѣли буквально дождемъ и оберегаться отъ нихъ было, впрочемъ, просто ребячество.

Бомбы назывались на Шипкѣ воронами—эти вороны даже землянки прошибали! Въ одной, разсказывали мнѣ, офицеры играли въ карты, когда ударила такая ворона и всѣхъ поубивала, поранила.

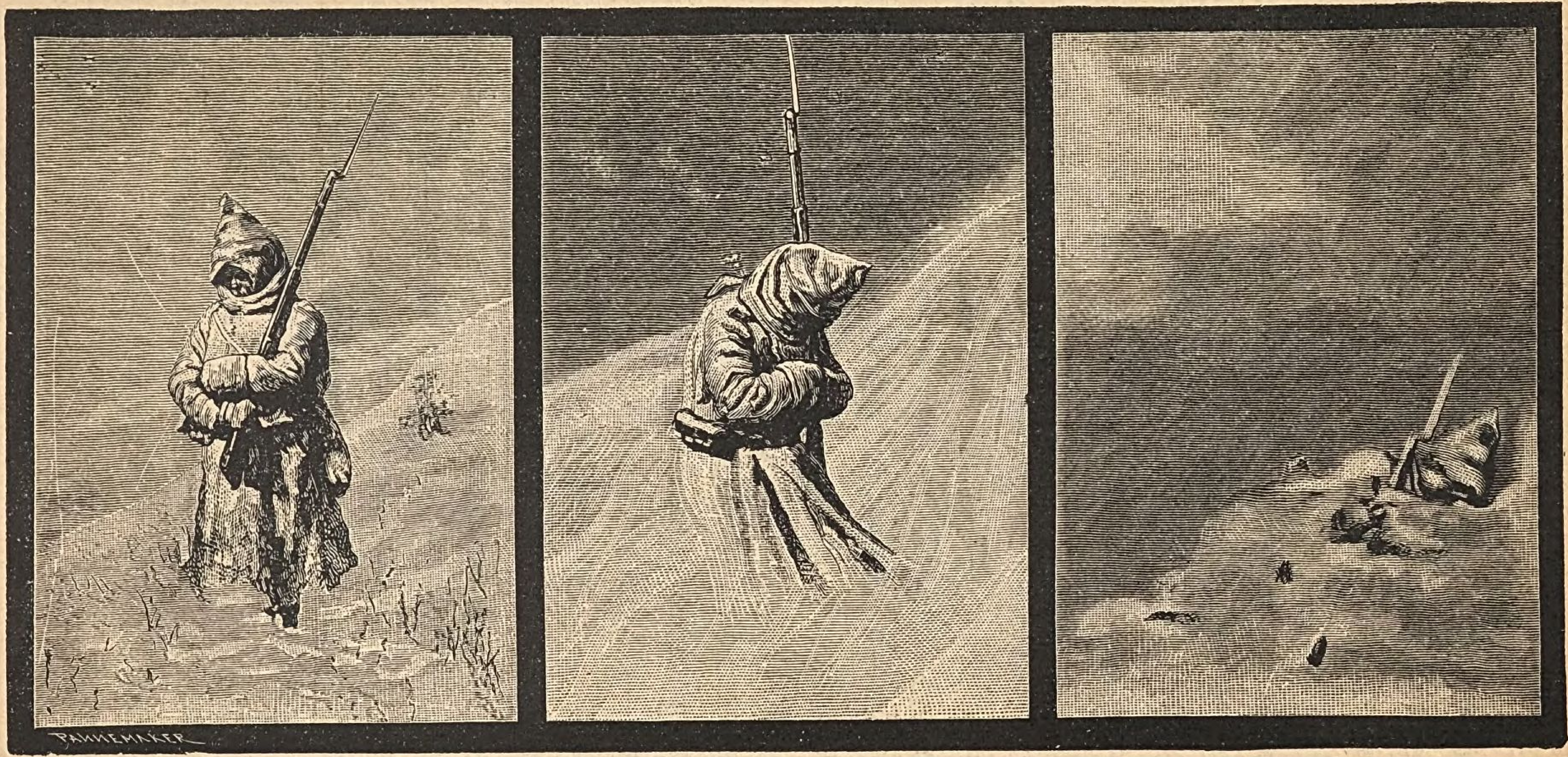
Вонъ развалина турецкаго блокгауза, въ окнѣ котораго я было расположился разъ писать долину Тунджи, виднѣвшуюся тогда въ какомъ-то чудесномъ фіолетовомъ туманѣ. Хоть у меня и былъ складной стулъ, но, чтобъ не сидѣть на открытомъ мѣстѣ, я свернулъ подъ закрытіе этого домика и расположился на подоконникѣ—авось подъ крышею не задѣнетъ пуля! Не тутъ-то было: турки, хорошо наблюдавшіе все, что дѣлалось у насъ, съ ихъ очень близкихъ позицій, конечно, сейчасъ же замѣтили хромого любителя видовъ — это было въ сентябрѣ, когда рана моя еще только слегка затянулась—и угостили меня разъ за разомъ тремя гранатами: первая ударила въ стѣну безъ большого вреда, вторая—въ крышу, хотя и не въ то мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, но, однако, забросала весь блокгаузъ обломками и загадила пылью мои краски; третья, наконецъ, съ адскимъ шумомъ

и трескомъ пробила крышу совсѣмъ рядомъ съ моимъ подоконникомъ, взрыла и набросало на меня и мое писаніе такую массу земли, камней и всякой дряни, что я рѣшился уйти, не кончивши этюда—отъ грѣха!

Еще далѣе по горѣ «центральная» и «круглая» батареи и между ними землянки Минскаго полка, въ одной изъ которыхъ у пріятеля моего Насвѣтевича я провелъ нѣсколько дней.

Далѣе тоже все знакомыя мѣста: вонъ по ту сторону св. Николая турецкія батареи «Девятиглазка», «Воронье гнѣздо», «Сахарная голова». Вонъ та часть дороги, по которой въ послѣднее время никто уже не ѣздилъ—пробирались объѣздомъ, по загорою, потому что она вся была на виду у турокъ—и съ которой, несмотря на то, что ее обыкновенно проскакивали маршъ-маршемъ, и всадники, и телѣги съ лошадьми часто сбрасывались въ кручу гранатами и бомбами—не даромъ она называлась «Райскою долиной».

Внизъ отъ русскихъ позицій турецкія землянки и батареи, а совсѣмъ внизу, въ долинѣ, отъ развалинъ деревни Шипки до деревни Шейнево—укрѣпленные курганы, центръ турецкой позиціи, за которыми начинается густая дубовая Шейновская роща. Вдали, прямо подъ нашимъ спускомъ кряжъ Малыхъ Балканъ, направо—деревня Иметли, по имени которой назывался и нашъ перевалъ; туда и далѣе направо, въ тунджинскую долину, Скобелевъ и Куропаткинъ смотрѣли особенно пытливо, такъ какъ, по слу-

На Шипкѣ все спокойно!

хамъ, оттуда двигались турецкія войска Сулеймана паши, на помощь шипкинской арміи.

* *
*

Передовыя войска остановились на привалъ въ ущелье, а Скобелевъ пошелъ по обыкновенію рекогносцировать дорогу. Онъ поѣхалъ было верхомъ, но турки, засѣвшіе внизу за скалами, открыли такую пальбу, что пришлось сойти съ лошади. Съ нимъ былъ начальникъ штаба Куропаткинъ, помощникъ его графъ Келлеръ, я и нѣсколько казаковъ, не помню—былъ ли кто еще изъ офицеровъ, кажется, былъ ординарецъ Марковъ. Турки буквально осыпали насъ свинцомъ и выжить ихъ оттуда не было возможности, такъ какъ ружья Крынка не доносили нашихъ пуль до нихъ.

Я началъ набрасывать въ альбомъ открывшуюся передъ нами часть долины, а Скобелевъ прошелъ еще впередъ. Смотрю, ужъ тащатъ назадъ подъ руки Куропаткина, блѣднаго какъ полотно. Онъ остановился перевести духъ за тѣмъ же обломкомъ скалы, за которымъ я рисовалъ—пуля ударила его въ лѣвую лопатку, скользнула по кости и вышла черезъ спину.

Бѣдняга страшно осунулся и все просилъ посмотрѣть рану и сказать ему по правдѣ, не смертельна ли она. Скоро пришелъ Скобелевъ, и мы всѣ двинулись назадъ. К., разумѣется, тащили подъ руки, такъ какъ онъ съ трудомъ передвигалъ ноги.

Мнѣ случалось быть въ очень сильномъ огнѣ, но

въ такомъ дьявольскомъ, признаюсь, еще не доводилось. Даже на Дунаѣ при нашей минной атакѣ, когда насъ осыпали и съ берега, и съ турецкаго судна, кажется, огонь не былъ такъ силенъ.

Здѣсь турки стрѣляли на самомъ близкомъ разстояніи и лѣпили пуля въ пулю, мимо самыхъ нашихъ ногъ, рукъ, головъ. Такъ и свистѣлъ свинецъ то съ пискомъ, то съ припѣвомъ и, шлепнувшись въ скалу, либо падалъ къ ногамъ, либо рикошетировалъ. Не то, чтобы слѣдовалъ выстрѣлъ за выстрѣловъ,—нѣтъ, то была сплошная барабанная дробь выстрѣловъ, направленныхъ на нашу группу—свистъ назойливый, надоѣдливый, хуже комаринаго.

Моя лошадь и лошадь Скобелева, которыхъ вели за нами въ поводу, остались цѣлы, но у болгарина моего убили коня, также какъ и вообще убили не мало людей и животныхъ.

Я шелъ съ лѣвой стороны Скобелева, и, признаюсь, не совсѣмъ хладнокровно слушалъ эту трескотню.

— «Вотъ, думалось, сейчасъ тебя, братъ, прихлопнутъ, откроютъ тебѣ секретъ того, что ты такъ хотѣлъ знать: что такое война!»

Помню, однако, что я наблюдалъ еще Скобелева. Смотрю на него и замѣчаю, не наклоняется ли онъ хоть немного, хоть невольно, подъ впечатлѣніемъ свиста пуль? — Нѣтъ, не наклоняется нисколько! Нѣтъ ли какого-нибудь невольнаго движенія мускуловъ въ лицѣ или рукахъ? — Нѣтъ, лицо, повиди-

мому, спокойно и руки, какъ всегда, засунуты въ карманы пальто. Нѣтъ ли выраженія безпокойства въ глазахъ, я разглядѣлъ бы его, даже если бы оно было хорошо, глубоко скрыто,—кажется, нѣтъ, развѣ только безстрастность взгляда указывала на внутреннюю тревогу, далеко, далеко запрятанную отъ постороннихъ. Идетъ себѣ мой Михаилъ Дмитріевичъ своею обыкновенною походкой съ развальцемъ, склонивши голову немного на бокъ.

— «Чортъ побери, думалъ я, да онъ все тише и тише идетъ, нарочно, что ли!»

Пальба просто безобразная, то и дѣло валятся съ дороги въ кручу люди и лошади. Бравый многоопытный Куропаткинъ, влекомый сзади подъ руки, кричитъ оттуда:

— «Бѣгите, кто цѣлъ—всѣхъ перебьютъ»!

Графъ К. и еще нѣкоторые въ припрыжку бросились впередъ; я, какъ болѣе обстрѣленный, остался со Скобелевымъ.

— «Ну, Василій Васильевичъ,—говорилъ онъ мнѣ послѣ, когда поворотъ дороги закрылъ насъ, наконецъ, отъ турецкихъ пуль, — мы сегодня прошли сквозь строй!».

* * *

Мнѣ интересно было узнать внутреннее чувство Скобелева во время сильной опасности, и я спрашивалъ его потомъ:

— Скажите мнѣ откровенно, неужели это правда,

что вы пріучили себя къ опасности и уже не боитесь ничего?

— Что за вздоръ,—отвѣтилъ онъ: — меня считаютъ храбрецомъ и думаютъ, что я ничего не боюсь, но я признаюсь, что я трусъ. Каждый разъ, что начинается перестрѣлка и я иду въ огонь, я говорю себѣ, что въ этотъ разъ, вѣрно, худо кончится... Когда на Зеленыхъ горахъ меня задѣла пуля и я упалъ, моя первая мысль была: «ну, братъ, твоя пѣсня спѣта!»...

Признаюсь, мнѣ пріятно было слышать это отъ Скобелева, потому что послѣ того моя собственная личность казалась мнѣ менѣе трусливою. Не то, чтобы я особенно преклонялся передъ храбростью, но трусость-то, нервность, съ которой такъ часто приходилось встрѣчаться, была ужъ очень противна. Сознавая, что подъ сильнымъ огнемъ я чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойнымъ и боялся, что вотъ-вотъ меня прихлопнетъ и начатыя картины останутся не оконченными, я доволенъ былъ, что Скобелевъ смотрѣлъ въ глаза смерти далеко не хладнокровно, только хорошо скрывалъ свои чувства—значитъ и я не вполнѣ трусъ!

— Я взялъ себѣ за правило никогда не кланяться подъ огнемъ,—говорилъ онъ мнѣ,—разъ что позволишь себѣ дѣлать это—зайдешь дальше, чѣмъ слѣдуетъ...

Теперь послѣ этого отвѣта я искренно думаю, что нѣтъ такого человѣка, который былъ бы спо-

коенъ подъ огнемъ, какъ бы ни старался онъ казаться имъ.

* * *

Куропаткину наскоро перевязали рану и потащили на носилкахъ, подъ надзоромъ ординарца Скобелева, въ Габровскій госпиталь, назадъ черезъ Балканы. Онъ сказалъ передъ уходомъ:

— Вотъ вамъ мой послѣдній совѣтъ: выбейте поскорѣе этихъ турокъ во что бы то ни стало, иначе они перегубятъ много народа.

Мы прощались съ К.; Скобелевъ чуть-чуть всплакнулъ даже, но, впрочемъ, быстро отерши слезы, оправился.

— Полковникъ, графъ Келлеръ! Вы вступите въ должность начальника штаба.

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Вотъ и производство вышло, — сострилъ удалявшійся Куропаткинъ.

Крѣпко чувствовали всѣ въ отрядѣ его потерю; Скобелевъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ ему н е з а м ѣ н и м ъ.

Генералъ приказалъ штурмовать турокъ, но полковникъ Панютинъ, которому дано было это приказаніе, просилъ дозволенія сначала попробовать выжить ихъ огнемъ.

У него былъ одинъ батальонъ, вооруженный ружьями Пибоди, взятыми при сдачѣ Плевны, и 2 роты съ этими ружьями буквально засыпали турокъ свинцомъ, такъ что не далѣе какъ черезъ нѣсколько ми-

нуть ни одного выстрѣла не было болѣе оттуда, ни одного непріятеля тамъ не осталось, всѣ утекли. Болѣе поразительнаго примѣра того, что значитъ хорошее вооруженіе, мнѣ рѣдко случалось видѣть . . .

. .

Конечно, Панютинъ спасъ тутъ много солдатскихъ жизней, потому что штурмъ засѣвшихъ за камнями турокъ не обошелся бы безъ потерь. Сколько же всего нашихъ жизней было бы спасено, если бы ружьями, взятыми при сдачѣ Плевны, вооружили часть отряда; ружей этихъ было нѣсколько десятковъ тысячъ съ милліонами зарядовъ

. .

Всѣ эти десятки тысячъ ружей Пибоди, взятыя у турокъ, пролежали грудами подъ снѣгомъ, за все время, что я пробылъ въ Плевнѣ, т.-е. около двухъ недѣль, также какъ и ящики съ зарядами; эти послѣдніе валялись въ великомъ множествѣ и по самой дорогѣ, и по сторонамъ ея, на нѣсколькихъ верстахъ разстоянія, а такъ какъ никто не прибиралъ ихъ, то проходившія повозки давили и взрывали ихъ сотнями, тысячами.

* * *

Скобелевъ какъ будто былъ выбитъ изъ своей колеи раною К. Болѣе обыкновеннаго онъ былъ нервенъ и безпокоенъ и все отводилъ меня въ сторону.

— Василій Васильевичъ, какъ вы думаете, ладно

у меня идетъ? Какъ на вашъ взглядъ: нѣтъ безпорядка? Графъ К. хорошiй офицеръ, но онъ неопытенъ—боюсь, не вышло бы путаницы!

Я успокоивалъ его, говорилъ, что покамѣсть, какъ мнѣ кажется, все идетъ какъ слѣдуетъ.

— Заняли вы высоты, командующiя переваломъ?

— Да, люди уже посланы туда!

— Приказали имъ окопаться?

— Приказалъ,

— Удостовѣрьтесь, исполнено ли приказанiе!

Удостовѣриться посланъ былъ X., и мнѣ смѣшно вспомнить, какъ этотъ бравый офицеръ, увидя на упомянутыхъ высотахъ людей, принялъ ихъ за турокъ.

Скобелевъ не унимался, все безпокоился:

— Вас. Вас., вы были у Гурко, скажите по правдѣ, больше у него порядка, чѣмъ у меня?

— Порядка не больше, но онъ меньше вашего горячится.

— Да развѣ я горячусь?

— Есть немножко, вонъ въ одно и то же мѣсто послали третьяго ординарца...

Помнится, въ Плевнѣ, когда я только что воротился изъ гвардейскаго отряда, мнѣ случалось въ прiятельской бесѣдѣ съ обоими Скобелевыми и еще однимъ генераломъ защищать Гурко отъ нѣкоторыхъ несправедливыхъ нападокъ, росказней, повторяемыхъ обыкновенно изъ двадцатыхъ устъ. Михаилъ Дмитрiевичъ, неравнодушно относившiйся къ положенiю

Гурко, какъ начальнику стотысясной арміи, заподозрилъ меня въ пристрастіи и разсердился...

Дали знать, что раненъ адъютантъ главнокомандующаго Ласковскій; хотя рану его называли легкою, жаль было отряду потерять этого хорошаго, хладнокровнаго офицера.

Генералъ приказалъ между тѣмъ полковнику Папютину выбить турокъ изъ траншей, подъ самымъ спускомъ, откуда они портили опять не мало нашего народа.

Генералъ Столѣтовъ, одинъ изъ моихъ стариннѣйшихъ знакомыхъ еще по Кавказу, посланъ былъ занять деревню Иметли. Надобно замѣтить, что С. былъ уже полковникомъ, когда М. Д. Скобелевъ надѣвалъ еще только эполеты: теперь первый, въ чинѣ генералъ-маіора, былъ подъ командою у второго, генералъ-лейтенанта и командира отдѣльнаго отрядя и въ оправданіе свое говорилъ:

— За такими рысаками, какъ Скобелевъ, не угоняешься.

Мы провели эту ночь на снѣгу, въ нашемъ ущельи, кругомъ костра, который съ трудомъ поддерживали сырыми прутьями, да и тѣ-то раздобывали съ трудомъ: казаки и вообще нижніе чины кругомъ Скобелева были такая вольница, что ни мало не заботились о немъ, такъ что только, когда, теряя терпѣніе, онъ пускалъ въ ходъ брань и угрозы, они бросались исполнять требуемое. «Чортъ васъ побери, я васъ всѣхъ перепорю», кричалъ онъ обыкновенно въ

такихъ случаяхъ, и только послѣ этого денщикъ его вяло, громко ворча, а другіе, какъ будто и въ серьезъ боясь угрозы, исполняли, что нужно. Угрозы, впрочемъ, не всегда оставались только угрозами, случалось, переходили и въ дѣло; С. давалъ иногда страшныя затрещины, а деньщику Курковскому за грубость ординарцу Х. было въ Плевнѣ всыпано столько горячихъ, что нѣсколько дней онъ буквально едва бродилъ. Это не помѣшало С., сейчасъ же вслѣдъ за экзекуціею, начать снова заигрывать съ своимъ драбантомъ, принимавшимъ, однако, тогда шутки патрона очень мрачно, сдержанно.

Кругомъ костра кромѣ Скобелева было нѣсколько человѣкъ офицеровъ, но Н. Д., нашего браваго и всюду поспѣвшаго корреспондента, что-то не было видно, вѣрно онъ находился въ Иметли. Не знаю, спалъ ли Скобелевъ, пожалуй, онъ и тутъ сумѣлъ заснуть, но я только забывался. Голова была тяжела, на желудкѣ пусто—мы ничего не ѣли и выпили лишь по стакану чая. Особенно тяжело должно было быть раненому Ласковскому, тутъ же на снѣгу валявшемуся въ коротенькомъ полушубкѣ. Рана его была, что называется, очень счастливая: пуля ударила подъ мышку, не попортивъ груди; онъ отправился было даже на утро съ нами осматривать непріятельскую позицію, не слушая совѣтовъ беречься, но я силою воротилъ его, заставилъ уѣхать назадъ въ Габрово, въ госпиталь, къ великому удовольствію и счастію его преданнаго денщика.

Утро было прекрасное. Небольшой турецкій отрядъ стоялъ у насъ подъ горою, какъ будто съ намѣреніемъ помѣшать спуску, но вскорѣ, не попробавъ счастія, отошелъ — кажется, непріятель не блисталъ ни распорядительностью, ни рѣшительностью.

Съ Шейновскихъ батарей открыли орудійный огонь, а съ нашей стороны нечѣмъ было отвѣчать, поэтому, когда Скобелеву дали знать, что по такой дорогѣ невозможно провезти артиллерію, я настоялъ, чтобы хоть нѣсколько орудій было протащено. Генералъ такъ и приказалъ. Покамѣстъ пробовали отвѣчать съ дороги изъ нашихъ горныхъ пушченокъ: снаряды далеко не долетали, но шумъ выстрѣловъ производилъ извѣстный эффектъ, давая знать непріятелю, что и мы съ артиллеріею, и, ободряя своихъ солдатиковъ, съ удовольствіемъ замѣчавшихъ:

— Вона! наша пошла на отвѣтъ—вали!»

Скобелевъ просилъ меня сдѣлать набросокъ мѣстности, съ расположеніемъ турецкихъ войскъ, чтобы пріобщить его къ своему донесенію. Такъ какъ сверху съ дороги, многое было не видно, то я спустился пониже, да и не радъ былъ: пуль летало тамъ такое множество, что, признаюсь, только стыдъ не позволилъ задать сейчасъ же тягу, и я лишь наскоро, съ грѣхомъ пополамъ, набросилъ планъ; при этомъ случаѣ я хватился моего альбома съ рисунками—его не было! а альбомъ-то былъ съ замѣтками отъ Плевны и Горнаго Дубняка до самыхъ послѣднихъ дней. Перебирая въ памяти, гдѣ бы я могъ потерять эту

дорогую для меня вещь, я вспомнилъ, что послѣдній разъ держалъ ее въ рукахъ, когда бросился обнимать раненнаго Куропаткина—выходило, что такъ нѣжничать вдойнѣ не слѣдовало; во-первыхъ, потому, что К. проворчалъ: «что вы цѣлуете-то меня, посмотрите лучше рану», во-вторыхъ, потому, что за этою нѣжностью я выпустилъ изъ рукъ и оставилъ на снѣгу альбомъ свой. Скорѣй бросился я туда искать, но ничего не нашелъ, — оно было и понятно, потому что множество народа коннаго и пѣшаго прошло уже по этому пути и коли не сбили, не сбросили, то конечно замяли мою бѣдную книжку.

При поискахъ моихъ, увидалъ я какое множество солдатъ, казаковъ и лошадей было вчера перебито, главнымъ образомъ, во время памятной рекогносцировки Скобелева. У одного вышиблены были буквально цѣликомъ вся грудь и животъ—хоть бы что въ серединѣ осталось!

Нѣтъ какъ нѣтъ моего альбома; плакалъ онъ вмѣстѣ со всѣми замѣтками, такъ мнѣ нужными для будущихъ работъ, рѣшилъ я мысленно — и въ это время встрѣтилъ знакомаго офицера Владимiрскаго полка.

— Знаете ли, говоритъ онъ—вѣдь нашли альбомъ вашего покойнаго брата; должно быть, турки вынули у него, у мертваго, и занесли сюда въ Иметли.

— Да это, должно быть, мой альбомъ, который я разыскиваю; у кого вы его видѣли?

Онъ назвалъ фамилiю офицера Донского казачьяго

полка и я поскакалъ его искать. Полкъ этотъ спустился въ полномъ составѣ, и Скобелевъ лично разставлялъ его въ долинѣ.

Наконецъ-то я добрался до моей дорогой тетради; оказалось, что солдатикъ поднялъ ее на дорогѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ я рисовалъ и гдѣ отдыхалъ раненый К., взялъ ее съ собою и въ Иметли, въ тѣснотѣ около колодца, снова обронилъ; поднялъ казакъ, передалъ офицеру, а офицеръ передалъ мнѣ!

* * *

Я воротился на мѣсто нашего бивуака; снѣгъ вездѣ таялъ, было очень жарко, меня томила жажда. Остановившіеся на роздыхъ солдаты пили чай; я присоединился къ одному, любезно предложившему мнѣ не чашку, а крышку походнаго котелка, съ чѣмъ-то, похожимъ на чай, но крѣпко отдававшимъ похлебкою.

Въ разговорѣ съ солдатомъ я узналъ, что ихъ скупо надѣляли чаемъ, а особенно сахаромъ; этого послѣдняго выдавали, правда, положенное число кусочковъ, но до того микроскопическихъ, что чай приходидось пить буквально въ наглядку.

. .
. .
. .

Хотя у Скобелева, вообще говоря, все касающееся продовольствія солдатъ велось порядочно, ибо онъ строго смотрѣлъ за этимъ и взыскивалъ, но тѣмъ

не менѣе я сожалѣю, что забылъ сказать ему объ этихъ кусочкахъ сахара—я увѣренъ, что за все остальное время кампаніи они были бы тогда не такъ микроскопичны въ его отрядѣ.

* * *

Я нашелъ Скобелева на спускѣ разговаривающимъ съ княземъ Вяземскимъ, начальникомъ бригады болгарскаго ополченія, если не ошибаюсь, пріѣхавшимъ донести о томъ, что невозможно протащить по этой адской дорогѣ даже и одного орудія. Скобелевъ не настаивалъ болѣе, но я пожелѣлъ; будь это у Гурко, тотъ приказалъ бы провезти, «во что бы то ни стало», и навѣрное были бы протащены хоть два орудія.

Вспоминаю, какъ подъ Этрополемъ мой пріятель генералъ Д. далъ знать Гурко, что «орудія втащить на высоты, какъ было приказано, нѣтъ никакой возможности», на что получилъ лаконическій отвѣтъ: «втащить зубами»,—и орудія были втащены, правда, не зубами, а волами, но вѣдь для дѣла это было безразлично.

Князь В. въ бесѣдѣ со Скобелевымъ доложилъ также, что съ перевала давно уже были на виду, а теперь стали видны и со спуска передовыя части отряда князя Мирскаго, спустившагося въ долину съ другой стороны Шейнова. Дѣйствительно, хотя съ трудомъ, но можно было разсмотрѣть вдали, на бѣлой массѣ снѣга, небольшія темныя черточки—пол-

ки, двигавшіеся по направленію къ Шейнову, т.-е. уже наступавшіе на турокъ; даже слышна была трескотня выстрѣловъ. Скобелевъ разспрашивалъ В. о томъ, какія части онъ встрѣтилъ на пути: спустились изъ 16 пѣхотной дивизіи два полка и спускался третій; кавалерія еще вся была на пути, кромѣ одного полка казаковъ — очевидно, отряду никакъ было не собраться за сегодняшній день.

— Какъ вы думаете, Василій Васильевичъ,—спросилъ меня Скобелевъ, указывая, на тотъ отрядъ,— скоро ли они дойдутъ до Шейнова?

— Коли турки не задержатъ, часа черезъ 2—2½.

— Такъ, пожалуйста, скажите Панютину, чтобы выступалъ въ траншеи!

Я поскакалъ такъ, что мой бѣдный рыжій иноходецъ подумалъ, вѣроятно, что я съ ума сошелъ—скакать, да еще по такой дорогѣ, когда онъ завѣдомо уморился и насилу волочилъ ноги! Приказаніе было слишкомъ давно ожидавшееся, такъ что, еще не доскакавъ до П., я крикнулъ ему сверху:

— Полковникъ Панютинъ, извольте выступать!

Тотъ въ свою очередь обрадовался, не заставилъ повторять себѣ это два раза, а отвѣтивъ только: «Слава Богу!» снявъ фуражку, перекрестился и двинулся впередъ такъ быстро, что когда, обогнувъ большую извилину дороги, я поскакалъ къ нему—онъ уже миновалъ траншеи.

— Генералъ велѣлъ выступить покамѣстъ только до троншеи,—говорю.

— Мы миновали ихъ уже, что же вы раньше не сказали!

— Кто же зналъ, что вы такъ зашагаете...

Смотрю, маршъ-маршемъ несется Скобелевъ прямо къ намъ,

— Василій Васильевичъ. Вы двинули войска за траншеи?

— Я!

— Прикажете остановиться, ваше превосходительство?—спросилъ П.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только что хотѣлъ двинуть васъ дальше; ступайте впередъ, остановлю васъ послѣ, когда будетъ нужно.

У меня какъ гора съ плечъ свалилась!

Выстрѣлы со стороны отряда Мирскаго учащались, стрѣляли уже залпами, слышалось «ура! ура!» нашихъ и «Аллахъ!» турокъ. Очевидно, съ той стороны разгорѣлся уже бой и намъ слѣдовало идти имъ на помощь, но съ чѣмъ? Спустившіяся силы были совсѣмъ ничтожны, а остальная часть двигалась по перевалу очень медленно, на что Скобелевъ страшно бѣсился. Несмотря на то, что онъ посылалъ ординарца за ординарцемъ торопить, кавалерія шла убійственно тихо и совсѣмъ загородила путь остальной пѣхотѣ.

Предполагая, что хотя что-нибудь надобно было бы оставить въ резервѣ, на случай встрѣчи съ слишкомъ неравными силами турокъ, у которыхъ, по свѣдѣніямъ, войска было не мало, пришлось бы начинать бой съ однимъ полкомъ, что, очевидно, было

просто неразумно. Чтобы тѣмъ не менѣе отвлечь часть силъ непріятеля на себя, генералъ демонстрировалъ, построилъ батальоны къ атакѣ и выдвинулъ впередъ горную артиллерію. Такъ какъ пушченки наши продолжали «не хватать», то подрыли имъ передки, еще и еще, и добились, наконецъ, того, что онѣ стали махать прямо въ середку непріятеля. Тамъ крѣпко зашевелились, очевидно, стали готовиться къ встрѣчѣ насъ, особенно когда я уговорилъ П. дать два залпа и прокричать полкомъ «ура»!

Три турецкія орудія отвѣчали намъ; вдоль всей деревни выдвинулась сплошною линіею конная цѣпь, повидимому, черкесовъ.

Мы стояли совсѣмъ близко къ непріятелю и, конечно, не только заставили его отвлечь часть силъ на насъ, но и удержали въ бездѣйствіи не мало ихъ резервовъ.

Скобелевъ рѣшилъ, собравши за ночь всѣ свои силы, нанести завтра туркамъ рѣшительный ударъ. Онъ нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ, и я лично крѣпко одобрялъ это рѣшеніе... Когда Михаилъ Дмитріевичъ подошелъ къ Панютину, стоявшему съ полкомъ въ передней линіи, и сказалъ, что атакуетъ завтра—бравый полковникъ отвѣтилъ:

— Что, ваше превосходительство, теперь Алексѣя Николаевича (Куропаткина) нѣтъ—и толку, кажется, у насъ не будетъ.

Несмотря на то, что это было сказано громко, милѣйшій М. Д. только отвѣтилъ:

— Каково онъ мнѣ льститъ! Подождите, успѣете еще!

У П., очевидно, руки неудержимо чесались; что касается меня, какъ ни ничтожно и мало авторитетно могло быть мое мнѣніе, я такъ-таки полагалъ, что слѣдовало воздержаться отъ атаки съ нашими ничтожными силами. Конечно, всѣ мы чувствовали, что слѣдовало «идти на выстрѣлы» и Скобелевъ мучился болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, но невозможно было сдѣлать это теперь, съ разсчетомъ на успѣхъ— войска не успѣли сойти съ горъ.

* * *

Уже темнѣло. Генералъ велѣлъ съ наступленіемъ ночи отвести войска назадъ; я посовѣтовалъ ему приказать разложить огни по всей линіи прежняго расположенія войскъ съ тѣмъ, чтобы продолжать отвлекать въ нашу сторону вниманіе турокъ. Скобелевъ такъ и сдѣлалъ.

Со стороны другого отряда давно уже стало затихать и теперь все смолкло. Послѣ мы узнали, что онъ имѣлъ тутъ жаркое дѣло.

Чего стоило чуткой, нервной, подвижной натурѣ Скобелева удержаться отъ атаки въ этотъ день—я это знаю, такъ какъ все время былъ съ нимъ. По большей части мы были одни, потому что онъ постоянно отходилъ въ сторону, съ желаніемъ высказать то, что у него было на душѣ, то, что его, видимо, безпокоило, душило:

— Какъ вы думаете, Василій Васильевичъ, хорошо я сдѣлалъ, что не штурмовалъ сегодня? Я знаю, скажутъ, что я сдѣлалъ это нарочно, будутъ упрекать меня въ томъ, что я съ умысломъ не атаковалъ, что не хотѣль помочь; ну, чтожъ! я подамъ въ отставку!!

— О какой отставкѣ вы говорите—успокоивалъ я его—вы сдѣлали то, что должны были сдѣлать, то, что могли. Вы отвлекли на себя часть турецкихъ силъ, но штурмовать съ однимъ полкомъ было не мыслимо...

Къ намъ подошелъ тутъ Столѣтовъ; я взялъ его въ свидѣтели, просилъ его сказать свое откровенное мнѣніе: онъ безъ обиняковъ высказался, что съ такими ничтожными силами идти на крѣпкую позицію было крайне рисковано, если не невозможно.

Скобелевъ какъ будто немного успокоился, но онъ былъ вполнѣ военный человѣкъ и его чутье подсказывало ему, что вышло что-то неладное... что онъ опоздалъ спустится съ горъ и не поспѣлъ на подмогу своимъ.

Онъ много разъ еще возвращался къ тому же:

— Вас. Вас., подите сюда на минуточку; вѣдь я не могъ иначе сдѣлать? ну, что же, ну, оставлю службу, ну, подамъ въ отставку, коли будутъ упрекать!...

Душевно было жаль слушать его оправданія, этотъ плачъ воина, не поспѣвшаго на выручку своихъ!

Онъ обошелъ войска, вездѣ велѣлъ окопаться и

окопаться такъ, какъ если бы предстояло серьезное нападеніе непріятеля, причемъ бесѣдовалъ съ солдатами, воспоминая случаи, гдѣ они пренебрегали окапываться и страдали черезъ это.

Признаюсь, я до сихъ поръ не знаю — была назначена Радецкимъ общая атака обоихъ отрядовъ на этотъ день или нѣтъ? Если да, то, конечно, на Михаилѣ Дмитріевичѣ лежала извѣстная доля отвѣтственности за то, что онъ не спустилъ съ горъ весь отрядъ къ назначенному времени, хотя это и оказалось матеріально невозможнымъ; коли же нѣтъ, то, напротивъ, отвѣтственность на томъ отрядѣ, который атаковалъ, не будучи увѣреннымъ въ томъ, что Скобелевъ въ состояніи поддержать ихъ, что онъ уже успѣлъ спуститься.

Видя крайнюю нервность Скобелева, я предложилъ ему послать сейчасъ же одного изъ его ординарцевъ къ Радецкому съ донесеніемъ о томъ, что сдѣлано и что предстояло сдѣлать завтра, а также для испрошенія инструкцій, если бы таковыя имѣлись — это должно было хоть занять, успокоить его.

— «Да невозможно съѣздить теперь къ Радецкому и воротиться до утра»—отвѣтилъ онъ.

— Напротивъ, я увѣренъ, что возможно; пошлите, Дукмасова, онъ бравый малый; скажите ему, что къ утру завтрашняго дня онъ долженъ воротиться. Исполнитъ — дайте ему крестъ; не исполнитъ — подъ арестъ.

Скобелевъ согласился.

Я отыскалъ Дукмасова, сказалъ ему, чтобы онъ приготовился немедленно ѣхать черезъ горы, и этотъ донецъ-молодецъ, не сморгнувши, пошелъ «справляться». Сказать правду, въ 16—17 часовъ два раза переѣхать черезъ Балканы, да еще подняться на Шипку къ Радецкому и спуститься оттуда. и все это по ужасной дорогѣ, сплошь запруженной войсками—была шутка не легкая, однако, Дукмасовъ исполнилъ это.

Ночевать мы воротились въ Иметли. Вдоль линіи непріятельскихъ позицій, на мѣстахъ бывшагб расположенія нашихъ войскъ, ярко горѣли костры, держа въ безпокойствѣ турокъ.

Въ деревнѣ оказалось много сѣна, но жилыми помѣщеніями она была не богата, такъ какъ большая часть домовъ была разрушена. На бѣду мою, конный болгаринъ, котораго мнѣ дали и у котораго убили на рекогносцировкѣ лошадь, наскучивъ, вѣроятно, таскать мои вещи, либо продалъ, либо бросилъ ихъ и пропалъ самъ; у него были мой бинокль, револьверъ и др. нужныя походныя принадлежности. Особенно жалко мнѣ было револьвера, какъ одной изъ немногихъ вещей, доставшихся мнѣ послѣ убитаго подъ Плевною брата моего Сергѣя.

Долго бродилъ я по деревнѣ между кострами въ поискахъ за болгариномъ—ажъ измучился. Усталый и голодный, пошелъ въ избу, отведенную для Скобелева.

— «Нѣтъ дома».

Побродивши еще, снова зашелъ.

— «Все еще не приходилъ».

Ну, думаю, дождусь, иначе совсѣмъ плохо, ѣсть нечего. «Теперь, должно быть, скоро будетъ, говорилъ казакъ его, ужинъ готовъ».

У меня слюнки текли.

Вотъ, должно быть, и онъ: слышны у калитки шаги; въ страшной темнотѣ Скобелевъ наткнулся на казака и, должно быть, подъ вліяніемъ недовольства сегодняшнимъ днемъ, ударилъ его такъ сильно, что тотъ съ ногъ слетѣлъ.

— Что ты мнѣ подъ ноги лѣзешь, скотина.

Потомъ, разглядѣвши меня: «это кто тутъ такой? Ахъ, это вы, Василій Васильевичъ.—Ну, извини, голубчикъ,—продолжалъ Михаилъ Дмитріевичъ, обращаясь къ казаку, — поцѣлуй меня, не сердись!.. Пойдемте, В. В., поболтаемъ за ужиномъ. Эй! дайте бутылку шампанскаго».

Пьяницей Скобелевъ никогда не былъ, но шампанское очень любилъ, пожалуй, даже слишкомъ, и дядя его, всесильный тогда графъ А., снабжалъ его иногда ящиками такого хорошаго вина, о какомъ мы могли только мечтать и грезить. Въ Плевнѣ, помню, онъ увѣрялъ, что уже допиваемъ послѣднія бутылки, что черезъ горы онъ не потащитъ ни одной, но, очевидно, это была только военная хитрость—такъ какъ нашлась еще завѣтная бутылочка, а завтра, если турки будутъ основательно побиты, найдется, вѣроятно, и еще одна. Собесѣдникъ мой былъ однако смущенъ,

во-первыхъ, думаю, неотвязною мыслью о томъ, что онъ не успѣлъ атаковать сегодня турокъ и что его обвинятъ въ намѣреніи провалить Мирскаго, а во-вторыхъ, и тѣмъ отчасти, что я былъ невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ ни за что, ни про что полетѣлъ съ ногъ бѣдный казакъ. Такъ разговоръ нашъ и вертѣлся опять болѣе на неразумности атаки съ малыми силами, на предположеніяхъ о томъ, что было сегодня въ другомъ отрядѣ и проч.

Я не зналъ гдѣ пріютиться на эту ночь и очень обрадовался, когда нечаянно набрелъ на избушку, занятую ординарцами Скобелева. У нихъ былъ разведенъ огромный огонь въ каминѣ; на полу, въ повалку, мы отлично выспались.

Вся молодежь, окружавшая Скобелева, была далеко не модная, но она была хорошо обстрѣлена, невзыскательна и ежедневно порхала и летала через всевозможныя опасности—истинно, боевая молодежь.

* *
*

На слѣдующій день я всталъ до свѣта и сейчасъ же поѣхалъ на передовую линію, въ сопровожденіи казака, котораго, по распоряженію Скобелева, дали мнѣ изъ донскаго полка, такъ какъ мой кубанецъ, все еще «справлялся» и не являлся. Было сыро, стоялъ туманъ, кругомъ догорали солдатскіе костры. Скобелевъ что-то не торопился начинать дѣла, можетъ быть дожидался Д. съ Шипки отъ Радецкаго. Уже совсѣмъ разсвѣтало, когда я въѣхалъ на одинъ изъ

кургановъ вмѣстѣ съ Харановымъ, ординарцемъ Скобелева, для наблюденія за непріятелемъ. Бравый товарищъ мой, осетинскій офицеръ, не былъ расположенъ къ писанію, почему я доносилъ генералу, время отъ времени, на лоскуткахъ записной книжки о томъ, что мы передъ собою замѣчали въ движеніяхъ непріятеля.

Снизу мгла поднялась уже и деревня Шейнова съ турецкими редутами и траншеями ясно открылась, но Шипка и всѣ горы были все еще на половину въ облакахъ. Въ это время, какъ и всю ночь, у насъ въ долинѣ и наверху на Шипкѣ то и дѣло раздавались одиночные выстрѣлы, когда чаще, когда рѣже, но вяло, нехотя, безъ увлеченія—очевидно, съ обѣихъ сторонъ ждали, готовились.

Скоро съ другой стороны деревни Шейнова перестрѣлка стала усиливаться—у того отряда, должно быть, снова завязывалось дѣло; у насъ все еще было смирно.

Не мало посмѣялись мы съ Х. надъ нашимъ страхомъ быть отрѣзанными отъ отряда, а пожалуй и захваченными въ плѣнъ. Насъ было только 3—4 человѣка и мы были очень далеко впереди своихъ. Когда туманъ еще не поднялся, мы замѣтили 10 или 12 черныхъ предметовъ, выдѣлившихся изъ линіи турецкой кавалеріи и приблизившихся къ намъ; вотъ они остановились, повидимому, осмотрѣлись и затѣмъ дружно, шеренгою направились далѣе на перерѣзъ нашему сообщенію съ отрядомъ; мы уже приготови-

лись отступать, чтобы не дать себя отрѣзать, когда туманъ разсѣялся и оказалось, что предполагаемые враги—казавшіеся во мглѣ внушительными, большущими—были здоровенныя собаки, рыскавшія за остатками солдатскихъ ужиновъ. Хорошо, что я не приписалъ Скобелеву въ запискѣ: партія черкесовъ отдѣлилась отъ цѣпи и направилась... и проч., вотъ бы засмѣялъ онъ насъ послѣ; а смѣялся онъ звонко, громко, съ какимъ-то прихрипомъ: кхе-кхе-кхе-кхе!

Въ томъ отрядѣ перестрѣлка очень усилилась,—очевидно опять разгоралась сильная битва. Я только что написалъ и послалъ генералу предложеніе сдѣлать поискъ къ сторонѣ Шейнова, для отвлеченія силъ непріятеля, какъ показался вдали генеральскій значекъ, а вскорѣ прискакалъ казакъ отъ Скобелева: онъ приказалъ намъ отойти—и началъ бой.

Изъ большихъ орудій такъ-таки и не притащили ни одного. Говорятъ, болгарское ополченіе, перетаскивавшее ихъ, выбилось изъ силъ, но ничего не могло подѣлать. Я продолжаю думать, однако, что оно боялось, за этою неблагодарною для него работою, опоздать къ рѣшительному бою, почему и не довершило начатаго дѣла и что у Г. ногтями ли, зубами ли, орудія были бы доставлены. Пришлось опять ограничиться горными пушченками. За то кавалерія спустилась вся, т.-е. полкъ московскихъ драгунъ, полкъ петербургскихъ уланъ и 2 полка донцовъ; изъ пѣхоты — стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе и всѣ полки 16 дивизіи: Углиц-

кій, Казанскій, Суздальскій, Владимірскій—хорошіе полки, знакомые Скобелеву по Плевненскимъ битвамъ.

Два послѣдніе, какъ особенно пострадавшіе подъ Плевною, отдыхали, стояли въ резервѣ.

Теперь отрядъ былъ въ сборѣ; сегодня была увѣренность въ силѣ, а слѣдовательпо и въ успѣхѣ—сегодня разговоръ начался иной.

* *
*

Первые пошли въ атаку стрѣлковая бригада и болгарское ополченіе, на правое крыло турокъ. Поднялась страшная трескотня: ура! ура! ура! Аллахъ! Аллахъ!...

Въ это время подъѣхалъ Дукмасовъ, подбоченясь, съ улыбочкою, но съ сильно подбитою. почернѣвшею физіономіею—это онъ съ размаха треснулся на перевалѣ о дерево.

— Радецкій совершенно одобряетъ все, что я сдѣлалъ,—сказалъ мнѣ Скобелевъ, показывая только что полученную записку.—Лицо его при этомъ сіяло искреннимъ удовольствіемъ.—Вотъ видите! отвѣтилъ я ему

. .

Пока шла атака праваго фланга турокъ, кавалерія наша была отправлена въ обходъ лѣваго, наперерѣзъ ихъ сообщенію съ Казанлыкомъ. Тутъ прежде всего сказалась выгода того, что въ дѣло были пущены всѣ силы отряда; даже въ лучшемъ случаѣ, наканунѣ, турки только отступили бы, такъ какъ не

было кавалеріи, чтобы отрѣзать имъ путь. Сегодня же имъ предстояло или разбить, отогнать насъ, или сдаться, потому что идти назадъ было нельзя; тамъ были наши драгуны, уланы и казаки.

Тѣмъ временемъ масса раненыхъ тянулась отъ нашего лѣваго крыла, пошедшаго въ атаку; число ихъ дѣлалось все больше и больше; вотъ уже отходятъ цѣлыми кучками... Что это? Смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю: вонъ десятки, сотни, сначала пятятся, потомъ поворачиваются... отступаютъ... Весь отрядъ отступаетъ—нѣтъ сомнѣнія, наши отбиты!

— Михаилъ Дмитріевичъ! — говорю — вѣдь наши отбиты на чисто!

Не отводя глазъ отъ бинокля, Скобелевъ такъ и впился въ мѣсто битвы.

— Это бываетъ,— отвѣтилъ онъ какъ-то странно шутливо.

Онъ вызвалъ немедленно Панютина съ Углицкимъ полкомъ. «Съ Богомъ, проходите впередъ, я дамъ знать, когда начинать».

— Слушаюсь-съ, — отвѣтилъ тотъ, молча снялъ шапку, перекрестился; молча сняли шапки и перекрестился слѣдомъ за командиромъ весь полкъ.

Какъ я замѣтилъ уже раньше, у Панютина давно чесались руки, поэтому опять онъ не заставилъ два раза повторять приказаніе—такъ и зашагалъ.

— «Жидовъ сюда»,— скомандовалъ Скобелевъ — это значило: «музыку сюда», такъ какъ большинство музыкантовъ обыкновенно изъ евреевъ.

Подъ музыку, равняясь какъ на ученьѣ, съ развернутыми знаменами, прошли впередъ углицкіе баталіоны, весело отвѣчая на привѣтствіе генерала.

— Если отобьютъ Панютина, я самъ поведу войска,—сказалъ Скобелевъ, снова занявшійся биноклемъ.

Мнѣ приходилось быть во многихъ сраженіяхъ, но, признаюсь, никогда еще не доводилось видѣть такой стройной, правильной атаки: «Долина Розъ» приняла видъ «Царицына луга» въ день смотра: наступавшіе шли подъ звуки маршей, въ резервныхъ полкахъ играли «Боже Царя Храни» и «Коль славенъ». Только одинъ баталіонъ изъ резервовъ, шедшихъ занять мѣсто атаковавшихъ, несъ знамя въ чехлѣ, — я подъѣхалъ и приказалъ «развернуть знамя».

— По чьему приказанію?— спросилъ адъютантъ.

— Генерала Скобелева.

Михаилъ Дмитріевичъ увѣрялъ потомъ, что онъ былъ умница въ этотъ день, держался внѣ огня, но, очевидно, это надобно было понимать относительно: насъ просто обсыпало гранатами. Турки стрѣляли сначало по резервамъ, но потомъ замѣтили нашу группу и съ полдюжины гранатъ ударилось такъ близко отъ Скобелева, что онъ потерялъ терпѣніе и сердито закричалъ на столпившихся около него казаковъ съ лошадьми:

— Да разойдитесь вы, чортъ бы васъ побралъ, перебьютъ васъ всѣхъ, дураковъ!

Неутомимый графъ Келлеръ, уѣхавшій куда-то распоряжаться, долго не возвращался и мнѣ пришлось

написать нѣсколько приказаній Скобелева — чистое наказаніе. Помню, что онъ велѣлъ перемѣнить заключительную фразу записки, посланной начальнику кавалеріи, генералу Дохтурову, написанную въ смыслѣ совѣта дѣйствовать рѣшительнѣе. Побудило меня написать эту фразу то, что на нашихъ глазахъ одна изъ кавалерійскихъ колоннъ, отъ удара въ середину ея гранаты, шарахнулась въ сторону и затѣмъ пріуменьшила шагъ.

— Это старый генералъ, — сказалъ мнѣ Скобелевъ,—я не могу такъ писать ему.

Еще помню, что въ запискѣ къ генералу Мирскому я забылъ выставить число и часъ, за что хозяинъ разсердился на меня. Кстати подъѣхалъ графъ Келлеръ.

— Что это васъ никогда нѣтъ,—обрушился на него С.,—пишите скорѣе...

Я радъ былъ, что дешево отдѣлался, и принялся рисовать—это было мнѣ сподручнѣе.

Панютинъ былъ уже впереди, но еще не начиналъ рѣшительной атаки и Скобелевъ послалъ ординарца П. съ приказаніемъ «начать штурмъ».

Стоя въ это время близко, я прибавилъ: «да скажите, чтобы резервы держалъ недалеко!» Генералъ опять осерчалъ;

— Да, Василій Васильевичъ, вѣдь не учить же людей, когда они идутъ въ огонъ!

А почему бы и нѣтъ — думалось мнѣ — учить не учить, а посовѣтовать...

Много позже, годъ спустя, когда я ѣздилъ снова въ Болгарію, встрѣтился мнѣ въ Шейново стрѣлковый офицеръ капитанъ Кашталинскій, имѣвшій репутацію очень храбраго и распорядительнаго. Я спросилъ его, почему они были отбиты,—онъ отвѣчалъ буквально: «потому, что резервы были далеко; солдаты пошли очень хорошо, но, встрѣтивши сильный отпоръ, оглянулись, видятъ поддержка далеко — и пошатнулись».

Панютинъ пошелъ храбро; сохраняя порядокъ, подошелъ онъ къ турецкимъ траншеямъ, на близкое разстояніе не стрѣляя, только по временамъ приказывая своимъ людямъ ложиться.

— Смотрите на Панютина! Михаилъ Дмитріевичъ,— говорю Скобелеву,—какъ славно онъ идетъ, онъ совсѣмъ молодцомъ!

— Я вамъ скажу,—отвѣтилъ Скобелевъ, отнявши на минуту бинокль отъ глазъ и поворачиваясь,—«Панютинъ—это бурная душа!»

Такъ и вижу милаго Скобелева въ сюртукѣ и пальто на распашку, какъ онъ, широко разставивши ноги, сабля, отброшенная на отмахъ, слѣдитъ въ бинокль за ходомъ битвы. По временамъ, не перемѣняя позы, отдаетъ приказанія или, когда дѣлается очень жарко, т.-е. по немъ начинаютъ крѣпко стрѣлять, снова посылаетъ «къ чорту» жмущихся въ кучку казаковъ съ лошадьми; значекъ его крѣпко привлекаетъ выстрѣлы—и значекъ посланъ «къ чорту».

* * *

Передъ нами синею полосою рисовалась дубовая роща, въ которой расположена деревня Шейнова; оттуда поминутно показывались отдѣльные дымки орудійныхъ выстрѣловъ и стлался сплошной дымъ ружейныхъ. Налѣво тяжелыя бѣлесоватыя тучи застилали верхнюю половину всѣхъ горъ, въ томъ числѣ и Шипки; съ той стороны тоже слышался теперь гулъ орудій и трескотня ружей: очевидно, Радецкій рѣшился таки атаковать съ фронта.

Я сдѣлалъ набросокъ поля битвы, намѣтилъ мѣста турецкихъ орудій, мѣсто штаба Скобелева и проч. Пока я писалъ, помню, осколокъ гранаты, уже потерявшій отчасти силу, но еще способный перебить ногу, катился по направленію къ моему стулу: я смотрѣлъ на него и загадывалъ, докатится или не докатится? докатился и остановился у самыхъ ногъ,— любезно! Осколокъ этотъ хранится у меня.

Въ поддержку угличанамъ Скобелевъ послалъ казанцевъ, которые должны были ударить лѣвѣе Панютина въ центръ турокъ.

— Съ Богомъ, братцы, да плѣнныхъ не брать!

— Рады стараться, ваше превосходительство.

«Плѣнныхъ не брать» въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ: «колоть всѣхъ безъ пощады».

Я напомнилъ Скобелеву эту фразу на другой день.

— Зачѣмъ вы это сказали?

— Да будто я это сказалъ? — спросилъ онъ съ удивленіемъ. Очевидно, фраза эта просто сорвалась у него съ языка, но туркамъ отъ нея не поздоровилось.

Угличане, а за ними казанцы совершенно выбили непріятеля изъ траншей и редутовъ—казанцы довершили работу первыхъ. Панютинъ, взявши въ руки знамя, самъ велъ солдатъ и, конечно, онъ своей отвагой въ значительной мѣрѣ рѣшилъ участь сраженія.

Замѣчательно, что тотъ же самый полкъ, здѣсь ни на минуту не замявшійся, шедшій впередъ, ложившійся, снова шедшій впередъ, снова ложившійся, какъ на ученьѣ,— подъ Плевною, предводительствуемый N. N., какъ засѣлъ въ виноградникахъ, такъ и не вышелъ изъ нихъ—до такой степени храбрость солдатъ зависитъ отъ храбрости командира.

Было очевидно, что битва выиграна. Скобелевъ сдѣлался менѣе нервенъ, смѣялся, шутилъ. Когда подошелъ С., я шепнулъ Скобелеву, чтобы онъ помирился съ нимъ, и Михаилъ Дмитріевичъ протянулъ руку: «ну, помиримся, ну, не сердитесь»... Хотя старикъ и упирался сначала, но въ концѣ концовъ «превосходительства» обнялись и поцѣловались.

Дѣло въ томъ, что еще во время атаки болгаръ Ст., подошедшій къ Скобелеву съ какимъ-то замѣчаніемъ, услышалъ отъ него вмѣсто отвѣта: «подите прочь отъ меня!» Я совсѣмъ пораженъ былъ такою необычайною рѣзкостью и спросилъ, что это значитъ; за что это?

— А за то,—отвѣчалъ Скобелевъ,—что онъ не на мѣстѣ: коли его часть идетъ въ атаку, такъ его мѣсто тамъ, а не здѣсь, около меня; я этого не люблю...

Но болѣе всего попало за время этого сраженія

отъ скобелевскаго сердца пріятелю моему Н. Д.: Воротившись отъ атакующихъ, не успѣлъ онъ обратиться съ чѣмъ-то къ генералу, какъ тотъ освирѣпѣлъ:

— Василій Ивановичъ, пожалуйста, уйдите прочь!

Н. Д. отъѣхалъ въ сторону.

— Нѣтъ, совсѣмъ, совсѣмъ прочь!

Н. Д., впрочемъ, былъ и послѣ пріятелемъ Скобелева, не любившаго терять дружбу талантливыхъ людей.

* * *

Было уже, кажется, около 2-хъ часовъ, когда привели или, вѣрнѣе, приволокли къ Скобелеву плѣннаго пѣхотнаго турецкаго офицера, на лошади, сообщившаго, что ихъ дѣло окончательно проиграно, все бѣжитъ, спасается отъ погрома, полнаго, рѣшительнаго.

Съ офицеромъ этимъ хорошо обошлись и онъ потомъ нѣсколько дней ѣздилъ въ свитѣ Скобелева, гдѣ ему понравилось; онъ сданъ былъ подъ покровительство X., съ которымъ вмѣстѣ ѣлъ, пилъ, спалъ и галопировалъ за бѣлымъ генераломъ. Послѣ главнокомандующій, замѣтившій въ свитѣ Скобелева этого страннаго ординарца, сказалъ М. Д.:

— Смотри, онъ у тебя не сбѣжалъ бы?

— Нѣтъ, ваше высочество, не сбѣжитъ, — отвѣчалъ Скобелевъ. И точно, плѣнный такъ привязался къ генералу, что его потомъ насилу могли отослать.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ во весь опоръ прискакалъ казакъ:

— Ваше превосходительство! турки выкинули бѣлый флагъ!...

Генералъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ Шейново. Мы летѣли стремглавъ черезъ множество убитыхъ; чѣмъ ближе къ деревнѣ, тѣмъ болѣе попадалось тѣлъ, сначала нашихъ, а потомъ и турокъ, которыя грудами наполняли траншеи и батареи; орудійная прислуга и защищавшая ее пѣхота, очевидно, остались при мѣстахъ и были переколоты—солдаты наши буквально исполнили приказаніе Скобелева. Проскакавши часть Шейнова, мы поворотили налѣво, несясь на удачу, не зная, гдѣ турецкій главнокомандующій и его бѣлый флагъ. Н. Д., помню, зацѣпился за дерево и чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла; тѣмъ не менѣе онъ былъ, видимо, счастливъ и цвѣлъ удовольствіемъ. Очень талантливый литераторъ и на диво сколоченный натурою человѣкъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ корреспондентовъ, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, и рѣшительно всюду поспѣвалъ на своей маленькой юркой лошадкѣ, имѣвшей, по его словамъ, какія - то особенныя качества,—не послѣднимъ изъ нихъ, конечно, была выносливость, способность таскать на такихъ тщедушныхъ четырехъ ногахъ такую плотную, вѣскую фигуру.

Намъ попались толпы плѣнныхъ и, кромѣ того, Скобелеву донесли, что кавалерія отрѣзала дорогу

6,000 турокъ, отступившихъ было къ Казанлыку. Попались наши солдаты въ такомъ безпорядочномъ видѣ, такими толпами, что начальству ихъ тутъ же крѣпко досталось отъ генерала. Встрѣтился и Панютинъ, совершенно охрипшій, но, несмотря на это, шумѣвшій еще болѣе обыкновеннаго; это, впрочемъ, легко объяснялось возбужденіемъ дня—отъ старшихъ офицеровъ до солдатъ, всѣ участвовавшіе въ дѣлѣ какъ будто сговорились охрипнуть сегодня. Панютинъ потерялъ за штурмъ много народа; когда ему говорили потомъ объ убыли изъ полка полутораста или двухсотъ человѣкъ, онъ презрительно махалъ рукою, дескать, «не стоитъ съ вами и разговаривать, у меня выбыло 350!»

Масса труповъ валялась кругомъ, также какъ и всякаго оружія. Долго ли, коротко ли носились мы въ пространствѣ—то направо, то налѣво—въ поискахъ за турецкимъ главнокомандующимъ; наконецъ, выбѣжалъ на встрѣчу Скобелеву стрѣлковый полковникъ Z. съ саблею Весселя-паши.

— Гдѣ же онъ самъ?

— Вонъ подъ большимъ курганомъ, въ маленькомъ баракѣ!

Этотъ большой курганъ былъ сверху до низу покрытъ турецкими солдатами, побросавшими свои ружья и аммуницію и апатично ожидавшими своей участи—на всѣхъ лицахъ было какъ бы написано: «хуже того, что было, не будетъ». Подъ курганомъ крошечный деревянный баракъ, передъ дверями котораго

стоялъ пожилой турецкій генералъ, брюнетъ, съ сильною просѣдью, съ суровымъ нахмуреннымъ лицомъ, что называется «туча-тучею»—это и былъ Вессель-паша, главнокомандующій шипкинскою турецкою арміей. Сзади и кругомъ него было множество офицеровъ, человѣкъ 50, я думаю, и между ними 4 пашей.

Немного не доѣзжая до турокъ, Скобелевъ круто остановилъ коня и послалъ имъ сказать, «чтобы подошли къ нему». Еще болѣе нахмуренный двинулся Вессель-паша, за нимъ паши и всѣ офицеры.

Михаилъ Дмитріевичъ началъ говорить очень любезно, попробовалъ, для позолоты пилюли, хвалить храбрость его войскъ, но ни одна морщина не разгладилась на челѣ побѣжденнаго воина; онъ молчалъ и злобно глядѣлъ на Скобелева; также непривѣтливо смотрѣли и всѣ офицеры. Тогда Скобелевъ перемѣнилъ тонъ разговора.

Прежде всего онъ обратился ко мнѣ и тихо сказалъ:

— Поѣзжайте скорѣе къ генералу Томиловскому, скажите, чтобы онъ ни мало не медля отвелъ плѣнныхъ отъ ружей. Я имѣю свѣдѣніе, что Сулейманъ-паша идетъ сюда изъ Филиппополя, и боюсь, что, при первомъ извѣстіи объ этомъ, турки снова схватятся за оружіе! чтобы онъ сдѣлалъ это быстро и толково, слышите!

Я поскакалъ, передалъ приказъ съ поясненіемъ и на возвратномъ пути въѣхалъ на большой курганъ,

снялъ себѣ на память развѣвавшійся на немъ бѣлый флагъ; это былъ большой кусокъ бѣлой полушерстяной, полушелковой матеріи съ полосами, какъ разъ пригодный для украшенія моей мастерской—но увы! не будучи въ состояніи таскать его съ собою, покамѣстъ, съ дозволенія Харанова, я передалъ эту «находку» его денщику, а тотъ, конечно, съ дозволенія же своего барина, потерялъ его.

Турки съ великою боязнью слѣдили за тѣмъ, какъ я снималъ флагъ, представлявшій наглядный конецъ ихъ теперешнихъ бѣдствій, и думали, можетъ быть, что за симъ послѣдуетъ избіеніе ихъ.

Скобелевъ рѣзко обратился къ Весселю, все еще имѣвшему сердитую гримасу на лицѣ.

— Сдается ли Шипка?

— Этого я не знаю!

— Какъ не знаете? да вѣдь вы главнокомандующій!

— Да! Я главнокомандующій, но не знаю, послушаютъ ли они меня.

— А если такъ, то я сейчасъ же атакую Шипку—и, чтобы подтвердить угрозу дѣломъ, онъ приказалъ двинуть по направленію къ перевалу резервную бригаду, Суздальскій и Владимірскій полки.

Сказать правду, угроза атаковать Шипку, эти страшныя снѣжныя громады, высившіяся надъ нами, да еще одною бригадою была, просто, смѣшна и турки должны были быть очень удручены, коли приняли ее въ серьезъ; тѣмъ не менѣе, между турецкими

офицерами произошло движеніе, они перебросились нѣсколькими фразами и Вессель заговорилъ уже помягче:

— Постойте, постойте, я пошлю туда моего начальника штаба.

Этотъ начальникъ штаба, полковникъ, вмѣстѣ съ нашимъ генераломъ Столѣтовымъ, говорившимъ по-турецки, отправились на перевалъ. Впрочемъ, еще ранѣе бравый Харановъ вызвался слетать туда и сообщить Радецкому о результатѣ битвы.

Въ ожиданіи отвѣта, бригада все-таки двинулась къ горамъ, подъ музыку, церемоніально, на большихъ дистанціяхъ, чтобы войска казалось больше! Мы, а за нами и турецкіе офицеры, съ Весселемъ во главѣ, тронулись туда же. По дорогѣ я сказалъ Скобелеву:

— Помните, вы сомнѣвались, не дурно ли вы дѣлаете, собирая всѣ силы для удара — смотрите, какой результатъ, какой разгромъ!...—Онъ молча слушалъ съ довольнымъ видомъ.—А все-таки вы еще горячились...

— Будто я горячился.

— Положительно, хотя и меньше, чѣмъ прежде...— Опять онъ смотрѣлъ довольно, спокойно, нервность уменьшилась.

Генералъ опять поразослалъ своихъ ординарцевъ а нѣкоторые и сами куда-то улетучились, такъ что мнѣ опять пришлось развозить его приказанія. Когда мы двигались къ горамъ за Скобелевымъ, были только Н. Д., казакъ со значкомъ и я, что, вѣроят-

но, не мало смущало пашей, видѣвшихъ русскаго героя, передъ которымъ они положили оружіе, въ такомъ мизерѣ, почти безъ свиты. Они, кажется, сомнѣвалися ужъ, настоящій ли это Скобелевъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ пашей допрашивалъ меня о чинахъ и отличіяхъ нашего генерала, при чемъ, повидимому, его смутило то, что побѣдитель ихъ только генералъ-лейтенантъ, а не полный генералъ. Я не могъ не улыбнутъся тому, что когда я передалъ ихъ начальнику штаба какое-то приказаніе, по-французски онъ, оглядѣвши мой полувоенный, полуштатскій нарядъ, спросилъ:

— Позвольте узнать, вы кто такой?

— Я—секретарь генерала!

На мнѣ была короткая румынская шуба на длинномъ бѣломъ бараньемъ мѣху, большая казачья папаха и шашка черезъ плечо. Только офицерскій Георгіевскій крестъ сглаживалъ немного излишнюю живописность этого костюма.

Скобелевъ серьезно побаивался, какъ бы шипкинскій турецкій генералъ не заупрямился, особенно въ виду настойчивыхъ слуховъ, сообщаемыхъ со всѣхъ сторонъ болгарами, о движеніи сюда Сулеймана-паши,—слуховъ, вѣроятно, дошедшихъ и до турокъ и оказавшихся вѣрными лишь на половину: Сулейманъ, дѣйствительно, двигался со стороны Филиппополя, но не побѣдоносно, а отступая, разбитый генераломъ Гурко.

* *
*

Очевидно, отвѣта съ Шипки нельзя было ждать скоро, и мы помѣстились на перерѣзѣ дороги туда.

Скобелевъ объѣхалъ ряды и вездѣ говорилъ съ солдатами, больше пріятельски, чѣмъ начальнически:

— Вотъ, видите, братцы, я всегда говорилъ вамъ, слушайте своихъ начальниковъ; сегодня вы исправно исполнили приказаніе и сдѣлали дѣло, какъ слѣдуетъ—то же самое будетъ впереди...

Шипка сдалась, въ концѣ концовъ, безъ протеста, но извѣстіе объ этомъ получено было поздно, мы не дождались его и уѣхали за Скобелевымъ домой. Дорогой наткнулись на смѣшную сцену: милѣйшій Д., такъ исправно исполнившій трудное дѣло поѣздки черезъ Балканы и обратно, не утерпѣлъ, чтобы не проявить свою казацкую сноровку также и здѣсь: куда-то запропастившійся, онъ вдругъ оказался на дорогѣ и не одинъ, а тянулъ за узды двухъ большихъ, красивыхъ, сѣрой шерсти, коней, взятыхъ изъ турецкаго артиллерійскаго парка. Увидя Скобелева, онъ очень сконфузился, сталъ дергать лошадей изо всей силы, а тѣ, испуганныя нашимъ приближеніемъ, какъ нарочно, уперлись и загородили дорогу—картина! Скобелевъ отвернулся и объѣхалъ злополучную группу; мы посмѣялись отъ души.

Изъ отряда Мирскаго пріѣхалъ С. и сталъ горячо уговаривать Скобелева съѣздить къ князю, какъ къ болѣе старшему годами. Послѣ нѣкотораго колебанія М. Д. согласился и мы поскакали на ту сторону деревни Шейново, гдѣ среди поля сидѣлъ передъ столомъ

скрестивъ на груди руки генералъ М. Когда Скобелевъ подскакалъ и сойдя съ лошади подошелъ къ столу, генералы обнялись

Михаилъ Дмитріевичъ занялъ маленькій деревянный баракъ Весселя-паши. Я уѣхалъ ночевать въ Иметли, такъ какъ онъ просилъ навѣстить отъ его имени раненаго генерала Z., командира 1-ой бригады 16-й дивизіи, перешедшей теперь временно въ команду Панютину. Раненъ былъ также въ руку графъ Толстой, помощникъ Столѣтова по командованію болгарскимъ ополченіемъ. Вяземскій кажется остался цѣлъ. Вообще говоря, потери наши были значительныя. У болгаръ, дравшихся отчаянно, много выбыло изъ строя; Панютинъ, какъ уже сказано, потерялъ свыше 300 человѣкъ. Стрѣлки потеряли еще больше—и ихъ бравый начальникъ Меллеръ-Закомельскій не могъ нахвалиться ими.

По поводу стрѣлковъ я скажу здѣсь нѣсколько словъ: они образуютъ отдѣльные баталіоны, идущіе впереди другихъ пѣхотныхъ частей, при началѣ дѣла, а затѣмъ обыкновенно и при самой атакѣ; вслѣдствіе этого и потери ихъ бываютъ значительнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ. Въ гвардейскомъ отрядѣ эти сравнительно большія потери стрѣлковъ вызвали неудовольствіе высшихъ начальниковъ и рѣшено было поберегать стрѣлковъ. Какимъ образомъ?—вести ихъ впереди при началѣ дѣла, но пускать въ атаку лишь въ случаѣ нужды, по возможности послѣ другихъ частей, что я нахожу непрактичнымъ: моментъ атаки не всегда можетъ быть съ точностъю опредѣленъ впе-

редъ, часто начальникъ выбираетъ удобную минуту, зависящую какъ отъ состоянія непріятеля, такъ и отъ настроенія своихъ солдатъ; воротить передовую часть, когда она только что вошла въ задоръ, разошлась, когда у нея раззудились руки, кажется мнѣ не выгоднымъ для дѣла. Говорятъ, стрѣлки дороги, ихъ надобно беречь, потому что обученіе ихъ труднѣе, чѣмъ другихъ частей пѣхоты—правда, но за то и обезкураживать солдатъ въ рѣшительную минуту—опасно! Лучше всего, конечно, вовсе не воевать, но ужь если драться, такъ ничего не жалѣть.

* *
*

По дорогѣ въ Иметли я побродилъ еще по полю битвы. Удивительно было, что траншейные рвы оказались заваленными убитыми: я объяснялъ себѣ это тѣмъ, что укрѣпленія были не готовы; турки только еще работали надъ ними, когда наши пошли въ атаку, поэтому, не разсчитывая на защиту такихъ ничтожныхъ работъ, они встрѣтили нашихъ не за укрѣпленіями, а впереди ихъ.

Въ одномъ мѣстѣ, смотрю, возятся солдатики около огромнаго турка: онъ еще не умеръ, о чемъ даетъ знать тяжелыми вздохами и мычаніемъ, но воины наши не обращаютъ на это ни малѣйшаго вниманія, выворачиваютъ ему всѣ карманы, подпарываютъ куртку и всѣ складки; поднимаютъ его, снова бросаютъ на земь и ворочаютъ, какъ куль съ мукою; бѣдняга не то стонетъ, не то рычитъ! А какой здоровенный дѣ-

тина этотъ турокъ, кабы ему да силы—какъ бы онъ сумѣлъ расправиться съ искателями сокровищъ!

Батареи праваго непріятельскаго фланга буквально наполнены мертвыми тѣлами; лошадь моя шарахнулась, отказалась войти въ середину этого мертваго круга; внутри одни турки—ихъ тутъ просто кололи; внѣ— въ перемежку наши и турки,—здѣсь еще дрались.

Одинъ трупъ невольно привлекалъ вниманіе: молодой человѣкъ, что называется зеленый юноша, изъ вольноопредѣляющихся, лежалъ поотдаль отъ другихъ, навзничь, руки и ноги шибко раскинуты, глаза широко открыты и смотрятъ на небо — видно, убитъ наповалъ. Сапоги, какъ самая нужная въ походѣ вещь, сняты, карманы выворочены и письма въ огромномъ количествѣ разбросаны вокругъ — искали, очевидно, не корреспонденцію его. Впрочемъ, золотой крестикъ и образокъ, на золотой же цѣпочкѣ, были не тронуты—доказательство того, что ограбившіе трупъ были не турки.

Я подобралъ всѣ эти письма, заглянулъ въ нихъ и узналъ, что это юноша изъ дворянской семьи съ юга Россіи, собиравшійся было служить въ акцизномъ вѣдомствѣ, но, по объявленіи войны, возгорѣвшій желаніемъ послужить родинѣ на полѣ брани. Вся нѣжность матери сказалась въ этихъ письмахъ: она благословляла его несчетное число разъ, умоляла беречь себя, извѣщала о посылкѣ ему съ оказіею любимаго имъ варенья и проч. Пробѣгая эти письма, я стоялъ около молодого человѣка и, по

временамъ, взглядывалъ на него; можно было подумать, что онъ прислушивается къ моему чтенію вѣстей съ родины, такъ пытливо смотрѣли вверхъ его широко раскрытые, хотя и помутнѣвшіе глаза, такое удивленіе, вмѣстѣ съ глубоко затаенною печалью, сказывалось на его хорошенькомъ личикѣ нѣжнаго цвѣта, съ едва пробивающимися усиками. Я отослалъ эти письма матери убитаго и сколько же благословеній получилъ отъ нея—слезы набѣгаютъ при одномъ воспоминаніи.

* *
*

До позднихъ сумерекъ бродилъ я по полю битвы, присматриваясь къ физіономіямъ и позамъ убитыхъ. Особенно поразительны изъ нихъ фигуры убитыхъ наповалъ: нѣкоторые еще держатъ ружья, а руки, по большей части у всѣхъ такъ и остаются застывшими въ томъ положеніи, какъ застала смертъ, причемъ глаза открыты, зубы стиснуты.

Фигура какого-то пѣхотнаго солдатика нѣсколько разъ мелькала мимо меня; я думалъ, онъ тоже ищетъ денегъ на убитыхъ или подыскиваетъ себѣ подходящіе сапоги,—нѣтъ, онъ подходитъ только къ офицерамъ, наклоняется, заглядываетъ въ лицо и спокойно, не торопясь, идетъ къ другому. Я сталъ слѣдить за нимъ: вижу, наклонился... да такъ и приникъ къ трупу; нѣжно, отечески поцѣловалъ его, потомъ началъ оправлять одежду, очищать ее отъ снѣга, голову положилъ попрямѣе, сдвинулъ вѣки насколько могъ, сложилъ закостенѣвшія руки на гру-

ди и, еще разъ бережно опахнувши платье и земнымъ поклономъ попрощавшись съ тѣломъ, отошелъ. Это денщикъ, не отыскавши барина между здоровыми и ранеными, пришелъ разыскивать между мертвыми—опять слезы душатъ при воспоминаніи—спасибо тебѣ, добрый, вѣрный, драбантъ, спасибо за этого незнакомаго мнѣ, но вѣрно хорошаго барина твоего.

* *
*

Пріѣхавши въ Иметли, я навѣстилъ прежде всего раненаго Z., командира бригады, и передалъ ему любезное привѣтствіе его начальника, а также освѣдомился о состояніи раны его—она оказалась не тяжелая и была полная надежда на излѣченіе.

Въ избѣ нашихъ молодыхъ людей я просто ахнулъ отъ удивленія: добрая часть ея, отъ пола до потолка, была наполнена лошадиною упряжью, раздобытой запасливымъ Д., вмѣстѣ съ тройкою отличныхъ лошадей, стоявшихъ около хаты; послѣ побѣды парень опять куда-то пропалъ, но времени, очевидно, не потерялъ.

— Куда вы это все дѣнете?—спрашиваю.

— На Донъ отошлю,—отвѣчалъ казачекъ, видимо удивленный моимъ наивнымъ вопросомъ.

Грѣшнымъ дѣломъ, и я раздобылъ маленькую, турецкую лошаденку, но я вымѣнялъ ее у турка, давши ему 10 рублей придачи, на бывшаго у меня одра, загнаннаго еще покойнымъ братомъ моимъ Сергѣемъ. Добытый сѣренькій, маленькій чертенокъ, постоянно носившійся маршъ-маршемъ, смѣнилъ моего рыжаго

иноходца, совершенно замученнаго за эти дни. Однако, отъ этихъ невинныхъ соображеній и мѣнъ съ придачею было далеко до геніальной донской смекалки, очевидно, руководившейся и оправдывавшейся одиннадцатою заповѣдью «не зѣвай!».

* * *

Когда я воротился на другой день въ Шейново, мнѣ сказали, что Скобелевъ давно уже спрашивалъ, хотѣлъ видѣть меня. Я нашелъ его садящимся на лошадь, для осмотра войскъ. Мы поѣхали потихоньку, шажкомъ, и онъ началъ съ того, что сказалъ:

— Дайте мнѣ, Василій Васильевичъ, слово, что вы исполните то, о чемъ я васъ попрошу. — Извольте.

— Х. начинаетъ интриговать... Съѣздите въ главную квартиру, разскажите его высочеству, какъ дѣло было; онъ знаетъ, что вы не скажете неправды, что вы ничего не ищете и повѣритъ вамъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому.

— Признаюсь, М. Д., такое порученіе крайне мнѣ непріятно; я всегда осторожно держался въ главной квартирѣ, и хотя великій князь всегда былъ добръ ко мнѣ, но вѣдь онъ можетъ просто сказать мнѣ, что это не мое дѣло...

— Нѣтъ, не скажетъ, поѣзжайте, сдѣлайте это для меня, вы обѣщали!

— Хорошо, поѣду!

Однако, съ оффиціальнымъ донесеніемъ я посовѣтовалъ послать офицера главной квартиры Чайков-

скаго, бывшаго всѣ эти дни при отрядѣ Скобелева, котораго я зналъ за хорошаго малаго, неспособнаго сочинять небылицы.

Тѣмъ временемъ мы выѣхали изъ дубовой рощи, закрывавшей деревню. Войска стояли лѣвымъ флангомъ къ горѣ св. Николая, фронтомъ къ Шейново.

Скобелевъ вдругъ далъ шпоры лошади и понесся такъ, что мы едва могли поспѣвать за нимъ. Высоко поднявши надъ головою фуражку, онъ закричалъ солдатамъ своимъ звонкимъ голосомъ:

— Именемъ отечества, именемъ государя, спасибо, братцы!

Слезы были у него на глазахъ.

Трудно передать словами восторгъ солдатъ: всѣ шапки полетѣли вверхъ, и опять, и опять, все выше и выше—Ура! Ура! Ура! Ура! безъ конца. Я написалъ потомъ эту картину.

Увидѣвъ послѣ Весселя пашу, я предложилъ ему отправить черезъ меня изъ главной квартиры телеграмму въ Константинополь, на что онъ согласился и приказалъ объ этомъ своему начальнику штаба; тотъ написалъ мнѣ на клочкѣ бумаги по-французски:

— «Послѣ многихъ кровопролитныхъ усилій спасти армію, я и паши такіе-то (слѣдуютъ имена четырехъ пашей), сдались съ арміею въ плѣнъ. Вессель».

Также старшіе офицеры наши просили отправить депеши своимъ роднымъ, товарищамъ: Столѣтовъ, графъ Толстой, Панютинъ и др. Къ телеграммѣ послѣдняго, извѣщавшаго семью и бывшихъ офи-

Именемъ отечества, именемъ Государя спасибо братцы!

церовъ его полка о томъ, что «Богъ сподобилъ его поколотить турокъ», я прибавилъ еще свою телеграмму съ увѣдомленіемъ о томъ, что «полковникъ Панютинъ за свою блистательную атаку можетъ быть названъ героемъ дня Шейновскаго боя» П. бросился цѣловать меня, когда узналъ объ этомъ.

* * *

Сейчасъ же я и поѣхалъ съ моимъ экстреннымъ порученіемъ черезъ горы въ Сельви, гдѣ должна была теперь находиться главная квартира. Вмѣстѣ со мною собрался ѣхать и Н. Д., желавшій побывать на Шипкѣ, чтобы дать отчетъ въ газетѣ о тамошнихъ дѣлахъ и дѣятеляхъ.

Рѣдко случалось мнѣ смѣяться такъ, какъ я смѣялся тутъ при выѣздѣ, благодаря пріятелю, который былъ уже не на куцой, крохотной лошаденкѣ своей, получившей роздыхъ—и не напрасно—а на высокомъ, худощавомъ россинантѣ, одолженномъ ему Дукмасовымъ, запасшимся теперь новенькими, свѣженькими лошадками и, очевидно, бывшимъ не прочь сбыть «по случаю», старый, залежавшійся товаръ.

— Гдѣ вы достали этого одра?—спрашиваю.

— Хочу попробовать; Д. продаетъ ее, это настоящій донецъ, кровный донецъ,—прибавилъ онъ, садясь въ сѣдло.

Съ первыхъ же шаговъ, однако, въ кровномъ донцѣ оказались качества, недостойныя его репутаціи: онъ зашагалъ невозможно медленно и лишь только Н. Д. вздумалъ заставить его прибавить шагу, на-

чалъ брыкаться, что дальше, то больше; тотъ ударилъ плеткою, этотъ брыкнулъ; тотъ опять—и этотъ опять; Н. Д. сталъ бить не переставая; донецъ сталъ брыкаться не переставая.

Я хохочу до слезъ, а Н. Д. сердится и не только бьетъ своего коня, но еще приговариваетъ:

— Постой, подлецъ, я тебя проучу, я тебя убью. Экая свинья этотъ Д., еще продать хотѣлъ мнѣ эту дрянь. Я тебя куплю, постой!... Прежде пойдешь у меня, погоди!

Его обыкновенно доброе, довольное лицо, совсѣмъ исказилось отъ гнѣва; а лошадь подъ ударами плетки, безъ перерыва хлопавшей по ея худощавымъ бокамъ, начала, просто, кружиться — кружится, опустивши голову, вскидываетъ хвостъ и брыкается!... Я думалъ, заболѣю отъ смѣха.

Въ деревнѣ Шипкѣ мы нашли все разрушеннымъ: кромѣ церкви не уцѣлѣло ни одного дома.

Мы стали подниматься на гору по шоссе. Турецкіе солдаты копались вездѣ по землянкамъ, укладывали свое жалкое добро въ мѣшки, и приготовлялись шагать по горькому пути плѣна.

У самой верхней траншеи, сильно укрѣпленной, противъ нашего послѣдняго пункта, скалы, я былъ пораженъ страшною массой русскихъ мертвыхъ, валявшихся тутъ чуть не одинъ на другомъ.

Замѣчательно много убитыхъ было наповалъ, это видно было по странности позъ, кто съ руками, поднятыми для стрѣльбы, кто лягушкою, на карачкахъ

и т. п. Около самаго турецкаго бруствера тѣлъ вовсе не было—доказательство, что на штурмъ самыхъ турецкихъ укрѣпленій наши не ходили, а лишь дошли до широкой канавы, прорытой въ нѣкоторомъ разстояніи отъ траншеи, да тамъ и засѣли; по мѣсту нахожденія и расположенію тѣлъ, въ этомъ нельзя было ошибиться.

Я отправилъ отсюда свою лошадь кружнымъ путемъ, по шоссе, а самъ началъ подниматься къ скалѣ напрямикъ, по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ Сулейманъ-паша велъ свою бѣшеную атаку на Шипку. Скоро стали попадаться тѣла турокъ, оставшіяся еще отъ этихъ штурмовъ, въ платьяхъ, съ кожею, прилипшею къ костямъ на оконечностяхъ, а внутри, подъ одеждами, представлявшія нѣчто сильно разложившееся... Скоро пришлось ступать по этимъ размягченнымъ трупамъ — такъ густо вся мѣстность была устлана ими. Мѣстами тѣла лежали въ два ряда одинъ на другомъ, и нога, просто, уходила въ эти жидкія массы, едва прикрытыя снѣгомъ, какъ въ болото. Запахъ былъ невыносимъ, меня тошнило; однако, такъ какъ возвращаться назадъ не хотѣлось, то и надобно было идти впередъ, поминутно окунаясь руками и ногами въ мертвечину.

Правду сказать, восходъ тутъ такъ труденъ, что я дивился храбрости турокъ, сумѣвшихъ не только просто карабкаться, какъ то съ трудомъ дѣлалъ я, а атаковать по такой крутизнѣ.

Тьфу ты, чортъ! думалось, вотъ сейчасъ упадешь

отъ этого убійственнаго запаха и никто даже знать не будетъ, что живой человѣкъ валяется между трупами; по счастью, на скалѣ, на верху, показался солдатъ.

— Братецъ мой!—кричу ему,—выручай!

Онъ спустился, далъ мнѣ руку и вытащилъ на скалу, гдѣ можно было вздохнуть свободнѣе—точно поднялся изъ Дантова ада.

* * *

Въ старо-знакомой мнѣ, еще по сентябрю, землянкѣ я нашелъ генерала Мольскаго, съ которымъ мы роспили, по случаю побѣды, бутылку шампанскаго.

Насвѣтевича не было — онъ пошелъ принимать отъ турокъ оружіе и знамена.

Вечеромъ я пошелъ въ землянку стараго моего туркестанскаго знакомаго генерала Петрушевскаго, со времени полученія раны знаменитымъ Драгомировымъ, командовавшаго дивизіею. Землянка эта называлась «дворцомъ» и, дѣйствительно, состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ которыхъ даже насѣкомыхъ было менѣе, чѣмъ въ другихъ землянкахъ—не дворцахъ. Я засталъ въ ней цѣлую компанію, самого Петрушевскаго, затѣмъ начальника штаба Радецкаго Д., прекраснаго туркестанскаго офицера, командира бригады Б. и помянутаго уже полковника С., офицера генеральнаго штаба, бывшаго теперь при М.

Шелъ горячій разговоръ, утихшій при мнѣ, но смыслъ котораго потомъ выяснился: винили Скобелева за то, что онъ не поддержалъ атаку третьяго дня и, не спросясь позволенія, дождался, пока со-

бралъ всѣ силы, ударилъ на турокъ и заставилъ ихъ положить оружіе—только вчера!

Много разъ уже мнѣ случалось видѣть, какъ послѣ битвы даже лучшіе пріятели начинаютъ подставлять другъ другу ногу. Тутъ дѣло осложнялось еще тѣмъ, что М. Д. Скобелевъ давно провинился передъ своими пріятелями, крѣпко обогнавши ихъ — естественно, что ему нечего было ждать пощады. Подвигъ Скобелева уменьшалъ заслугу шипкинцевъ въ этотъ день и крѣпко умалялъ результатъ спѣшной атаки другого отряда... Разсудительный и вообще довольно справедливый Петрушевскій больше помалчивалъ, когда на Скобелева нападали, а я его защищалъ; мнѣ казалось, что и П. симпатіи были на противуположной сторонѣ.

— Что же вы думаете, Вас. Вас., что все дѣло сдѣлалъ одинъ Скобелевъ и что, напримѣръ, наша атака ни къ чему не повела?—спросилъ меня Дмитровскій.

— Нѣтъ, я никоимъ образомъ не думаю этого. Ваша атака должна была страшно напугать турокъ и заставить ихъ рѣшиться положить оружіе. Очень естественно, что, атакованный съ обоихъ фланговъ, Вессель окончательно потерялъ голову, когда услышалъ, что и вы съ фронта двинулись. Я искренно полагаю, что каждый сдѣлалъ свое дѣло, но все-таки не могу не думать, что главная роль дня выпала на долю Скобелева...

. .

Я не имѣлъ времени заѣхать къ генералу Радецкому, за что онъ послѣ крѣпко пенялъ, и добрался до Габрова въ санкахъ Бискупскаго.

Только что выѣхавши изъ Габрова по направленію къ Сельви, я встрѣтилъ человѣка изъ главной квартиры, удостовѣрившаго, что его высочество главнокомандующій уже ѣдетъ сюда; поэтому я воротился и переночевалъ въ Габровѣ у брата моего, жившаго здѣсь для окончательнаго заживленія своей раны. онъ проживалъ вмѣстѣ съ родственникомъ нашимъ Дубасовымъ, братомъ извѣстнаго моряка, бравымъ шипкинскимъ артиллеристомъ, тоже лѣчившимся.

Мы больше проболтали, чѣмъ проспали эту ночь, и на утро, въ ожиданіи пріѣзда великаго князя, я пошелъ въ помѣщеніе бывшаго женскаго монастыря, обращеннаго въ госпиталь, навѣстилъ Куропаткина и Ласковскаго, тамъ лѣчившихся. Послѣдній оказался «въ лучшемъ видѣ» и была основательная надежда на его скорое и полное выздоровленіе. Но К. смотрѣлъ плохо: былъ нервенъ и вдобавокъ въ сильнѣйшемъ жару. Я позволилъ себѣ распорядиться безъ церемоній: приказалъ настлать вездѣ войлока, войлокомъ же обтянуть дверь, которая поминутно стучала и, видимо, безпокоила больного, а турокъ, наполнявшихъ дворъ и галдѣвшихъ подъ самыми окнами, просто вытурилъ вонъ, за ограду госпиталя. Кромѣ того, отозвавши въ сторону милую сестрицу милосердія, наказалъ ей соблюдать полную тишину и беречь К., какъ зѣницу ока, хоть бы по той при-

чинѣ, что другого такого Куропаткина нѣтъ — онъ представляетъ-де нѣкоторымъ образомъ унику.

* *
*

Какъ только великій князь пріѣхалъ, я отправился въ занятый его высочествомъ домъ. Первые, кого я встрѣтилъ здѣсь, были Скалонъ и Скобелевъ-отецъ.

— Вы изъ отряда?

— Вы отъ Миши? — и сейчасъ же повели меня къ его высочеству.

Я разсказалъ, что я зналъ и какъ я зналъ, по совѣсти, не вдаваясь въ техническія подробности, ни въ похвалы или порицанія, которыя, конечно, не были бы приняты.

Чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвелъ мой разсказъ, я сказалъ: «упрекаютъ Скобелева за то, что онъ не атаковалъ турокъ днемъ раньше, но это было матеріально невозможно; отрядъ его еще не спустился и нападать съ ничтожными силами было крайне рисковано; даже въ счастливомъ случаѣ большая часть непріятеля ушла бы, такъ какъ у насъ не было кавалеріи, чтобы перегородить непріятелю дорогу»...

— Ну, разумѣется такъ, — отвѣтилъ мнѣ главнокомандующій.

. .

Я сказалъ потомъ старику Скобелеву, что пріѣхалъ по просьбѣ сына его.

— Да вы бы сказали его высочеству, сколько взято орудій, знаменъ, а то вы только и говорили, что атаковали стройно, да съ музыкой...

— Ну, разсказывалъ, что зналъ, объ орудіяхъ и проч. узнаетъ великій князь и безъ меня.

Потомъ изъ разговора со Скалономъ я узналъ, что есть намѣреніе заключить миръ теперь же.

— Не можетъ быть!—замѣтилъ я,—сейчасъ скажу ему это.

— Скажите! Вы можете...

Я воротился: ваше высочество, я имѣю сказать вамъ нѣсколько словъ?

— Пожалуйста:

Князь Черкасскій, тѣмъ временемъ вошедшій къ главнокомандующему, любезно уступивъ мѣсто, вышелъ.

. .

Великій князь велѣлъ было подать себѣ лошадь, чтобы навѣстить раненыхъ офицеровъ, но такъ какъ на дворѣ стояла гололедица, а до госпиталя было рукой подать, то я предложилъ пройтись лучше пѣшкомъ. Народъ привѣтствовалъ его восторженно.

Необходимо сказать, что великій князь—главнокомандующій былъ очень популяренъ: его доброта, доступность, простота обращенія были хорошо извѣстны и вездѣ, гдѣ показывалась его стройная, чрезвычайно красивая фигура, встрѣчали и провожали его искренными привѣтствіями.

Я сказалъ его высочеству, что распорядился вывести турокъ изъ этого госпиталя, такъ какъ они слишкомъ безпокоили нашихъ офицеровъ, что онъ одобрилъ. Онъ долго бесѣдовалъ съ Куропаткинымъ и Ласковскимъ, а затѣмъ обошелъ другихъ раненыхъ.

На слѣдующій день главная квартира должна была перевалить черезъ горы и расположиться въ Казанлыкѣ, а по дорогѣ Е. В. долженъ былъ осмотрѣть войска Радецкаго, Скобелева и Мирскаго.

Я поѣхалъ назадъ, чтобы отдать пріятелю отчетъ въ данномъ имъ порученіи, худо ли, хорошо ли-- исполненномъ.

На Шипкѣ была такая вьюга, что сильнѣе ея, кажется, трудно себѣ и представить—даже тѣ, что въ Сибири бывало, заставляли кружить цѣлую ночь около станціи, не были такъ ужасны. Петрушевскій крѣпко настаивалъ на томъ, чтобы я остался у нихъ переночевать, но я не послушался, напился чаю и поѣхалъ дальше.—Вас. Вас. сдѣлался дипломатомъ,— замѣтилъ милѣйшій П., понявшій, что я недаромъ ѣздилъ на встрѣчу главной квартиры. Однако, признаюсь, потомъ я раскаялся: снѣжная буря была до того сильна, что не только верхомъ, но и пѣшкомъ двигаться было невозможно. Вѣтеръ дулъ съ такою силой и по дорогѣ стояла такая гололедица, что и меня съ казакомъ и нашихъ лошадей все время сбивало съ ногъ.

Ужъ и вспомнилъ же я «дворецъ-землянку» П. и кипящій самоваръ и борщъ, и котлеты, и горячее красное вино, и шампанское, которое тамъ выпивалось дюжинами... Тьфу, тьфу! Хуже всего было то, что при одномъ изъ своихъ пируэтовъ казакъ разбилъ мой ящичекъ съ красками, такъ-таки въ дребезги—гдѣ-то его починить въ этой общей суматохѣ.

Даже вошки, которыми кишѣли землянка и самый «дворецъ» П., казались изъ-за вьюги не такъ страшными, хотя онѣ залѣзали «подъ пуговицы»!

Скользя, падая, снова скользя, даже теряя дорогу, проспускались мы цѣлую ночь и только раннимъ утромъ добрались до Шейнова.

. .

. .

Скобелева я нашелъ занятымъ приготовленіями къ встрѣчѣ главнокомандующаго. Разспросивши меня подробно о разговорѣ моемъ съ его высочествомъ, онъ въ свою очередь разсказалъ о бесѣдѣ своей съ Радецкимъ.

— Ну, охота вамъ заниматься такими глупостями-- замѣтилъ ему добрѣйшій Ѳедоръ Ѳедоровичъ и тѣмъ дѣло кончилось...

. .

Нѣсколько ръзъ мы отходили въ сторону, Скобелевъ переспрашивалъ о томъ, насколько внимательно выслушанъ былъ мой разсказъ, чтó именно отвѣтилъ в. к. и проч., видно было, что высокоталантливый и беззавѣтно храбрый человѣкъ весь погруженъ былъ въ заботы обо всѣхъ этихъ подробностяхъ и ихъ возможныхъ послѣдствіяхъ.

..... Я видѣлъ приготовленіе Михаила Дмитріевича къ пріему великаго князя, боязнь его упустить что-нибудь регламентарное при этой встрѣчѣ. Онъ понятія не имѣлъ о тонкостяхъ разводовъ и парадныхъ ученій и, боясь, что главнокомандующій

захочетъ пропустить мимо себя войска церемоніальнымъ маршемъ, старался подъучиться, куда надобно встать, какъ командовать и т. п.

Единственный источникъ его мудрости по этой части былъ ординарецъ Хомичевскій, который и столомъ у генерала завѣдывалъ, и приказанія его развозилъ, и параднымъ тонкостямъ своего патрона училъ.

— Да говорите же скорѣе, Х., гдѣ должны стать саперы?

— Непремѣнно впереди, ваше превосходитевьство.

— Ну, какъ же я долженъ командовать?

— Ваше превосходительство должны выѣхать и скомандовать и т. д.

Глядя на то, съ какою серьезною, сосредоточенною физіономіею онъ разспрашивалъ и выслушивалъ, какъ задалбливалъ то, что ему «надо скомандовать», я расхохотался.

— Что вы, Василій Васильевичъ, смѣетесь, однако?—спросилъ Скобелевъ, какъ обиженный ребенокъ.

— Да какъ же не смѣяться: генералъ, передъ которымъ турецкая армія положила оружіе, какъ школьникъ, заучиваетъ разныя слова, пріемы, уловки...

* *
*

Вотъ высоко, на Шипкинскомъ перевалѣ, показались нѣсколько точекъ, а за ними цѣлая линія, спускавшаяся къ намъ—то былъ главнокомандующій со свитою.

Смущеніе Скобелева дѣлалось все болѣе и болѣе замѣтнымъ; онъ какъ-то съежился, принялъ безпо-

койный, несчастный видъ. Я всегда замѣчалъ у него жалостную фазіономію, когда ему приходилось встрѣчать высокопоставленныхъ лицъ; очевидно, ему было очень тяжело въ это время, онъ мучился о томъ, что̀ ему скажутъ, какъ его примутъ

Вотъ великій князь спустился уже къ подножію горы, гдѣ дожидался его генералъ Радецкій. Еще издали Е. В., махая фуражкою, закричалъ:

— Ѳедору Ѳедоровичу, ура!!!

Подъѣхавши, онъ обнялъ, поцѣловалъ Радецкаго, поздравилъ его генераломъ-отъ-инфантеріи и повѣсилъ ему на шею большой крестъ Георгія 2 класса. Я сидѣлъ верхомъ, по дорогѣ и привѣтствовалъ В. К., который еще не доѣзжая весело крикнулъ: Базиль Базиличъ, здравствуйте! Затѣмъ главнокомандующій подъѣхалъ къ Скобелеву, дожидавшемуся передъ самымъ фронтомъ войскъ, и едва кивнулъ ему головой— Михаилъ Дмитріевичъ поцѣловалъ его высочество въ плечо и какъ-то замеръ отъ холоднаго пріема—очевидно С., дождавшійся В. К. на перевалѣ, успѣлъ сдѣлать свой «докладъ»

. .

Великій князь объѣхалъ ряды и вскорѣ уѣхалъ въ Казанлыкъ. Провожая, Скобелевъ нѣсколько времени поговорилъ съ его высочествомъ и сдѣлался спокойнѣе.

. .

Набѣгъ на Адріанополь.

1878.

I.

Когда въ Габровѣ я говорилъ В. К. о необходимости движенія на Адріанополь, онъ, между причинами невозможности этого, приводилъ ту, что «интендантство ничего намъ не заготовило, сухарей нѣтъ». Изъ ума у меня вышло сказать тогда, что М. Д. Скобелевъ захватилъ 12,000 пудовъ отличныхъ турецкихъ сухарей, бѣлыхъ, прекрасно выпеченныхъ, не чета нашимъ, и что слѣдуетъ поскорѣе наложить на нихъ руку, такъ какъ Скобелевъ дозволилъ всѣмъ частямъ своего отряда брать, кто сколько захочетъ, и ихъ уже расхватывали возами. Теперь я вспомнилъ о сухаряхъ и сказалъ начальнику главнаго штаба Непокойчицкому. Онъ до того обрадовался, что не хотѣлъ вѣрить, заторопился, сталъ шпорить своего буцефала и разузнавать; когда это подтвердилось, немедленно же доложилъ главнокомандующему—и рѣшено было движеніе впередъ.

Вечеромъ я обѣдалъ у Михаила Дмитріевича; былъ старикъ Скобелевъ и ген. Струковъ; послѣдній, между прочимъ, спрашивалъ меня, не хочу ли я пойти съ нимъ, такъ какъ великій князь посылаетъ его на кавалерійскій поискъ къ Германлы? Я согласился, но, къ сожалѣнію, не могъ выѣхать вмѣстѣ съ нимъ, т.-е. на другой же день утромъ, такъ какъ въ прошлую ночь, на Шипкинскомъ перевалѣ, во время бури, которая столько разъ сбивала насъ съ ногъ, казакъ мой совсѣмъ разбилъ объ ледъ мой ящичекъ съ красками — я уже поминалъ объ этомъ — и былъ посланъ теперь въ Габрово чинить—надобно было подождать.

Я съѣздилъ въ главную квартиру, которая расположилась въ Казанлыкѣ, и нашелъ ее въ самомъ бѣдственномъ положеніи: хотя большая часть города была выжжена, но квартиры кое-какія нашлись, за то пищи не было никакой. Я вспомнилъ тогда объ излишкѣ, который былъ у насъ въ отрядѣ Скобелева, особенно по части сладостей, и сказалъ коменданту генералу Штейну, что надѣюсь прислать кое-что уцѣлѣвшее.

— Да можетъ ли быть?—говорилъ въ восторгѣ почтенный блюститель благочинія и желудковъ главной квартиры,—нельзя ли поскорѣе, я дамъ вамъ казаковъ изъ конвоя.

Съ двумя казаками я поѣхалъ назадъ въ деревню и передалъ имъ цѣлое ведро яблочнаго варенья, горшокъ вишневаго и пол-мѣшка грецкихъ орѣховъ.

За эти послѣдніе на меня дулся ординарецъ Скобелева Баранокъ. такъ какъ онъ былъ большой любитель ихъ; за то главная квартира кушала въ этотъ день. За обѣдомъ, какъ мнѣ говорили, блинчики съ вареньемъ произвели большой эффектъ.

Я побывалъ у добраго пріятеля моего Скалона, управлявшаго канцеляріею главнокомандующаго, и попросилъ, чтобы брата моего Александра, раненаго 30-го августа и еще не совсѣмъ поправившагося, не отсылали въ полкъ. Великій князь очень любезно приказалъ оставить его временно при главной квартирѣ, какъ ординарца.

Пока я былъ у Скалона, онъ занятъ былъ отправкою курьера къ государю съ донесеніемъ о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ, плѣненіи турецкой арміи и проч. Скобелеву очень хотѣлось и онъ предлагалъ послать своего бравако начальника штаба графа Келлера, но кажется боялись, что этотъ офицеръ всю честь дѣла припишетъ Скобелеву, и выбрали С., офицера генеральнаго штаба состоявшаго при отрядѣ Мирскаго, и, какъ уже помянуто, болѣе другихъ возставшаго противъ Скобелева... Я указалъ Скалону на то, что докладъ государю выйдетъ слишкомъ пристрастенъ и тотъ, хотя самъ кажется не долюбливалъ Скобелева, какъ человѣкъ справедливый, сказалъ, однако, С.: *)

*) Въ противность увѣренію генерала С., утверждаю, что буквально эти слова были сказаны ему.

— Смотрите, батюшка, помните, что каждое слово вашего доклада будетъ извѣстно великому князю и за вами поѣдетъ другой курьеръ, который можетъ сказать государю противоположное вашему, если вы увлечетесь.

С. горячо протестовалъ противъ подозрѣнія въ пристрастіи къ своему отряду и своему начальнику, но я увѣренъ, онъ такъ именно и поступилъ, т.-е. представилъ все дѣло шиворотъ - навыворотъ; доказательствомъ этому служитъ то, что Скобелевъ получилъ за эту блистательную побѣду ничтожную сравнительно награду, долго спустя, на ряду со многими другими офицерами, и, по страстности, нервности своей натуры, очень огорчился этимъ.

* * *

По извѣстію о томъ, что Сулейманъ - паша, разбитый генераломъ Гурко, отступаетъ къ Адріанополю, Скобелеву приказано было идти наперерѣзъ дороги ему, форсированнымъ маршемъ. Отрядъ его проходилъ въ Казанлыкѣ мимо великаго князя церемоніально, гигантскими шагами... Я велѣлъ вьючнымъ животнымъ тоже слѣдовать за солдатами; изъ-за этого задніе ряды растянулись, и М. Д. съ сердцемъ выговорилъ мнѣ — ему таки хотѣлось пройти мимо всей главной квартиры постройнѣе.

Слышу, великій князь спрашиваетъ Скобелева:— «а Верещагинъ идетъ съ тобою?»

— Надѣюсь, ваше высочество,—отвѣчалъ тотъ.

Вскорѣ я откланялся главнокомандующему и на его «до свиданія» прибавилъ: «въ Адріанополѣ»,— такъ оно потомъ и вышло.

Мы шли очень торопливо, но на перевалѣ черезъ Малые Балканы — съ великимъ трудомъ, такъ какъ дорога въ ущельѣ очень узка и малѣйшая остановка одной какой-нибудь повозки задерживала всю часть отряда, слѣдовавшую сзади. Кажется, впрочемъ, перевалъ сошелъ благополучно, никто и ничто не свалилось въ кручу.

Къ вечеру пришли въ Эски - Загру, стоящую на выходѣ изъ ущелья и такъ разгромленную турками послѣ отступленія отряда Гурко, что едва осталось отъ цѣлаго города нѣсколько жилыхъ домовъ. Было уже почти темно, когда я въѣхалъ въ улицы, обозначенныя двумя рядами самыхъ печальныхъ развалинъ. Гдѣ примоститься, пристроиться на ночь я не зналъ, гдѣ пообѣдать—еще того менѣе. Заглянулъ было на дворъ къ Скобелеву, но увидѣлъ чрезъ освѣщенное окно, что онъ, какъ тигръ, ходитъ по комнаткѣ изъ угла въ уголъ, вѣроятно, бѣсится на что-нибудь, да къ тому же у него полковникъ А. всезнающій, самодовольный офицеръ. На счастье встрѣтилъ генерала N., очень милаго человѣка Въ настоящую минуту важно было лишь то, что у него была лавка для спанья, туземное вино и кое-какой ужинъ. Вдобавокъ и смѣялся же я въ этотъ вечеръ.

Бригада N. должна была выступить въ этотъ ве-

черъ немедленно за кавалеріею, но офицеры какъ-то прозѣвали минуту и оказалось, что кавалерія прошла, а пѣхота, не выйдя сейчасъ же за нею, потеряла ее—такъ-таки просто и потеряла, потому что настала страшная темнота. Было нѣсколько дорогъ и по всѣмъ прошло въ продолженіе дня не мало лошадей, такъ что нелегко было добиться толку. Бѣдный N. страшно перепугался, когда доложили ему, что давно пора выступить, но не могутъ найти дорогу, по которой прошла кавалерія. Не дожевавши куска, онъ одѣлся, опоясалъ саблю и бросился на поиски, въ страшную, непроглядную темноту. Сказать объ этомъ Скобелеву, спросить его—и думать было нечего: за такой недосмотръ, онъ сейчасъ же отнялъ бы бригаду. Черезъ полчаса N. возвратился, торжественно, молчаливо разоружился и сѣлъ доѣдать баранину.

— Ну что, нашли?

— Нашелъ!

— Какъ же вы нашли?

Онъ посмотрѣлъ на меня снисходительно и, показавши указательнымъ перстомъ на свой лобъ, сказалъ:

— Quand ceci appelle tête—tout faire.

Я, конечно, не спорилъ. N. очень охотно и очень скверно говорилъ по-французски и приведенная фраза была далеко не изъ худшихъ изреченій его на этомъ языкѣ—охота пуще неволи.

N. считался въ отрядѣ не изъ храбрецовъ, что,

кажется, было вѣрно. Подъ Плевною онъ командовалъ У—мъ полкомъ, который на штурмѣ, какъ засѣлъ въ виноградникахъ, такъ и не вышелъ оттуда, конечно, благодаря недостаточной храбрости командира, потому что тотъ же самый У—кій полкъ, подъ Шейновымъ геройски шелъ въ атаку подъ предводительствомъ браваго Панютина. Наглотавшись разныхъ страховъ во время этого штурма, N. сказался больнымъ и выздоровѣлъ только тогда, когда Плевна пала. Скобелевъ не щадилъ трусовъ вообще и, конечно, смѣнилъ бы N., еслибы тотъ искренно или притворно не льстилъ своему начальнику въ глаза и за глаза, не называлъ его всегда и вездѣ безстрашнѣйшимъ изъ людей, небывалымъ героемъ и проч., такъ что Михаилъ Дмитріевичъ не имѣлъ силы долго и сильно на него сердиться.

— Что за трусъ, этотъ N., какъ онъ мнѣ надоѣлъ,— говорилъ онъ иногда, но все-таки терпѣлъ его и даже представлялъ къ наградамъ, а тому только того и нужно было.

Рано утромъ на другой день, выходя съ N. изъ дому, я встрѣтилъ генерала Дохтурова, начальника кавалеріи отряда, съ которымъ тутъ только познакомился. Онъ показалъ мнѣ извѣстіе изъ передового отряда отъ пріятеля моего Струкова, доносившаго, что захваченъ мостъ черезъ Марицу и нѣсколько орудій, его защищавшихъ, а таборъ *) турокъ,

*) Таборъ—батальонъ.

при этомъ бывшій, прогнанъ. Генералъ былъ недоволенъ тѣмъ, что донесеніе было отъ С., офицера, посланнаго главнокомандующимъ, а не отъ командира полка драгунъ, дѣйствовавшаго впереди.

— Посмотрите, пожалуйста, на этого С.,—жаловался онъ мнѣ съ перваго же знакомства.—куда только онъ не примажется, вѣдь вотъ побѣду одержалъ. Мнѣ показалось это мелочнымъ, такъ какъ С. былъ правильно командированъ главнокомандующимъ, да къ тому же я зналъ его за исправнаго офицера.

Теперь днемъ еще лучше было видно, какъ страшно городъ Эски-Загра былъ раззоренъ—если бы не дымовыя трубы, тамъ и сямъ торчавшія, то можно было бы видѣть человѣка съ одного конца города на другомъ. Страшно распорядились здѣсь турки съ болгарами, за оказанный отряду ген. Гурко сердечный пріемъ... по-турецки.

Дорога отсюда къ Германлы была вся усѣяна нашими отставшими солдатами; такъ какъ гнать силою было не велѣно и желавшимъ отдохнуть не воспрещалось отставать, то многіе прекомфортабельно расположились на снѣгу парами и вели душеспасительные разговоры. Разсчетъ Скобелева оказался вѣренъ: всѣ подошли къ вечеру и на другой день утромъ и, благодаря тому, что отдыхъ не возбранялся, больныхъ почти не было.

Я ѣхалъ совершенно одинъ, казакъ мой отсталъ. Кругомъ было еще не мало снѣга, изъ-подъ кото-

раго тамъ и сямъ вырывали травку бараны. Такъ какъ пропитаніе наше было до сихъ поръ весьма скудное и я не зналъ, каково оно будетъ впереди, то слѣзъ съ лошади, привязалъ за сѣдло барашка пожирнѣе и затѣмъ продолжалъ путь, поддерживая свою добычу то съ той, то съ другой стороны.

Скоро нагналъ и перегналъ меня Скобелевъ.

— Что это у васъ?

— Какъ видите, баранъ, боюсь, что нечего будетъ ѣсть.

— Пустяки, бросьте, — впереди будетъ много всего.

Я, однако, не повѣрилъ, не бросилъ, хотя, дѣйствительно, впереди оказалось довольно мяса.

— Знаете, Василій Васильевичъ, — сказалъ мнѣ Скобелевъ, — Сулейманъ-паша идетъ къ намъ навстрѣчу.

— Откуда вы знаете это?

— Я вѣрныя извѣстія получилъ, скоро пойдемъ въ битву, не отставайте! и, поболтавши еще, онъ проѣхалъ далѣе.

Знаю, что Скобелевъ часто принимаетъ свое желаніе за фактъ, я не очень-то повѣрилъ подходу Сулеймана и ѣхалъ не торопясь, поддерживая своего барашка, который постоянно съѣзжалъ на бокъ, до того, что стаскивалъ сѣдло и не давалъ лошади итти. Я не терялъ надежды пріятно удивить всю компанію моею жирною находкой, но, подъѣзжая къ мѣсту остановки, увидѣлъ кругомъ такое множество бара-

новъ, что бросилъ немедленно моего—послѣ стольких потраченныхъ трудовъ! Остановка была на желѣзно-дорожной станціи Трново-Семенли. Сюрпризъ, который меня здѣсь ожидалъ, развѣ во снѣ могъ пригрезиться: на вопросъ о генералѣ, меня ввели въ Salle d'attente, гдѣ большой столъ, прекрасно сервированный, былъ занятъ всѣми нашими, окончившими отличный обѣдъ съ кофеемъ и сигарами!

— Вы не ѣли? хотите обѣдать? садитесь...

— Хочу, хочу.—Я ѣлъ, какъ волкъ.

Ген. Струковъ очень былъ радъ, что я догналъ его, наконецъ, угощалъ, подчивалъ и взялъ слово, что отсюда далѣе мы пойдемъ вмѣстѣ.

Онъ разсказалъ мнѣ послѣ обѣда, что у него тутъ было. Когда онъ подошелъ съ драгунами, турки зажгли мостъ, но солдаты потушили и заняли его, обезпечивши такимъ образомъ переправу на другую сторону Марицы *). Это было очень важно для безпрепятственнаго движенія нашей арміи. Укрѣпленіе, обстрѣливавшее мостъ, не отличилось; турки просто убѣжали оттуда, заклепавши оба свои орудія. Такимъ образомъ батальонъ пѣхоты утекъ передъ двумя эскадронами кавалеріи, да вдобавокъ не взорвалъ и не испортилъ громаднаго моста, ввѣреннаго его охранѣ. Сожги они этотъ мостъ, мы были бы за-

*) Не смотря на возраженіе генерала П., утверждаю, что Марицкій мостъ былъ занятъ кавалеріею Струкова а не пѣхотою П.

держаны устройствомъ переправы черезъ рѣку, покрытую плавучимъ льдомъ, и Сулейманъ-паша имѣлъ бы время отступить къ Адріанополю по желѣзной дорогѣ, черезъ Германлы. Конечно, быстрому налету сначала драгунъ Струкова а потомъ пѣхоты Скобелева обязана армія захватомъ этого важнаго пункта.

Какъ потомъ оказалось, Сулейманъ присылалъ телеграмму за телеграммой о заготовкѣ вагоновъ для немедленной доставки его разбитой арміи въ Адріанополь. Его депеши достались Струкову въ руки, и можно было видѣть по нимъ, что турки, гонимые Гурко отъ Филиппополя, ждали насъ и съ этой стороны, но, конечно, не воображали, что мы предупредимъ ихъ, перерѣжемъ имъ дорогу. Да и надобно сказать, что Скобелевъ прошелъ въ сутки, съ пѣхотою, 80 верстъ; почти то же сдѣлалъ днемъ ранѣе Струковъ, съ московскими драгунами.

Въ продолженіе этого дня отдыха всѣ отсталые подтянулись и присоединились къ частямъ; больныхъ какъ я сказалъ, почти не оказалось. Скобелевъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, потребовалъ къ мосту жидовъ, т.-е. музыкантовъ. Всѣ были сыты, потому что провизіи оказалось довольно. Нѣкоторые, какъ нашъ пріятель Д*, ординарецъ Скобелева изъ донскихъ казачковъ, даже слишкомъ отпраздновали занятіе моста — просто на просто такъ нализался, что его пришлось силою уложить спать.

Не обошлось и безъ недоразумѣній: хозяйка ресторана и станціоннаго дома жаловалась на пропажу гусей, у меня утащили отличную кавказскую шашку мою—хорошо если на погибель непріятеля, но боюсь, что для перепродажи, за нѣсколько рублей, какому-нибудь интендантскому чиновнику. Пришлось занять лишнюю шашку у X., далеко не такую щегольскую, какая была у меня, памятная еще тѣмъ, что, за время моей болѣзни отъ раны, она служила моему покойному брату Сергѣю, убитому подъ Плевною, зарубившему ею нѣсколькихъ турокъ. Комната, въ которой я сложилъ свои вещи, съ намѣреніемъ въ ней расположиться, была потомъ занята вещами генерала Д., и моя бурка съ шашкою были унесены и такъ старательно припрятаны, что я едва отыскалъ первую, вторая же такъ и ухнула, вѣроятно, ужъ очень понравилась кому-нибудь изъ денщиковъ.

На другой день мы выступили рано съ ген. Струковымъ; Скобелевъ остался назади. Скоро съ возвышенности намъ открылся городокъ Германлы, въ который съ вечера еще былъ посланъ, если не ошибаюсь, эскадронъ, или два, драгунъ, принятый очень дурно башибузуками и въ свою очередь распорядившійся нецеремонно съ ними.

Пришло важное извѣстіе, что въ Германлы пріѣхали турецкіе уполномоченные для заключенія перемирія и просятъ дозволенія на дальнѣйшій проѣздъ въ главную квартиру. Ген. Струковъ далъ

знать объ этомъ немедленно Скобелеву и просилъ поскорѣе двинуть впередъ часть пѣхоты, посламъ же отвѣтъ нѣсколько задержалъ, пока пѣхота не дошла до городка. И хорошо она сдѣлала, что поспѣшила, потому что драгунамъ нашимъ было тамъ довольно жарко передъ огромнымъ числомъ непріятеля, между которымъ было не мало редифовъ, изъ разгромленной Гурко арміи Сулеймана-паши.

Когда мы пріѣхали, битва уже затихала, непріятель отошелъ и насъ тотчасъ провели къ желѣзнодорожной станціи, гдѣ, закупоренные въ своихъ вагонахъ и не мало, вѣроятно, безпокоившіеся всю ночь криками и выстрѣлами, ожидали почтенные турецкіе уполномоченные Намикъ и Серверъ паши (на локомотивѣ ихъ поѣзда развѣвался бѣлый флагъ). Первый былъ старый знакомецъ русскихъ, такъ какъ пріѣзжалъ къ намъ еще при императорѣ Николаѣ. Онъ былъ не только испытанный дипломатъ, но въ то же время, какъ министръ двора, и самый близкій къ султану человѣкъ. Второй—министръ иностранныхъ дѣлъ, сравнительно молодой, видимо нервный человѣкъ. Намикъ, сухощавый, очень пожилой, съ острымъ носомъ, нѣсколько потухшимъ взоромъ, клинообразною бородой и полными достоинства манерами, былъ одѣтъ въ длинную, широкую турецкую одежду, съ неизбѣжною феской на головѣ. Серверъ, съ широкимъ, живымъ лицомъ, нѣсколько раскосыми глазами, въ какомъ-то доморощенномъ и поношенномъ черномъ пальто-сакъ и резиновыхъ галошахъ, ча-

сто вскакивалъ и, засунувши руки въ карманы, либо шагалъ по вагону, либо, останавливаясь, упирался въ насъ глазами, нервно перебиралъ скулами, обличая немалое волненіе.

Имъ доложили о пріѣздѣ русскаго генерала—приказали просить. Мы вошли въ вагонъ-залъ, гдѣ Струковъ представился какъ начальникъ авангарднаго отряда, а меня представилъ какъ своего секретаря. Мы оба были въ буркахъ и, надобно думать, смотрѣли порядочно дико, несмотря на французскій языкъ, на которомъ вели бесѣду. Ген. Струковъ съ большимъ тактомъ заговорилъ о стойкости турокъ, не упоминая ни словомъ о нашихъ побѣдахъ, и высказалъ совершенно вѣрную мысль, что чѣмъ больше мы знакомимся съ личнымъ характеромъ турокъ, тѣмъ болѣе уважаемъ ихъ. Намикъ, умница старикъ, перешелъ къ послѣдней рѣшительной для турецкой арміи битвѣ подъ Шейново, и обратился ко мнѣ съ разспросами, когда ген. Струковъ указалъ на меня, какъ на участника этого сраженія.

— Скажите—перебилъ Серверъ-паша, останавливаясь передъ нами съ видомъ человѣка, не имѣющаго болѣе силъ владѣть собою—скажите мнѣ откровенно, дружески, неужели Вессель не могъ долѣе держаться?

— Не могъ, паша, увѣряю васъ,—отвѣчалъ я и, вынувши мою записную книжку, начертилъ планъ деревни Шейново и позицій Весселя, а также позицій Радецкаго, Скобелева и Мирскаго; указалъ,

какъ двое послѣднихъ обошли, атаковали турокъ и заставили положить оружіе (чертежъ этотъ до сихъ поръ хранится въ моей записной книжкѣ). Какой-то стонъ вырвался у Сервера, онъ отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Посланники выразили желаніе продолжать путь въ главную квартиру.

— Поѣздъ, съ которымъ мы пріѣхали, вы, надѣюсь сейчасъ же отправите назадъ? — сказалъ Намикъ-паша.

— Я испрошу на этотъ счетъ приказанія моего начальника, генерала Скобелева, — отвѣчалъ Струковъ.

— Зачѣмъ вамъ спрашивать разрѣшенія, поѣздъ подошелъ и стоитъ подъ парламентскимъ флагомъ и не можетъ, не долженъ быть захваченъ для военныхъ цѣлей!

— Я испрошу приказанія,—былъ отвѣтъ.

— Что же это такое?—взмолился паша;—но вѣдь сейчасъ придетъ еще поѣздъ съ нашими экипажами и лошадьми для его высочества главнокомандующаго отъ его величества султана, неужели вы и его задержите?

— Я обязанъ испросить приказаніе.

Мелькомъ, тихо я напомнилъ ген. Струкову, что «поѣздъ, дѣйствительно, подъ бѣлымъ флагомъ, нельзя его не отдать».

— Намъ вагоны не нужны, есть, но локомотивовъ нѣтъ,—тихо, быстро отвѣтилъ Струковъ;—временно

я, во всякомъ случаѣ, долженъ задержать ихъ, а потомъ, что прикажутъ.

Это послѣднее онъ произнесъ громко, увѣривши пашей, что, по полученіи распоряженія, не задержитъ поѣзда ни на минуту. Увы! отъ Скобелева пришелъ приказъ ни подъ какимъ видомъ не отдавать поѣздовъ, которые, надо въ этомъ сознаться, преисправно перевозили потомъ наши войска. Но паши уже не знали этого, такъ какъ раньше уѣхали въ главную квартиру нашей арміи, въ Казанлыкъ. Вечеромъ я еще зашелъ къ нимъ въ вагонъ сказать, чтобы они приказали хорошенько присматривать ночью за всѣми своими вещами; кругомъ было не мало мародеровъ, не только изъ болгаръ, но и изъ башибузуковъ.

На слѣдующій день мы выѣхали проводить ихъ. Паши отправились въ каретѣ, къ которой мы подошли попрощаться, пожелать хорошаго успѣха въ переговорахъ.—Будемъ надѣяться, что результатъ вашей поѣздки будетъ скорый миръ,—сказалъ имъ Струковъ, отвѣчая на ихъ дружескія и печальныя пожатія рукъ;—не забывайте, что у насъ есть общій врагъ, тотъ, который обѣщаніями довелъ васъ до теперешняго положенія и бросилъ на произволъ судьбы. «Это вѣрно», отвѣчалъ Серверъ—у него опять были слезы на глазахъ. Паши поѣхали между двухъ рядовъ выстроенныхъ войскъ нашего небольшого отряда, во все горло оравшаго пѣсни, съ прикриками, присвистами—бѣдные паши!

Скалонъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что когда пришло извѣстіе о занятіи Струковымъ Адріанополя, то, несмотря на очень поздній часъ, они поспѣшили извѣстить пашей.—«Часто въ переговорахъ о перемиріи,—говорилъ Скалонъ,—эти почтенные люди, съ которыми всѣ мы были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, преважно настаивали на томъ, что Адріанополь еще не взятъ, да и не легко возьмется, поэтому было понятно наше желаніе поскорѣе преподнести имъ этотъ сюрпризъ; сейчасъ же разбудили ихъ, тѣ вскочили».

— Что, что такое?

— «Имѣемъ честь поздравить съ занятіемъ Адріанополя!» Они чуть не заплакали.

Бѣдные паши!

Мнѣ оказалось не мало дѣла. Ген. Струковъ былъ назначенъ начальникомъ небольшого отряда, составлявшаго авангардъ всего большого Скобелевскаго отряда. Такъ какъ это назначеніе было частное, самого Скобелева, то никакого офицера генеральнаго штаба не было дано и пріятель просилъ меня заняться то тѣмъ, то другимъ дѣломъ, смотря по надобности—я былъ волонтеромъ, начальникомъ штаба его. Я собиралъ, между прочимъ, слухи и свѣдѣнія отъ туземцевъ, о чемъ докладывалъ потомъ Александру Петровичу. Для этого у насъ былъ болгаринъ Христо, съ огромными усами, какъ у кота, толстый, красивый, въ расшитой, покрытой галунами, курткѣ, широчайшихъ штанахъ, съ большою бо-

гатою саблей, къ несчастію, не видѣвшей непріятеля. Онъ служилъ прежде кавасомъ въ константинопольскомъ посольствѣ при генералѣ Игнатьевѣ, потомъ, во время войны, былъ при главнокомандующемъ и теперь выпросился идти переводчикомъ при Струковѣ. Мы узнали, что армія Сулеймана-паши, разбитая Гурко, увидя невозможность попасть въ Адріанополь прямымъ желѣзнодорожнымъ путемъ, бросилась въ горы и отступаетъ теперь безостановочно небольшими партіями въ 5—10—20 человѣкъ, т.-е. въ полномъ разстройствѣ. Попади энергичный Сулейманъ со своими, еще по меньшей мѣрѣ 30 тысячами, въ Германлы раньше насъ и успѣй онъ пробраться въ Адріанополь, уничтоживъ мосты Трново-Семенли, Мустафа-паша и въ другихъ, менѣе значительныхъ мѣстахъ—наше шествіе къ Константинополю не походило бы на военную прогулку, какъ это вышло теперь, и съ этой стороны заслуга быстраго энергическаго налета Струкова, его образцоваго кавалерійскаго рейда, не оцѣнена по достоинству у насъ, какъ мнѣ кажется. Мнѣ самому, наприм., доводилось слышать отъ офицеровъ арміи Гурко, что «полъ-дѣла было Струкову и за нимъ Скобелеву идти впередъ тріумфаторами, когда уже серьезное сопротивленіе было сломлено»; но они забывали, что, во-первыхъ, серьезное сопротивленіе впереди было предупреждено, и во-вторыхъ, что Струковъ шелъ почти до самаго Константинополя съ тремя неполными полками кавалеріи и одною батареей, и

что по дорогѣ его въ одномъ, двухъ переходахъ почти постоянно находилась турецкая пѣхота. Теперь, когда дѣло это уже прошлое, мнѣ просто смѣшно думать, что бы вышло изъ нашего тріумфальнаго шествія, если бы мы наткнулись хоть на два баталіона турецкихъ редифовъ!

Такъ или иначе, въ ожиданіи Скобелева и скораго выступленія, мы прекрасно помѣстились въ Германлы: дровъ, провизіи было не занимать стать и столъ нашъ былъ хорошъ, т.-е. щи или супъ вкусны и горячи—чего же больше.

Я былъ занятъ, по просьбѣ Струкова, двумя вещами: удержаніемъ солдатъ отъ грабежа и разоруженіемъ жителей. На бѣду, одному изъ нашихъ драгунъ посчастливилось найти 500 турецкихъ золотыхъ; какъ только узнали объ этомъ въ отрядѣ, каждому захотѣлось найти тоже 500 золотыхъ. Хотя отрядъ стоялъ внѣ города, но солдаты подъ всякими предлогами шлялись по домамъ, искали и даже вымогали денегъ, выпускали пухъ изъ перинъ и подушекъ, разбили нѣсколько погребовъ. Было заявлено много жалобъ, о которыхъ сообщено было въ части, но нѣкоторые начальники смотрѣли на такія продѣлки сквозь пальцы—если не потакали, то и не взыскивали строго. Тогда я пошелъ по улицамъ и принялся за дѣло. Входишь въ домъ: нѣсколько солдатъ бродятъ изъ угла въ уголъ, осматриваютъ, шарятъ среди терроризованныхъ жителей.

— Зачѣмъ вы здѣсь?

— Квартиры смотрѣть посланы, ваше высокоблагородіе.

Сначала я думалъ, что это правда, но, узнавши, что все вздоръ, предлогъ для выглядыванія денегъ или цѣнностей, сталъ безъ церемоніи выгонять вонъ, самыми энергинными средствами, въ зашеи.

Что найдутъ и унесутъ или выпьютъ вино—это еще понятно, но, напр., вижу у дверей подвала толпятся солдаты. Подхожу—уксусный погребъ, въ которомъ уксусъ, выпущенный изъ нѣсколькихъ бочекъ, уже стоитъ на четверть аршина отъ полу. Босой, завернувши штанишки, солдатъ стоитъ въ этомъ озерѣ, въ рукахъ затычка, вынутая изъ послѣдней бочки, и изъ нея уксусъ бьетъ огромною струею.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— А такъ—вишь какъ бѣжитъ!

По жалобамъ жителей я ходилъ въ разныя части города, останавливалъ безчинства, соединенныя иногда уже съ крикомъ женщинъ и дѣтей, билъ по зубамъ, прогонялъ, но снова то же самое начиналось въ другомъ мѣстѣ. Женщинъ, впрочемъ, нигдѣ не трогали въ извѣстномъ смыслѣ; на одной площади я засталъ штукъ 50 — 60 турчанокъ старыхъ и малыхъ, собравшихся, какъ цыплята, въ кучу головами вмѣстѣ и, очевидно, творившихъ молитву. Струковъ велѣлъ отвести имъ особенное помѣщеніе и приставить караулъ.

Что касается разоруженія жителей, то дѣло шло

хорошо и съ меньшими хлопотами, чѣмъ можно было бы ожидать. Боясь отвѣтственности за удержаніе оружія, жители сносили довольно исправно свою защиту. Какого только оружія тутъ не было! И арабскія ружья, съ тонкими металлическими прикладами, и чисто турецкія, выложенныя перламутромъ и слоновою костью; пистолеты, шашки, ятаганы; изъ послѣднихъ нѣкоторые были очень характерны— и я отобралъ себѣ не мало экземпляровъ, какъ матеріалъ для будущихъ картинъ, предназначивъ нѣкоторые для Струкова, обѣщавшаго привезти, что высмотритъ интереснаго по этой части, кое-кому изъ своихъ знакомыхъ! Увы! съ тою же легкостью, съ которою эти вещи пріобрѣлись, были онѣ и утеряны: телѣга, нагруженная нашими трофеями, на слѣдующей же станціи была разграблена ночью и такъ чисто, что ни самой телѣги, ни воловъ, ее везшихъ, не оказалось. Кому-то, вѣрно, было нужнѣе, чѣмъ намъ. Однако, при сваливаніи этого снесеннаго со всего города оружія не обошлось безъ грѣха: казакъ, бросавшій ружья слишкомъ неосторожно, получилъ пулю въ животъ.

Скобелевъ, тѣмъ временемъ, принявши и отправивши далѣе посланниковъ, пріѣхалъ въ Германлы. Очевидно, ему не давала покоя мысль окончательно раздавить, а если можно, то и взять въ плѣнъ армію Сулеймана-паши, т.-е. довершить то, что не окончилъ Гурко, который, разбивши Сулеймана въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, гналъ турокъ передъ собою. Но Скобе-

левъ обманулся въ томъ смыслѣ, что въ дѣйствительности Гурко разгромилъ Сулеймана сильнѣе, чѣмъ слухи передавали, и турецкая армія, т. - е. остатки ея, какъ мы уже и знали по нашимъ свѣдѣніямъ, узнавъ о перерѣзѣ ей дороги со стороны Германлы, отступила, бѣжала въ разсыпную, горами.

Скобелевъ пресерьезно собирался идти въ Хаскіою на встрѣчу Сулейману.

Михаилъ Дмитріевичъ говорилъ мнѣ:

— Василій Васильевичъ, что, вы со Струковымъ идете?.

— Да, иду.

— Пойдемте лучше со мной. Вы знаете, Сулейманъ подходитъ, будемъ драться!

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь—Сулейманъ идетъ горами.

— Ну, что же вы спорите, когда я имѣю самыя положительныя свѣдѣнія; Панютинъ доноситъ, что уже завязалъ дѣло съ нѣсколькими передовыми таборами!.

Я нѣсколько смутился этою подробностью, но всетаки отвѣчалъ, что пойду со Струковымъ къ Адріанополю.

— Какъ знаете, — отвѣтилъ милѣйшій Михаилъ Дмитріевичъ, надувши губы.

Я не зналъ еще тогда вполнѣ, до какой степени я былъ правъ и Скобелевъ ошибался; онъ совершилъ здѣсь одну изъ величайшихъ ошибокъ, которую только можетъ сдѣлать командующій генералъ—принялъ за

регулярное войско и атаковалъ обозъ турецкихъ поселянъ, покинувшихъ свои жилища и двигавшихся къ Константинополю, какъ то приказалъ имъ бѣшеный Сулейманъ. Ошибкѣ этой помогло, кромѣ помянутой и уже давней ревности Скобелева къ Гурко, еще то обстоятельство, что къ громадному обозу выселявшихся турецкихъ семействъ присоединились мужья, братья и проч. родичи изъ отступавшей арміи, захотѣвшіе весьма естественно оказать защиту своимъ и, при появленіи русскихъ, соединившихся въ колонны. Эти колонны и были тѣ таборы, которые высчитывалъ Панютинъ и казацкіе начальники въ своихъ донесеніяхъ генералу и противъ которыхъ онъ выступилъ.

Я еще былъ у Скобелева, когда командиръ одного изъ донскихъ казачьихъ полковъ доносилъ ему, что «наступаютъ».

— Хорошо, принимайте бой, принимайте бой!

— Есть убитые, тридцать лошадей ранено и убито!

— Хорошо, пусть будетъ триста.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ полковникъ и вышелъ.

Не любятъ практическіе казаки терять не только людей, но и лошадей. Вспоминаются по этому поводу резоны камандира Кубанскаго казачьго полка К., жаловавшагося мнѣ подъ Плевною на легкость, съ которою Скобелевъ относится къ потерѣ людей. «Вѣдь, когда я вернусь домой съ полкомъ, жена уби-

таго потребуетъ у меня отвѣта за мужа: куда ты, скажетъ, дѣвалъ его, отчего не поберегъ?. А онъ требуетъ: стой въ колоннѣ, не разсыпайся, им-пони-руй»—хорошо импонировать, да коли народъ валится!..

На дорогѣ къ Хаскіою разгоралось дѣло; послѣ горячей перестрѣлки пѣхота и кавалерія бросились на ура! И тутъ совершилось, надобно сказать, дѣло, которое Скобелевъ уже засталъ конченнымъ и останавливать которое было поздно. Бравый Патюнинъ плохо разобралъ своего непріятеля и поднялъ на штыкъ весь громадный обозъ: на разстояніи многихъ верстъ дорога покрылась мертвыми и ранеными, не столько мужчинъ, сколько женщинъ и дѣтей. Солдаты сбрасывали съ повозокъ людей, разрывали, разбрасывали имущество, ища денегъ. Когда Скобелевъ подъѣхалъ—онъ ужаснулся сдѣланной ошибкѣ. Но, пожалуй, довольно объ этомъ. Мнѣ возражали, говорили что это неправда, но я повторяю то же самое, потому что считалъ это правдою.

Скобелевъ вышелъ на улицу провожать нашъ отрядъ къ Адріанополю. Отводя меня въ сторону, онъ сказалъ:

— Смотрите же, Василій Васильевичъ, чтобы отрядъ шелъ впередъ.

— Будьте спокойны,—отвѣчалъ я ему,—зашагаемъ.

Здѣсь кстати сказать, что я не знаю офицера болѣе исполнительнаго, дисциплинированнаго, чѣмъ С т р у к о в ъ. Это типъ образцоваго, методичнаго ка-

валериста: съ маленькою головой, сухощавый, такъ что кожа обтягиваетъ прямо кости и мускулы, онъ, по словамъ одного своего пріятеля, желавшаго

А. П. Струковъ.

сдѣлать ему комплиментъ, «точно арабская лошадь». Съ огромными усами, меланхолическимъ взоромъ, онъ постоянно нервно подергивается, но хорошо владѣетъ собою и почти никогда не теряетъ

ровнаго расположенія духа, что весьма важно въ командующемъ офицерѣ. Въ арміи подсмѣивались надъ тѣмъ, что онъ всегда былъ на виду, всегда всюду поспѣвалъ; остряки говорили, что «гдѣ ни плюнь—тамъ С—въ», но сила этой остроты значительно умѣрялась тѣмъ обстоятельствомъ, что то же говорили вѣроятно и отступавшіе предъ нами турки: какъ они не отходили, Струковъ съ кавалеріей былъ тутъ какъ тутъ.

Я положительно дивился выносливости и подвижности этого человѣка, у котораго на взглядъ «еле-еле душа въ тѣлѣ». Вставалъ онъ очень рано, самъ стлалъ свою постель, самъ ее и собиралъ, вина не пилъ, табаку не курилъ, не только за людьми, но и за лошадями смотрѣлъ какъ за дѣтьми: по ночамъ вскакивалъ по нѣскольку разъ, чтобы лично выслушивать всѣ донесенія, при чемъ для офицера всегда находилось у него любезное слово, а для нижняго чина «на водку» изъ своего кошелька. Такъ и вижу моего милаго, браваго сотоварища, какъ онъ, закутанный въ бурку и башлыкъ, ѣдетъ на сухопарой англійской кобылѣ—подъ нимъ въ походѣ были двѣ кровныя англійскія лошади; его профиль на полусвѣтѣ холоднаго воздуха, 5 — 4 часовъ утра, начинаетъ сгибаться, башлыкъ опускается все ниже, ниже, пока, наконецъ, клюкаетъ о гриву лошади. Иногда я не утерплю, расхохочусь надъ этою процедурою засыпанья; тогда онъ вытаращитъ на меня сонные глаза.

— Что, что случилось? А! — и снова начинаетъ клюкать.

Передовой отрядъ нашъ состоялъ почти изъ трехъ полковъ кавалеріи: полка Московскихъ драгунъ, Петербургскихъ уланъ и неполнаго полка Донцевъ, при одной конной батареѣ, которая постоянно завязала въ грязи и замедляла наше шествіе, хотя въ то же время придавала намъ авторитета.

Драгунами командовалъ полковникъ Я*, добродушнѣйшій воинъ, какого только можно себѣ представить, передвигавшій свою тучную фигуру, какъ на креслѣ, на своемъ бѣломъ иноходцѣ, въ коемъ души не чаялъ. Я* былъ много старше по службѣ Скобелева, бывшаго у него въ эскадронѣ юнкеромъ; теперь Я* командовалъ полкомъ, а прежній его юнкеръ—всѣмъ авангардомъ арміи. Отношенія ихъ остались дружескія и, конечно, Я* все готовъ былъ сдѣлать для Михаила Дмитріевича, только иноходца своего не согласился уступить. Скобелевъ, бывши неравнодушнымъ къ бѣлымъ лошадямъ, скоро замѣтилъ чудеснаго коня и закинулъ удочку черезъ Струкова.

— Михаилъ Дмитріевичъ говорилъ, что ты могъ бы одолжить его.

— Чѣмъ только могу, очень буду радъ.

— Твой бѣлый иноходецъ...

— Ни за что,—не стоитъ и говорить объ этомъ!

Командиромъ уланъ былъ Б., когда-то, говорятъ, блестящій свѣтскій офицеръ, теперь опустившійся,

меланхоличный, недовѣрчивый. Недавняя, передъ самымъ уходомъ въ походъ, случившаяся трагическая смерть его красавицы жены была, говорятъ, причиной этой разительной перемѣны. Я* держался съ нами, т.-е. со мною и Струковымъ; Б. чаще одинъ, иногда съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ.

Командиръ донцевъ Л., хотя и флигель-адъютантъ, былъ похожъ на всѣхъ донскихъ командировъ, берегъ лошадокъ, ловко добывалъ фуражъ и дисциплину понималъ, очевидно, по-своему, потому что казачки его постоянно попадались въ вымогательствахъ, что, впрочемъ, не мѣшало имъ хорошо нести разъѣздную службу.

Командира батареи что-то плохо помню—почтенныхъ лѣтъ офицеръ, честно служившій своей родинѣ, т.-е. въ данномъ случаѣ, за отсутствіемъ болѣе боевой службы, съ утра до вечера вытаскивавшій свои орудія изъ страшной грязи.

У Струкова былъ еще, т.-е. часто приходилъ къ намъ изъ полка, драгунскій офицеръ В., милый и покладистый товарищъ, писавшій приказы и распоряженія по отряду Струкова и иногда донесенія его высочеству подъ мою диктовку. Наконецъ, для полноты описанія всего начальства нашего крылатаго отряда, надобно сказать и о помянутомъ уже болгаринѣ Христо, одномъ изъ тѣхъ усатыхъ, раззолоченныхъ кавасовъ, которыми такъ щеголяютъ всѣ восточныя посольства и консульства. Тѣми же невозможными усами и золотомъ на одеждѣ внушалъ

онъ страхъ и почтеніе и во время нашего похода и частица этого уваженія естественно отражалась на насъ, придавая важности и значенія отряду, заключавшему въ себѣ свѣтило такой величины и такого блеска.

Лишь только пришли мы послѣ благополучнаго дневного перехода, съ однимъ роздыхомъ, къ городу Мустафа-паша и передъ конакомъ сошли съ лошадей—Струкова извѣстили о прибытіи посланныхъ изъ Адріанополя; онъ велѣлъ немедленно ввести ихъ. Это были грекъ и болгаринъ; оба, отъ имени жителей своихъ національностей, звали занимать городъ; турки-де, узнавъ о приближеніи русскихъ, взорвали загородный дворецъ, служившій арсеналомъ. (У насъ въ отрядѣ слышали этотъ взрывъ. Какъ я послѣ узналъ, въ этомъ дворцѣ погибло много чудесныхъ памятниковъ стараго искусства, между прочимъ, знаменитыя залы, убранныя сплошь лазуревыми изразцами). Черкесы, по словамъ ихъ, рыщутъ въ окрестностяхъ, того и смотри ворвутся въ городъ и ограбятъ его. Что касается большихъ великолѣпныхъ фортовъ надъ городомъ, стоившихъ туркамъ столькихъ трудовъ и издержекъ, то они оставлены за неготовностью нѣкоторыхъ и за недостаткомъ людей для защиты ихъ.

Въ большомъ залѣ конака Струковъ собралъ военный совѣтъ изъ трехъ полковыхъ командировъ и меня. Онъ изложилъ вкратцѣ суть дѣла: не было сомнѣнія, что жители города, боясь грабежей, желаютъ нашего

прихода—и мы можемъ, пользуясь паникой, занять Адріанополь; но, съ другой стороны, паника можетъ быть вызвана и послѣ: пѣхоты у насъ совсѣмъ нѣтъ и появленіе одного, двухъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькихъ таборовъ можетъ быть очень опасно, особенно для нашихъ орудій. По свѣдѣніямъ отъ болгаръ, какъ разъ это время находился вблизи города—проходомъ—египетскій принцъ съ 2.000 черной африканской пѣхоты, хорошо вооруженной. Кромѣ того, изъ остатковъ сулеймановской арміи набралось въ окрестностяхъ, или шло къ Константинополю, не мало небольшихъ отрядовъ. Объяснивши это, Струковъ предложилъ подавать мнѣнія. Мнѣ первому, какъ младшему чиномъ—художнику—предложено подать голосъ: «наступать!»—Языковъ не нашелъ возможнымъ высказаться рѣшительно, говорилъ за и противъ, но больше за наступленіе.—Балкъ былъ положительно противъ.

— Хорошо вамъ совѣтовать наступать, не неся отвѣтственности!—выговаривалъ онъ мнѣ.—Что мы сдѣлаемъ, если будетъ засада? если мы наткнемся на пѣхоту? если, разъ занявши городъ, снова придется покинуть его? Необходимо подождать генерала Скобелева. Я подаю голосъ за ожиданіе подхода главнаго отряда!

Командиръ казаковъ не рѣшался сказать ни да, ни нѣтъ.

Я все-таки повторялъ, что надобно наступать и высказалъ резонъ: необходимость предохранить го-

родъ отъ безпорядковъ и вѣроятнаго грабежа черкесовъ и мародеровъ.

Струковъ не высказалъ пока никакого мнѣнія и совѣтъ разошелся, ничего не рѣшивъ окончательно. Но мнѣ сдавалось, что генералъ нашъ былъ тоже за наступленіе.

Скоро прибылъ изъ Адріанополя еще гонецъ— пребуйный грекъ, вооруженный до зубовъ и чуть ли не подъ хмелькомъ; онъ объявилъ, что посланъ новымъ губернаторомъ предложить русскому отряду занять городъ.

— Какой такой новый губернаторъ? — спросилъ Струковъ.

— Ну! когда военный губернаторъ взорвалъ замокъ и ушелъ съ гарнизономъ, султанъ приказалъ Фасу быть губернаторомъ—кого же еще вамъ нужно!

Этотъ посланный своего губернатора держался такъ дерзко, что я попросилъ у Струкова позволеніе переговорить съ нимъ построже.

— Пожалуйста,—отвѣчалъ онъ. Во весь размахъ руки я вытянулъ буяна нагайкою—онъ ошалѣлъ и впервые всталъ смирно и почтительно.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить съ русскимъ генераломъ, а? Поди скажи твоему новому губернатору, что генералъ его не признаетъ и придетъ самъ назначить губернатора. Маршъ!

— Однако, строги же вы,—сказали мнѣ Струковъ и офицеры.

— Попробуйте говорить съ этими головорѣзами

иначе,—отвѣчалъ я,—развѣ вы не видите, что это разсчитанная дерзость.

На другое утро просыпаюсь—Струковъ сидитъ на моей постели; видно было, что онъ давно уже всталъ и ждалъ моего пробужденія.

— Я рѣшился, — сказалъ онъ,—идемъ занимать городъ.

— Браво!

Вчерашніе посланные еще не уѣхали. Генералъ послалъ ихъ впередъ объявить о нашемъ движеніи, и, отведя въ сторону, потребовалъ, чтобы, въ знакъ изъявленія покорности Адріанополя, были поднесены ключи его, которые онъ долженъ переслать къ его высочеству главнокомандующему.

— Да ключей нѣтъ у города,—отвѣчали сконфуженные посланцы,—гдѣ же мы ихъ возьмемъ!

— Чтобы были, знать ничего не хочу!— рѣшилъ А. П. Они уѣхали, но вчерашній грубіанъ не рѣшился отправиться днемъ, изъ боязни быть на дорогѣ побитымъ—храбрость его была, очевидно, относительная.

Былъ прекрасный солнечный день, когда мы подходили къ Адріанополю. Навстрѣчу выѣхало нѣсколько всадниковъ и между ними два армянина, братья Абдулла, извѣстной фирмы фотографовъ султана въ Адріанополѣ и Константинополѣ. Передъ самымъ городомъ показалась густая толпа двигавшагося намъ навстрѣчу народа, одушевленіе котораго росло по мѣрѣ нашего приближенія; наконецъ, пере-

довые не выдержали—бросились къ намъ бѣгомъ! Невозможно, немыслимо описать ихъ энтузіазмъ и сцену, затѣмъ послѣдовавшую: съ криками и воемъ бросались люди передъ нами на колѣна, цѣловали землю, крестясь, прикладывались, какъ къ образамъ, не только къ нашимъ рукамъ, но и колѣнамъ, сапогамъ, стременамъ. Не даваться, не допускать ихъ до этого не было никакой возможности, приходилось подчиняться. Признаюсь, не могу безъ улыбки вспомнить фигуру Языкова съ умиленною физіономіей и разставленными для поцѣлуевъ руками—что твоя мадонна—буквально залитыми слезами восторженнаго народа. Струкова рвали на части; кабы не высота его англійской кобылы, ему бы, кажется, не сдобровать.

Дали знать, что на встрѣчу идетъ духовенство съ крестами и хоругвями, и мы уже совсѣмъ готовились вступить въ улицы Адріанополя, когда я остановилъ Струкова,

— Александръ Петровичъ, намъ немыслимо входить въ городъ.

— Отчего?

— Посмотрите на эти узкія улицы: всякій трусливый крикъ, всякій выстрѣлъ произведутъ панику; мы-то еще ничего, а орудія совсѣмъ застрянутъ и не поворотишь ни одно!

— Такъ что же дѣлать?

— Не входить въ городъ, остановиться гдѣ-нибудь здѣсь.

— Нельзя ужъ—духовенство идетъ навстрѣчу.

— Богъ съ нимъ, съ духовенствомъ, оно зайдетъ и съ другой стороны. Струковъ колебался.—Да гдѣ же встать?

Я осмотрѣлся кругомъ.—Вотъ налѣво гора, свернемъ туда.

Мы повернули круто налѣво на высокую гору, отрядъ и народъ послѣдовали сзади. Когда мы въѣхали на гору, то невольно ахнули отъ удивленія: позиція идеальная! ровная площадь, господствующая надъ всѣмъ городомъ, разстилавшимся внизу, какъ на ладони; не только положеніе наше здѣсь было почти неприступное, но мы своею батареею могли угрожать цѣлому городу.

Только лишь въѣхали мы и осмотрѣлись, какъ на встрѣчу изъ примыкавшаго балгарскаго квартала вышла огромная процессія изъ представителей разныхъ церквей и религій. Впереди былъ греческій митрополитъ (Діонисій), затѣмъ армянскій архіепископъ, балгарскій священникъ, еврейскіе раввины, турецкіе муллы и съ ними громадная толпа народа—вся площадь покрылась людьми; я думаю, было тысячъ 30—40. Масса эта облегла и стѣснила насъ такъ, что пока мы слѣзали съ лошадей, меня успѣли отдѣлить отъ Струкова. Слышу крикъ его: «Василій Васильевичъ, проходите же скорѣй», онъ протянулъ мнѣ руку и съ помощью нѣсколькихъ услужливыхъ сосѣдей я продрался до генерала. Мы приложились къ крестамъ и поцѣловали пухлую, мягкую руку

митрополита, видимо оставшагося довольнымъ такимъ знакомъ почтенія.

Тутъ вскочилъ на какую-то приступку тотъ самый новый губернаторъ, о которомъ была рѣчь выше, толстый грекъ, со звѣздою Меджидіе на груди. Въ высокопарной французской рѣчи онъ сказалъ намъ привѣтствіе, въ которой не забылъ упомянуть о томъ, что назначенъ охранять порядокъ, и, закончивъ свой спичъ словами: vive la Russie! Ура!—ура подхватила вся толпа—поднесъ Струкову на блюдѣ ключи города (3 числомъ, очень большого размѣра). Я спрашивалъ потомъ, гдѣ они достали эти ключи, и получилъ въ отвѣтъ: «купили на базарѣ». Надобно думать, что не безъ ироніи къ тремъ большимъ ключамъ были приброшены еще двѣ связки маленькихъ. Кстати скажу здѣсь два слова о дальнѣйшей судьбѣ этихъ ключей: самый большой изъ нихъ я взялъ себѣ для разбиванія миндальныхъ орѣховъ, которые подавались у насъ каждый день послѣ обѣда, такъ какъ они были очень вкусны и дешевы; два другіе были отправлены сначала главнокомандующему, а потомъ въ Петербургъ. Передъ посылкою въ Петербургъ Струковъ просилъ меня отдать третій, самый большой и внушительный, но я не отдалъ, и онъ виситъ у меня въ мастерской, рядомъ съ значкомъ Скобелева.

Возвращаюсь, однако, къ Адріанополю. Я посовѣтовалъ Струкову объявить самозванному губернатору, что онъ его полномочій не признаетъ и пока-

мѣстъ самъ будетъ управлять городомъ до будущаго распоряженія высшаго русскаго начальства, что Александръ Петровичъ и сдѣлалъ. Грекъ сконфузился, но сейчасъ же нашелся, поблагодарилъ и опять прокричалъ «ура» въ честь русскихъ. Затѣмъ я высказался генералу, и онъ тутъ же громко передалъ мои слова народу касательно способа, какимъ мы можемъ первое время довольствовать отрядъ, охраняя неприкосновенность жилищъ. «Пусть,— объявилъ генералъ,—всякая народность выберетъ по два представителя, пусть собраніе этихъ представителей подъ предсѣдательствомъ греческаго митрополита озаботится своевременнымъ доставленіемъ людямъ и лошадямъ корма; на этомъ, и только на этомъ, условіи не будетъ дѣлаться реквизицій и солдаты не будутъ посылаться въ городъ; если же все нужное не будетъ доставлено, солдаты будутъ сами доставать то, что имъ нужно, а имъ извѣстно, что это значитъ! За все принесенное будетъ заплачено главною квартирой». Всѣ были, видимо, довольны, пропалъ ихъ страхъ имѣть дѣло съ солдатами,—страхъ, совершенно понятный. Грекъ Фассъ и за нимъ вся толпа закричала «ура! царю Александру!» и на этотъ разъ кричали, должно быть, вполнѣ искренно,—такъ громко, что просто оглушили.

Когда духовенство ушло, мы направились въ церковь болгарскаго квартала, которая, разумѣется, была полна-полнехонька народомъ. Началась служба съ ужаснымъ греческимъ напѣвомъ, представляющимъ

противоположность съ нашимъ обыкновенно болѣе или менѣе гармоническимъ напѣвомъ: я слыхивалъ его и прежде, но такого невозможно гнусливаго завыванья, какъ здѣсь, еще не слышалъ и, признаюсь, какъ это ни глупо, но мною овладѣлъ дурацкій, безпричинный смѣхъ, который трудно было скрыть. На бѣду еще Струковъ, рядомъ стоявшій, обратился ко мнѣ съ лаконическою замѣткой:

— «Каково поютъ, а?»

Должно быть онъ самъ потерялъ терпѣнье, потому что, когда священнослужители, кончивши часы, стали облачаться для обѣдни, онъ подозвалъ Христо: «поди, скажи священнику, что мнѣ некогда сегодня—пусть оканчиваетъ». Положеніе неудобное—они только собирались начинать, откашливались и обдергивались!

Приложившись къ кресту, мы вышли изъ церкви, сѣли на лошадей и возвратились на площадь. Здѣсь Струковъ поставилъ отрядъ свой въ каре, объѣхалъ его, поблагодарилъ за службу и поздравилъ съ занятіемъ второй столицы Турціи, знаменитаго города Адріанополя.

Солдаты расположились бивуакомъ, а мы заняли угловой домъ на площади. Скоро пришло извѣстіе, что черкесы грабятъ дальніе кварталы города. Струковъ далъ мнѣ полъэскадрона драгунъ и велѣлъ проѣхать по улицамъ, успокоить жителей, да кстати разузнать на мѣстѣ, сколько правды въ извѣстіи, что безчинствуютъ черкесы. Я захватилъ старикашку-болгарина или грека, хорошо говорившаго по-ту-

рецки и порядочно понимавшаго по-русски, и, проѣзжая по всѣмъ главнымъ улицамъ, заставилъ его громко объявлять, чтобы ничего не боялись, такъ какъ русская власть сумѣетъ всѣхъ защитить. Шумъ подковъ нашихъ лошадей на мостовой города производилъ сначала чуть не панику, но, увѣрившись, что мы «спасители», женщины изъ домовъ протягивали руки съ плачемъ, а тѣ, что были внизу, просто бросались подъ ноги лошадей, съ крикомъ:

— Насъ грабятъ, грабятъ!

— Гдѣ, кто васъ грабитъ?

— Тамъ, тамъ, черкесы!

Я не могъ себѣ представить, чтобы возможенъ былъ такой сильный и совершенно неосновательный перепугъ! Объѣхавъ городъ въ разныхъ направленіяхъ, я проѣхалъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, по словамъ многихъ встрѣчныхъ, были безпорядки — нигдѣ ничего, полное спокойствіе вездѣ, повсюду глупыя увѣренія, что тамъ дальше грабятъ—что значитъ паника!

Полковые командиры очень были недовольны тѣмъ, что довѣрили доставку провіанта и фуража самимъ жителямъ; такъ какъ я былъ виновникъ этого способа, то на меня преимущественно и шли нареканія. Кромѣ того я разсердилъ ихъ тѣмъ, что поймалъ и привелъ къ Струкову нѣсколько человѣкъ драгунъ, пробовавшихъ мародерствовать по ближайшимъ болгарскимъ домамъ, и генералъ приказалъ наказать ихъ, въ примѣръ другимъ, передъ фронтомъ—

наказаніе было горячее. Мнѣ казалось, что даже добрѣйшій Я...ъ, какъ только я выходилъ изъ комнаты, начиналъ пугать Струкова тѣмъ, что намъ ничего не доставятъ, и люди и лошади останутся голодные; я видѣлъ, что Струковъ началъ сдаваться, безпокоиться и, вѣроятно сожалѣть, что послушавши меня, распорядился такъ гуманно. Наступилъ вечеръ; мы посылали сказать, чтобы поторопились — одинъ отвѣтъ: «все будетъ, все будетъ!» но ничего не было, Видно было, что только изъ боязни генерала меня не бранятъ глаза, а главное, я начиналъ чувствовать себя, дѣйствительно, виновнымъ въ общемъ голоданіи. Наконецъ, когда уже смеркалось, явились громадныя корзины со всѣмъ, рѣшительно всѣмъ: хлѣбъ, супъ, говядина, вино, даже табакъ не былъ забытъ—полная корзина прекраснаго турецкаго табаку! Всѣ оживились и повеселѣли, только сѣна лошадкамъ было мало, пришлось пробавляться, главнымъ образомъ, ячменемъ и овсомъ. Сѣно, которое я высмотрѣлъ въ ближнемъ зданіи, госпиталѣ, С. справедливо призналъ опаснымъ для раздачи, какъ могущее занести болѣзни.

Это распоряженіе доставленія пищи на первыхъ порахъ самими жителями многіе находили все-таки непрактичнымъ; но я и теперь искренно думаю, что оно было наиболѣе подходящее къ обстоятельствамъ: пусти тогда генералъ своихъ солдатъ по домамъ разъискивать сѣно, ячмень, хлѣбъ, курицъ и т. п. нѣтъ сомнѣнія, что богатый городъ былъ бы сгоряча

порядочно ощипанъ, а самъ отрядъ деморализированъ — и я очень радъ, что разсудительный Струковъ не далъ сбить себя съ толку; не только городъ не былъ ограбленъ, но и сохранены съ жителями лучшія отношенія, т.-е. у насъ дѣло шло совершенно противоположно тому, что было послѣ, когда подошли войска, начались безпорядки, ссоры, даже убійства нашихъ солдатъ жителями.

Въ тотъ же день послѣ полдня, къ намъ явился австрійскій консулъ въ полномъ облаченіи и съ нимъ старый знакомый, грекъ Фассъ. Этого послѣдняго попросили подождать въ другой комнатѣ, такъ какъ не имѣлось въ виду входить съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія, а консулу предложили сѣсть. Онъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Вы смѣнили,—сказалъ онъ Струкову по-французски,—единственную власть, бывшую въ городѣ, губернатора Фассъ; теперь готовится возмущеніе, вся вина котораго естественно падетъ на васъ.

Генералъ немножко замялся..... какъ будто не сейчасъ сообразилъ, что отвѣтить онъ.

Мнѣ со стороны виднѣе была игра австрійца и я сказалъ Струкову:—Ваше превосходительство, позвольте мнѣ отъ вашего имени отвѣтить господину консулу.

— Пожалуйста,—отвѣчалъ онъ.

— «Генералъ очень благодаренъ вамъ, господинъ генеральный консулъ, за вашъ совѣтъ, который онъ принимаетъ, какъ совѣтъ истинной дружбы. Какъ

уже сказано г. Фассу, генералъ самъ временно будетъ смотрѣть за городомъ, до пріѣзда генерала Скобелева, отъ котораго будетъ зависѣть дальнѣйшее распоряженіе. Что же касается возвѣщеннаго вами возмущенія, то командующій отрядомъ проситъ васъ вѣрить, что это вздорныя выдумки. Онъ отвѣчаетъ за порядокъ и порубитъ всѣхъ, кто посмѣетъ нарушить его. Еще разъ примите большое спасибо за вашу предупредительность».

По извѣстному дипломатическому правилу faire bonne mine au mauvais jeu, консулъ показалъ видъ, что очень доволенъ этимъ сообщеніемъ и ушелъ—не солоно похлебавши—уведя съ собой не принятаго проходимца Фасса. Струковъ и Языковъ горячо благодарили меня за эту отповѣдь—мыслимо ли было позволять соваться въ военное управленіе консуламъ, которые, конечно, добивались этого.

Струковъ просилъ меня съѣздить осмотрѣть склады городскіе. Вездѣ я засталъ страшное безурядье: всѣ, кто могъ, тащили охапками и возами запасы платья, полотенъ, хлѣба. Я вытолкалъ воровъ, не смотря на ихъ протесты, что «они охраняютъ», заперъ двери на ключи и приставилъ караулы....

Склады, впрочемъ, были такъ велики, что осмотрѣть, а тѣмъ болѣе провѣрить ихъ не было возможности въ такое короткое время. Какъ послѣ оказалось, въ одномъ изъ складовъ нашлось множество прекрасныхъ бамбуковыхъ тростей для пикъ, которые главнокомандующій подарилъ лейбъ-уланскому

полку; добрѣйшему А. П. было кажется досадно, что я просмотрѣлъ эти дротики и не далъ ему возможности преподнести этотъ подарокъ своимъ однополчанамъ.

Вмѣстѣ со складами я осмотрѣлъ и многія мечети, изъ нихъ главная—забылъ ея имя—великолѣпна, величественна!

Только что воротился я съ этого осмотра, какъ у насъ случился пожаръ, что, впрочемъ, было неудивительно, потому что казаки, благо въ сухихъ дровахъ недостатка не было, развели ужасный огонь на кухнѣ—хорошо, что сгорѣлъ одинъ только домъ, нами занимаемый, а сосѣдніе отстояли.

Струковъ извѣстился, что протеже австрійскаго консула грекъ Фассъ, смѣщенный съ губернаторства, интригуетъ, старается вызвать недоразумѣнія и безпорядки, и хотѣлъ арестовать его, но, передумавъ, рѣшилъ только сдѣлать ему внушеніе. Рано утромъ я поѣхалъ къ грекосу на домъ съ нѣсколькими драгунами, которые оцѣпили домъ; я вошелъ въ комнаты, гдѣ изъ всѣхъ дверей и щелей торчали испуганныя физіономіи. Хозяинъ вышелъ блѣднѣе смерти, съ какимъ-то оловяннымъ взоромъ—очевидно, онъ ожидалъ, судя по турецкимъ порядкамъ, что пришелъ его послѣдній часъ. Я собралъ всю мою дипломатію и, освѣдомившись о его здоровьѣ, количествѣ дѣтей и проч., навелъ рѣчь на необходимость для него воздержаться отъ всякихъ тайныхъ происковъ, которые могутъ навлечь на него большія непріятности;

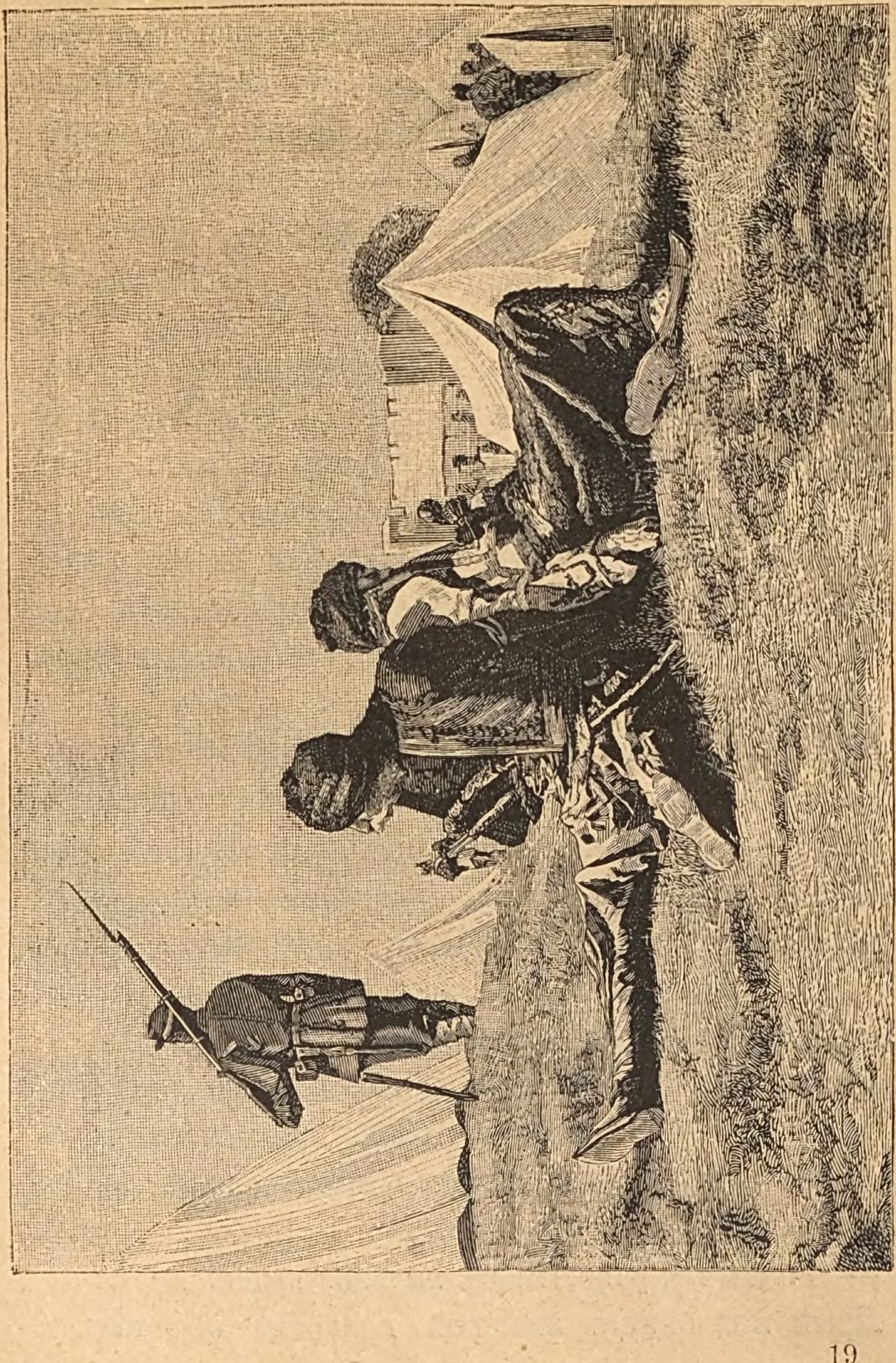
въ заключеніе прибавилъ, что генералъ поручилъ это передать ему и выразить отъ его имени увѣренность. что не придется прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, Фассъ чуть не одурѣлъ отъ радости: какъ-то подпрыгивая, онъ началъ увѣрять въ преданности, желаніи быть полезнымъ и проч., и проч.

Привели къ Струкову двухъ албанцевъ, отчаянныхъ разбойниковъ, по увѣренію болгаръ, вырѣзывавшихъ младенцевъ изъ утробъ матерей. Генералъ приказалъ связать ихъ покрѣпче, и драгуны, поставивши ребятъ спинами вмѣстѣ, стянули локти, такъ что они совсѣмъ побагровѣли и двинуться потомъ не могли. Брошенные на землю, они какъ два тигра, мрачно смотрѣли изподлобья на окружавшую ихъ толпу болгаръ, преимущественно женщинъ и дѣтей, бранившихся, плевавшихъ имъ въ глаза, бросавшихъ комьями и грязью. Приставленный къ нимъ часовымъ драгунъ, конечно, не мѣшалъ этому лягавью и заушенью.

Въ виду тяжести обвиненій я предложилъ Струкову повѣсить ихъ, но онъ не согласился, сказавъ, что не любитъ разстрѣливать и вѣшать въ военное время и не возьметъ этихъ двухъ молодцовъ на свою совѣсть, а передастъ ихъ Скобелеву—пускай тотъ дѣлаетъ, что хочетъ.

— Хорошо, отвѣчалъ я, попрошу Михаила Дмитріевича: отъ него задержки, вѣроятно, не будетъ.

— Что это вы, Василій Васильевичъ, сдѣлались такимъ кровожаднымъ?—замѣтилъ Струковъ.—Я не зналъ этаго за вами.

Связанные Албанцы.

Тогда я признался, что еще не видалъ повѣшенія и очень интересуюсь процедурою, которая, конечно, будетъ совершена надъ этими разбойниками.—Мнѣ въ голову не приходило, чтобы ихъ можно было «простить»,—до такой степени ясно были они обвинены населеніемъ, съ показаніями свидѣтелей и проч.

Когда на другой день я пришелъ взглянуть на двухъ албанцевъ, жалость меня взяла—напрасно ихъ сейчасъ же не разстрѣляли. Совершенно опухшіе, посинѣлые отъ перевязки, они припали къ землѣ, глухо выговаривая: «аманъ, аманъ»! Чалмы и фески были сбиты, лица и головы разбиты, окровавлены комьями и камнями, которые густая толпа народа не переставала швырять въ нихъ. Часовой продолжалъ безстрастно ходить около, не видя надобности мѣшать потѣхѣ.

Скобелевъ пріѣхалъ къ вечеру. Мы выѣхали встрѣчать его на желѣзную дорогу и потомъ большою, нарядною кавалькадой проводили до конака, гдѣ онъ помѣстился. По дорогѣ все населеніе вышло привѣтствовать храбраго генерала; повторилась сцена энтузіазма нашего въѣзда, хотя уже гораздо менѣе восторженная—такія сцены, какъ та, не могутъ повторяться. Изъ всѣхъ домовъ выглядывали лица гречанокъ, нѣкоторыя поразительной красоты; я ѣхалъ за Михаиломъ Дмитріевичемъ и командовалъ время отъ времени:

— Глаза направо, глаза налѣво, выше!

Ярый поклонникъ женской красоты, онъ такъ и

впивался глазами въ красавицъ, да, кажется, и тѣ съ своей стороны особенно старательно провожали его взорами. Смотримъ, нашъ пріятель Фассъ тутъ какъ тутъ! Ѣдетъ за генераломъ, чтобы показать, что и онъ въ милости. Его попросили убираться, тогда онъ поѣхалъ впереди и сталъ кричать направо и налѣво:

— Кланяйтесь генералу, привѣтствуйте генерала!

Ему послали сказать, чтобы онъ убрался совсѣмъ вонъ—тогда только онъ скрылся.

Я попросилъ Скобелева повѣсить помянутыхъ двухъ разбойниковъ, онъ отвѣтилъ: «это можно», и, позвавши командира стрѣлковаго батальона полковника К*, приказалъ нарядить полевой судъ надъ обоими схваченными албанцами и прибавилъ:

— Да, пожалуйста, чтобы ихъ повѣсить.

— Слушаю, ваше превосходительство,—былъ отвѣтъ.

Я считалъ, что дѣло въ шляпѣ, т. е. что до выхода нашего изъ Адріанополя я еще увижу эту экзекуцію и послѣ передамъ ее на полотнѣ. Не тутъ-то было: незадолго передъ уходомъ, найдя обоихъ пріятелей все въ томъ же незавидномъ положеніи и освѣдомившись: «развѣ ихъ не будутъ казнить?» — я получилъ въ отвѣтъ: «нѣтъ».

Узнавши о назначеніи полевого суда, Струковъ просилъ Михаила Дмитріевича, «для него», не убивать этихъ двухъ кавалеровъ и очень вѣроятно, что они и по сію пору здравствуютъ, похваляютъ милосерд-

ное русское начальство... и распарываютъ чьи нибудь животы... Я написалъ ихъ связанными, такъ и не понявши, какое сантиментальное чувство побудило миловать албанскихъ разбойниковъ, безъ зазрѣнія совѣсти губившихъ болгаръ, когда жизни нашихъ жертвовались за тѣхъ же болгаръ тысячами.

II.

Къ ночи, на третій день пребыванія въ Андріанополѣ, мы выступили по дорогѣ къ Константинополю. Было такъ темно, что отрядъ разорвался, потерявъ слѣдъ впереди шедшихъ коней; вотъ былъ хорошій случай непріятелю порубить насъ или захватить въ плѣнъ: рыскавшіе въ окрестностяхъ черкесы могли бы это сдѣлать, если бы они не выродились и изъ дикихъ, неукротимыхъ горныхъ пантеръ не обратились въ степныхъ шакаловъ, годныхъ только для грабежа. Мы остановились посреди дороги, около какихъ-то домишекъ, развели большой огонь и, дремля близъ пылавшихъ бревенъ, дождались утра, когда догнали полки.

Остановка и отдыхъ были въ селеніи-городкѣ Хавса, гдѣ мы нашли въ конакѣ полный тюремный аппаратъ для пытокъ и для заковыванія преступниковъ въ кандалы. Маленькую коллекцію этихъ турецкихъ игрушекъ, какъ-то—шейныя, ручныя и ножныя кандалы, весьма почтеннаго вѣса, и еще болѣе увѣсистую цѣпь—я взялъ себѣ на память; на эту цѣпь нанизывались преступники, болгары пре-

имущественно, когда ихъ скованными отправляли въ Андріанополь.

Здѣсь выбѣжали къ намъ болгары съ сосѣдняго чифлика (т.-е. фермы) сказать, что нѣсколько турокъ ночевали тамъ эту ночь и произвели страшныя дебоширства, даже трогали женщинъ. Струковъ далъ мнѣ Христо и нѣсколько уланъ и велѣлъ, если возможно, накрыть злодѣевъ. Когда, проѣхавши на рысяхъ 5 верстъ разстоянія до чифлика, мы прибыли туда, намъ только показали далеко впереди, между пригорками и кустами, 3 фигуры турокъ, улепетывавшихъ во всѣ лопатки; какъ я могъ разсмотрѣть, это были пѣхотные солдаты. Христо, охваченный воинственнымъ жаромъ, просилъ позволить ему хоть съ однимъ солдатомъ догнать бѣглецовъ, но это было очевидно нелѣпо, такъ какъ до нихъ было не менѣе 2-хъ верстъ и они, конечно, всегда могли если не убѣжать, то хоть спрятаться отъ преслѣдованія. Я предпочелъ воротиться безъ побѣды, но Христо мой, понимавшій храбрость только въ самомъ бурномъ смыслѣ, рѣшился вложить въ ножны свою саблю, которую онъ уже извлекъ, не прежде, чѣмъ отсѣкши ею голову хоть гусю, пасшемуся въ небольшомъ стадѣ около фермы. Обезглавленный потомокъ спасителей Рима, вмѣстѣ съ другимъ, живымъ, былъ взятъ нами съ собою, также какъ запасъ кислаго молока и кислой капусты, нѣсколько напомнившихъ за обѣдомъ далекую родину. Мнѣ указали на женщинъ, потерпѣвшихъ отъ турокъ.

— Съ вами дурно обошлись?

— Да, отвѣчала одна,—конфузясь и закрывая лицо руками—очевидно, разспрашивать ихъ о подробностяхъ не приходилось.

По дорогѣ отсюда, изъ Хавса, еще болѣе, чѣмъ около Андріанополя, выбѣгало къ намъ на встрѣчу жителей, покинувшихъ дома и спасавшихся въ окрестныхъ лѣсахъ и кустарникахъ. Сначала мы приняли ихъ издали за непріятельскихъ мародеровъ, да и они, очевидно, не сразу рѣшились выходить къ намъ изъ своихъ засадъ, не будучи совершенно увѣрены, что это точно православное русское войско, о приближеніи котораго они, конечно, хорошо знали; за то, разъ увѣрившись въ этомъ, высказывали свою радость самымъ искреннимъ образомъ, бросались передъ нами на колѣна, цѣловали полы платья, когда имъ удавалось поймать ихъ; большинство плакало и кричало: «да живей, да живей царь Александръ!» Всѣ они жаловались не только на турецкія войска, но и на турецкихъ поселянъ, ушедшихъ къ Константинополю и передъ своимъ отходомъ ограбившихъ односельчанъ болгаръ до чиста: отнявшихъ съ помощью мѣстныхъ турецкихъ властей не только всю одежду, посуду, цѣнныя вещи, у кого были, но и лошадей, воловъ, телѣги; по словамъ ихъ, эмигранты эти выступили недавно и не должны были быть еще далеко впереди насъ: они умоляли воротить имъ хоть что-нибудь изъ ограбленнаго добра!

Съ приближеніемъ нашимъ къ Баба-Эски, слѣды

поголовнаго разбоя и грабежа дѣлались все сильнѣе и сильнѣе; раздавались плачъ, вой, причитанья женщинъ: видно было, что грабежъ совершенъ былъ очень недавно. При входѣ въ мѣстечко бросился въ глаза трупъ болгарскаго священника, уже старика, лежавшаго подъ заборомъ съ глубоко перерѣзаннымъ горломъ. Сосѣди разсказывали, что злодѣи пристали къ покойному съ требованіемъ указать, гдѣ у него скрыты деньги, также гдѣ спрятаны молодыя дѣвушки мѣстечка и, когда онъ отвѣтилъ, что денегъ нѣтъ, а гдѣ женская молодежь, онъ не знаетъ — убили его. Тамъ и сямъ по домамъ раздавался жалобный женскій плачъ. Послѣдніе турки ушли только наканунѣ и, двигаясь на волахъ, очевидно должны были быть еще недалеко.

Здѣсь, какъ въ Хавса, была наша дневка. Струковъ шелъ разумно, не застаиваясь нигдѣ, отдыхая каждый третій день. Мы выступали очень рано, еще въ темнотѣ, дѣлали привалъ для роздыха и ѣды, потомъ до вечера опять шли и останавливались на ночь; затѣмъ шли также съ роздыхомъ весь слѣдующій день, а всѣ послѣдующіе сутки отдыхали. Генералъ обращалъ особенное вниманіе на лошадей, которыя были свѣжи, бодры и въ хорошемъ тѣлѣ; про людей и говорить нечего—всѣ смотрѣли гоголемъ.

Не доходя Люлле-Бургасса, мы начали догонять послѣдніе возы турецкихъ бѣглецовъ. Боясь обыска и отвѣтственности за грабежъ, они бросали по дорогѣ разные болгарскіе узоры и прошивки, отодран-

ные отъ украденнаго добра — я подбиралъ и составилъ себѣ интересную коллекцію; бросали сабли, ружья, предварительно изломанныя и разбитыя. Струковъ далъ имъ приказаніе остановиться, для чего пришлось, посылать далеко впередъ, такъ какъ возы растянулись на огромномъ пространствѣ. Часть была собрана передъ мостомъ, ведущимъ въ городъ, другіе стояли на дорогѣ, третье стояли еще по другой дорогѣ и, наконецъ, еще возы двигались по третьему пути, по другой сторонѣ Марицы, но тѣхъ мы уже не могли остановить. Число возовъ было громадно. Помню, Струкову былъ печатный укоръ за превышеніе числа эмигрантовъ; несмотря на просьбу его, я не хотѣлъ вмѣшиваться въ то время въ газетный споръ, но теперь, кстати, замѣчаю, что фактъ отступленія турокъ по н ѣ с к о л ь к и м ъ дорогамъ разбиваетъ помянутые нападки. Донесеніе главнокомандующему о дѣлѣ турецкихъ бѣженцовъ писано и мною всѣ цифры, приблизительно, разумѣется, вѣрны.

Такъ какъ этотъ народъ самъ не зналъ, зачѣмъ онъ двигается къ Константинополю, гдѣ ихъ ожидало раззореніе, голодъ, болѣзни, то я предложилъ генералу дозволить вернуться назадъ тѣмъ, которые бы этого пожелали; онъ согласился. Взявши Христо и велѣвъ собраться старшинамъ эмигрантовъ, я объявилъ имъ, что въ «Румѣ, куда они идутъ, уже теперь голодъ, они проживутся тамъ, раззорятся и переболѣютъ, по этому не лучше ли имъ теперь же вернуться назадъ — русскій генералъ не только не

будетъ препятствовать возвращенію, но, желая имъ добра, даже совѣтуетъ это». Много было у нихъ толковъ по этому поводу. Очевидно было, что нѣкоторые, на совѣсти которыхъ, вѣроятно, было менѣе грѣховъ и несправедливостей противъ болгаръ, хотѣли вернуться; другимъ самая мысль объ этомъ была противна. Имъ дали подумать на свободѣ и въ назначенный часъ велѣли дать отвѣтъ.

Тѣмъ временемъ, объѣхавши всѣ кварталы этого подвижного городка переселявшихся, я объявилъ, чтобы все оружіе было снесено на площадь — за утайку будетъ строго взыскано. Скоро цѣлая гора разнаго оружія была снесена въ кучу, изъ которой я опять выбралъ себѣ нѣсколько хорошихъ экземпляровъ; кое-что взяли офицеры, а прочее было снесено подъ караулъ на храненіе.

Часть турокъ рѣшила возвратиться, если имъ дадутъ конвой для защиты отъ болгаръ—имъ обѣщали, и они скоро, дѣйствительно, выступили въ обратный путь, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ уланъ. Болгары, чувствуя теперь свою силу, какъ шакалы, рыскали въ окрестностяхъ и нѣкоторые имѣли смѣлость даже на нашихъ глазахъ стащить кое-что съ турецкихъ возовъ, утверждая, что это ихъ же. Я отогналъ многихъ ударами нагайки, но въ сущности былъ бы въ затрудненіи рѣшить, кто тутъ грабитъ и кто ограбленный—не разберешь.

Проѣзжая въ толпахъ турокъ и ихъ повозокъ, я замѣтилъ, что большинство женщинъ были очень

красивы собою, встрѣчались просто красавицы. Помню, Струковъ разговарился съ нѣкоторыми изъ нихъ, обратившихся къ нему съ какою-то просьбой, и одна, еще очень красивая молодая бабенка, такъ бойко болтала, такъ настаивала на томъ, что у нея мужъ убитъ и она теперь свободна дѣлать, что хочетъ, что добрѣйшій Александръ Петровичъ не утерпѣлъ, замѣтилъ:—«а вѣдь баба-то... шалитъ».

Большая часть повозокъ рѣшила все-таки продолжать путь далѣе, и имъ въ этомъ не препятствовали. Когда передовыя телѣги, перейдя въ бродъ протекающую тутъ рѣку, выступили, я поѣхалъ посмотрѣть, насколько тамъ соблюдается порядокъ, и еще у самой рѣки услышалъ раздирающіе женскіе крики. Я поскакалъ къ тому мѣсту, откуда они доносились, и что же увидалъ: казаки остановили повозку, двое изъ нихъ вскочили туда; одинъ держитъ женщину, другой обыскиваетъ ее, обыскиваетъ мастерски, точно на фортепьяно играетъ! Бросить свою жертву и скрыться не хуже любой кошки было для казачковъ дѣломъ минуты; тѣмъ не менѣе ихъ разыскали и на другой день посреди отряда, построеннаго въ каре, была совершена экзекуція розгами, въ примѣръ всѣмъ — «имѣяй очи видѣти, да видитъ». Струковъ сказалъ мнѣ спасибо, но полковой командиръ казаковъ былъ недоволенъ.

Вечеромъ въ день выступленія всей этой массы турецкихъ эмигрантовъ я написалъ, по просьбѣ Струкова, донесеніе главнокомандующему, гдѣ выставилъ

на видъ необходимость дать понять константинопольскому правительству весь вредъ такихъ насильныхъ выселенiй, болѣе разорительныхъ и для края, и для самихъ выселявшихся, чѣмъ самая война, и бывшихъ слѣдствiемъ только фанатизма и сумасбродства Сулеймана-паши.

На дорогѣ отсюда случилась ложная тревога у насъ, т.-е. у Струкова и ѣхавшихъ съ нимъ вмѣстѣ не по той дорогѣ, по которой шелъ отрядъ, чтобы избѣжать пыли и встрѣчъ съ повозками, а по другой, ближе къ протекающей тутъ рѣкѣ. По той сторонѣ рѣки шло также не мало повозокъ и всякаго сброда; мы замѣтили, что большая группа этихъ людей, оглядѣвши насъ, бросилась къ лодкамъ и начала переправляться на нашу сторону... По правдѣ сказать, всѣ, начиная со Струкова, немножко струхнули, конечно, не опасности быть убитыми или раненными, а возможности попасться въ плѣнъ—насъ могли захватить какъ полдюжины барановъ, потому что мы были очень далеко отъ своихъ и совершенно безоружны, если не считать револьвера у меня и ружья у моего казака. Оказалось, что у людей этихъ были мирныя намѣренiя: это были болгары, явившiеся донести о движенiяхъ турокъ, принести жалобы и проч., и мы сами посмѣялись надъ нашимъ переполохомъ.

* * *

Мы приближались къ городу Чорлу, въ которомъ, по свѣдѣнiямъ, добытымъ отъ туземцевъ, находились

турецкія войска. Для развѣдки посланъ былъ князь Д* съ полуэскадрономъ драгунъ, участью котораго генералъ сталъ скоро безпокоиться, такъ какъ болгары по дорогѣ утверждали, что турки имѣютъ пѣхоту и орудія. На послѣднемъ привалѣ, передъ самымъ выходомъ, Струковъ, не получа вѣсти отъ кн. Д*, тоскливо спросилъ меня, какъ я думаю, хорошо ли будетъ идти всѣмъ отрядомъ, не разузнавши о силѣ непріятеля? Я отвѣчалъ, что конечно, неблагоразумно и предложилъ поѣхать впередъ на рысяхъ, съ сотнею казаковъ, осмотрѣть позицію турокъ, вызвать огонь изъ орудій, если таковыя есть, и прислать ему набросокъ мѣста расположенія непріятеля. Струковъ такъ и сдѣлалъ: призвалъ одного изъ сотенныхъ командировъ и сказалъ ему:

— Вы поѣдете вотъ за ними, они будутъ снимать турецкую позицію, потрудитесь прикрывать и защищать ихъ.

Какъ потомъ оказалось, это спасло драгунъ и даже избавило бы ихъ вовсе отъ потерь, если-бы не лукавство и «себѣ на умѣ» казачковъ. Получивши приказаніе оберегать меня, въ виду турецкихъ позицій, т.-е подвергать и себя, и своихъ лошадокъ опасности, почтенные Донилычи (съ Дону) очень не торопились исполнить его: я поѣхалъ рысцею, они—шажкомъ; я прибавилъ рыси и послалъ къ нимъ одного изъ бывшихъ при мнѣ двухъ казаковъ, съ предложеніемъ поторопиться—они отвѣтили, что лошади очень устали и, переходя отъ словъ къ

дѣлу, сошли съ коней и повели ихъ въ поводу,— дескать успѣешь.

Подъѣзжаю къ Чорлу, слышу выстрѣлы, чаще, чаще — горячая перестрѣлка! Тогда я послалъ казака уже съ приказаніемъ сотенному командиру поспѣвать маршъ-маршемъ подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности. Самъ остановился, жду, каюсь, далеко нехладнокровно. Передо мною спускъ въ глубокую ложбину рѣки, за которою виденъ городъ; выстрѣлы и крики все приближаются, приближаются; наконецъ, изъ-за горы показывается всадникъ, другой, третій—это наши драгуны, во весь опоръ утекающіе отъ преслѣдующихъ ихъ турокъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову—вотъ, думалось, непріятель сейчасъ налетитъ и порубитъ.

— Стой, стой!—закричалъ я, бросаясь наперерѣзъ.—Стой, такіе сякіе!—и уже поднялъ нагайку на одного солдата, но, взглянувши на его лицо, опустилъ руку.

— Я раненъ,—промычали его позеленѣвшія губы, и дѣтина пронесся, не въ силахъ будучи сдержать лошадь. Въ это время прискакали казаки, и турки, съ высоты города видѣвшіе ихъ подходъ, дали знать своимъ остановить преслѣдованіе.

У драгунъ кавардакъ былъ полный; они собрались на возвышенномъ берегу лощины и люди, въ первый разъ бывшіе въ огнѣ, насилу, очевидно, опомнились отъ сюрприза. Я замѣтилъ Д*:

— Какъ вамъ не стыдно такъ отступать?

— Что же вы хотите,—отвѣтилъ онъ,—люди молодые, не слушаютъ команды; потомъ, немного погодя, подумавши, разсердился и прибавилъ:—да вамъ то что за дѣло?

— Стыдно только за васъ, больше ничего.

Однако, и въ правду, при нечаянномъ нападеніи на людей не слыхавшихъ еще огня, офицерамъ оставалось только одно—спасаться слѣдомъ за ними, что они и сдѣлали, отстрѣливаясь револьверами отъ нападавшихъ на нихъ турокъ.

Все дѣло происходило такъ: Д* благополучно дошелъ до Чорлу, не обративши достаточно вниманія на то обстоятельство, что болгары не вышли къ нему на встрѣчу передъ городомъ, что служило уже вѣрнымъ знакомъ присутствія турокъ. Спустясь къ рѣкѣ въ ложбину, на которой идетъ полотно желѣзной дороги и находится желѣзнодорожная станція, онъ сталъ допрашивать, есть ли въ городѣ турки.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ помощникъ смотрителя,—они ушли всѣ, и это была правда.

Д* велѣлъ слѣзать съ лошадей и пошелъ осматривать станціонныя зданія.

Между тѣмъ турки, которыхъ было до двухъ тысячъ, дѣйствительно, выступили изъ города и переднія ихъ части были уже далеко, но арріергардъ, состоявшій изъ кавалеріи личнаго конвоя султана, прекрасно одѣтаго и вооруженнаго скорострѣльными ружьями Пибоди, только-что оставилъ

городъ; услышавъ, что «московъ» пришли въ небольшомъ числѣ и расположились на станціи по-домашнему, они повернули назадъ и, въ числѣ двухъ-трехъ сотенъ, ударили на нашихъ! Драгуны едва успѣли вскочить на лошадей и собраться на мостъ, гдѣ стали отстрѣливаться; турки засыпали ихъ свинцомъ, и наши, чтобы не отстать, отвѣчали по возможности тѣмъ же; но такъ какъ у нихъ было всего по 20 патронъ на человѣка, то они въ нѣсколько минутъ разстрѣляли все, а затѣмъ, видя, что непріятель сталъ переходить рѣчку въ бродъ, съ намѣреніемъ обойти и окружить ихъ, ударились на утекъ; турки за ними, порубили 15 человѣкъ и, конечно, истребили бы всѣхъ, еслибы не показалась слѣдовавшая за мною сотня казаковъ.

Я всталъ съ казаками на самый край холма, облегавшаго ложбину рѣчки. Передъ нами былъ весь живописно раскинувшійся на противоположной возвышенности городъ; внизу—желѣзнодорожная станція и мостъ, по которому лѣниво отходилъ непріятель, оглядываясь какъ бы съ сожалѣніемъ, что пришлось выпустить изъ рукъ добычу; перейдя мостъ они присоединились къ своимъ, выжидая, очевидно, чтò мы предпримемъ. Зная, что Струковъ, котораго долженъ былъ извѣстить тотъ же самый казакъ мой, что вызвалъ сотню, не оставитъ прислать подкрѣпленіе, я предложилъ сотенному командиру начать тихонько спускаться, а Д* крикнулъ, чтобы, въ случаѣ нужды, онъ поддержалъ насъ.

— Не ходите,—вопилъ издали Д*,—я вамъ говорю, не ходите—ихъ много!

Сотенный командиръ объявилъ, что онъ не беретъ на себя повести людей въ такомъ маломъ числѣ,—«развѣ вы прикажите?»

— Я не имѣю права вамъ приказывать, но если вы не рѣшаетесь,—хорошо, приказываю—впередъ, дружно, тѣснѣе!

Тихо стали мы спускаться, драгуны пошли за нами, тихо же стали отходить турки. Они были отъ насъ въ разстояніи 400—500 шаговъ, такъ что мы могли разсмотрѣть каждаго всадника отдѣльно: всѣ, какъ на подборъ, щегольски одѣты, съ полулуніями на шапкахъ и всѣ на славныхъ, маленькихъ, крѣпкихъ коняхъ.

Въ донесеніи, посланномъ Струкову, я предложилъ, кромѣ подмоги лично намъ, послать еще по отряду въ обходъ, что онъ и исполнилъ: лишь только мы перешли мостъ, пришелъ къ намъ на рысяхъ эскадронъ уланъ и съ адъютантомъ этого полка, милѣйшимъ офицеромъ, имя котораго забылъ, мы были торжественно встрѣчены, какъ избавители (чему мы не мало смѣялись), вышедшими греками и болгарами, причемъ дѣло не обошлось безъ цѣлованія нашихъ рукъ и ногъ.

Страшный вой огласилъ въ то же время окрестность: это Д* наказывалъ желѣзно-дорожнаго чиновника, будто солгавшаго ему, что турки уже ушли, въ сущности сказавшаго правду,—но за правду вѣдь

бьютъ! Такъ какъ экзекуцію производили потерпѣвшіе драгуны, то легко было понять, что она была нешуточная и что кричавшій не притворялся.

Отъ генерала пришло приказаніе не входить въ самый городъ, ожидать его. Скоро пріѣхалъ Струковъ и съ нимъ ротмистръ князь Васильчиковъ, привезшій извѣстіе о заключеніи перемирія! Отрядъ былъ остановленъ, подошедшіе болгарскіе священники отслужили молебенъ, послѣ чего князь Васильчиковъ, передавши солдатикамъ благодарность его Высочества Главнокомандующаго за службу, объявилъ о заключеніи перемирія и вѣроятности скораго заключенія мира. Ему, какъ и Струкову, съ своей стороны благодарившему за только-что кончившееся дѣло, отвѣчали дружнымъ, громкимъ «ура».

III.

Мы расположились въ «конакѣ» и общество наше увеличилось теперь княземъ Васильчиковымъ, простымъ, покладистымъ малымъ. Мясо и овощи были не дурны, масло, сливки—очень хороши, а изюмъ и миндаль такъ дешевы и вкусны, что мой адріанопольскій трофей,—по всей вѣроятности отъ какого-нибудь амбара, ключъ—безустанно работалъ, разбивая орѣхи. Казакъ мой, кубанецъ Курбатовъ, вороватый, но не злой малый, прежде бывшій въ должности и драбанта и повара, теперь не былъ допускаемъ къ варкѣ щей, борщу и т. п., хотя онъ ссорился съ

людьми Струкова изъ-за этого и увѣрялъ, что сварилъ бы не хуже другихъ; ему было поручено приготовленіе только кофе, потреблявшагося въ огромномъ количествѣ и поэтому варившагося въ колоссальномъ мѣдномъ чайникѣ. Потому ли, что кофе былъ, дѣйствительно, хорошъ или потому, что, при постоянномъ движеніи, желудки наши были не взыскательны, мы очень хвалили его, чѣмъ Курбатовъ мой такъ возгордился, что когда кто-то другой позволилъ себѣ приготовить этотъ напитокъ, онъ полѣзъ въ драку. Интересно то, что, главнымъ образомъ, приготовленію этого кофе казакъ мой обязанъ былъ полученною имъ наградою.

— Почему вы, Василій Васильевичъ, не представите вашего казака? (къ наградѣ)—спросилъ меня С.

— Да за что же ему давать крестъ, вѣдь онъ въ огнѣ со мною ни разу не былъ.

— Что-жъ такое, это не его вина, не случалось; я увѣренъ, что при случаѣ онъ не отсталъ бы отъ васъ.

— Такъ-то такъ; пожалуй, представьте. Такимъ образомъ Курбатовъ украсился знакомъ отличія...

Здѣсь кстати сказать, что легкость, съ которою даются солдатскіе кресты, удивительна; еще въ частяхъ соблюдается кое-какая справедливость, потому что данные знаки отличія, столько-то на роту, распредѣляются, большею частію, самими же солдатами, которые хотя и присуждаютъ ихъ не дѣйствительно отличившимся, а фельдфебелю и унтерамъ, но все-

таки вопіющихъ несправедливостей избѣгаютъ. Но почему, напр., юнкера и разжалованные изъ офицеровъ всегда всѣ увѣшиваются однимъ, двумя, тремя и четырьмя *) Георгіевскими крестами, даже если они только просто участвовали въ дѣлѣ? Разжалованный офицеръ можетъ быть увѣренъ, что на него навѣсятъ такъ себѣ ни за что, изъ одного уваженія къ несчастію, два-три креста, за которые солдату надо крѣпко отличаться или принять нѣсколько ранъ. Деньщики въ штабахъ и главныхъ квартирахъ, всѣхъ людей мало-мальски вліятельныхъ или имѣющихъ доступъ къ вліятельнымъ лицамъ, непремѣнно украшаются крестами, даже если они ни разу не слышали свиста пули, а только перевозили господскую хурду-мурду въ обозѣ арміи. У С. деньщикъ, казакъ Паршинъ, получилъ два креста и въ благодарность, передъ уходомъ домой на Донъ, стянулъ у барина скорострѣльное ружье. Нашъ Христо, носившій одинъ крестъ, но имѣвшій непреодолимое желаніе навѣсить нѣсколько, просилъ меня въ концѣ похода замолвить за него Струкову, при чемъ, разумѣется, высчиталъ всѣ свои права и заслуги. Увы, надобно сознаться, что я обѣщалъ замолвить и, дѣйствительно, замолвилъ. Во время коронаціи я видѣлъ Христо, съ важностью ученаго пуделя ходившаго за болгарскимъ княземъ, съ тремя крестами въ петлицахъ,—утѣшаюсь тѣмъ, что не по одной моей винѣ,

*) Четвертый—золотой съ бантомъ.

что тутъ былъ грѣхъ и С. и разныхъ благодѣтелей главной квартиры, передъ которыми бравый Христо, конечно, не преминулъ повторить счетъ своихъ правъ и заслугъ.

Казаки наши, должно быть, обрадовались перемирію: запалили такой огонь, что, проходя мимо ихъ помѣщенія, я невольно подумалъ: не было бы, однако, опять пожара!»—Такъ и есть, скоро запылалъ весь домъ, и я едва успѣлъ самъ вывести моихъ лошадей. Никто, впрочемъ, не сгорѣлъ, хотя дѣло было къ ночи, и никто ничего не потерялъ въ огнѣ, за то прекрасный конакъ сгорѣлъ до тла—второй домъ счетомъ изъ пріютившихъ насъ и нашихъ героевъ-деньщиковъ! Была уже темная ночь, когда мы, стоя на другой сторонѣ площади, наблюдали за тушеніемъ огня и отстаиваніемъ сосѣднихъ зданій, а потомъ перебрались въ одну изъ недальнихъ улицъ, въ домъ какого-то грекоса—и помѣстились недурно.

Не мало тутъ было хлопотъ съ жителями, жаловавшимися на обиды и несправедливости не только турецкія, но и нашихъ солдатиковъ, нѣтъ-нѣтъ да и покушавшихся искать счастья въ чужихъ домахъ. Одинъ разъ я ходилъ ловить мародеровъ вмѣстѣ со Струковымъ, который, потерявши терпѣніе, пошелъ ночью провѣрить справедливость жалобъ жителей на обиды; больше же я ходилъ одинъ съ казакомъ «что вѣтра въ полѣ» искать этихъ ловкачей, искателей кладовъ,—шмыгаютъ черезъ заборы и крыши да и баста! Хоть и то ладно, что спугнешь ихъ.

У Струкова здѣсь была масса дѣла; днемъ я помогалъ ему чѣмъ могъ, также какъ и помянутый драгунскій офицеръ, переписывавшій бумаги; но ночью я преисправно спалъ и только спросонья, однимъ глазкомъ, видалъ иногда, какъ онъ строчитъ донесеніе или принимаетъ его отъ одного изъ многихъ маленькихъ отрядовъ, разосланныхъ въ разныя стороны: тамъ захватили желѣзнодорожную станцію съ правительственною корреспонденціей, тамъ напали на шайку грабившихъ черкесовъ, или на возу захватили турецкое знамя, снятое съ древка, съ цѣлью половчѣе скрыть его, и т. п. Какъ въ извѣстномъ французскомъ водевилѣ «Угольщики», гдѣ полицейскому комиссару не везетъ съ завтракомъ; только-что онъ вытащитъ его и соберется закусывать, — стучатся просители и жалобщики; только-что мой Александръ Петровичъ прочитаетъ депешу, дастъ отвѣтъ, отпуститъ вѣстника и, затушивъ свѣчу, собирается всхрапнуть, — опять въ темнотѣ: стукъ, стукъ! «Ваше превосходительство!..».

Скобелевъ пріѣхалъ на третій день вечеромъ на желѣзнодорожной дрезинѣ; мы его ждали очень долго, не дождались, воротились назадъ на станцію и готовились уѣхать домой, когда онъ подкатилъ. Оказалось, что милѣйшій Михаилъ Дмитріевичъ выбрилъ себѣ голову, что, по правдѣ сказать, очень не шло къ нему, тѣмъ болѣе, что картузъ, сдѣлавшись слишкомъ широкимъ, сидѣлъ совсѣмъ на ушахъ. Скобе-

левъ всегда страшно боялся потерять волосы, облысѣть, какъ отецъ его, и достаточно было сказать ему: «а вѣдь волосы-то у васъ скоро вылѣзутъ, Михаилъ Дмитріевичъ»—чтобъ онъ, посуливши типуна на языкъ, на другой же день не выстригся подъ гребенку. Въ данномъ случаѣ, надобно думать, что «бѣлый паша» не прочь былъ популярничать немного между мусульманами своею выбритою головою и только выраженіе невольнаго изумленія всѣхъ русскихъ передъ его выбритымъ черепомъ видимо его стѣсняло и раздражало.

Вскорѣ же по пріѣздѣ начальника авангарда арміи мы выступили по направленію къ Чаталджѣ, гдѣ, по условію съ турецкимъ правительствомъ, должны были остановиться.

Это были уже послѣдніе наши походы. И офицеры, и солдаты были рады перемирію и скорому, вѣроятно, заключенію мира, о которомъ жены и семьи на далекой родинѣ давно уже молили Бога; только мысль о возможности «аккупаціи» смущала нѣсколько общую радость.

* * *

Что за чудесныя развалины встрѣтились здѣсь по дорогѣ! Влѣво отъ нашего пути виденъ былъ холмъ съ разбросанными по немъ остатками построекъ—я свернулъ туда и очутился среди торчавшихъ изъ земли витыхъ колоннъ, капителей, базъ и проч. прекрасной работы греческо-византійскаго періода, изъ чистаго бѣлаго мрамора; съ холма были видны, на-

право и налѣво, два моря. Пастухъ сидѣлъ на этомъ холмѣ какъ на подушкѣ, набитой этими чудесными остатками былого величія края, и наблюдалъ за пасшимися кругомъ баранами; очевидно было, что никто никогда и не думалъ интересоваться здѣсь этими мраморами. Къ несчастію, и у насъ оказалосъ мало сочувствія къ нимъ; я говорилъ послѣ Скалону, что недурно было бы взять нѣсколько хорошихъ образцовъ этой архитектуры и переслать въ Россію, но получилъ отвѣтъ: «гдѣ съ этимъ возиться, не на чемъ перевозить». Вообще по всему краю здѣсь разбросаны остатки древности, преимущественно византійскаго періода греческаго величія; почти всѣ мечети заключаютъ въ себѣ много матеріала, взятаго изъ разрушенныхъ церквей. Базы колоннъ въ мечетяхъ всегда не что иное, какъ перевернутыя капители изъ храмовъ, часто удивительной работы, и со стороны входа всегда обитыя, обтертыя очищаемою о нихъ обувью правовѣрныхъ.

Встрѣтился намъ здѣсь чиновникъ телеграфнаго мѣдомства изъ Константинополя; онъ былъ посланъ осмотрѣть телеграфныя проволоки, отъ исправности которыхъ зависѣла теперь, въ значительной степени, быстрота мирныхъ переговоровъ; Струковъ пропустилъ его безпрепятственно, хотя съ нимъ не было правильнаго вида.

* * *

Силиври, прелестное мѣстечко, на самомъ морскомъ берегу, въ небольшомъ заливѣ. Ни одного

болгарина или грека не вышло къ намъ на встрѣчу—вѣрный признакъ того, что въ городѣ турецкія войска; такъ и было въ дѣйствительности. Я ѣхалъ одинъ, далеко впереди отряда. Въ улицахъ толпа народа и войска кавалеріи—тѣ самые молодцы, съ которыми мы столкнулись подъ Чорлу: всѣ такъ и уперлись въ меня глазами: народъ—съ видимымъ сочувствіемъ, котораго, однако, не смѣлъ выражать, солдаты—враждебно. Меня провели въ конакъ къ Идеатъ-пашѣ, командовавшему этимъ передовымъ отрядомъ кавалеріи.

Представившись ему, какъ секретарь русскаго генерала, я заявилъ о необходимости немедленно же очистить городъ для нашихъ солдатъ. Онъ отвѣчалъ, что не получилъ еще приказанія, но послалъ уже запросъ и ждетъ отвѣта, при чемъ выразилъ увѣренность, что ему дадутъ возможность дождаться этого отвѣта.

— Генералъ согласится, вѣроятно, на самый короткій срокъ—не болѣе.

Струковъ скоро подъѣхалъ, и я объяснилъ ему положеніе: очевидно, паша хитрилъ, хотѣлъ фактически установить границу между ихъ и нашими войсками въ Силиври, а не въ Чаталджѣ. Струковъ потребовалъ немедленнаго очищенія города.

— Да развѣ не можемъ мы вмѣстѣ помѣститься: вы займете одинъ конецъ города, я другой?...

— Нѣтъ, не можемъ,—отвѣчалъ Струковъ, начинавшій терять терпѣніе,—и повторилъ свое требованіе.

— Да вашъ секретарь далъ намъ право подождать здѣсь отвѣта.

— Нѣтъ, онъ говорилъ вамъ лишь о времени, необходимомъ для сбора къ выходу.

— Но не можемъ же мы отступить, не получивши приказанія.

— Такъ я васъ заставлю!

— Не прикажете ли, ваше превосходительство, вызвать орудіе?—обратился я къ Струкову.

— Сейчасъ, подождите, можетъ-быть, онъ уберется и такъ.

Приказавши нашимъ войскамъ не занимать весь городъ, чтобы не войти въ соприкосновеніе съ турками, генералъ прождалъ нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ мы выпили по чашкѣ кофе, но, не получая никакого отвѣта и не видя приготовленія къ выходу, такъ какъ войска ихъ продолжали стоять на улицѣ и глазѣть на нашихъ, спросилъ еще разъ и рѣшительно, очистятъ они городъ или нѣтъ?

— До полученія отвѣта изъ Константинополя нельзя,—былъ отвѣтъ.

Струковъ вышелъ въ прихожую и голосомъ, который сдѣлалъ бы честь и не такой тщедушной груди, какъ его, закричалъ:

— Батарею сюда!

Нѣсколько человѣкъ бросились исполнять приказаніе, послышалось:

— Батарею, батарею!

Что сдѣлалось съ Идеатомъ-пашею, какъ онъ засуетился!

— Сейчасъ придетъ отвѣтъ!

— Знать ничего не хочу!—отвѣчалъ Струковъ.

— Полученъ, полученъ отвѣтъ,—сейчасъ выступимъ!

Дѣйствительно, турки сѣли на коней и выступили, а мы заняли конакъ, до нельзя загрязненный и полный насѣкомыхъ. Смотримъ, вечеромъ опять является Идеатъ, въ самомъ веселомъ настроеніи, очевидно, хочетъ увѣрить, что мы можемъ жить вблизи другъ отъ друга, не ссорясь. Меня онъ дружески, какъ бы стариннаго знакомаго, хлопнулъ по плечу, на что я, съ своей стороны, отвѣтилъ здоровеннѣйшимъ, пріятельскимъ же хлопкомъ по его загорбку, зная, что на Востокѣ наружныя формы, особенно при людяхъ, считаются болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Струковъ и слышать не хотѣлъ о новыхъ турецкихъ хитростяхъ.

— Изъ Константинополя получено-де приказаніе городъ очистить, но далѣе не отходить, такъ какъ по новому-де условію съ нашею главною квартирою наши войска не должны двигаться далѣе Саливри.

— Мнѣ лучше извѣстно распоряженіе главной квартиры,—отвѣчалъ генералъ,—я пойду дальше, и если вы не отступите, атакую васъ.

— Хорошо, атакуйте, отвѣтственность за это несправедливое нападеніе будетъ на васъ.

— Послѣ разберутъ, на комъ отвѣтственность; не была бы она, смотрите, на васъ.

— Какимъ же образомъ на насъ, когда у насъ получены самыя положительныя приказанія, не далѣе какъ сейчасъ; не хотите ли взглянуть на депешу?

— Нѣтъ надобности, мои приказанія при мнѣ, и я ихъ исполню.

Насилу спровадили пашу, увѣрявшаго въ дружбѣ вообще турокъ къ русскимъ и его лично къ намъ, въ несправедливости дальнѣйшаго наступленія и т. п.

Такъ и представлялись мнѣ польскіе и русскіе люди, съѣхавшіеся для переговоровъ о мирѣ: одни ставятъ непремѣннымъ условіемъ уступку Смоленска, другіе въ отвѣтъ на это требуетъ отдачи всего вплоть до Варшавы, и, въ концѣ концовъ, послѣ многаго потѣнія, споровъ и криковъ до хрипоты, проводятъ черту, удовлетворительную для болѣе сильной и настойчивой стороны.

Выступивши на другой день, увидѣли, что вмѣстѣ съ нами же, не ранѣе, выступили изъ-подъ города и турки; причемъ шли они такъ тихо, что намъ поминутно приходилось останавливаться, утыкаясь въ хвосты ихъ лошадей. Струковъ, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, сталъ обходить турокъ, арріергардъ которыхъ остался далеко позади насъ, а когда и это не помогло, опять разсердился и приказалъ батареѣ нашей выѣхать на позицію. Турки зашевелились немного, но генералъ не удовольствовался этимъ и въѣхавши на возвышенность около дороги, тѣмъ же,

припасаемымъ имъ, очевидно, для самыхъ экстренныхъ случаевъ, громовымъ голосомъ, закричалъ:

— Маршъ-маршемъ!

Вся непріятельская кавалерія, большинство которой были арабы, вѣроятно, не поняла эту команду, но нѣкоторые, должно быть, поняли и поскакали, за ними встрепенулись и поскакали всѣ—можно сказать, была потѣха! Точно церемоніальнымъ маршемъ мимо русскаго генерала скакали арабы, съ развѣвающимися бурнусами, шелковыми платками съ кисточками и длиннѣйшими своими копьями; сѣдла нѣкоторыхъ всадниковъ, не разсчитывавшихъ, можетъ-быть, на такую бѣшенную скачку, свернулись—арабы кубыремъ черезъ голову, а потомъ, какъ кошки, галопомъ на своихъ на двоихъ, въ догонку за лошадьми, и все это при дружномъ искреннемъ смѣхѣ нашихъ солдатиковъ, буквально державшихся за бока отъ хохота!

На привалѣ въ этотъ день мы наткнулись опять на эту кавалерію. На подмогу ей явился полковникъ турецкаго генеральнаго штаба отъ Мухтара-паши, командовавшаго остатками турецкой арміи. Надобно думать, что полковникъ переговорилъ уже съ оказавшимися тутъ же австрійскимъ и американскимъ военными агентами, при нашей главной квартирѣ; вѣроятно, онъ разжалобилъ и уговорилъ ихъ помочь ему, такъ какъ при входѣ въ домъ, гдѣ Струковъ его принялъ, этотъ офицеръ (воспитывавшійся въ Англіи) довольно рѣзко спросилъ:

— Кто здѣсь говоритъ по-англійски, я не говорю по французски?

— Я готовъ перевести, что вамъ угодно,—отвѣтилъ американецъ Гринъ.

— Very well,—обрадовался турокъ и началъ было разводить турусы на колесахъ, когда Струковъ остановилъ его.

— Позвольте, позвольте, я не понимаю по-англійски, не угодно ли вамъ прислать офицера, который говоритъ по-французски или по-нѣмецки, или отправьтесь къ генералу Скобелеву.

Разсужденій и возраженій не допускалось никакихъ.

Скобелевъ рѣшилъ послать офицера къ «газы» (непобѣдимому) Мухтару, а мы тѣмъ временемъ передвинулись къ Чаталджѣ, гдѣ стало понятнымъ стараніе турокъ задержать насъ возможно дольше и дальше отъ этихъ мѣстъ: на линіи фортовъ, составлявшихъ знаменитыя Чекменджинскія укрѣпленія, прикрывавшихъ Константинополь съ сухого пути, дѣятельно работали; на нѣкоторыхъ холмахъ даже и земляныя работы были не готовы; другія же смотрѣли грозно издали, но на нихъ не было еще орудій. Видно, турки, подъ вліяніемъ своихъ временныхъ успѣховъ въ Европѣ и Азіи, поздно взялись за оборону подступовъ къ столицѣ, или, вѣрнѣе, къ столицамъ, такъ какъ оба города: Адріанополь и Константинополь—въ послѣднюю минуту оказались незащищенными.

Я ѣздилъ съ нѣсколькими драгунами по дорогѣ

къ фортамъ, верстъ за пять отъ Чаталджи, посмотрѣть мѣстность, и вынесъ убѣжденіе, что проходъ по этой мѣстности въ это время года крайне затруднителенъ для лошадей, для орудій же—почти невозможенъ: вся дорога представляла одну сплошную трясину, въ которой завязнуть и умереть безъ покаянія, казалось, было самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ.

Полковникъ нашъ, посланный Скобелевымъ къ Мухтару-пашѣ, возвратился, оговоривши что слѣдовало. Я пришелъ въ ужасъ отъ разсказаннаго бывшими при немъ офицерами: яко бы для шутки Мухтаръ, въ разговорѣ съ нашимъ полковникомъ, тронулъ его за бороду, одна половинка которой разнилась цвѣтомъ волосъ отъ другой, и умный, храбрый, утонченно вѣжливый пріятель нашъ не только не далъ лизуна непобѣдимому Мухтару, но и не сморгнулъ—у меня вчужѣ руки чесались! По мусульманскому обычаю нѣтъ большей обиды, какъ дернуть за бороду противника,—воображаю, какъ турки потѣшались разсказами объ этомъ.

Скобелевъ пріѣхалъ немного пасмурный, грустный. Когда мы остались одни, онъ спросилъ меня:

— Что вы думаете, Василій Васильевичъ, кончились военныя дѣйствія?

— Кончились,—отвѣчалъ я.

— Вы думаете, будетъ заключенъ миръ?

— Думаю, что будетъ заключенъ миръ, и немедленно же утекаю.

— Подождите, можетъ быть еще не заключатъ мира, пойдемъ на Константинополь.

— Нѣтъ! заключатъ миръ; уѣду писать картины.

— Счастливецъ вы!

Михаилъ Дмитріевичъ разсказывалъ мнѣ и Струкову за завтракомъ, что когда отрядъ нашей гвардейской кавалеріи подъ начальствомъ генерала Э. входилъ въ Родосто, жители подъ разными предлогами задержали его нѣкоторое время внѣ города, и когда, наконецъ, онъ вошелъ,—судно съ городскою казною, состоявшею изъ очень значительной суммы, вышло въ море, къ Константинополю. Надобно сказать, что я неоднократно просилъ Струкова послать меня хоть съ небольшимъ отрядомъ въ богатѣйшій Родосто, налетѣть, взять контрибуцію въ милліонъ руб. и уйти назадъ. Струкову нравилась эта мысль, но, какъ человѣкъ осторожный, онъ боялся съ одной стороны послать слишкомъ слабый отрядъ, съ другой—обезсилить наше движеніе отдѣленіемъ болѣе или менѣе значительнаго отряда. Потомъ, когда сдѣлалось оффиціально извѣстно о заключеніи перемирія, пришлось оставить попеченіе объ этомъ. За то, услышавши о томъ, что въ казнѣ Родосто, дѣйствительно, хранились большія деньги, я просто подскочилъ на стулѣ:

— Скажите, Александръ Петровичъ,—вскричалъ я,—не совѣтовалъ ли я вамъ набѣжать на Родосто и сорвать съ нихъ здоровый выкупъ!?

Скобелевъ засмѣялся:—Вы настоящій воинъ, Василій Васильевичъ!

Я возвратился въ Адріанополь, гдѣ главнокомандующій чрезвычайно любезно принялъ меня:

— Спасибо, молодецъ, на всѣ руки мастеръ!

— Радъ стараться.

Я объяснилъ его высочеству, между прочимъ, соображенія, понудившія насъ дозволить повернуть назадъ части турецкихъ переселенцевъ: нѣтъ сомнѣнія, что турки не найдутъ себѣ мѣста въ Константинополѣ и принуждены будутъ возвратиться голодные, раззоренные; гораздо же лучше принять теперь зажиточный народъ со всѣмъ его добромъ, чѣмъ послѣ толпу нищихъ! Бывшій при этомъ дипломатическій чиновникъ (теперешній посолъ) Нелидовъ не принялъ этой точки зрѣнія: «вы сдѣлали политическую ошибку», повторилъ онъ нѣсколько разъ. Послѣдствія, однако, совершенно оправдали насъ: всѣ турки, уцѣлѣвшіе отъ голода и болѣзней, въ силу трактата, воротились на старыя мѣста, но предварительно все распродавши и въ конецъ обнищавши въ константинопольскихъ предмѣстьяхъ и улицахъ, гдѣ толпы этого недавно еще исправнаго рабочаго народа долго были пугаломъ населенія.

* * *

Главная квартира въ Адріанополѣ была очень оживлена теперь: масса народа понаѣхала туда словно на пиръ, кто (немного поздновато!) отличаться,

кто дѣла дѣлать, для чего было самое время; военные агенты также были всѣ въ сборѣ, такъ что прежнее веселое, но скромное общество походило теперь на шумный дворъ; какъ ни громаденъ былъ столъ въ залѣ конака, мѣста приходилось брать чуть не съ бою. Улицы города представляли сплошной базаръ: отъ генерала Игнатьева, пожимавшаго руки направо и налѣво, сумѣвшаго и здѣсь сдѣлаться популярнымъ, до послѣдняго прапорщика, нашедшаго, наконецъ, каналъ для спусканія накопившихся рублей,—все жило и праздновало побѣду.

Мнѣ понадобилось съѣздить въ Чорлу, чтобы сдѣлать тамъ нѣсколько набросковъ, которыхъ, за разными прежними малохудожественными занятіями, не удалось исполнить во время похода. Желѣзная дорога была въ нашихъ рукахъ и желавшимъ не возбранялось переѣзжать по ней. И въ Чорлу все оказалось порядочно измѣнившимся: въ кабачкѣ на станціи была такая масса народа, что я отчаялся было что-либо получить, когда неожиданно хозяинъ разлетѣлся со всевозможными знаками почтенія и благодарности: оказалось, какъ я и вспомнилъ, что онъ приходилъ къ намъ, во время нашего всемогущества, просить защиты отъ баши-бузуковъ, хотѣвшихъ яко-бы увести его коровъ и барановъ, и, съ дозволенія Струкова, я далъ ему драгуна, для прикрытія отступленія стада; очень можетъ быть, что съ этою охраною онъ не только защитился, но и прихватилъ себѣ малую толику лишняго, изъ мно-

гаго множества стадъ, оставшихся за уходомъ турокъ безъ владѣльцевъ; если такъ, то понятно, что онъ чувствовалъ потребность выразить свою благодарность и лучшимъ кускомъ подошвы, именуемой бифштексомъ, и лучшею красною бурдою доморощеннаго «лафита».

Поѣзда назадъ не было, и такъ какъ правильное сообщеніе еще не наладилось, то даже и не знали, когда таковой будетъ,—пришлось приказать, чтобы былъ поѣздъ; я приказалъ и, дѣйствительно, поѣздъ снарядили. При отходѣ со станіи вышелъ такой казусъ: мы уже двинулись, когда подбѣжалъ запыхавшійся болгаринъ, махавшій какимъ-то письмомъ и кричавшій: «князь, князь, Адріанополь, Рейсъ!...» Я зналъ Рейса, нѣмецкаго посла въ Константинополѣ, и понялъ, что болгаринъ везъ что-либо отъ этого дипломата въ нашу главную квартиру. Я велѣлъ остановить поѣздъ, посадилъ болгарина и взялъ отъ него письмо, запретивши ему говорить что-либо съ кѣмъ бы то ни было, такъ какъ желѣзнодорожные служащіе, преимущественно австрійцы, уже видимо заинтересовались тѣмъ, что слышали. Когда мы поздно вечеромъ пріѣхали въ Адріанополь, я велѣлъ болгарину идти въ конакъ, а письмо передалъ генералу Игнатьеву, какъ разъ входившему съ Нелидовымъ во дворъ; подошедшаго вскорѣ болгарина рекомендовалъ попеченію Скалона, накормившаго, напоившаго его и представившаго главнокомандующему.

Письмо оказалось большой важности: князь Рейсъ увѣдомлялъ конфиденціально нашу главную квартиру о вступленіи въ проливъ англійскихъ броненосцевъ... У насъ немедленно же рѣшено было движеніе впередъ къ С.-Стефано, а если англичане не остановятся, то и къ Константинополю...

* * *

Пріятели мои Струковъ и Кладищевъ все выпытывали, какую награду, какой орденъ я желаю получить...

— Конечно, никакого,—былъ мой отвѣтъ.

Когда я собрался ѣхать на слѣдующій день, милѣйшій Скалонъ передалъ, что его высочество желаетъ, чтобъ я принялъ «на память» «золотую шпагу», но я поблагодарилъ и задалъ тягу... на желѣзнодорожную станцію.

Honny soit qui mal y pense.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

1870—1882 г.

Скобелевъ былъ годомъ моложе меня. Онъ перешелъ на службу въ Туркестанъ въ бытность мою тамъ, но въ какомъ именно мѣсяцѣ, не помню. Много слышавши объ его извѣстномъ дѣдѣ, я ничего не зналъ ни объ его отцѣ, ни о немъ самомъ, пока не стряслась надъ нимъ исторія, надѣлавшая въ свое время не мало шума въ кругу офицеровъ Туркестанскаго края. Какъ теперь помню первое знакомство съ нимъ въ это время, въ 1870 г., въ единственномъ ресторанѣ города Ташкента: нѣкто Жирарде, очень милый французъ, учившій дѣтей тогдашняго генералъ-губернатора Кауфмана, подвелъ ко мнѣ юнаго, стройнаго гусарскаго штабъ-ротмистра.

— Позвольте вамъ представить моего бывшаго воспитанника Скобелева.

Я пожалъ руку офицерика, почтительно поклонившагося и въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ разсыпавшагося въ чувствахъ уваженія и проч.

Фигура юнаго Скобелева была такъ привлека-

тельна, что нельзя было отнестись къ нему безъ симпатіи, несмотря на то, что исторія, висѣвшая на его шеѣ, была самаго некрасиваго свойства. Дѣло въ томъ, что, возвратившись изъ рекогносцировки по бухарской границѣ, онъ донесъ о разбитыхъ, преслѣдованныхъ и убитыхъ бухарскихъ разбойникахъ, которыхъ въ дѣйствительности не существовало, какъ оказалось, и которые были имъ просто сочинены, для реляціи.

Дѣло разыгралось бы, пожалуй, «въ ничью», какъ множество подобныхъ дутыхъ донесеній, еслибы не замѣшалась личная месть: Скобелевъ въ запальчивости ударилъ одного изъ бывшихъ съ нимъ уральскихъ казаковъ и хотя послѣ представилъ его въ урядники, но уралецъ, «дворянинъ», какъ они себя величаютъ, на этомъ не помирился, а сталъ громко говорить, что «офицеръ сочинилъ, отъ начала до конца, всю исторію о разбойникахъ, вовсе и не виденныхъ ими».

Вышелъ великій скандалъ, не только для высшихъ, но и для низшихъ слоевъ общества офицеровъ; выразителемъ первыхъ явился генералъ-губернаторъ, вторыхъ—двое офицеровъ изъ золотой молодажи Ташкента: кирасиръ Г., сынъ извѣстнаго генерала Г. (окончившаго жизнь въ Варшавѣ всѣмъ извѣстною трагическою смертью), и П., адъютантъ генералъ-губернатора—оба вызвали Скобелева на дуэль за вранье и недостойное офицера поведеніе.

Я готовился въ это время ѣхать въ Коканъ и,

живя временно въ гостиницѣ, видѣлъ всѣ совѣщанія и приготовленія къ поединкамъ, разумѣется, не имѣя права вмѣшиваться въ нихъ: мнѣ жаль было юношу, увлекшагося въ погонѣ за отличіемъ до такой некрасивой продѣлки, и я говорилъ П.:

— Да перестаньте вы конспирировать, пощадите малаго-то!

П. разсказывалъ послѣ, что Скобелевъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ во время дуэли, такъ что по окончаніи ея они пожали другъ другу руки. Г. получилъ рану, кажется, бывшую впослѣдствіи причиною смерти этого милаго, симпатичнаго юноши. Принуждены были, какъ говорю, отозваться на этотъ шумъ и сверху: генералъ-губернаторъ, онъ же и командующій войсками Туркестанскаго края, экстренно созвалъ офицеровъ въ большой залъ своего дома и сурово, жестоко распекъ Скобелева.

«Вы наврали, вы налгали, вы осрамили себя», громко, разсчитанно жестоко сказалъ ему генералъ Кауфманъ въ залѣ полной офицеровъ...

Послѣ этого Скобелевъ долженъ былъ оставить Туркестанъ, гдѣ его положеніе сдѣлалось со всѣхъ сторонъ невыносимо. Передъ отъѣздомъ онъ былъ до того жалокъ, что, признаюсь, я не утерпѣлъ, чтобы не сказать ему:

— Да плюньте вы, все перемелется...

Десять лѣтъ спустя этотъ осрамленный, ошельмованный штабъ-ротмистръ былъ генераломъ отъ инфантеріи, командиромъ передовой, отдѣльно опериро-

вавшей арміи, и—необходимо сейчасъ же добавить—отличія свои взялъ не по протекціи, а съ бою, грудью: только одинъ разъ, не утерпѣвши, сдѣлалъ опять промахъ,—не такой, правда, большой, какъ въ 1870 году, но, однако, и не малый: повелъ солдатъ на штурмъ города *Хивы* съ одной стороны, въ то самое время, какъ съ другой—городская депутація выходила съ хлѣбомъ-солью, для выраженія командующему войсками полной и безусловной покорности.

Генералъ Кауфманъ разсказывалъ мнѣ, что, зная уже о сдачѣ города и готовясь въѣхать въ него, онъ былъ пораженъ и возмущенъ, услышавъ ружейные залпы и крики «ура», — словомъ, настоящій штурмъ, затѣянный Скобелевымъ и Ш....ъ *)

* * *

Справедливо сказать, что въ этомъ же самомъ Хивинскомъ походѣ Скобелевъ, дѣйствительно, отличился, выдвинулся изъ ряда товарищей дерзки-молодецкимъ поступкомъ. Какъ ни посмѣивались потомъ П. и другіе надъ тѣмъ, что онъ все-таки не докончилъ, не довелъ до конца предпринятаго, я считаю, что Михаилъ Дмитріевичъ выкинулъ такую лихую штуку, за которую Георгіевскій крестъ былъ только справедливою наградой. Не вѣрю, чтобы, какъ утверждали досужіе люди, онъ хлопоталъ только объ этомъ крестѣ, который ему не давалъ покоя и статутъ котораго,

*) Оставляю въ сторонѣ, какъ дурачество, поѣздку Скобелева въ Испанію гдѣ онъ дрался за дѣло претендента Донъ-Карлоса.

по его собственнымъ словамъ, онъ зналъ наизусть еще съ юныхъ лѣтъ. Скобелевъ былъ всегда лихой офицеръ и я думаю, что въ поступкѣ его было немало «искусства для искусства».

Вотъ что онъ сдѣлалъ: изъ трехъ отрядовъ, посланныхъ на Хиву, одинъ кавказскій, подъ начальствомъ полковника Маркозова, не дошелъ до мѣста назначенія—слишкомъ торопясь придти раньше другихъ, они измучили лошадей и заморили вьючныхъ животныхъ, такъ что въ концѣ концовъ должны были, во избѣжаніе гибели въ степи, воротиться, не дойдя до Хивы 70 верстъ. Это пространство въ 70 верстъ осталось, такимъ образомъ, не разслѣдованнымъ, а для пополненія пробѣла въ свѣдѣніяхъ имѣлось въ виду снарядить небольшой отрядъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Скобелевъ вызвался сдѣлать одинъ эту поѣздку, также какъ и глазомѣрную съемку всего пути—конечно онъ зналъ, что, по статуту Георгіевскаго креста, онъ долженъ получить его за это дѣло..

Генералъ Кауфманъ согласился.

Переодѣвшись въ туркменское платье, Михаилъ Дмитріевичъ поѣхалъ съ двумя джигитами и, дѣйствительно, изслѣдовалъ путь и набросилъ разспросную карту, не дойдя лишь 15—17 верстъ до тѣхъ колодцевъ, отъ которыхъ кавказцы повернули назадъ и у которыхъ въ это время, по свѣдѣніямъ, былъ расположенъ сильный туркменскій отрядъ въ 15.000 человѣкъ.

— Неужели вы никого не встрѣтили на пути,

кто бы призналъ въ васъ русскаго? — спрашивалъ я Скобелева.

— Конечно, встрѣчался народъ но я всегда высылалъ впередъ моихъ джигитовъ; они заводили разговоры о томъ, о семъ, главнымъ образомъ, разумѣется, объ урусахъ, разсказывали при нуждѣ и небылицы, чѣмъ отвлекали ихъ вниманіе, а я тѣмъ временемъ проскальзывалъ впередъ...

Дѣйствительно, за эту рекогносцировку Михаилъ Дмитріевичъ прямо по статуту получилъ давно желанный имъ Георгіевскій крестъ. Генералъ Кауфманъ разсказывалъ мнѣ въ 1874 году въ Петербургѣ, что, поздравляя Скобелева съ крестомъ, онъ прибавилъ:

— Вы исправили въ моихъ глазахъ ваши прежнія ошибки, но уваженія моего еще не заслужили.

Жестко!

* * *

Это уваженіе почтеннаго Константина Петровича Кауфмана Скобелевъ заслужилъ не далѣе какъ въ слѣдующемъ же Коканскомъ походѣ, во время котораго онъ окончательно выдвинулся какъ боевой офицеръ, отлично приготовленный, разумный, храбрый и предпріимчивый.

Будучи въ Коканѣ во время вспыхнувшаго тамъ мятежа противъ хана, онъ, начальствуя конвоемъ русской миссіи, отступилъ отъ гор. Кокана къ русской границѣ, охраняя русскихъ чиновниковъ и самого хана со свитою, не потерявъ ни одного человѣка. Одной неловкости, одного выстрѣла со стороны

горсти отступавшихъ было бы достаточно, чтобы вызвать рѣзню; Скобелевъ понималъ, что десятки тысячъ наступавшихъ со всѣхъ сторонъ узбековъ, конечно, раздавили бы его ничтожную силу, еслибы дѣло дошло до кровопролитія, почему предпочелъ дѣйствовать на непріятеля страхомъ, импонировать дисциплиною и совершилъ отступленіе съ полнымъ успѣхомъ.

Конечно, не трусость, какъ нѣкоторые говорили, и недостатокъ охоты подраться побудили его къ этому миролюбію — открывшаяся затѣмъ кампанія противъ возставшаго Кокана служитъ тому лучшимъ доказательствомъ.

Скобелевъ, занимая въ этомъ походѣ должность начальника кавалеріи, поспѣвалъ всюду и рубилъ, рубилъ, рубилъ съ азартомъ, съ упоеніемъ, рубилъ безъ устали, безъ конца...

Въ битвѣ подъ Махрамомъ онъ сдѣлалъ такое кровопусканіе коканцамъ, что К. П. Кауфманъ любившій иногда щеголять словами, выразился въ донесеніи государю: «Дѣло сдѣлано чисто!»

Во время этой кампаніи Скобелевъ повторилъ маневръ, прославившій многихъ кавалеристовъ, включая израильтянина Гедеона и великаго могола Индіи, Акбара: извѣстясь о томъ, что по близости расположилось большое скопище коканской конницы, разсчитывавшей ударить на насъ врасплохъ, онъ съ отборною сотнею оренбургскихъ казаковъ, подъ начальствомъ лихого офицера Машина, подкрался ночью къ непріятельскому стану и, безъ факеловъ и криковъ «мечъ Бога и Кауф-

мана!», съ однимъ «ура», такъ налетѣлъ на крѣпко спавшихъ непріятелей, что они въ паникѣ давя и убивая другъ друга, разбѣжались во всѣ стороны, не проявивши ни малѣйшаго сопротивленія.

По словамъ Скобелева, на другой день было собрано на полѣ битвы 2.000 чалмъ. Даже если и 1.000 только, то дѣло сдѣлано было недурно, т.-е. опять-таки «чисто».

Мнѣ понравилась въ разсказѣ Скобелева*) объ этой лихой атакѣ черта искренности, не часто у него встрѣчавшаяся: онъ откровенно сознавался, что въ темнотѣ потерялъ Машина изъ виду и только услышалъ шумъ пронесшейся сотни, какъ бы шумъ вихря, такъ что попалъ на поле битвы уже когда все дрогнуло и побѣжало. Это сознаніе было, очевидно, слѣдствіемъ той относительной военной честности, которую М. Д. сталъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе усвоивать. Конечно, и подъ Геокъ-Тепе цифры силъ и потерь непріятеля не свободны еще отъ преувеличеній, но уже переходъ къ нимъ отъ бухарскихъ разбойниковъ разителенъ; къ тому же, надо сказать, что военные всѣхъ народовъ и временъ прибавляли, прибавляютъ и будутъ прибавлять, т.-е. подвирали, подвираютъ и будутъ подвирать. По пословицѣ: «сухая ложка ротъ деретъ», и офицеры, и солдаты любятъ начальника, который прикрашиваетъ

*) Разсказывалъ онъ мнѣ, Струкову, Языкову и Васильчикову, во время послѣдней Турецкой кампаніи, когда мы стояли въ городѣ Чорлу.—В. В.

реляціи, потому что тогда выходитъ больше наградъ и отличій и, въ концѣ концовъ, врядъ ли кто изъ военныхъ будетъ вправѣ въ этомъ отношеніи бросить камнемъ въ Скобелева послѣднихъ годовъ, т.-е. Скобелева, строгимъ присмотромъ за собою значительно исправившагося.

Можно сказать, что завоеваніе Кокана совершено столько же Кауфманомъ, сколько и Скобелевымъ, который остался потомъ въ области военнымъ губернаторомъ ея.

Не мѣшаетъ прибавить что К. П. Кауфманъ былъ послѣ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со Скобелевымъ, и письма покойнаго начальника Туркестанскаго края, полученныя Михаиломъ Дмитріевичемъ во время Турецкой кампаніи—нѣкоторыя мнѣ доводилось читать,—дышали всѣ искреннимъ расположеніемъ и дружбою.

Мимоходомъ сказать, одно изъ этихъ писемъ, написанное до начала нашихъ плевненскихъ неудачъ, было чисто-пророческимъ: Кауфманъ находилъ линію нашихъ силъ слишкомъ растянутою, не довольно сильною, и высказывалъ опасеніе за необезпеченность фланговъ, особенно праваго, который вскорѣ, дѣйствительно и наткнулся на Плевну.

* * *

На поле русско-турецкой войны Скобелевъ явился генералъ-маіоромъ, уже съ Георгіемъ на шеѣ, и хотя вначалѣ надъ туркестанскою его славою смѣялись,

говорили, что онъ еще долженъ заслужить эти кресты, что, пожалуй, и роту солдатъ опасно довѣрить этому мальчишкѣ—онъ взялъ свое и кончилъ войну съ репутаціею перваго боеваго офицера, храбраго изъ храбрыхъ, народнаго героя-воина!

Помню, какъ неловко было положеніе его до перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и нѣкоторое время послѣ того. Какъ мучился онъ тѣмъ, что оставилъ Туркестанъ и снова хотѣлъ проситься туда. Сколько разъ слушалъ я его горькія жалобы, утѣшалъ и обнадеживалъ, совѣтовалъ подождать. «Буду ждать, Вас. Вас.—я ждать умѣю»,—отвѣчалъ онъ.

Посланный, въ явную немилость, начальникомъ штаба къ своему отцу, Дмитрію Ивановичу Скобелеву, командовавшему казачьею дивизіей, онъ спустилъ всю работу очень разумному офицеру капитану генеральнаго штаба Сахарову, а самъ проводилъ большую часть времени или въ составленіи разныхъ проектовъ военныхъ дѣйствій, чѣмъ не мало надоѣдалъ многимъ, или пребывалъ въ Бухарестѣ, гдѣ веселился потолику, поколику позволяли ему скудныя средства, доставляемыя разсчетливымъ отцомъ, и на деньги, перехватываемыя направо и налѣво съ отдачею и безъ отдачи—больше послѣднее.

И то сказать, генералъ-маіору, бывшему начальникомъ огромной области и командовавшему войсками въ ней, командирствовать надъ штабомъ дивизіи было далеко не привлекательно; необходимость же какъ бы оправдывать ношеніе Георгія на шеѣ

пока только словами, заставляла М. Д. искать популярности въ сближеніи рѣшительно со всѣми—съ кѣмъ только онъ не былъ *на ты*!

Отъ бездѣйствія Скобелевъ выкинулъ было опять штуку, которая могла стоить многихъ сотенъ жизни, если бы не здравый смыслъ казачьихъ командировъ. Онъ сталъ увѣрять своего отца въ возможности переправить казачьи полки черезъ Дунай вплавь. Положимъ, цѣль была резонная: кавалерія на той сторонѣ была крайне нужна, но вѣдь рѣка-то была въ разливѣ—около трехъ верстъ въ ширину!

Осторожный Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ,—«паша», какъ его называли у насъ.—собралъ на совѣтъ полковыхъ командировъ, прося высказаться по этому вопросу. Пріятель мой Кухаренко, командиръ Кубанскаго полка, первый объявилъ со своимъ обычнымъ заиканіемъ: «пе-е-е-возмо-о-ожно! всѣ перето-о-о-немъ!»

Бравый Левисъ, командиръ владикавказцевъ, сказалъ, что «попробовать можно», но вѣроятно большая часть людей перетонетъ». Въ томъ же смыслѣ высказались Орловъ и Панкратьевъ.

Тогда Михаилъ Скобелевъ вызвалъ охотниковъ—явилось нѣсколько офицеровъ и казаковъ. Всѣ воротились или только окунувшись въ глубь, или проплывши около $^1/_2$ версты до настоящаго лѣваго берега Дуная, начавшаго показываться изъ воды и образовавшаго въ это время длинный островокъ.

Михаилъ Дмитріевичъ одинъ поплылъ далѣе, хо-

рошо понимая, что кому другому, а ему повернуть назадъ немыслимо—засмѣютъ.

Скобелевъ-отецъ все время стоялъ на берегу и, пока голосъ его могъ быть слышенъ, кричалъ: «Воротись, Миша, утонешь! Миша, воротись!» Но тотъ не послушалъ, не вернулся и почти доплылъ до противоположнаго берега, недалеко отъ котораго, его, уже совсѣмъ измучившагося, приняла лодка; лошадь же, освободившись отъ всадника, сначала державшагося за гриву, а потомъ за хвостъ, благополучно добралась, хотя лошадь эта была не изъ особенно замѣчательныхъ ни по силѣ, ни по красотѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что казаки на своихъ тяжелыхъ пузатыхъ лошаденкахъ не отдѣлались бы такъ благополучно и, по всей вѣроятности, какъ говорилъ Кухаренко: «пе-р-е-е-тону-ули бы».

Для Скобелева лично этотъ опытъ переправы былъ не первый—онъ дѣлалъ его, хотя и не въ такомъ крупномъ, рискованномъ видѣ, и прежде и послѣ.

Какъ я слышалъ, незадолго передъ смертью, управляя маневрами своего корпуса, онъ приказалъ одному кавалерійскому полку переправиться черезъ рѣку.

Люди замялись, полковой командиръ позволилъ себѣ выразить боязнь—«Не перетонули бы!» Тогда Скобелевъ взялъ изъ строя первую попавшуюся лошадь, сѣлъ на нее и, какъ та ни бросалась, ни фыркала, заставилъ ее переплыть на тотъ берегъ и назадъ.

— Вы видите, братцы, какъ это дѣлается,—сказалъ онъ людямъ,—теперь сдѣлайте то же самое.

Полкъ переплылъ туда, переплылъ обратно и не потерялъ ни людей, ни лошадей. Правда, что рѣка была не въ три версты шириною.

* * *

Передъ переправою за Дунай Скобелевъ-отецъ лишенъ былъ командованія дивизіею, такъ что сынъ остался рѣшительно не при чемъ, между небомъ и землею. Во время переправы онъ, на свой страхъ, пристроился къ генералу Драгомирову, какъ ординарецъ, и тутъ буквально поразилъ всѣхъ своимъ хладнокровіемъ и безстрашіемъ; гуляя въ огнѣ какъ на бульварѣ, разнося приказанія, присматривая за ходомъ битвы, ободряя молодыхъ офицеровъ и солдатъ, онъ велъ себя по-истинѣ блистательно, какъ вполнѣ опытный боевой офицеръ, и это по отзыву самого генерала Драгомирова, репутація котораго у насъ была и есть очень высока. Умный, правдивый генералъ этотъ сознавался, что успѣхомъ переправы много былъ обязанъ М. Д., ободрившему его въ то время, когда онъ начиналъ уже сомнѣваться въ успѣхѣ.

Какой же нагоняй былъ потомъ Скобелеву отъ высшаго начальства за то, что онъ суется туда, «куда его не спрашиваютъ»...

Потомъ ему приказано было сдѣлать рекогносцировку въ сторону Рущука, но такъ какъ не дали въ его распоряженіе никакихъ силъ, то онъ уклонился отъ доли простого «соглядатая обѣтованной земли» и за это обрушилъ на себя цѣлую бурю гнѣва...

Во время второй атаки на Плевну Скобелеву рѣшились довѣрить, кромѣ казаковъ, еще баталіонъ пѣхоты, и съ этимъ баталіономъ онъ положительно спасъ наши отбитыя, разбитыя войска: князь Шаховской оффиціально донесъ, какъ мнѣ говорили, что корпусъ его отошелъ сравнительно благополучно только благодаря своевременной, энергической диверсіи, произведенной Скобелевымъ.

Съ горстью людей онъ дошелъ до самой Плевны и крѣпко нажалъ на турокъ, никакъ не полагавшихъ, что они имѣютъ дѣло лишь съ нѣсколькими сотнями людей, ни кѣмъ не поддерживаемыхъ.

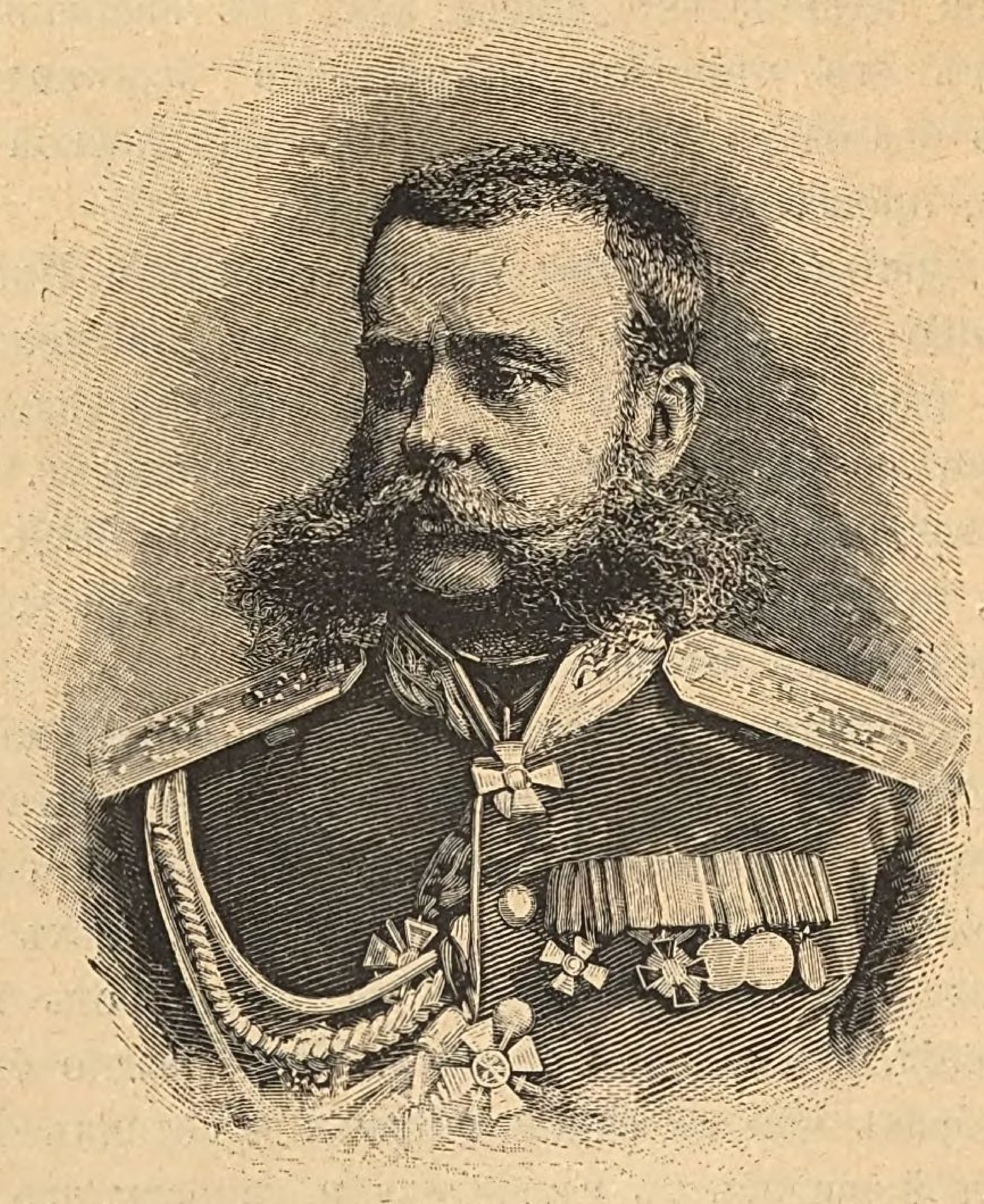
Отвлекши на себя вниманіе непріятеля, М. Д., конечно, отступилъ, когда разстроенные полки корпуса Шаховского отошли.

Здѣсь кстати привести рыцарскую черту характера Скобелева: онъ призвалъ покойнаго брата моего Сергѣя, которому обыкновенно довѣрялъ самыя опасныя порученія, и сказалъ: «уберите всѣхъ раненыхъ; я не отступлю, пока не получу отъ васъ извѣщенія, что всѣ подобраны». Уже поздно было, когда братъ мой съ одной стороны и сотникъ Ш... съ другой явились къ Скобелеву и донесли, что «ни одного раненаго не осталось на полѣ битвы».

— Я вамъ вѣрю,—отвѣтилъ Скобелевъ, и только тогда приказалъ отступать.

Братъ мой, убитый потомъ 30-го августа 1877 г., состоялъ при М. Д. волонтеромъ; онъ былъ съ нимъ во все время этой дерзкой атаки, и Скобелевъ разска-

зывалъ, что когда подъ нимъ убили лошадь, юный художникъ соскочилъ съ сѣдла и расшаркнулся: «ваше превосходительство, не угодно ли взять мою?»

М. Д. Скобелевъ.

— Смотрю,—говоритъ Скобелевъ,—дрянная гнѣдая с...ва!—Не хочу, нѣтъ ли бѣлой?

Однако, пули и гранаты сыпались въ такомъ количествѣ, а турки напирали такъ сильно, что при-

шлось-таки сѣсть и на гнѣдую с...ву, которая, въ концѣ концовъ, вынесла изъ огня не хуже бѣлой.

* * *

Битва подъ Ловчею была первою, въ которой Михаилъ Скобелевъ, 34-лѣтній генералъ, самостоятельно распоряжался отрядомъ въ 20.000 человѣкъ. Онъ былъ подъ началомъ князя Имеретинскаго, благоразумнаго генерала, не стѣснявшаго Скобелева въ его распоряженіяхъ и совершенно ввѣрившаго ему всѣ силы.

Когда форты, которые, пожалуй, никто другой изъ русскихъ генераловъ не осилилъ бы, были таки взяты, послѣ самаго кровопролитнаго боя, князь Имеретинскій въ своемъ донесеніи главнокомандующему назвалъ Скобелева «героемъ дня».

Справедливо прибавить, что у М. Д. былъ въ свою очередь неоцѣненный помощникъ въ лицѣ умницы офицера, капитана Куропаткина, почти такого же неустрашимаго, какъ онъ самъ, съ прибавкой хладнокровія.

Для меня лично—можетъ быть я и ошибаюсь—нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Скобелевъ взялъ бы Плевну 30-го августа. Но что было дѣлать! Когда съ ничтожными сравнительно силами онъ занялъ, послѣ трехдневной битвы, турецкій редутъ, буквально висѣвшій надъ городомъ и орудія котораго до того безпокоили Плевну, что Османъ-паша рѣшилъ отступить, если не удастся отобрать его, когда М. Д.

умолялъ о посылкѣ подкрѣпленій — ему не дали ихъ, а прислали лишь небольшую поддержку, изъ одного разбитаго наканунѣ полка! Разумѣется, Османъ-паша, никѣмъ не безпокоемый съ другихъ сторонъ, съ огромными силами напалъ на бѣднаго «бѣлаго» генерала, въ продолженіе многихъ дней безъ устали и побѣдоносно водившаго солдатъ на штурмы, разбилъ, выбилъ и прогналъ его даже за старыя позиціи...

Офицеры генеральнаго штаба говорили, что Скобелевъ занялъ не тотъ редутъ, который слѣдовало, что его во всякомъ случаѣ выжили бы оттуда огнемъ съ сосѣдняго болѣе возвышеннаго и болѣе сильнаго укрѣпленія, но я не вижу бѣды въ томъ, что Скобелевъ схватилъ покамѣстъ меньшій редутъ,—вовремя подкрѣпленный, онъ взялъ бы и сосѣдній...

.... По печальной необходимости розыскать тѣло моего убитаго брата, я проѣзжалъ 31-го августа мѣстами расположенія нашихъ войскъ. На другой день третьей атаки плевненскихъ редутовъ, узнавъ отъ адъютанта главнокомандующаго Дерфельдена, воротившагося съ лѣваго фланга, что одинъ братъ мой раненъ, другой убитъ—самъ еще безногій—я бросился въ отрядъ Скобелева, чтобы привезти перваго и отыскать, коли возможно, тѣло второго.

Проѣзжая мимо всѣхъ нашихъ позицій, я видѣлъ массу войска—ружья въ козлы,—прислушивавшагося къ трескотнѣ на лѣвомъ флангѣ...

Не часто случалось мнѣ слушать такую непрерыв-

ную дробь выстрѣловъ, приправленныхъ отчаянными воплями: ура, ура... Алла! Алла! Алла...

. .

. .

Пріѣхавъ на Зеленыя горы, я нашелъ князя Имеретинскаго съ Паренцовымъ, Грековымъ и нѣсколькими другими офицерами, лежавшими, сидѣвшими и прогуливавшимися. Генералъ, какъ разъ закусывавшій, предложилъ мнѣ остатокъ бывшей передъ нимъ вареной курицы и стаканъ краснаго вина, причемъ спросилъ: «не знаю ли я, намѣрены имъ сегодня помогать или нѣтъ?»

Я не отказался съѣсть курицу и выпить вино, но на вопросъ могъ только отвѣтить, что въ главной квартирѣ о распоряженіи помогать имъ не слышалъ, да и по дорогѣ хотя совершенно готоваго войска видѣлъ не мало—кажется, расположенія итти къ нимъ на помощь не замѣтилъ.

— Ну, такъ намъ будетъ плохо, очень плохо! — сказалъ генералъ.

У Скобелева въ это время было что-то невозможное: слышалось только р, р, р, р, р, р, р, р, р!!!

. .

За душу щемила меня эта полная безпомощность браваго лѣваго фланга, точно забытаго, брошеннаго, подъ впечатлѣніемъ вчерашнихъ неудачъ и потерь. Страдая сильно отъ раны, еще не затянувшейся, я ѣздилъ въ колясочкѣ, нанятой въ Бухарестѣ, и поэтому двигался только по дорогамъ, т.-е. медленно, иначе, конечно, я бросился бы къ главнокомандую-

щему, можетъ быть и не знавшему объ истинномъ положенiи дѣла...

Я настаиваю—какъ многимъ ни покажется смѣло и безъавторитетно мое настаиванiе—на томъ, что подкрѣпленный Скобелевъ взялъ бы и сосѣднiй редутъ, послѣ чего туркамъ не оставалось бы ничего иного, какъ очистить городъ, расположенный прямо подъ нашими выстрѣлами.

Три съ половиною мѣсяца спустя, когда Плевна пала, я ѣздилъ со Скобелевымъ на паннихиду, заказанную имъ по защитникамъ несчастнаго «скобелевскаго редута». Тяжелыя воспоминанiя передалъ мнѣ тогда Михаилъ Дмитрiевичъ. Чтобы легче было идти на штурмъ, взбираться на высоты, солдаты побросали шанцевые инструменты, такъ что, когда пришлось послѣ рыть траншею, со стороны наступавшихъ турокъ, они пустили въ дѣло штыки и свои пятерни: конечно, не успѣли вырыть и ничтожнаго прикрытiя, какъ турки набѣжали, навалились и кучку нашихъ храбрыхъ, сжавшихся для послѣдней защиты за траверзомъ, въ углу редута, подняли на штыки.

Указывая мнѣ эту канавку, рытую пальцами, Скобелевъ буквально залился слазами и потомъ во время паннихиды опять горько плакалъ. Признаюсь, всплакнулъ и я вмѣстѣ съ большею частiю присутствовавшихъ.

Въ жаръ, въ лихорадку бросало меня, когда я смотрѣлъ на все это и когда писалъ потомъ мои картины; слезы набѣгаютъ и теперь, когда вспоми-

наю эти сцены, а умные люди увѣряютъ, что я« холоднымъ умомъ сочиняю небылицы»... Подожду и искренно порадуюсь, когда другой дастъ болѣе правдивыя картины великой несправедливости, именуемой войною.

* *
*

Въ концѣ 1878 года, въ Петербургѣ, братъ мой какъ-то пришелъ сказать, что Скобелевъ очень, очень проситъ притти къ нему,—что-то нужное.

Прихожу.—Что такое?

— Очень, очень нужно, увидите!

Затворяетъ двери кабинета и таинственно:

— Дайте мнѣ дружескій совѣтъ, Василій Васильевичъ, вотъ въ чемъ дѣло:. князь болгарскій (Батенбергъ), предлагаетъ мнѣ пойти къ нему военнымъ министромъ; онъ даетъ слово, что какъ только поставитъ солдатъ на ноги, не позже чѣмъ черезъ два года, затѣетъ драку съ турками, втянетъ Россію, будетъ снова большая война — принять или не принять?

Я расхохотался. — Признайтесь, говорю, что вы не равнодушны къ бѣлому перу, что болгарскіе генералы носятъ на шапкахъ, вамъ оно было бы къ лицу!

— Чортъ знаетъ, что вы говорите! Я у васъ серьезно спрашиваю совѣта, а вы смѣетесь, толкуете о какомъ-то перѣ—вѣдь это не шутка.

— Знаю, что не шутка,—отвѣчалъ я и серьезно напалъ на него за безнравственную легкость, съ ко-

торою они, съ какимъ-то тамъ княземъ болгарскимъ, разсчитываютъ втянуть Россію въ новую войну.

— Что Батенбергъ это затѣваетъ, оно понятно: онъ авантюристъ, которому нечего терять; но что вы, Скобелевъ, такими страшными усиліями добившійся теперешнаго вашего положенія, поддаетесь на эту интригу, это мнѣ не понятно. Плюньте на это предложеніе, бросьте и думать о немъ!

— Да что же дѣлать, вѣдь я уже далъ почти свое согласіе!

— Откажитесь подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, скажите, что васъ не отпускаетъ начальство...

— Онъ обѣщалъ говорить объ этомъ съ государемъ...

— Ну вотъ и попросите, чтобы государь отказалъ ему.

Въ концѣ концовъ Батенбергу было сказано сверху, что Скобелевъ нуженъ здѣсь; на этомъ дѣло кончилось. Военнымъ министромъ въ Болгарію былъ назначенъ другой генералъ.

Что мнѣ случалось слышать отъ Скобелева въ дружескихъ бесѣдахъ, то теперь, конечно, не приходится разсказывать. Довольно замѣтить, что онъ былъ сторонникомъ развитія Россіи и движенія ея впередъ, а не назадъ... повторяю, что распространяться объ этомъ неудобно.

* *
*

Скобелевъ очень много занимался, много читалъ, еще болѣе писалъ. Писалъ кудряво, не совсѣмъ круг-

ло и складно, но весьма убѣдительно. Кладищевъ, бывшій начальникомъ наградного отдѣленія во время турецкой кампаніи, говорилъ мнѣ, что нѣтъ возможности отказать въ наградѣ по представленію Скобелева—такъ наглядно излагалъ онъ заслуги своихъ подчиненныхъ и такъ хорошо подгонялъ ихъ подъ статуты орденовъ, которые отлично зналъ.

Записки, поданныя Михаиломъ Дмитріевичемъ во время этой войны главнокомандующему о положеніи офицеровъ и солдатъ и вѣроятной причинѣ нашихъ временныхъ неудачъ, полны наблюдательности, вѣрныхъ, мѣткихъ замѣчаній. Живя вмѣстѣ со Скобелевымъ въ Плевнѣ, я читалъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ по словамъ его, очень не понравившихся.

. .

. .

Скобелевъ прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками и литературу этихъ странъ, въ особенности военную, зналъ отлично. Иногда вдругъ обратится со словами:

— А помните, Василій Васильевичъ, выраженіе Наполеона I?

Въ серединѣ Шейновскаго боя, наприм., онъ такимъ образомъ цитировалъ что-то изъ Наполеона и, не желая обезкураживать его, я отвѣтилъ:

— Да, помню что-то въ этомъ родѣ.

Но когда онъ вскорѣ опять спросилъ, помню ли я, что Наполеонъ сказалъ передъ такой-то атакой, я ужъ положительно отвѣтилъ:

— Не помню, не знаю —Богъ съ нимъ, съ Наполеономъ!

Надобно сказать, что онъ особенно высоко цѣнилъ военный талантъ Наполеона I, а изъ современныхъ— Мольтке, который, съ своей стороны, повидимому, былъ неравнодушенъ къ юному, бурному, многоталантливому собрату по оружію; по крайней мѣрѣ, когда я говорилъ съ Мольтке о Скобелевѣ, послѣ смерти послѣдняго, въ голосѣ «великаго молчальника» слышалась нѣжная, отеческая нота, которой я не ожидалъ отъ прусскаго генерала—истребителя.

О большинствѣ нашихъ дѣятелей во время Турецкой войны Скобелевъ отзывался не важно—по меньшей мѣрѣ.

. .

. .

* * *

Скобелевъ очень любилъ мѣняться Георгіевскими крестами: это—родъ военнаго братства, практикуемаго обыкновенно съ выборомъ, имъ же—направо и налѣво—со всѣми. Когда онъ пріѣхалъ къ арміи, въ Румыніи еще, то предложилъ мнѣ помѣняться крестиками, я согласился, но съ тѣмъ, чтобы сдѣлать это послѣ перваго дѣла, въ которомъ оба будемъ участвовать. Много спустя, кажется въ Плевнѣ, мы размѣнялись-таки; но такъ какъ на другой же или на третій день онъ уже рѣшилъ опять съ кѣмъ-то побрататься, то я вытеребилъ мой крестишко назадъ,

подъ предлогомъ, что онъ мнѣ дорогъ, какъ подаренный Кауфманомъ. Всученный имъ мнѣ былъ прескверный—казенный, а мой прекрасный, хорошей эмали, чуть ли не «изъ французскаго магазина» *).

Послѣднее время, впрочемъ, онъ пересталъ практиковать это военное братство со всѣми, сталъ болѣе цѣнить себя.

Надобно сказать, что Скобелевъ положительно совершенствовалъ свой нравственный характеръ. Вотъ, наприм., образчикъ военной порядочности изъ его дѣятельности послѣднихъ лѣтъ; на второй день послѣ Шейновской битвы я засталъ его за письмомъ.

— Что это вы пишите?

— Извинительное посланіе: я при фронтѣ распекъ бѣднаго X., какъ вижу, совершенно напрасно, поэтому хочу, чтобы мое извиненіе было такъ же гласно и публично, какъ и выговоръ...

Начальникъ большого отряда, извиняющійся передъ неважнымъ офицеромъ (маіоръ Владимірскаго полка), да еще письменно—это такой фактъ, который, конечно, не часто встрѣтишь въ какой бы то ни было арміи.

* *
*

*) Когда генералъ Кауфманъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія II-го класса, этотъ крестъ былъ подаренъ ему покойнымъ В. К. Николаемъ Николаевичемъ и никто ничего не замѣтилъ неладнаго въ крестѣ, очень изящно исполненномъ; но когда генералъ представлялся Государю Александру II, Его Величество, зоркій на самыя малѣйшія неправильности формы, замѣтилъ: „А ты крестъ, Кауфманъ, вѣрно, купилъ во французскомъ магазинѣ,—Егорій-то не въ ту сторону скачетъ!“

Отецъ Скобелева, Дмитрій Ивановичъ, не проживалъ, а увеличивалъ свое состояніе, и былъ скуповатъ, но самъ М. Д. скупымъ никогда не былъ, — скорѣе, напротивъ, могъ быть названъ слишкомъ тароватымъ. Однако, въ денежныхъ дѣлахъ, по славянской натурѣ, у него былъ всегда великій безпорядокъ, въ особенности при жизни отца, когда ему никогда не хватало денегъ, и когда забывать отдать небольшіе долги случалось ему частенько-таки. При встрѣчѣ съ нищимъ онъ иногда приказывалъ кому-либо изъ бывшихъ съ нимъ молодыхъ людей «дать золотой», и такъ какъ эти подачи обыкновенно забывались, то выходило, что встрѣчи съ нищими для бравыхъ ординарцевъ его были страшнѣе столкновеній съ непріятелемъ.

Встрѣчаетъ разъ Скобелевъ младшаго брата моего на Невскомъ проспектѣ.

— Верещагинъ, пойдемъ вмѣстѣ стричься.

Тотъ очень доволенъ честью продѣлать эту операцію вмѣстѣ съ генераломъ, который ведетъ его къ своему знакомому парикмахеру, что ни на есть фешенебельному. Около нихъ суетятся, ухаживаютъ, а они сидятъ себѣ рядкомъ, шутятъ, смѣются. При выходѣ, М. Д. спрашиваетъ счетъ старый и новый,— оказывается 30 рублей.

— Верещагинъ, заплатите, пожалуйста; тотъ поморщился, но заплатилъ, да конечно только и видѣлъ свои денежки.

Помню, разъ въ Парижѣ, въ гарготкѣ, гдѣ мы

завтракали, Скобелевъ размѣнялъ ассигнацію въ 1.000 франковъ и, вѣроятно, по этому случаю вздумалъ оставить дѣвушкѣ, намъ прислуживавшей, 100 фр.! Лишь послѣ самаго энергичнаго вмѣшательства моего онъ положилъ только 20 фр. За то же и цѣловалъ онъ руку этой молодой дѣвушки, съ наслажденіемъ, со всѣхъ сторонъ!

Мнѣ извѣстно, что не мало народу обращалось къ Скобелеву за помощью и что онъ многимъ помогалъ. Затѣмъ говорили, что онъ хотѣлъ завѣщать капиталъ на устройство богадѣльни, но намѣренію этому не суждено было осуществиться, ему будто бы помѣшали...

* *
*

Передъ началомъ Туркменской экспедиціи я засталъ разъ Михаила Дмитріевича въ бесѣдѣ съ полковникомъ Гродековымъ; онъ прочилъ его себѣ тогда въ начальники штаба, какъ хорошо изучившаго мѣстности, по которымъ и близъ которыхъ предстояло дѣйствовать нашимъ войскамъ — Гродековъ одинъ изъ хорошихъ знатоковъ Средней Азіи, ибо ѣздилъ даже по Афганистану и смежнымъ съ нимъ степямъ. Они обсуждали права, которыя имъ слѣдовало выговорить для себя у министерства иностранныхъ дѣлъ, на случай возможныхъ переговоровъ съ индійскимъ правительствомъ.

— Что такое, что такое?—сказалъ я Скобелеву:— о какихъ это переговорахъ съ индійскимъ правительсвомъ толкуете вы? Ничего этого вамъ не нужно...

— Какъ не нужно, а если мы дойдемъ...

— Ничего не нужно; вамъ надобно вздуть хорошенько туркменъ, сломить ихъ сопротивленіе и больше ничего. Хотите слышать мой совѣтъ?

— Пожалуйста,—отвѣтилъ Скобелевъ.—Потрудись обратился онъ къ Гродекову,—вынуть записную книжку, занеси то, что онъ будетъ говорить,—навѣрное все будетъ практично.

Гродековъ благополучно здравствуетъ, сколько я знаю, и, вѣроятно, имѣетъ еще въ своей памятной книжкѣ замѣтку эту, весьма впрочемъ не длинную.

— «Во-первыхъ, вамъ нужны верблюды, во-вторыхъ—верблюды и въ третьихъ,—еще верблюды. Будутъ у насъ верблюды, т.-е. перевозочныя средства—вы побѣдите; не будутъ—васъ прогонятъ, несмотря на всю вашу храбрость, какъ гоняли прежде посылаемые отряды—храбрость тутъ не поможетъ. Не жалѣйте денегъ на верблюдовъ; достаньте ихъ, сколько нужно, во что бы то ни стало».

При этомъ я сообщилъ главную, по моему мнѣнію, причину недовѣрія населенія при поставкѣ вьючныхъ животныхъ. Въ началѣ открывающейся кампаніи объявляютъ обыкновенно, что нужно столько-то вьючныхъ животныхъ, за такую-то цѣну. По окончаніи войны, во время которой, разумѣется, большинство верблюдовъ падаетъ, уплату оттягиваютъ до тѣхъ поръ, пока не удается внушить старшинамъ и біямъ, т.-е. почетнымъ людямъ, что было бы актомъ хорошаго подданничества ударить Акъ-Падишаху че-

ломъ суммою въ 300 или 400.000 рублей, причитающуюся за верблюдовъ. Тѣмъ что?—верблюды не ихъ, а бѣдныхъ людей; они получаютъ награды и отличія, а байгуши плачутъ и ужъ, конечно, когда снова понадобится сгонять животныхъ, уходятъ, откочевываютъ въ степь, или, силою заставленные, разбѣгаются, при первомъ же удобномъ случаѣ, съ первыхъ же приваловъ войскъ.—Не довѣряйте ни подрядовъ, ни денегъ интендантскимъ чиновникамъ,—говорилъ я Скобелеву,—распоражайтесь и платите деньги или сами вы, или черезъ начальника штаба, чтобъ онѣ не прилипали къ пальцамъ.

Мнѣ пріятно было слышать потомъ отъ брата моего, котораго Скобелевъ взялъ по моей просьбѣ въ походъ, что именно такъ и было сдѣлано, что даже осуждали Скобелева за излишнее бросаніе денегъ на верблюдовъ. Поставщикъ вьючныхъ животныхъ, лихой купецъ Громовъ (бывшій прикащикъ архи-лихого Хлудова), призвавши владѣльцевъ верблюдовъ, объявилъ имъ, что къ такому-то сроку ему нужно столько-то животныхъ, и лишь только тѣ начали чесать затылки, прибавилъ:

— Заплачено вамъ будетъ сейчасъ же по доставкѣ, а покамѣстъ вотъ вамъ на чай,—при этомъ высыпалъ къ ихъ ногамъ мѣшокъ золота.

Черезъ короткій срокъ верблюды были доставлены.

Для заказа и закупки провіанта, какъ я слышалъ, ѣздилъ въ Персію самъ Гродековъ Встрѣ-

тившись съ нимъ въ самый день отъѣзда его изъ Петербурга, я, прощаясь, шепнулъ-таки еще на ухо;

— Не давайте воровать!

— Не дадимъ, будьте покойны,—отвѣтилъ онъ. Возможно, что настоянія мои были не лишни, не безполезны. Хвалю во всякомъ случаѣ Скобелева и Гродекова за то, что они не отвергали безкорыстнаго, конечно, не лишняго совѣта и не отвѣчали: «изъ за чего-вы то стараетесь, какая вамъ-то польза», какъ отвѣтила-бы высокомѣрная бездарность.

* * *

Скобелевъ подарилъ мнѣ на память свой боевой значокъ, бывшій съ нимъ въ 22 сраженіяхъ, съ приложеніемъ списка этихъ сраженій, имъ самимъ обстоятельно составленнаго. Значокъ этотъ виситъ теперь у меня въ мастерской. Это большой кусокъ двойной красной шелковой матеріи, съ желтымъ шелковымъ же крестомъ, набитый на казацкую пику, порядочно истрепанный пулями и непогодами. Уѣхавши въ послѣдній свой туркменскій походъ, онъ хватился значка и просилъ или отдать старый, или прислать взамѣнъ новый.

Старый я положительно отказался отдать, но и новый не рѣшался послать—вдругъ не понравится и онъ отдастъ его солдатамъ на портянки! Однако, послалъ таки, наконецъ и очень нарядную штуку: съ одной стороны индійская шаль, купленная мною въ Кашмирѣ, въ самомъ Шринагурѣ, съ другой—крас-

ная, атласная китайская матерія, перерѣзанная голубымъ Андреевскимъ крестомъ, буквами М. С. и годами 1875—1878. Я самъ кроилъ и налаживалъ значокъ; жена моя шила его.

Узнаю отъ брата моего, бывшаго ординарцемъ у Скобелева, что значокъ очень понравился всѣмъ: и генералъ и мирные туркмены не наглядятся на него.

Но тутъ бѣда, неудача: изъ Геокъ-Тепе дѣлаютъ вылазку, убиваютъ у насъ много народа, захватываютъ много ружей, пушку знамя!

Скобелевъ въ отчаяніи: отдай я ему старый значокъ—новый приноситъ несчастья!.. Я не отдаю.—Новая вылазка, новый уронъ и потери съ нашей стороны—новыя требованія отдать счастливый значокъ и взять назадъ несчастливый!—Не отдамъ!—отвѣчаю.—Наконецъ, Скобелевъ беретъ штурмомъ Геокъ-Тепе, въ свою очередь убиваетъ, крошитъ множество народа, беретъ массу оружія и всякаго добра,—однимъ словомъ—торжествуетъ, и значокъ мой снова входитъ въ милость; снова и генералъ, и туркмены любуются наряднымъ подаркомъ моимъ—теперь осѣняющимъ гробницу Скобелева въ селѣ Спасскомъ, Рязанской губерніи.

Очень интересна также, какъ рисующая Скобелева, присланная имъ мнѣ въ подарокъ карта—планъ атаки французами О п о р т о, препровожденный Михаиломъ Дмитріевичемъ начальнику инженеровъ подъ Геокъ-Тепе, для изученія и руководства. На поляхъ имъ изложены мотивы, заставившіе его приложить этотъ

чертежъ къ руководству нашимъ войскамъ, а въ правомъ углу надпись: «Глубокоуважаемому, сердцу русскому дорогому Василію Васильевичу къ свѣдѣнію, не безъизвѣстной гордости моей. Скобелевъ. 4-го августа 1881 г. Село Спасское». Какъ человѣкъ искренно любящій свое дѣло, онъ разсказывалъ мнѣ потомъ о причинѣ, побудившей прислать мнѣ этотъ документъ—желаніе показать пріятелю, что онъ помнитъ примѣры и уроки исторіи (о чемъ у насъ былъ разговоръ ранѣе).

* *
*

Суевѣріе этого милаго, симпатичнаго человѣка было очень велико. Онъ вѣрилъ въ счастливые и несчастливые дни, счастливыя встрѣчи и предзнаменованія. Онъ ни за что не сталъ бы сидѣть за столомъ въ числѣ тринадцати человѣкъ, не допустилъ бы трехъ свѣчей на столъ, а просыпанную соль, перебѣжавшихъ дорогу кошку и зайца считалъ всегда за дурное предзнаменованіе.

Онъ вѣрилъ, что будетъ болѣе невредимъ на бѣлой, чѣмъ на другой масти лошади, хотя въ то же время вѣрилъ, что отъ судьбы не уйдешь. Говорятъ, какая-то цыганка предсказала ему: «что онъ будетъ ѣздить на бѣломъ конѣ», но я не разспрашивалъ его объ этомъ.

Никогда не разспрашивалъ также Скобелева о его женитьбѣ, такъ какъ понялъ изъ нѣкоторыхъ замѣчаній, что это его больное мѣсто. Но я положи-

тельно подмѣтилъ у него стремленіе къ семейной жизни, и когда онъ разъ горячо сталъ оспаривать это, я прибавилъ:

— Необходимо только, чтобы жена ваша была очень умна и съумѣла бы взять васъ въ руки.

— Это, пожалуй, вѣрно,—согласился онъ.

Другой разъ, помню, въ Плевнѣ я смѣялся, что мы еще увидимъ меленькихъ Скобелятъ, которые будутъ ползать по его колѣнамъ и таскать его за бакенбарды. М. Д. хоть и проворчалъ: «что за чушь вы говорите, Вас. Вас.», однако предобродушно смѣялся надъ моею картиной. Не мало смѣялись, помню, тогда Хомичевскій и другіе ординарцы, при этомъ бывшіе.

Незадолго передъ смертью, Скобелевъ хотѣлъ, какъ я слышалъ, жениться на бѣдной, но образованной дѣвушкѣ, чему помѣшалъ, однако, его разводъ — извѣстно, что онъ разъѣхался со своею женою и, во что бы то ни стало, настоялъ на разводѣ, такъ что ему пришлось принять на себя грѣхъ дѣла, со всѣми его стѣснительными послѣдствіями. Я говорю объ этомъ потому, что Скобелевъ считался, да и любилъ, чтобы считали его отчаяннымъ противникомъ не только женитьбы, но и всякой прочной связи съ женщиною.

* * *

Я не могу распространяться о томъ, какъ Скобелевъ умеръ. Очень ему хотѣлось умереть на полѣ чести, на полѣ настоящей битвы! Что дѣлать—«по-

вадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить». Не могъ помириться Михаилъ Дмитріевичъ съ фактомъ, что ему уже не 20 лѣтъ, и все порывался соперничать въ любовныхъ похожденіяхъ со своею молодежью, ординарцами.

Онъ былъ ребячески наивенъ въ этихъ похожденіяхъ, на которыя обыкновенно настойчиво зазывалъ и послѣдствій которыхъ крѣпко боялся. Въ Петербургѣ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Туркменскій походъ, встрѣчаю Скобелева на Невскомъ проспектѣ. Я утаптываю тротуаръ, онъ ѣдетъ на парѣ сѣрыхъ.

— Стой, стой!.. Василій Васильевичъ, поѣдемъ ко мнѣ!

— Зачѣмъ?

— Поѣдемъ, самъ Богъ васъ послалъ.

— Да что такое?

— Увидите; самъ Богъ посылаетъ васъ.

Пріѣзжаемъ.

М. Д. насилу выходитъ изъ экипажа, едва переставляетъ ноги, брюзжитъ на прислугу, грозитъ прогнать всѣхъ, распекаетъ адъютанта и ординарца, — какъ страшно попало бѣдному Баранку—я долженъ былъ вступиться—запираетъ двери.

— Вас. Вас., голубчикъ, я боленъ...—посмотрите что у меня? Если это... Я пущу себѣ пулю въ лобъ.

— Показывайте!

Я взглянулъ и ужаснулся. Разспросилъ его—онъ, какъ младенецъ невинный, подробно разсказалъ все, видимо ничего не скрывая.

— Сколько я понимаю, это не то...—сказалъ я ему и потребовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, на три дня онъ легъ въ постель.

— Не могу—забушевалъ Скобелевъ—что вы говорите! Я каждый день долженъ ѣздить на работу съ военнымъ министромъ и начальникомъ штаба—и думать объ этомъ нечего! Не требуйте отъ меня невозможнаго.

— Знать ничего не хочу—отвѣчалъ я—на три дня въ постель безъ разсужденій!—и представилъ ему серьезно подумать о томъ, какой будетъ результатъ его дѣятельности на войнѣ, если онъ принужденъ будетъ уѣхать не выздоровѣвши.

Это подѣйствовало и онъ, ворча и капризничая, улегся.

Я сейчасъ же поѣхалъ къ моему пріятелю профессору Чудновскому; тотъ сначала не хотѣлъ ѣхать подъ предлогомъ, что онъ «не спеціалистъ», но наконецъ рѣшился. Я почти силою схватилъ его и привелъ къ герою. Тотъ, еще разъ выслушавши, что опаснаго ничего нѣтъ, но что покой въ нѣсколько дней абсолютно необходимъ, недовольный, остался въ постелѣ и, чтобы не терять золотого времени, принялся читать «Нана», извѣстя, разумѣется, начальство о внезапномъ нездоровьи своемъ *).

* * *

*) Можно безъ натяжки сказать, что ближайшею причиною смерти М. Д. Скобелева была рана, полученная имъ на Зеленыхъ

Кто не былъ въ огнѣ со Скобелевымъ, тотъ положительно не можетъ себѣ понятія составить о его спокойствіи и хладнокровіи среди пуль и гранатъ— хладнокровіи тѣмъ болѣе замѣчательномъ, что, какъ онъ сознавался мнѣ, равнодушія къ смерти у него не было; напротивъ, онъ всегда, въ каждомъ дѣлѣ, боялся, что его прихлопнутъ и, слѣдовательно, ежеминутно ждалъ смерти. Какова же должна была быть сила воли, какое безпрестанное напряженіе нервовъ, чтобы побороть страхъ и не выказать его!

Благоразумные люди ставили въ упрекъ Скобелеву его безоглядную храбрость; они говорили, что «онъ ведетъ себя какъ мальчишка», что «онъ рвется впередъ, какъ прапорщикъ», что, наконецъ, рискуя «безъ нужды», онъ подвергаетъ солдатъ опасности остаться безъ высшаго командованія и т. д. Надобно сказать, что это все рѣчи людей, которые заботятся прежде всего о сбереженіи своей драгоцѣнной жизни — а тамъ что Богъ дастъ; пойдетъ солдатъ безъ

горахъ. Пожалуй, это не рана, а царапина, ушибъ, но пришедшійся противъ сердца. У меня хранится мундиръ покойнаго съ маленькой заплаткой на мѣстѣ пораненія—какъ разъ противъ самаго сердца! И такъ какъ Скобелевъ упалъ отъ этого удара, то конечно ударъ не прошелъ безслѣдно.

Кстати скажу, что у меня, кромѣ Скобелевскаго значка и помянутаго мундира, хранится еще, какъ память, складной стулъ, который всегда возился за нимъ казакомъ и на которомъ покойный генералъ часто сиживалъ во время рекогносцировокъ и битвъ; когда на переходѣ черезъ Балканы казакъ разбилъ мой складной стуликъ—Скобелевъ ссудилъ мнѣ свой, такъ и оставшійся у меня, а я потомъ отдалъ ему мой.

начальства впередъ—хорошо, не пойдетъ—что тутъ подѣлаешь: не для того же дослужился человѣкъ до генеральскихъ эполетъ, чтобъ жертвовать жизнью за трусовъ.—А почему бы и нѣтъ! разсуждалъ Скобелевъ; понятіе о трусости и храбрости относительное; тотъ же самый солдатъ, въ большинствѣ случаевъ, можетъ быть и трусомъ, и храбрымъ, смотря по тому, въ какихъ онъ рукахъ. Одно вѣрно, что солдатъ обыкновенно не дуракъ: увлечь его можно, но заставить идти, не показавши примѣра, трудно. Этотъ-то примѣръ и солдатамъ, и офицерамъ Скобелевъ и считалъ себя обязаннымъ показывать.

Я видѣлъ не мало умниковъ, уговаривавшихъ солдатъ идти впередъ, указывавшихъ путь къ славѣ и проч., и проч. — ничего не беретъ! пройдетъ или пробѣжитъ отрядъ нѣсколько шаговъ, да и засядетъ въ канавѣ, а въ реляціи напишутъ: «атаковали въ штыки, но были отбиты, не совладѣли съ численнымъ превосходствомъ»—благо численное-то превосходство непріятеля можетъ провѣрить одинъ Богъ.

Никогда не рисковалъ Скобелевъ жизнью по пусту, всегда онъ показывалъ примѣръ безстрашія и презрѣнія къ жизни, и примѣръ этотъ никогда не пропадалъ даромъ: однихъ приводилъ въ совѣсть, другихъ училъ, увлекалъ, перерождалъ!

* *
*

Всегда толковый, разумный, увлекательный на полѣ битвы, Скобелевъ въ частной жизни былъ хотя

и симпатиченъ, но нервенъ, капризенъ. При разговорѣ онъ рѣдко сидѣлъ—это, видимо, стѣсняло его: онъ шагалъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, какъ бы мала ни была комната, даже тогда, когда, какъ въ Парижѣ, кабинетъ его дѣйствительно уподоблялся клѣтушкѣ. Когда же онъ сидѣлъ, то непремѣнно вертѣлъ что-нибудь въ рукахъ, что попадалось; за обѣдомъ всегда усиленно мялъ хлѣбный мякишъ. Случалось, видя эту нервную непрерывную работу пальцевъ, взять его за руку и остановить со словами: «хоть теперь-то успокойтесь!» Но пріостановка всегда была не надолго, черезъ нѣсколько секундъ ужъ опять пальцы мнутъ, лѣпятъ, изъ силъ выбиваются.

Такъ чертовски храбрый на полѣ битвы, Скобелевъ былъ порядочный трусъ передъ очень высокопоставленными лицами—онъ какъ будто съеживался въ ихъ присутствіи, принималъ жалостливый видъ. Всегда заново одѣтый и надушенный передъ солдатами, подъ пулями—въ главной квартирѣ онъ ходилъ какимъ-то отчаяннымъ, шинель на боку, фуражка на затылкѣ—точно онъ боялся, чтобъ не засмѣяли, не поставили ему въ вину щегольство одеждою, какъ ставили въ вину храбрость.

Когда, послѣ короткаго пребыванія въ Парижѣ, я, снова возвращаясь на Дунай, зашелъ къ матери Михаила Дмитріевича—мимоходомъ сказать, весьма милой и умной женщинѣ — она просила доставить сыну ящичекъ, очень нужный. На границѣ

вскрыли ящикъ и онъ оказался биткомъ набитымъ склянками духовъ.

* *
*

Выходки Скобелева противъ австрійцевъ и нѣмцевъ не были такъ неосновательны, какъ многіе думали и у насъ, и особенно за границею. Никто, конечно, такъ крѣпко, какъ я, не журилъ Скобелева за эти рѣчи, но надобно сознаться, что съ его точки зрѣнія онъ имѣлъ основаніе «кликнуть кличъ славянамъ». Я положительно не соглашался съ нимъ, не раздѣлялъ его увѣренности въ томъ, что вотъ-вотъ на носу у насъ война съ нѣмцами, которые будто бы перестали уже церемониться, скрываться и прямо угрожаютъ намъ. Но Скобелевъ возвратился съ маневровъ германской арміи совершенно проникнутый увѣренностію, что столкновеніе наше съ нѣмцами близко.

Въ Парижѣ, въ своемъ крошечномъ кабинетѣ, онъ съ возбужденіемъ разсказывалъ мнѣ, какъ отпускалъ его въ прощальной аудіенціи старый императоръ германскій. Разсказывая, М. Д., какъ тигръ, бродилъ изъ угла въ уголъ, останавливаясь по временамъ чтобы представить сидящаго на лошади покойнаго Вильгельма или нѣкоторыхъ лицъ свиты его.

Его германское величество сидѣлъ-де подбоченившись на конѣ и отъ него, въ обѣ стороны, тупымъ угломъ, стояла громадная, безконечная свита изъ нѣмецкихъ офицеровъ всѣхъ ранговъ и военныхъ агентовъ всѣхъ государствъ. Когда Скобелевъ выѣхалъ,

чтобы откланяться, Василій Өедоровичъ (какъ называли русскіе престарѣлаго императора) сказалъ ему:

— Vous venez de m'examiner j'usqu'aux mes boyaux. Vous venez de voir deux corps, mais dites à Sa Majesté, que tous les 15 sauront au besoin faire leurs devoir aussi bien, que ces deux là...

(Вы меня проэкзаменовали до моихъ внутренностей. Вы видѣли два корпуса, но скажите его величеству, что всѣ 15 съумѣютъ, въ случаѣ надобности, исполнить свой долгъ такъ же хорошо, какъ эти два).

Можетъ быть, я ошибаюсь въ одномъ или нѣсколькихъ словахъ, но смыслъ рѣчи былъ таковъ— Скобелевъ тогда же занесъ эти слова въ свою записную книжку, откуда и читалъ ихъ мнѣ. Этотъ смыслъ, признаюсь, казался мнѣ очень простымъ и натуральнымъ въ устахъ стараго монарха; но М. Д. думалъ иначе: по его убѣжденію, и самыя слова, и интонація ихъ, особенно въ виду обстановки, т. - е. множества иностранныхъ, по большей части далеко не дружественно-расположенныхъ къ намъ офицеровъ, указывали на враждебный умыселъ.

Еще болѣе усилилъ въ Скобелевѣ увѣренность въ томъ, что намъ не избѣгнуть въ близкомъ будущемъ разрыва съ нѣмцами изъ-за австрійцевъ, покойный принцъ Фридрихъ-Карлъ, должно быть, на правахъ лихого кавалериста, считавшаго возможнымъ говорить то, о чемъ дипломаты помалчивали—дру-

жески ударивъ Скобелева по плечу, принцъ вдругъ выпалилъ:

— Lieber Freund! macht was ihr wolt — Oesterreich muss nach Saloniki gehen.

(Любезный другъ, дѣлайте, что хотите — Австрія должна занять Салоники).

— Такъ такъ-то! — говорилъ мой Михаилъ Дмитріевичъ, бѣшено шагая по своей клѣтушкѣ; такъ это значитъ уже рѣшенное дѣло, что австрійцы возьмутъ Салоники — они будутъ дѣйствовать, а мы будемъ смотрѣть — нѣтъ, врешь, мы этого не допустимъ!

Интересно, что только въ послѣдніе годы своей жизни Скобелевъ всецѣло отдался славянской идеѣ, вытѣснившей въ его умѣ мысль о необходимости исключительной заботы о развитіи нашего могущества въ Азіи, походѣ въ Индію и проч. Мнѣ, довелось повліять въ значительной степени на эту перемѣну въ его мысляхъ.

Нѣсколько разъ случалось охлаждать его «туркестанскій» пылъ и разъ я прямо высказалъ, вѣрно ли, нѣтъ ли, что въ настоящую минуту средне-азіатскія наши владѣнія важны для насъ политически потолику, поколику они даютъ возможность угрожать изъ нихъ нашимъ европейскимъ врагамъ, сѣющимъ славянскую рознь; иначе, прибавилъ я, «игра не стоила бы свѣчей». Скобелевъ внимательно отнесся къ этимъ доводамъ, хотя не вязавшимися съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ придавалъ Туркестану, но видимо поразившимъ его.

— Можетъ быть, вы и правы—сказалъ онъ мнѣ тогда. Впослѣдствіи же онъ настолько усвоилъ эту мысль, что въ извѣстномъ письмѣ къ Каткову цѣликомъ повторилъ ее, только вмѣсто словъ: «игра не стоила бы свѣчей», сказалъ: «овчинка не стоила бы выдѣлки».

Я говорилъ объ этомъ М. Н. Каткову, когда толковалъ съ нимъ о Скобелевѣ.

* * *

Въ послѣдній разъ видѣлся я съ дорогимъ Михаиломъ Дмитріевичемъ въ Берлинѣ, куда онъ пріѣхалъ послѣ своей извѣстной рѣчи въ защиту братьевъ босняковъ-герцеговинцевъ, сказанной въ Петербургѣ. Мы стояли въ одной гостиницѣ, хозяинъ которой сбился съ ногъ, доставляя ему различныя газеты съ отзывами. Кромѣ переборки газетъ, у Скобелева была еще другая забота: надобно было купить готовое пальто, такъ какъ онъ пріѣхалъ въ военномъ, а заказывать не было времени; масса этого добра была принесена изъ магазина и приходилось выбирать по росту, виду и цвѣту.

— Да посмотрите же, Вас. Вас.!—говорилъ онъ, поворачиваясь передъ зеркаломъ.—Ну, какъ?—Какая это все дрянь, чортъ знаетъ!

Съ грѣхомъ пополамъ, остановился онъ, съ одобренія моего и стараго пріятеля его Жирарде, который съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ, на какомъ-то гороховомъ облаченіи; признаюсь, однако, послѣ, на

улицѣ, я покаялся—до того несчастно выглядѣла въ немъ красивая и представительная фигура Скобелева: онъ былъ точно облизанный!

Послѣ камешка, брошеннаго имъ вскорѣ въ огородъ нѣмцевъ, нѣкоторые берлинцы, видѣвшіе насъ вмѣстѣ, спрашивали меня потомъ:

— Такъ это-то и былъ Скобелевъ?!

Во время этого послѣдняго свиданія я крѣпко журилъ его за несвоевременный, по мнѣнію моему, вызовъ австрійцамъ; онъ защищался такъ и сякъ и, наконецъ—какъ теперь помню, это было въ зданіи Панорамы, что около Главнаго штаба—осмотрѣвшись и увѣрившись, что кругомъ нѣтъ «любопытныхъ», выговорилъ:

— Ну, такъ я тебѣ скажу, Василій Васильевичъ, правду—они меня заставили; кто «они»—я, конечно—помолчу.

Во всякомъ случаѣ онъ далъ мнѣ честное слово, что болѣе такихъ рѣчей не будетъ говорить; но вслѣдъ за тѣмъ, попавши въ среду французовъ, M-me Adan и др. увлекся и снова заговорилъ...

— Бога ради, В. В., говорили мнѣ въ нашемъ Берлинскомъ посольствѣ, поѣзжайте скорѣе въ Парижъ, остановите его—намъ хоть выѣзжать отсюда отъ его рѣчей... Я не засталъ уже Скобелева въ Парижѣ—его вызвали для головомойки въ Петербургъ.

Прощай, милый, симпатичный человѣкъ, высокоталантливый воинъ—прощай, до скораго свиданія—тамъ!?

ИЗЪ ОПЫТА ПОХОДОВЪ.

За время Русско-Турецкой войны много было замѣчено въ военныхъ порядкахъ такого, что̀, по приговору свѣдущихъ людей, слѣдовало исправить, передѣлать или вовсе пересоздать; а такъ какъ война—хотя ея никто не желаетъ—можетъ-быть не за горами, то всякій голосъ, возвышенный съ цѣлью обратить вниманіе на правильное разрѣшеніе вопросовъ организаціи военныхъ силъ —не лишній теперь. Не откликнутся, скажутъ, что все и безъ того въ порядкѣ—пусть будетъ такъ .. не въ первые слышать: «вамъ-то какое дѣло? Вы что суетесь?»

* * *

Сдѣлаю обзоръ различныхъ родовъ оружія и начну съ кавалеріи.

Не будучи кавалеристомъ по профессіи, я имѣлъ случай наблюдать дѣятельность конницы на разныхъ окраинахъ Россіи и наблюдать преимущественно въ военное время, когда достоинства и недостатки организаціи сказываются особенно рельефно, когда ихъ трудно преувеличить или уменьшить.

Конечно, я не имѣю претензіи учить спеціалистовъ дѣла, а желаю лишь обратить ихъ вниманіе на кое-что, упускаемое ими изъ вида, притомъ провѣркѣ общественнымъ мнѣніемъ, по существу дѣла, недоступное *).

Я имѣлъ случай видѣть нашу кавалерію, кромѣ

Европейской Россіи, еще на Кавказѣ, когда въ западной части его замирало послѣднее эхо долгихъ кровопролитныхъ войнъ. Видѣлъ ее на Уралѣ, въ Сибири, на китайской границѣ и въ Туркестанѣ. Наконецъ, видѣлъ въ минувшую Турецкую войну въ

*) Извѣстно, что военные всѣхъ родовъ оружія очень не любятъ вмѣшательства „штатскихъ"; а такъ какъ дисциплина обязываетъ военныхъ „сора изъ избы не выносить", то выходитъ, что они и сами обо многомъ помалчиваютъ, и другимъ мѣшаютъ говорить.

отрядахъ Гурко, Скобелева и болѣе всего подъ начальствомъ генерала Струкова, въ набѣгѣ на Адріанополь — набѣгѣ, признанномъ теперь и у насъ и многими авторитетами за границею, образцовымъ подвигомъ кавалеріи.

Мнѣ приходилось участвовать въ дѣйствіяхъ кавалеріи почти во всѣхъ поименованныхъ мѣстахъ, и надобно сказать, что если случалось бывать въ набѣгахъ болѣе дерзкихъ и опасныхъ, чѣмъ помянутый Адріанопольскій, то болѣе правильнаго и разумно веденнаго, болѣе обильнаго результатами — я не помню.

* *
*

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ нѣкоторымъ техническимъ вопросамъ организаціи кавалеріи, я брошу общій взглядъ на Адріанопольскій набѣгъ и отмѣчу нѣкоторыя характерныя черты, обусловившія успѣхъ его.

Движеніе конницы къ Константинополю рѣшено было послѣ Шейновской побѣды. Спустясь съ Балканъ, Великій Князь Главнокомандующій спросилъ генерала Радецкаго: «почему кавалерія еще не впереди?» — Немедленно же былъ посланъ за Малые Балканы генералъ Дохтуровъ, у котораго Струковъ начальствовалъ передовою частью; съ нею онъ и занялъ мостъ черезъ Марицу, т.-е. одержалъ первый важный успѣхъ. Драгуны потушили этотъ зажженный непріятелемъ мостъ и тѣмъ обезпечили для арміи переправу черезъ рѣку, по которой шелъ ледъ. Ту-

рецкій таборъ, охранявшій переправу, заклепалъ орудія и убѣжалъ, не оказавъ серьезнаго сопротивленія — Сулейману-пашѣ путь отступленія на Адріанополь былъ перерѣзанъ!

Назначенный вслѣдъ затѣмъ командиромъ авангарда Скобелевскаго отряда, Струковъ пошелъ на Адріанополь, занялъ его безъ боя и, конечно, занялъ бы Константинополь, слибы не было заключено перемиріе, остановившее насъ въ Чаталджѣ.

Такъ какъ серьезное сопротивленіе турокъ было сломлено сначала генераломъ Гурко подъ Филиппополемъ, а потомъ Радецкимъ, Скобелевымъ и Святополкъ-Мирскимъ подъ Шейновымъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что нашъ отрядъ конницы изъ трехъ полковъ, съ конною батареей, дошелъ бы благополучно до Босфора. Многіе улыбнутся, если я признаюсь, что мы со Струковымъ были настолько увѣрены въ этомъ, что уже составили планъ временной организаціи управленія турецкой столицей, снабженія войскъ провіантомъ и фуражемъ, обезоруженія жителей и т. п. *).

Необходимое условіе всякаго набѣга: быстрота движенія, умѣнье поддержать духъ солдатъ, сберечь лошадей и умѣнье организовать продовольствіе отряда, безъ грабежа.

*) Правду сказать, переспектива обезоруженія, лежавшая на моей обязанности, особенно улыбалась намъ, такъ какъ я сбиралъ коллекцію восточнаго оружія, да и Струковъ обѣщалъ нѣкоторымъ петербургскимъ друзьямъ по боевому сувениру... „Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость?“

Задорной быстроты въ нашемъ случаѣ не было проявлено, такъ какъ очень налегать на отступавшихъ турокъ не было разсчета: какъ прижатый къ стѣнѣ заяцъ, они могли показать зубы и безъ нужды перепортить намъ много народа — подъ Чорлу отчасти такъ и случилось.

Мы дѣлали среднимъ числомъ отъ 35 до 45 верстъ въ сутки, и Скобелевъ не требовалъ бо́льшей скорости, совершенно одобрилъ эту—а онъ былъ порядочно нетерпѣливъ и требователенъ относительно быстроты движенія войскъ, особенно кавалеріи.

Надобно сказать, что передовая дивизія была свѣжая, нетронутая, офицеры и солдаты не утомленные, лошади хорошія—не мало было малороссійскихъ коней. Уходъ за лошадьми былъ внимательный, такъ что ряды сохранились до конца похода.

Ячменя и сѣна было достаточно, особенно перваго, и все даромъ, такъ что весь походъ былъ сдѣланъ на свой счетъ, т.-е. ничего не стоилъ казнѣ—настоящій кавалерійскій набѣгъ. Денегъ полковые командиры не только не получали своевременно, но вовсе не получили, такъ что жили остатками стараго, пробавлялись какъ кому Богъ на душу положилъ, пробавлялись не дурно, благо не было возни съ интендантскими чиновниками, всегда все обѣщающими и никогда ничего во̀-время не заготовляющими.

Я далекъ отъ того, чтобы возвести въ идеалъ такое кормленіе на шаромыжку; напротивъ, имѣть до-

вѣріе къ начальнику отряда, открыть ему кредитъ— мнѣ кажется необходимо, особенно на Востокѣ, гдѣ наприм. «бакшиши» играютъ большую роль.

Организація движенія была до-нельзя проста: не было относительно ея никакихъ споровъ или препирательствъ.

Скобелевъ велѣлъ наступать—и мы наступали.

Мы дѣлали по два перехода въ день и каждый третій день былъ роздыхъ-дневка.

Отрядъ шелъ очень весело: по утрамъ обыкновенно играли вальсы, а въ продолженіе дня пѣлись пѣсни— разумѣется, по погодѣ глядя, съ бо́льшимъ или меньшимъ увлеченіемъ.

Начальника штаба авангарда, наступавшаго къ Константинополю, вовсе не было, и часть обязанностей по этой должности я взялъ на себя изъ дружбы къ Струкову, ни днемъ, ни ночью не знавшему отдыха; письменность велъ драгунскій офицеръ Востросаблинъ—и велъ толково, исправно.

Добываніе свѣдѣній отъ туземцевъ производилось правильно и регулярно, благодаря хорошему переводчику Христо, сообщавшему мнѣ всѣ слухи какъ о большихъ турецкихъ силахъ, такъ и мелкихъ шайкахъ черкесовъ и башибузуковъ; свѣдѣнія эти я передавалъ потомъ Струкову.

Хлѣбъ былъ... хотя, пожалуй, этой статьи могло бы быть и больше, за то мясо имѣлось до отвала, такъ какъ турки, ограбивъ болгаръ волами и перевозочными средствами, побросали огромныя стада бара-

новъ, оказавшихся совсѣмъ не непріятельскими на солдатскихъ зубахъ.

Попадалось вездѣ мѣстное вино и ракія, т.-е. водка, также табакъ. Не только кавалерія промышляла про себя, но даже заготовляла кое-что и для пѣхоты—Скобелевъ изъявилъ потомъ благодарность за это.

Конечно, телеграфное сообщеніе вездѣ немедленно прерывалось, т.-е. снимались замки; рубить же столбы или обрывать проволоки Струковъ строго запрещалъ, такъ что, черезъ два дня по пріѣздѣ уполномоченныхъ для мирныхъ переговоровъ, телеграфное сообщеніе могло быть возстановлено.

Желѣзно-дорожная линія была все время подъ строгимъ контролемъ и ужъ, конечно, никто изъ турокъ или какихъ-либо подозрительныхъ лицъ не проскочилъ по ней.

Поползновенія къ грабежу со стороны солдатъ, а въ особенности казаковъ, были, но они строго обрѣзались въ самомъ началѣ; наприм. вторая столица Турціи, богатый и многолюдный Адріанополь, не потерпѣлъ за время нашего пребыванія въ немъ ни въ какомъ отношеніи; не было даже дракъ и ссоръ съ жителями.

Попытка генеральнаго консула одной изъ великихъ державъ вмѣшаться въ управленіе занятымъ нами городомъ и его застращиванія возстаніемъ, не имѣли успѣха, — помянутый чиновникъ, разодѣтый жаръ-птицею, потратилъ напрасно свое краснорѣчіе и ушелъ, «не солоно похлебавши».

Надобно замѣтить, что больныхъ въ походѣ у насъ не было и что, несмотря на множество рыскавшихъ по странѣ тамъ и сямъ черкесовъ и башибузуковъ, только два пикета были вырѣзаны.

Конечно, и офицеры и полковые командиры не дремали, но въ особенности я дивился энергіи тщедушнаго на видъ Струкова, хорошо понимавшаго громадную отвѣтственность, на немъ лежавшую, — отвѣтственность начальника кавалерійскаго отряда, шедшаго на 100 верстъ впереди своей пѣхоты — положительно не знавшаго покоя *).

Словомъ, если Скобелевъ быстро и умно направлялъ движеніе кавалеріи, то она толково и успѣшно исполняла его. Результатъ не заставилъ себя ждать.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, какъ наша конница въ прошлую войну прошла отъ Казанлыка почти до воротъ Константинополя, гоня арріергардъ турецкихъ войскъ. Теперь я перейду къ нѣкоторымъ техническимъ сторонамъ, въ которыхъ кое-что кажется мнѣ непрактичнымъ, требующимъ пересмотра.

* *
*

*) Когда я буквально сваливался съ ногъ и, наприм., ночью, въ день занятія Адріанополя, не будучи въ состояніи болѣе двинуться, заснулъ какъ убитый, Струковъ отправился еще разъ, одинъ удостовѣриться, все-ли вездѣ благополучно, накрылъ какія-то 30 орудій, приготовленныхъ турками къ отправкѣ, осмотрѣлъ посты и т. д. Ночная повѣрка постовъ была въ особенности тяжела.

В. В.

Кавалерія при императорѣ Николаѣ I была образцовая, идеальная—съ казовой парадной стороны: старые служаки говорятъ, что «нынче только во снѣ можно видѣть такую».

Безспорно, и офицеры, и солдаты были тогда менѣе развиты, но выучка, муштровка была очень строга, а лошади были хороши—высокаго роста, сильныя, что при большомъ вѣсѣ всадника и вооруженіи много значитъ.

Однако, кавалерія была хороша, какъ сказано, лишь на парадахъ, лагерныхъ переходахъ и маневрахъ,—въ кампаніи же оказывалась несостоятельною: боевыя потери конями были обыкновенно не велики, а солдаты возвращались съ похода съ сѣдлами за плечами. Солдаты хорошо ѣздили манежною старо-нѣмецкою системой, а на первыхъ же тяжелыхъ переходахъ сдирали спины лошадямъ.

Кто не знаетъ, что въ забалканскомъ походѣ Дибича кавалерія «легла костьми» не противъ внѣшняго непріятеля—турокъ, а внутренняго—вѣса всадника съ напряженіемъ, порчи и ломки спинъ, дурной ковки и, главное, казнокрадства, воровства повсемѣстнаго, колоссальнаго! Извѣстно, что въ тѣ времена сплошь и рядомъ полки давались для поправленія состояній, а когда же было и поправлять состоянія, какъ не во время войны,—ну, и поправляли къ выгодѣ непріятеля и къ нашему сраму.

Въ послѣднемъ турецкомъ походѣ также не было большихъ боевыхъ потерь лошадьми, но уже при

проходѣ Румыніею выбыло множество лошадей, а въ концѣ похода лейбъ-гусары, наприм., вступили въ Адріанополь въ числѣ 60 коней въ эскадронѣ. Конечно, это нѣкоторый успѣхъ противъ 1829 года, но все-таки досадно, что такая часть войска, какъ гвардейская кавалерія, содержаніе которой обходится ужаспо дорого, такъ печально оканчиваетъ походы.

Конечно, нельзя ставить казаковъ въ примѣръ регулярной кавалеріи, но нельзя не задаться вопросомъ: почему у казаковъ потери лошадьми менѣе?

Никто не скажетъ, что лошади у казаковъ лучше,—скорѣе наоборотъ.

Никто не скажетъ, что казаки несутъ меньшую службу,—скорѣе наоборотъ.

Можетъ быть подумаютъ что, «что твое—мое, а что мое—не твое» практикуется у казаковъ въ меньшей степени,—ничуть не бывало,—скорѣе наоборотъ!

Надобно сказать, что въ общихъ чертахъ казакъ болѣе конникъ на русскій ладъ, а кавалерійскій солдатъ—на иностранный ладъ. У казака и самъ онъ, и лошадь больше приспособлены къ существеннымъ условіямъ службы, къ климату, почвѣ, пищѣ. У кавалериста-солдата все налажено въ подражаніе иностранцамъ и ихъ климату, къ показу на ученіи, къ параду.

Въ нашу суровую зиму, напр., и самъ кавалеристъ и его лошадь совершенно не закрыты отъ холода и

вьюги и солдату не полагается ни пулушубка, ни рукавицъ! Не принятъ во вниманіе фактъ, что мы по преимуществу воины холоднаго климата, въ Италію ходить воевать больше не будемъ и всѣ серьезныя кампаніи оканчивали и будемъ оканчивать зимою.

Каково солдату въ 30°-ный морозъ безъ полушубка и теплыхъ рукавицъ, которыя онъ можетъ надѣвать лишь нарушая дисциплину? Каково лошади, имѣющей лишь небольшую попону?

Казакъ вообще меньше замуштрованъ и относительно одежды меньше стѣсненъ, чѣмъ солдатъ; онъ ловчѣе, хитрѣе, находчивѣе въ походѣ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; онъ больше любитъ лошадь, какъ за собственностью, больше за нею ухаживаетъ, старательнѣе добываетъ пищу, лучше пригоняетъ сѣдло,—словомъ, больше любитъ и бережетъ свою лошадь.

Солдатамъ часто мѣняютъ лошадей для уравненія, для подбора по эскадронамъ, что слѣдовало бы дѣлать лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Разсылается кавалеристъ съ конвертами и разными порученіями обыкновенно пѣшкомъ, а лошадь въ это время стоитъ на конюшнѣ; когда эти посылки дальны и утомительны, онѣ озлобляютъ солдата на лошадь: «ходи, дескать, за нею какъ за барыней и любуйся на нее,—только отъ нея и пользы!»

Въ кавалеріи нѣкоторыхъ государствъ лошадь не только носитъ своего всадника всюду, при разноскѣ

приказаній и исполненіи порученій, но и дается унтеръ-офицерамъ для прогулокъ, что весьма разумно, въ виду цѣли сближенія конника съ его конемъ.

Можно сказать, что необходимо у насъ больше привязать солдата къ лошади.

* * *

Прежде было много малороссійскихъ лошадей въ кавалеріи; многіе помѣщики имѣли такіе большіе табуны, что съ одного завода поступали въ ремонтъ отъ 50 до 80 мериновъ, а теперь у помѣщиковъ собираютъ по одной, по двѣ лошади отъ владѣльца. Это сильныя, рослыя лошади, гораздо больше способныя къ манежной выучкѣ, чѣмъ донскія. Лошади задонскихъ степей недурны. Зимовниковы владѣльцы производятъ хорошихъ лошадей; у нихъ жеребцы—англійскіе, арабскіе и государственнаго коннозаводства, хотя надобно сказать, что, къ сожалѣнію, лучшія лошади не попадаютъ къ намъ, а идутъ въ Австрію, Румынію, Турцію.

Въ станичныхъ табунахъ лошади слабыя, не соотвѣтствующія вѣсу всадника со снаряженіемъ. Лошадь въ нашей кавалеріи должна нести отъ $7^1/_2$ до $8^1/_2$ пудовъ, т.-е. почти то же, что и въ царствованіе Николая I, когда одни кирасиры развѣ были тяжелѣе; но теперь прибавилась винтовка съ патронами, пулями и сѣдельный вьюкъ, а лошадь много слабѣе прежней.

Впрочемъ, такъ какъ теперь всѣ вещи снаряженія изготовляются легче, то въ концѣ концовъ ружье не много увеличиваетъ противъ прежняго общій вѣсъ.

Съ другой стороны малая лошадь не есть непремѣнно безсильная, такъ что подыскиваніе во что бы то ни стало большихъ лошадей не есть необходимость.

Если огромный сырой солдатъ сплошь и рядомъ не можетъ выстоять противъ небольшого, широкоплечаго, коренастаго, то и приземистая выносливая лошадь можетъ сослужить лучше иного высокаго не крѣпкаго коня.

Не было конницы въ Индіи страшнѣе Маратской, сидѣвшей на крѣпкихъ *маленькихъ* коняхъ, подъ копытами которыхъ «земля трещала», по словамъ лѣтописцевъ, и чудесная конница великихъ моголовъ, съ высокими копями, рѣдко выдерживала атаки маратовъ.

Вообще строевая лошадь требуетъ сбора, а донская, при всѣхъ ея достоинствахъ, не можетъ собраться, у нея оленья шея, она задираетъ голову, и задираетъ съ упрямствомъ, ее характеризующимъ.

Удивительно, что темпераментъ лошади до сихъ поръ не принимается во вниманіе: степная свободная лошадь, болѣе другихъ злопамятная, настойчивая, капризная, муштруется точно такъ же, какъ меланхолическій конь, взросшій въ конюшнѣ. Донская лошадь очень свободолюбива, чего не хотятъ

знать; до чего она свободолюбива, видно изъ того, что были случаи, когда кони, срывавшіяся изъ частей, стоявшихъ на разстояніи около ста верстъ отъ ихъ прежнихъ пастбищъ, возвращались къ себѣ въ зимовники, въ табуны,—можно ли не обращать вниманія на такіе факты и мучить такую лошадь мундштукомъ и шпорами, т.-е. совершенно портить ея характеръ?

Прежде при Николаѣ I полки ремонтировались по мастямъ; потомъ при Александрѣ II группировались по мастямъ только эскадроны. Теперь нашли возможнымъ снова подбирать одномастные полки. Мнѣ кажется, что подборъ подъ одинъ типъ лошадей изъ степи, изъ конюшни и изъ-подъ упряжи не цѣлесообразенъ и выгоды такого подбора не выкупаютъ невыгодъ.

Одно, что необходимо по части подбора мастей,—это—помѣщеніе въ хвостахъ эскадроновъ бѣлыхъ коней на случай темныхъ ночей. Я живо помню отчаяніе генерала Т., получившаго отъ Скобелева приказаніе «выступить слѣдомъ за кавалеріей» и, за темнотою ночи, потерявшаго эту кавалерію, имѣвшую въ арріергардѣ гнѣдыхъ коней. Не далеко ходить и за другимъ примѣромъ: ночью при выступленіи изъ Адріанополя, когда зги не видно было, мы тоже потеряли арріергардъ полка, шедшаго передъ нами, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, и нашли его только на утро,—хорошо, что не наскочили на крупную партію черкесовъ, рыскавшихъ по окрестностямъ!

Если бы лошадей, пригодныхъ къ мундштуку, отдавать въ одну часть, а непокорнѣйшихъ изъ степняковъ въ другую, гдѣ не было бы мундштука, то дѣло выучки лошадей много бы выиграло. Тогда и вопросъ о годности и непригодности мундштука для нашей кавалеріи могъ бы быть рѣшенъ на *да* или на *нѣтъ*, теперь же онъ такъ и остается вопросомъ.

Въ высшихъ сферахъ управленія кавалеріей не допускается и сомнѣнія относительно мундштука, и только нѣкоторые отдѣльные начальники, люди иниціативы, пробовали обходиться безъ нихъ.

Генералъ Струковъ, одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе компетентныхъ кавалерійскихъ генераловъ, дѣлалъ на свой страхъ опыты съ лошадьми, носившими въ строю на мундштукѣ; онъ снималъ съ нихъ мундштукъ и надѣвалъ уздечку — результатъ выходилъ поразительный: большая часть лошадей успокаивалась, дѣлалась послушнѣе, характеръ ихъ видимо улучшался.

Струковъ дѣлалъ пробу водить весь эскадронъ на уздечкѣ—тянутъ, лежатъ на рукѣ, но, коли навыкъ есть, слушаются, равняются и есть полное основаніе надѣяться, что если работать въ этомъ направленіи правильно, настойчиво, каждый день, то носить не будутъ.

Можно, значитъ, еще сказать, что *желательно, чтобы лошади подбирались не столько по мастямъ, сколько по темпераментамъ.*

Мнѣ сдается также, что несправедливо поощрять развитіе коневодства только на югѣ. На конныхъ

ярмаркахъ, сѣвера, напр. въ Вологодской губерніи можно пріобрѣтать крѣпкихъ, красивыхъ и рослыхъ лошадей по недорогой цѣнѣ—отъ 80 до 150 рублей. У насъ совершенно несправедливо распространено мнѣніе, что лошади сѣвера всѣ малорослы, приземисты—очевидно смѣшиваютъ тутъ чисто Вятскую породу съ общею сѣверною. Правда, что это скорѣе упряжныя лошади, теперь годныя больше въ артиллерію, но мнѣ думается, что съ осушеніемъ болотъ въ краѣ и введеніемъ хорошей крови въ породу, при помощи случныхъ коюшенъ, сѣверныя пастбища стали бы ростить и каваллерійскихъ коней.

* * *

Другое горе строевыхъ лошадей — подкова: она вѣситъ болѣе фунта, т.-е. свыше 4-хъ фунтовъ на 4 ноги. Въ обыкновенное время куютъ только на передъ и лишь въ походѣ на всѣ 4 ноги, въ зимнее время даже на винты. Но тутъ-то и бѣда: винты эти совсѣмъ особенные, солдатъ долженъ возить ихъ съ собою и винтовъ этихъ не напастить, потому что иногда они держатся не болѣе нѣсколькихъ часовъ *).

Очевидно, это должно быть упрощено: винты должны быть проще, чтобы ихъ можно было чаще мѣнять, и солдатъ былъ бы въ состояніи перековать

*) Какъ трудно отрѣшиться отъ замысловатаго и непрактичнаго, видно изъ того, что до сихъ поръ полковыя повозки не только грузны и неуклюжи, но и до того хитро устроены, что

свою лошадь въ каждой встрѣчной деревенской кузницѣ.

Генералъ Струковъ сдѣлалъ опытъ, въ виду особеннаго свойства копыта донской лошади, вовсе не ковать — результатъ опыта тотъ, что добрая часть лошадей можетъ оставаться некованною. Разумѣется, желательно, чтобы такого рода опыты были расширены и чтобы они дѣлались не тайкомъ, «на свой страхъ», а по оффиціальному дозволенію и приказанію.

Надобно замѣтить, что еще затрудняютъ движеніе лошади сумы, до нѣкоторой степени и переднія, но въ особенности заднія, бьющія по брюху и по ногамъ животнаго.

* * *

Нѣсколько словъ о вооруженіи.

Обращеніе большей части кавалерійскихъ полковъ въ драгунскіе можно признать мѣрою разумною, хотя не мало традицій лихой легкой кавалеріи уничтожено этою перемѣной. Хоть часть старыхъ полковъ слѣдовало бы возстановить.

Ружье сильно стѣсняетъ кавалериста во всѣхъ движеніяхъ и особеннопри атакѣ, но, съ другой стороны, оно даетъ ему увѣренность, а съ тѣмъ вмѣстѣ

разъ она сломается, немыслимо ее починить въ обыкновенной кузницѣ—въ одномъ колесѣ чуть не десятокъ разныхъ винтовъ, которые тоже всѣ надобно возить съ собою въ огромномъ запасѣ.

и силу, такъ что въ кое-какихъ мелочахъ, лучше пригнанное и приноровленное, оно, въ концѣ концовъ, будетъ надежнымъ помощникомъ кавалеристу.

Уменьшить вѣсъ ружья, однако, положительно необходимо: оно вѣситъ теперь до 20 фунтовъ, да шашка 12 фунтовъ, да патроны около 10—не перечесть всѣхъ фунтовъ, которые приходится носить сравнительно слабой донской лошади, несравненно менѣе нагруженной подъ казакомъ,

Кстати здѣсь замѣтить, что пробовать достоинство ружья нужно не единично, а цѣлыми эскадронами и даже полками—только полкъ, прошедши всѣ маневры съ новымъ ружьемъ, въ состояніи сказать хорошо оно или нѣтъ.

На пику казакъ жалуется: она легко ломается и изъ-за раза, что онъ пойдетъ съ нею въ атаку, доставляетъ слишкомъ много возни съ нею. Съ другой стороны, если нѣмцы вооружатъ своихъ гусаръ и уланъ пиками, то, безъ сомнѣнія, нашимъ драгунамъ атаковать ихъ кавалерію будетъ трудно.

По моему личному опыту въ дѣлахъ въ средне-азіатцами, казакъ нашъ, какой бы онъ ни былъ, уралецъ, оренбуржецъ или сибирякъ, не боящійся шашки туземцевъ, крѣпко остерегается пики ихъ: «Шашкой отъ пики гдѣ-же оборониться», — говоритъ онъ.

По крайнему нашему разумѣнію, уничтожить пику, какъ объ этомъ говорилось, рисковано; лучше, напротивъ, попробовать, для опыта, вооружить остав-

шихся гусаръ и уланъ или нѣсколько драгунскихъ полковъ легкими желѣзными пиками, въ родѣ тѣхъ, что приняты индейскою конницею—я вывезъ изъ Индіи нѣсколько такихъ пикъ—они, съ одной стороны, несравненно менѣе тяжелы и громоздки, чѣмъ наши, деревянныя, а съ другой—менѣе ломки.

* * *

Взглянемъ на одежду драгунъ.

Шапка—только до мобилизаціи; въ походѣ носятъ фуражку, которая при морозахъ, на дождѣ и солнцѣ ссыхается. При быстрыхъ аллюрахъ она легко слетаетъ съ головы и множество фуражекъ теряется.

Натурально, что съ такимъ головнымъ покровомъ при атакѣ приходится защищать голову естественнымъ движеніемъ руки—вотъ уже первое неудобство.

Такъ какъ каски тяжелы, жестки, винтами рѣжутъ головы, а при нашемъ климатѣ и холодны, то необходимо озаботиться, чтобы головной уборъ былъ мягкій, стеганный, хоть мерлушачій, въ родѣ малороссійской шапки. Говорю это по убѣжденію, потому что до сихъ поръ помню ударъ пикою по головѣ, полученный въ схваткѣ на китайской границѣ,—ударъ, который безъ сомнѣнія оглушилъ бы и сшибъ бы меня съ сѣдла, если бы не защитила мою голову *мягкая*, *мѣховая* шапочка, заставившая пику соскользнуть.

Затѣмъ, къ шапкѣ необходима цѣпочка, которая и удерживала бы шапку на головѣ и отводила бы при случаѣ сабельный ударъ,—мало ли было при-

мѣровъ, того что какой-нибудь образокъ или крестикъ отводили удары и спасали отъ смерти. Наконецъ, пусть только подведутъ счетъ фуражкамъ, растеряннымъ въ походѣ, тогда увидятъ, что дать мягкій, крѣпко сидящій и придерживаемый цѣпочкой головной уборъ—необходимо.

Сапоги должны быть не очень высокіе, до колѣнъ, и, по возможности, безъ складокъ, т.-е. безъ искусственныхъ, такъ какъ въ нихъ набивается всегда масса грязи.

Шпоры, одно изъ наказаній не только для лошадей, но и для людей, въ походѣ обыкновенно снимаются—конечно, объ нихъ не горюютъ—хлыстъ или нагайка совершенно достаточны. Если ужъ вообще быть шпорамъ, то конечно на ремняхъ, а не на винтахъ, что теперь впрочемъ и введено.

Больше же всего я настаиваю на томъ, чтобы солдаты имѣли на зиму полушубки и теплыя рукавицы, имѣли не контрабандно, какъ теперь, а оффиціально—полушубокъ долженъ быть формою нашихъ солдатъ отъ ноября до марта.

Еще пѣхотинецъ скорѣе можетъ обойтись безъ него, потому что онъ ходитъ, грѣется, тогда какъ кавалеристъ не можетъ двинуться и въ походѣ при 30° холода мерзнетъ въ шинелишкѣ, буквально подбитой вѣтромъ.

И теперь хорошіе начальники, жалѣя людей, заводятъ полушубки на экономическія суммы, если таковые есть, но все это дѣлается негласно, какъ

я сказалъ, контрабандою отъ начальства, которое пришло бы въ ужасъ, если бы полкъ былъ выведенъ зимою на смотръ въ полушубкахъ даже подъ шинелями. Можно только представить себѣ, что было бы, если бы нашелся такой дерзкій полковой командиръ,—какъ онъ скандализировалъ бы начальство: «Почему люди такъ толсты, неуклюжи? Шинели долой.—О, ужасъ!»

Шинели, конечно, должны остаться на остальное время, но зимою пусть будетъ форменный полушубокъ, длинный, до колѣнъ, какъ обыкновенный русскій или, короткій, закрывающій лишь животъ, какъ у румынъ,

Крестьянинъ нашъ почти цѣлый годъ носитъ полушубокъ, онъ снимаетъ его только на три лѣтнихъ мѣсяца, а солдатъ--тотъ же крестьянинъ—никогда его не носитъ: невольно спрашивается: почему?

Подъ шинелью полушубокъ, дѣйствительно, былъ бы неуклюжъ, но, вмѣсто сюртука, перетянутый, онъ можетъ быть очень представителенъ; и говорить нечего, что это была бы чисто - русская форма, не «европейская».

Достаточно видѣть какой - нибудь смотръ зимою, чтобы замѣтить, съ какимъ состраданіемъ относится народъ къ шинелишкамъ солдатъ. Три или пять тысячъ солдатъ стоятъ во фронтѣ, хоть при 10° мороза, въ шиняхъ, т.-е. въ легкой суконной одеждѣ; толпа, тоже въ нѣсколько тысячъ, смотритъ на нихъ, вся одѣтая въ мѣхъ. Если эти послѣдніе такъ одѣты изъ боязни простуды, то почему же простуда не

страшна для первыхъ? Не надобно забывать, что солдатамъ сплошь и рядомъ приходится въ походѣ проводить ночи на морозѣ—тутъ ужъ полушубокъ и теплыя рукавицы положительно необходимы, потому что отдыхать на снѣгу, часто при вѣтрѣ, снѣжномъ вихрѣ, въ шинели—чистое мученье.

Помню, что при переходѣ черезъ Балканы я пробовалъ ночью забываться сномъ, около костра, въ полушубкѣ, подъ буркою и одѣяломъ — не тутъ-то было—почувствовавши, что начинаю, просто-на-просто, коченѣть, я всталъ, присѣлъ къ огню и, закуря сигару, дожидался часа выступленія. Каково было въ эту ночь солдатамъ въ легкихъ шинеляхъ и что было бы съ отрядомъ, еслибы случился вихрь или еслибы вообще Скобелевъ и Куропаткинъ были менѣе заботливы, не запасли бы набрюшниковъ, просаленныхъ портянокъ и т. п.?

Кто не знаетъ, не слышалъ о Шипкинскомъ сидѣньѣ—что было бы тамъ съ солдатами безъ полушубковъ, не признаваемыхъ начальствомъ, но, по его же просьбѣ, доставленныхъ туда сердобольными людьми со всей Россіи?

Говорятъ, что въ полушубкахъ солдатъ вшивѣетъ, но во-первыхъ, это послѣднее зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ заведенной въ части опрятности а во-вторыхъ,—въ крайнемъ случаѣ лучше имѣть врагомъ вошку, чѣмъ морозъ.

Пока полушубокъ не получитъ права гражданства въ нашихъ войскахъ, будетъ какою-то непризнан-

ною, побочною частью туалета, онъ всегда, въ случаѣ надобности, не будетъ поспѣвать во-время, будетъ доставляться въ апрѣлѣ, вмѣсто октября, какъ то было съ войсками, переходившими Балканы по поясъ въ снѣгу, при морозахъ и вихряхъ въ холодныхъ шинеляхъ... «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

Офицеры, конечно, тоже не прочь были бы отъ полушубка, который, грѣя болѣе, не былъ бы тяжелѣе: офицерское теплое пальто изъ штиглицкаго драпа вѣситъ вѣдь отъ 25 до 30 фунтовъ—тяжеленько въ немъ дѣйствовать!

Солдатское сукно плохое, на дождѣ намокнетъ, отъ вѣтра не защищаетъ--онъ пронизываетъ его; на морозѣ оно никуда негодится!

Вспомнить, наприм., кампанію 1812 года: сколько приходилось солдатамъ ночевать въ лѣсахъ, въ снѣгахъ—мыслимо ли это безъ полушубковъ?

Теперь, съ обращеніемъ большей части регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ въ драгунскіе, надобно помнить, что назначеніе драгуна не то, что казака или гусара—гдѣ-нибудь ударить во флангъ—ему нужно пробраться незамѣтно между городомъ и крѣпостью, крѣпостью и фортами, ночуя въ случаѣ нужды въ лѣсу, въ степи безъ огней—мыслимо ли все это зимою, безъ форменныхъ полушубковъ?

Съ другой стороны, въ провинціи лошади стоятъ въ небольшихъ конюшняхъ, по 2—3 лошади въ каждой, такъ что примѣрно, на каждыя 3 конюшни нуженъ конюхъ, который не можетъ быть такъ одѣтъ,

какъ въ казармѣ. Вообще люди тамъ цѣлый день на дворѣ или въ сквозномъ сараѣ—возможно ли имъ быть въ холодныхъ шинеляхъ?

А необходимость работать зимою безъ теплыхъ рукавицъ?—хоть теплыя варежки должны быть при формѣ. Взглянуть на чухонца или на нашего крестьянина, почему онъ не боится мороза?—потому, что онъ хорошо защищенъ отъ мороза, и морозъ ему нипочемъ.

Лошадей слѣдуетъ также лучше покрыть, хоть попону сдѣлать больше. Въ послѣднiй турецкiй походъ лошади сильно простуживались, потому что вовсе не имѣли закрытiя—люди снимали попоны и клали себѣ на ноги, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣться.

Словомъ, еще разъ: *необходимо ввести въ войскахъ зимнее платье, т.-е. полушубки; въ кавалерiи нужда въ этомъ еще настоятельнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ.*

* *
*

Вопросъ о казармахъ и бивуакахъ очень важенъ. Огромныя казармы, на которыя теперь мода, врядъ ли такъ необходимы, какъ то думаютъ.

Во-первыхъ, онѣ страшно дорого стоятъ: каменная казарма на полкъ не можетъ обойтись менѣе полумиллiона и между ними и грошовыми деревенскими хатами и сараями можно взять среднее: выстроить небольшiя эскадронныя казармы, болѣе удобныя не только въ строевомъ, но и въ гигiеническомъ отношенiи.

Въ образцовой 4-й кавалерiйской дивизiи Стру-

кова были сдѣланы опыты постройки такихъ казармъ хозяйственнымъ способомъ, въ помѣщичьемъ имѣніи: онѣ деревянныя, бревенчатыя и обходились каждая въ 8.000 съ небольшимъ; значитъ, постройка такихъ казармъ на цѣлый полкъ будетъ стоить 50—60.000 р.,—сумма далекая отъ полумилліона! Большихъ каменныхъ казармъ и молодые солдаты не долюбливаютъ послѣ деревни; небольшая постройка, конечно, менѣе тоскливa, менѣе отдѣляетъ людей отъ существенныхъ элементовъ деревенской и боевой жизни—воздуха, степи, лѣса.

Не только люди, но и лошади, привыкшія къ жизни большой казармы, мало способны къ бивуачной жизни зимою, а непривычка къ зимнему бивуаку вредно отзывается на всей кампаніи: люди не умѣютъ ни постели себѣ приспособить въ снѣгу, ни вбить коновязи, не умѣютъ ни лошадь отъ мороза укрыть, ни сами оборониться—поморозятся, полѣзутъ отогрѣваться къ огню—и пропали.

* * *

Маневры необходимо производить болѣе серьезно, не по заученной программѣ, а на страхъ и рискъ начальниковъ; не лѣтомъ только, а непремѣнно также зимою.

Всѣ понятія и знанія не только солдатъ, но и начальства переворачиваются, когда приходится зимою примѣнять опытъ, добытый лѣтомъ; сказать прямо: и солдаты и офицеры часто теряютъ голову въ этихъ случаяхъ.

Сдѣлать переходъ по глубокому снѣгу, заночевать на морозѣ, въ лѣсу, въ дебряхъ, не поморозивъ ни людей, ни лошадей, кажется въ мирное время для маневрирующихъ полковъ какою то далекою и необыкновенною случайностью, тогда какъ это обыденно и неизбѣжно въ военное время.

Необходимы частыя поѣздки на возможно большія дистанціи—поѣздки хоть и не всегда тактическія, но толковыя и практичныя. Не слѣдуетъ брезгать переправою черезъ ручьи и рѣчки, что обыкновенно не нравится и офицерамъ, и солдатамъ.

Нужно бесѣдовать офицерамъ съ людьми, развивать ихъ: необходимо какъ можно чаще въ положенные часы читать избранныя сочиненія; надобно поощрять наградами тѣхъ офицеровъ, которые охотно и старательно исполняютъ это.

Въ концѣ концовъ, можно сказать: *необходимо, чтобы солдатъ нашъ, съ одной стороны возможно развился нравственно и физически, съ другой—сбросилъ бы съ себя иностранную форму, которую онъ еще имѣетъ, и, одѣтый въ полушубокъ съ теплыми рукавицами и носками, наловчился бы во всѣхъ маневрахъ, изворотахъ и движеніяхъ зимою:* зимою ему придется сводить окончательные счеты съ непріятелями Россіи; зима его не разъ уже выручала: пусть не стыдятся того, что зима у насъ длиннѣе лѣта—она и впредь не дастъ насъ въ обиду.

В. В. Верещагинъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

8

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Vereščagin, Vasilij Vasilʹevič,

Na vojně v Azii i Evropě

Moskva 1898

H.as. 4622 o
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11864478-1